

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ РОССИЙСКОГО
ЛИБЕРАЛИЗМА СЕРЕДИНЫ XVIII –
НАЧАЛА XX вв.**

«XII МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Материалы
Международной научной конференции
9-10 октября 2020 г., г. Орёл

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора Д.В. Аронова

Орёл
ОГУ имени И.С. Тургенева
2020

УДК 9

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

О 284

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор

Кара-Мурза А.А.,

доктор исторических наук, профессор

Журавлев В.В.

О 284 **Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв.** / материалы Международной научной конференции. 9-10 октября 2020 г. г. Орёл, / Под общей редакцией д-ра ист. наук, проф. Д.В. Аронова. Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2020. 344 с.

ISBN 978-5-9929-0911-1

В настоящий сборник вошли материалы «Муромцевских чтений», прошедших в 2020 г. в г. Орле. Они представляют результаты изучения столь знаковой для либерализма как политического течения и мировоззрения, а равно истории его изучения темы, как общественно-политическая мысль российского либерализма во всём многообразии развития с середины XVIII и вплоть до начала XX в.

Представленные в сборнике статьи также посвящены ряду традиционных направлений работы «Муромцевских чтений» – истории либеральных партий и движений, персональной истории российского либерализма, различным аспектам парламентского периода его истории, ряд статей показывают генезис либерального мировоззрения в современных политических практиках России и её европейских соседей.

Предназначен для всех интересующихся проблемами истории российского либерализма.

«Материалы конференции подготовлены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-09-20032»

УДК 9

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

ISBN 978-5-9929-0911-1

© ОГУ имени И.С. Тургенева, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Шелохаев	Предисловие	6
В.В. Журавлев	Фундаментальное издание «Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века» как важный этап в изучении истории либеральной политической мысли.	9
А.Н. Медушевский	Идея всемирной конституции: от истоков к современным проектам осуществления	13
К.А. Соловьев	Республиканская идея в 1917 г.	37
В.В. Вострикова	Дискуссия о форме правления в либеральной общественной мысли второй половины XIX – начала XX вв.	46
А. Босяцки	В противовес царю. Польский классический либерализм в польской политической мысли в первой половине XIX в. в т.н. Королевстве Польском	60
А.А. Сорокин	Вопрос о реформе волостного управления в либеральной мысли на рубеже XIX–XX вв.	72
В.В. Соколов	Свобода печати в законодательных актах Временного правительства – от либерального законотворчества к практике государственного управления: идеи и решения	78
П.А. Калугин, Е.К. Золотухина	Свобода собраний и союзов в думском либеральном законотворчестве и законодательстве Временного правительства – опыт сравнительного анализа	88
А.П. Солова	Функционирование системы цензурного контроля в условиях политического кризиса 1905 г.	98
А.И. Нарезный	Ассимиляционный потенциал русского народа в отечественной либеральной мысли середины XIX в.	107

Н.В. Дмитриева	«Вы, господа, являетесь нашими единственными надежными друзьями в России»: оппозиционные движения на окраинах российской империи и русский либерализм в 1905 г.	115
Д.С. Лавринович	Деятельность «белорусского общества» как либеральная версия белорусского национального движения начала XX в.	125
И.В. Сабенникова	Современные тенденции изучения русского зарубежья	137
А.А. Кара-Мурза	К истокам отечественного либерализма: философия истории Николая Ивановича Тургенева	148
В.А. Демин	Взгляды Б.Н. Чичерина на представительную власть в 1890-е гг. и их отражение в политическом развитии России начала XX в.	157
Ф.А. Гайда	Либеральные аспекты идеологии П.А. Столыпина	167
Н.Б. Хайлова	Проблема заимствования зарубежного опыта в речах «перводумца» М.М. Ковалевского	173
О.В. Волобуев	Депутат Первой Государственной Думы	181
Д.М. Усманова	Взаимоотношения мусульманских депутатов и представителей либеральных фракций в государственной думе III и IV созывов (1907–1914) в контексте внешнеполитических приоритетов и интересов российских мусульман	192
О.Л. Протасова	Политические соседи: межпартийное и парламентское взаимодействие кадетов, трудовиков и народных социалистов	202
О.А. Харусь	Модель правового государства в трудах И.В. Михайловского: традиции и новации в	211

общественно-политической мысли
 российского либерализма

Е.Д. Неверов	Интервью Георгия Константиновича Гинса как источник по истории Февральской революции и Временного правительства	219
А.Н. Егоров	Взгляды А.В. Карташева на взаимоотношения государства и православной российской церкви в условиях революционных потрясений 1917 г.	228
А.В. Антощенко	О центристской позиции А.В. Карташева в начале 1920-х гг.	238
Д.В. Аронов	Либеральная модель социального конструирования в наследии С.И. Гессена	246
С.В. Беспалов	Аграрный вопрос в риторике лидеров российской либеральной оппозиции в 1905 – 1910 гг.	255
Д.В. Маслов	Социально-экономические реформы в годы горбачевской «перестройки» как опыт адаптации советского человека к либеральным ценностям	264
К.И. Шнейдер	Аксиология раннего русского либерализма в официальном политическом дискурсе современной России	287
А.Д. Гронский	Отношение российских либеральных партий к протестам в Белоруссии в августе – начале сентября 2020 г.	304
V. Gaziński	Grassroot liberal attitudes under the autocratic pressure. Kaliningrad oblast seen from a broad historical perspective: military bastion or place of baltic region cooperation?	314
Б. Газински	Либеральное отношение под авторитарным давлением. Калининградская область в широкой исторической перспективе: военный бастион или место сотрудничества балтийского региона?	328

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередная Международная научно-практическая конференция – XII Муромцевские чтения – посвящена проблемам генезиса, формирования и эволюции либеральной мысли в России, начиная с середины XVIII в. до первой трети XX в. В этих широких хронологических рамках либеральная мысль в России совершила «гигантскую пробежку» от рецепции отдельных либеральных западноевропейских идей, воспринятых инициативным меньшинством, и до завершения формирования собственной национальной либеральной модели переустройства России в начале XX в. Такой расширительный хронологический подход позволил инициаторам научно-практической конференции привлечь к участию в ней достаточно широкий круг исследователей как собственно истории российской общественной мысли, так и общественного либерального движения. Следует подчеркнуть, что за последние три десятилетия отечественными историками, философами и политологами проделана огромная работа в разработке общетеоретических и методологических проблем истории отечественной общественной мысли как целого и либеральной мысли, в частности. В эти годы изданы фундаментальные документальные публикации, монографические исследования, проведены Международные и Всероссийские научные конференции.

В этом году вышло в свет четырехтомное исследование «Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века», представление которого состоялось в рамках специального «Круглого стола» на данной конференции.

С формальной точки зрения, казалось бы, что данная проблема уже исследована досконально, однако, каждый следующий виток подлинно научного поиска выдвигает все новые проблемы, постановка и решение которых требуют и новых подходов, и одновременно поиска и введения в научный оборот новых источников. Особенность данной научно-практической конференции как раз и заключается в том, что ее инициаторы предложили творческий комбинированный подход к рассмотрению многомерной проблематики российской общественной либеральной мысли, что уже само по себе позволило привлечь к участию в ней как известных исследователей, так и начинающий ученых, а также студентов гуманитарного профиля.

Что касается содержания докладов и сообщений, заслушанных в ходе работы конференции и опубликованных в данном сборнике, то обращу внимание читателя на следующие моменты.

Во-первых, особенностью данной научно-практической конференции является не только внимание ее участников к теоретическим и методологическим проблемам генезиса, формирования и эволюции либеральной общественной мысли, но и проблемам ее выхода на современный практический уровень. Такой подход позволяет осмыслить эволюцию либеральной общественной мысли во взаимосвязи с протеканием процессов в социально-экономической, национальной, конфессиональной и культурной сферах. Вместе с тем, крайне важно разобраться с употреблением термина «либерализм», который, к сожалению, при характеристике современных квази превращенных его форм, коренным образом меняет смысл подлинного либерализма.

Во-вторых, участники конференции большое внимание уделили именно дискуссионным проблемам, которые, так или иначе, в той или иной степени, нашли свое отражение в публикуемых докладах и сообщениях. В данном случае речь идет о продолжающей оставаться дискуссионной проблеме заимствования западноевропейских идей, о выявлении различий между, образно говоря, «историческим» российским либерализмом и «практическим» современным либерализмом. Если первая проблема уже давно является предметом научной дискуссии и получила отражение в ряде исследований, то вторая проблема еще исследователями в должной мере не поставлена, а суждения о ней носят сугубо идеологический и политический характер. Постановка второй проблемы крайне важна для современной России, где еще далеко не завершился процесс формирования национальной идеологии. К сожалению, ни в теоретическом, ни в прикладном планах проблема современного российского либерализма еще далеко не прояснена. До сих пор представляются «расплывчатыми» как само понятие «современный российский либерализм», та и формы и методы его практической реализации.

В-третьих, участники конференции большое внимание уделили проблемам периодизации истории либеральной общественной мысли, которая, как известно, прошла в своем развитии ряд этапов. Причем, эти этапы, с одной стороны, были логически увязаны с проблемами эволюции российской общественной мысли и общественного движения как целого, с другой – с этапами социально-экономического развития России, а также – с процессами достаточно медленной трансформации сословного общества в гражданское общество. Особенности исторического развития России (прежде всего, особой роли инициативного интеллектуального меньшинства) обусловили довольно быструю «пробежку» стадий эволюции российского либерализма. Представляется весьма акту-

альным проследить процесс появления «нового» на каждом последующем витке эволюции российского либерализма, а также «увязать» это новое со всей совокупностью объективных и субъективных факторов. Используя сравнительный метод, важно выявить общее и особенное между российским и западноевропейскими либерализмами (английским, французским, немецким), тем более, что современные исследования это позволяют сделать.

В-четвертых, помимо проблем общетеоретического и методологического характера участники конференции большое внимание уделили анализу различных либеральных моделей преобразования России, что позволило представить российскую либеральную мысль как многослойное становящееся историческое явление. Важными ускоряющими факторами эволюции либеральной общественной мысли являлось наличие конкурентной среды в лице социалистических и консервативных партий, а также массовых революционных движений, которые в своей совокупности выступали в роли стимуляторов эволюции либеральной теории и либеральной практики. В логике постановки проблемы в докладах и сообщениях участников конференции рассмотрены различные направления в либеральной общественной мысли, которые получили организационное оформление, как в виде либеральных политических партий, так и либеральных общественных организаций.

Представляется, что публикуемые в данном сборнике материалы научно-практической конференции послужат стимулом для дальнейшего изучения истории российского либерализма.

В.В. Шелохаев¹

¹ Шелохаев Валентин Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра «История России в XIX-начале XX в.» Института российской истории РАН.

**ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ «ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ РОССИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА»
КАК ВАЖНЫЙ ЭТАП В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ
ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ²**

Весной 2020 г. в разгар «вселенского сидения» – карантина по поводу коронавируса вышло в свет фундаментальное 4-томное издание «Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века», поддержанное вначале исследовательским, а затем и издательским грантом Российского фонда фундаментальных исследований. Оно стало итогом долговременной работы большого коллектива специалистов. Обязанности руководителя 4-х томного проекта в целом выпали на долю автора настоящей статьи.

Этапами данной работы, не имеющей прецедентов в отечественной и мировой науке, стал предварительный выпуск пяти энциклопедий, посвященных общественной мысли России³, а также подготовленной на современном, академическом археографическом уровне 119-томной Библиотеки отечественной общественной мысли (БООМ)⁴. Промежуточные итоги исследовательского поиска были обсуждены на весьма представительной международной конференции еще в октябре 2010 г. с участием, помимо отечественных ученых, исследователей из Франции, Германии, США, Израиля⁵.

¹ *Журавлев Валерий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории.*

² Проекты РФФИ: № 17-01-00237-ОГН; № 20-19-00068. Руководитель проектов В.В. Журавлев.

³ *Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2005; Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2009; Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010; Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010; Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2013.*

⁴ Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века: в 119 т. М.: РОССПЭН, 2010 (БООМ).

⁵ *Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28-29 октября 2010 г. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2011.*

Концепция издания построена на выделении в рамках каждого крупного этапа в жизни России тех проблем, которые больше всего волновали общество, были в центре его внимания и оказывали наиболее значимое воздействие на государственную политику и социальную практику.

Первый том упомянутого издания посвящен становлению общественной мысли страны до XVII в. включительно¹. Среди вопросов, которые более всего интересовали древнерусский социум от зарождения государственности и вплоть до «века устроения», каким отмечена жизнедеятельность столетия, следовавшего за преодолением Смуты, выделяются такие, как: человек и власть, легитимность светского правителя, взаимоотношения светской и духовной властей в рамках формирования государственной идеологии. Важной новацией исследования следует признать обращение авторов к проблемам социальной экологии, а именно, представлениям человека Древней Руси о том, как устроен мир, в котором он жил, и как он осознавал свое место в этом мире.

Мощные и устойчивые среди русских людей мессианские настроения, резюмируют авторы, оправдывали любую, даже самую высокую цену, которую народу веками приходилось платить за защиту Отечества. Так, идея патриотизма в ее изначальных проявлениях и модификациях, зародившись в Древней Руси, проходит красной нитью через все века российской истории, раскрывая нам, в итоге, самые глубинные корни самоотверженности народа-победителя в Великой Отечественной войне.

Второй том анализирует искомые проблемы в хронологических рамках XVIII – первой четверти XIX в.² Среди вопросов, более всего волновавших тогда общественность, анализируются народные представления о власти, правовая мысль, личностное начало в трактовке общественной мысли, а также проблемы науки – знания – образования. В плане становления категориального языка изучаемого времени подробно анализируются такие дискуссионные проблемы как вопросы зарождения в России того, что можно назвать обществом и зачаточных признаков гражданского общества.

¹ Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX в.: в 4 т. Т. 1: Становление общественной мысли допетровской Руси / отв. ред. И.Н. Данилевский. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

² Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX в.: в 4 т. Т. 2: Общественная мысль России XVIII – первой четверти XIX / отв. ред. А.Б. Каменский. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

Третий том посвящен переломному этапу в истории страны – второй четверти XIX – началу XX столетия¹. Многоукладная («мир миров») Русь-Россия в преддверии великих потрясений и испытаний, отмечается в том, продуцировала крайние формы противостояния внутри мыслящей части общества, что сказалось и на конфликтной трактовке проблем исподволь формирующегося в стране гражданского общества. А именно: прав и свобод человека, задач представительной власти, таких дихотомий, как «империя или нация», «монархия или республика», а также альтернативы «революции или реформы». В обстановке развернувшейся в стране с 1902 г. «великой крестьянской революции» (по оценке выдающегося историка-аграрника В.П. Данилова) особую остроту получили дискуссии по проблемам собственности (частной, коллективной, государственной, публичной).

Четвертый том содержит анализ общественной мысли Русского Зарубежья². Ее представителей в первую очередь волновали такие сюжеты, как историческое предназначение России, русская ментальность и духовность, будущее России и пути ее возрождения. Специальному анализу подверглись извечные проблемы национального самосознания: народ и власть, личность – государство – общество, религия и церковь и их роль в становлении и эволюции российской цивилизации. Все это нашло отражение в отдельных главах исследования. Выявлены также итоговые суждения по вопросу «Россия и Запад» как «яблоку раздора» в отечественных дискуссиях на протяжении веков. Показано, какую сложную эволюцию претерпели представления мыслителей Зарубежья в истолковании сущности самодержавия, большевистской власти и советского строя. Реалии Великой российской революции 1917 г. и ее последствий определили особый интерес эмигрантов-интеллектуалов к проблеме реформ и революций как исторически обусловленного социального явления. Специальная глава 4-го тома «СССР и его роль в борьбе с фашизмом» в оценке представителей Русского зарубежья подготовлена профессором Д.В. Масловым³.

Тенденции развития общественной мысли страны на протяжении веков предопределили – путем сложнейшего и многоаспектного естественного отбора – ту парадигму мировоззренческих ценностей и нрав-

¹ Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX в.: в 4 т. Т. 3.: Общественная мысль России второй четверти XIX – начала XX в. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

² Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX в.: в 4 т. Т. 4.: Общественная мысль Русского зарубежья / отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

³ Там же. С. 399-465.

ственных устоев, которые послужили строительным материалом формирования российской ментальности.

Фактически полное игнорирование в советское время вклада Русского зарубежья в общественную мысль страны сегодня подчас оборачивается его апологетикой. Между тем, составляя мощный интеллектуальный пласт в целом, общественно-политическое наследие отечественной эмиграции в своих индивидуальных проявлениях выявляет черты неоднозначности и противоречивости. Что делало возможным уже для самих критически настроенных деятелей Зарубежья, таких как Нина Николаевна Берберова, рассматривать эмиграцию одновременно в «ее славе, убожестве и уродстве»¹. Истоки всего этого следует искать, прежде всего, в том, что, даже оказавшись за рубежом, представители общественной мысли продолжали воспроизводить практически всю гамму конфронтационных общественно-политических представлений остро конфликтного в своих основах российского общества конца XIX – начала XX вв., далеко не случайно пришедшего к революционным потрясениям, завершившимся полномасштабной Гражданской войной. В полной мере это проявляется и в отклике отдельных представителей эмиграции на события Великой Отечественной и Второй мировой войны в целом.

¹ Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 198.

ИДЕЯ ВСЕМИРНОЙ КОНСТИТУЦИИ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННЫМ ПРОЕКТАМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ²

Введение. Глобальный (или всемирный) конституционализм – есть одновременно правовая теория, идеология, область исследований и политических практик, направленных на универсализацию, унификацию и преобразование правовых норм с целью создания нового мирового правового порядка, предположительно – более справедливого, гомогенного и предсказуемого³.

Идеи глобального конституционализма (и связанного с ними представления о возможности создания всемирного государства) восходят к древности (Римской республике), получили четкое обоснование в философии И. Канта, периодически воспроизводились на переломных этапах истории (в эпоху Американской, Французской и Русской революций). В современной интерпретации эта концепция воспроизводится в начале XX в. (идея Соединенных Штатов Европы и, как ее антитеза – СССР), представлена в международных институтах, созданных по окончании двух мировых войн – Лиге Наций и ООН, однако реальная политическая важность этой теории стала гораздо более очевидна только с окончанием Холодной войны – крушения СССР и создания ЕС в 1991 г., которое интерпретировалось многими экспертами как главное достижение этой теории, образец ее практического применения и превалирующая дорожная карта для будущей глобальной трансформации международного права, конституционализма и управления.

Конфликт интеграционных и дезинтеграционных тенденций глобального правового развития делает идею глобального конституционализма предметом острых споров. В центре внимания остается нерешенный вопрос – описывает глобальный конституционализм *сущее* – реальную ситуацию (исходя из предположения, что глобальная конституция

¹ Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (факультет социальных наук).

² Статья подготовлена в ходе/в результате проведения исследования/работы (№ проекта 20-01-006) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2020 – 2021 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

³ Медушевский А.Н. Глобальный конституционализм как правовая теория и идеология переустройства мирового порядка // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 1 (134). С. 15-42.

уже существует); *возможное* – процесс движения к ней (выражаемый понятием «конституционализации международного права») или *должное* – совокупность ценностей, принципов и норм, которые в перспективе (возможно, отдаленной) должны стать общей основой глобальной конституции и/или глобального государства. Каким образом либеральная модель переустройства общества соотносит с этой идеей свою теорию, стратегию и тактику?

1. Обращение к идеалу транснационального правового регулирования в европейской и российской правовой мысли

В новое и новейшее время концепция транснационального характера принципов правового государства и конституционного права отстаивалась на Западе между двумя мировыми войнами XX в. преимущественно юристами-международниками, как Х. Кельзен и А. Фердросс. Но она имеет длительную традицию обсуждения в литературе по философии права и сравнительному правоведению, где вращалась вокруг идеи И.Канта о создании всемирного государства в виде федерации наиболее могущественных держав, положенной, как полагают некоторые, в основу создания важнейших международных организаций – Лиги Наций и позднее ООН. Однако идея всемирной конституции как воплощения суверенитета единого мирового государства (которым до недавнего времени некоторые потенциально считали США) рассматривается сегодня как интересная, но неосуществимая гипотеза. Она оценивается даже как опасная утопия, требующая для своего практического воплощения создания всемирного государства, причем не обязательно основанного на принципах либерального конституционализма. Ей противопоставляется, поэтому, идея региональных международных объединений (наподобие ЕС), способных добиться правовой и конституционной интеграции, превалирующей над национальными границами государств и закладывающей, тем самым, промежуточный уровень интеграционных процессов – между традиционной конституцией суверенных государств и всемирной конституцией будущего.

Важной частью этой интеллектуальной традиции является классика русской общественной и правовой мысли. Вся русская мысль XIX – начала XX вв. наполнена поиском цельного восприятия мира, суть которого состоит в том, что основные нравственные проблемы человечества не могут быть решены на уровне отдельных государств или наций, даже отдельных исторических периодов или культур, но предполагают их глобальную интеграцию в новых правовых формах. Этим объясняется интерес русских мыслителей к философским построениям метафизического характера (наподобие идеи Всеединства и утопической теократии

В.С. Соловьева, философии космизма К.Э. Циолковского или теории биосферы В.И. Вернадского), выяснению логики смены глобальных цивилизаций и культурных типов с их правовыми формами (Н.Я. Данилевский), представлениям о соотношении права и справедливости в анархических и космополитических учениях о нравственном самоусовершенствовании Л.Н. Толстого или взаимопомощи как факторе социальной эволюции (П.А. Кропоткина), утопических марксистских концепциях всемирного государства как результата коммунистической революции или теории цикличности глобального экономического и социального развития (Н.Д. Кондратьев и П.А. Сорокин), наконец, проектах создания всеобщей организационной науки – тектологии (А.А. Богданов). Вообще технологические и социальные утопии, в изобилии появлявшиеся в СССР начального периода его существования, основывались на представлении о создании в перспективе единого государства на Планете Земля, призванного осуществлять научное управление природой и обществом, планировать их развитие и расширять сферу влияния человечества в Космосе. В этой логике советская модель политической организации и номинального права проектировалась как своеобразная конституция Всемирного государства будущего.

Русскому либерализму, не разделявшему утопических доктрин коммунизма, анархизма или синдикализма, в дискуссии о глобальном конституционализме принадлежит важнейшее место. Особое значение имеет та часть наследия русского либерализма, которая связана с выработкой представлений о возрождении естественного права как общего ориентира для человечества и обоснование общественного идеала вне национальных границ, начиная с создателя русской юридической школы А.Д. Градовского. «Не подлежит сомнению, – говорил он, – что идеализирование предполагает способность к *отвлечению* от существующего. Человек мысленно создает иной порядок, отвлекаясь от существующего, и переносится в будущее». Это не означает отказа от условий пространства и времени, но, скорее, предполагает конструирование реальности. «Речь, – продолжает он, – идет об *идеалах*, а не об *утопии*. Но, во всяком случае, идеал составляется путем абстракции; в нем обществу указывается неосуществленная еще цель и несуществующий еще порядок вещей, при котором эта цель может быть осуществлена. В сознании этой цели и этого порядка человек находит *точку опоры* для своего свободного и разумно-нравственного отношения к существующему общественному порядку»¹.

¹ Градовский А.Д. Значение идеала в общественной жизни // Вестник Европы. Избранное 1802-1881. М., 2002. С. 527.

Видя смысл общественного идеала в нравственном возрождении общества, русские либеральные мыслители считали оптимальной моделью его организации правовое государство (причем, вне непосредственной связи с формой правления), – такую систему конституционного правления, которая обеспечивает гарантируемый обществом «минимум нравственности» – баланс внутренней свободы личности и ее внешних ограничений, налагаемых государством. Без поддержания этого баланса, – считали они, – никакое изменение внешних условий развития общества не может дать долговременного позитивного эффекта. Труды Б.Н. Чичерина, В.С. Соловьева, Л.И. Петражицкого и П.И. Новгородцева чрезвычайно последовательны в отстаивании идеала глобального правового строя как общего выражения политических прав индивида и, позднее, права на достойное существование. Наиболее полно этот идеал обоснован Новгородцевым, противопоставившим его ложным идеалам своего времени – поднимающимся тоталитарным идеологиям марксистской и фашистской направленности, а преодоление всемирной угрозы большевизма усматривавшим в создании (при интернациональной поддержке) авторитарной власти, способной восстановить правовой порядок путем созыва Конституанты – Учредительного собрания¹. Эти подходы были дополнены воззрениями русских компаративистов, в канун революции чрезвычайно остро ощущавших хрупкость правового порядка и искавших инструменты его защиты от «восстания масс» – М.М. Ковалевского, В.М. Гессена и Б.А. Кистяковского, ставивших вопрос о специфике различных правовых традиций, транснациональных факторах правового развития и роли конституционализма как унифицирующего фактора, которому угрожает популизм, коллективизм и волюнтаризм массового сознания.

Параллельно в России получило развитие международное право с выраженным вниманием к тем его гуманитарным аспектам, которые ныне получили название наднационального, транснационального, или международного конституционного права. Отправной точкой обычно считают труды Ф.Ф. Мартенса², продолженные целой группой юристов, связывавших разработку международного права с теорией права и конституционными преобразованиями³. Предметом специальных исследований с позиций «синтетического понимания права» становился «меж-

¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 572-573.

² Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1882.

³ Горовцев А.М. Некоторые основные спорные вопросы учения о праве в связи с международным правом. СПб., 1917; Нольде Б.Э. Лига Народов и международный суд // Современные записки. Париж, 1920. № 1.

дународный федерализм» как универсальная теория и практика конструирования государственности¹. В книге С.А. Котляревского «Правовое государство и внешняя политика» находим завершение этих размышлений признанием значения глобального правового регулирования: «Тот, кто стремится утвердить господство права во внутренней жизни государств и тот, кто хочет изъять из оборота между народами в возможно большей степени насилие и кровопролитие, должны идти по одной дороге», поэтому конституционное государство выступает как такая организация власти, которая в наибольшей степени соответствует «мирному общению народов»². Подводя итоги Первой мировой войны, Версальской системы и первых шагов Лиги Наций, Котляревский констатировал «стремление к общей организации народов, выходящее за пределы отдельных государств и случайных исторических границ». Современная эпоха для него есть эпоха «интернациональных объединений», определяющим фактором которой становится поиск единства народов, необходимого «хотя бы в целях предупреждения тех катастроф, к которым пришла европейская история»³. Вывод, – вполне актуальный в условиях кризиса международного права, широкого признания неэффективности его организаций, а по мнению некоторых и полного их крушения на фоне начавшегося нового передела мира и глобальной пандемии коронавируса 2020.

Концепция глобального конституционализма, практически не развивавшаяся в эпоху Холодной войны, за последние четверть века превратилась в интегрирующее направление научных и общественно-политических дебатов, породив огромную интернациональную литературу о природе международного права и международного конституционного права⁴; соотношении международного и конституционного права⁵; направлениях их нового синтеза в рамках «транснационального консти-

¹ Ященко А.С. Международный федерализм. Идея юридической организации государства в политических учениях до конца XVIII века // Ученые записки Императорского Московского университета, юридического факультета. М., 1909. Вып. 32. Он же: Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912.

² Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. М., 1909. С. 426-428, 296.

³ Котляревский С.А. Австро-Венгрия в годы мировой войны. М., 1922. С. 110.

⁴ Kleinlein Th., Peters A. International Constitutional Law. Oxford: Oxford University Press, 2018.

⁵ См.: Fassbender B. The Meaning of International Constitutional Law // Tsagourias N. (ed.) Transnational Constitution Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 307-328.

туционализма»¹; конституционализации международного права², глобального управления³, роли в нем основных международных организаций⁴ и акторов⁵; перспективах реформирования международного и конституционного права в контексте интернациональной судебной практики⁶, а также возможных позитивных и негативных следствий этого в политическом контексте демократии, правового государства, авторитаризма и легитимности институтов формирующегося мирового порядка.

2. Центры исследования глобального конституционализма и актуальные направления его анализа

Одним из трендов в изучении глобального конституционализма следует признать диверсификацию направлений и институционализацию исследовательских центров. Современные центры изучения глобального конституционализма находятся почти исключительно в США (где их появление связывается с восходящими к революции мессианскими идеями прав человека и стремлением к их распространению в мире), Соединенном Королевстве (где остро ощущается проблема конституционной идентичности) и Германии (философская традиция которой позволяет говорить об особых «германских корнях глобального конституционализма»)⁷.

В университетах США действует ряд программ, традиционно ориентированных на судебную практику: международная программа *Школы права Йельского университета* – Yale Global Constitutional Seminar, начатая в 1996 г., которая с 2011 г. стала частью *Программы по глобальному правосудию и правам женщин Йельской школы права* (Gruber Program for Global Justice and Women’s Rights at the Yale Law School)⁸. На основе семинара подготовлена серия электронных изданий по данной

¹ Tsagourias N. (ed.). *Transnational Constitutionalism: International and European Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

² Klabbers J., Peters A., Ulfstein G. (eds.). *The Constitutionalization of International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2009.

³ Benvenisti E. *Law of Global Governance*. The Hague: Hague Academy of International Law, 2014.

⁴ Bhandari S. *Global Constitutionalism and the Path of International Law: Transformation of Law and State in the Globalized World*. Leiden, Boston, Brill: Nijhoff, 2016.

⁵ *Actors in the Age of Global Constitutionalism*. Paris: Societe de legislation compare, 2014.

⁶ Медушевский А.Н. Глобальный конституционализм: прецедент в транснациональной правовой коммуникации // Закон. 2020, № 1. С. 98-108.

⁷ См.: *Precursors to International Constitutionalism: the Development of the German Constitutional Approach to International Law* // *Goettingen Journal of International Law*. 2012. Vol. 4. №. 2.

⁸ Yale Law School. *Global constitutionalism seminar*// Address: <https://law.yale.edu/centers-workshops/gruber-program-global-justice-and-womens-rights/global-constitutionalism-seminar/global-constitutionalism-2014-sources-law-and-rights>

проблематике, в частности – обзор изменений структуры источников права, связанных с глобализацией¹. Последний проведенный семинар посвящен теме глобального конституционного порядка (Global Constitutional Order: Yale Global Constitutionalism 2017), а в центре внимания оказались вопросы восстановления конституционных порядков в связи с их дестабилизацией в 2016-2017 гг. (Brexit) в форме ответа конституционных судов на вызовы международному и национальному праву, связанные с отрицанием странами международных обязательств. В *университете Теннесси* в рамках семинара по глобальному конституционализму предметом рассмотрения стал вопрос о влиянии глобализации на правовую компаративистику с целью специального определения тех областей, которые сохраняют определенный иммунитет от интеграционных процессов и тех, которые, напротив, в наибольшей мере затронуты ими, с упором на юриспруденцию Верховных судов ряда стран по таким темам как человеческое достоинство, национальная безопасность, разделение властей и отношения государства и церкви². В *Университете Мэриленда* в рамках его конституционного центра (Constitutional Law Schmooze) на международном симпозиуме вообще была выдвинута амбициозная задача создания всемирного «конституционного канона» – “Constructing the Global Constitutionalism Canon”³.

В Европе проблематика глобального конституционализма разрабатывается преимущественно в *Германии* (Wissenschaftszentrum Berlin / WZB), а также серии интернациональных проектов, посвященных вопросам конституционного процесса в глобальном правовом порядке с целью выяснения того, до какой степени глобальный конституционализм меняет международное право⁴ и соотношения глобального конституционализма и глобального управления, напр., проект – *Global Constitutionalism and Global Governance* (под руководством А. Петерс) с целью обоснования новых институтов, механизмов и принципов, которые могут

¹ Resnik J., Liman A. (eds). Sources of Law and of Rights. Yale: Yale Law School, 2014.

² Global constitutionalism. The University of Tennessee program // URL:: https://catalog.utk.edu/preview_course_nopop.php?catoid=15&coid=91576

³ University of Maryland. Francis King Karey School of Law. Eminent Scholars Discuss Global Constitutionalism at Constitutional Law Schmooze // URL:: https://www2.law.umaryland.edu/about/features/feature_details.html?feature=38

⁴ Taking Stock of Global Constitutionalism – To What Extent did it Really Change International Law? // A Workshop at the Annual Jus Commune Conference. Amsterdam, Aristo, 29 November 2018.

способствовать достижению целей конституционализма (нормативный анализ)¹.

За пределами Западной Европы проблематика глобального конституционализма представлена организацией – *Third World Approaches to International Law* (TWAAIL), которая подвергает критике западный правовой мейнстрим, говоря об «угрозе реколонизации» (threat of recolonisation), выступает за реформирование международного права и его институтов с позиций развивающихся стран (так называемого «Глобального Юга»), развивает специфические темы транспарентности и подотчетности международных институтов и транснациональных корпораций, включая использование языка прав для их защиты в экстра-территориальных правовых порядках и развития устойчивости и равенства².

В настоящее время наметилась тенденция к обобщению результатов этих исследований – создание баз данных по глобальному (или транснациональному) конституционализму³ и некоторых специальных ресурсов по отдельным его вопросам, напр., в рамках программ глобального управления здравоохранением (биоэтика)⁴. Определенный вклад вносят международные организации и инициативы, предлагающие альтернативные проекты глобального конституционализма по отдельным критически важным параметрам правозащитной деятельности – в области экологии, информационных прав и феминизма. Примером первой может служить Организация за справедливую окружающую среду – EJOLT (Environmental Justice Organization, Liabilities and Trade), в своих программных документах выдвигающая идею реконструкции международного права с позиций «глобального экологического конституционализма» (Reconstructing international law for environmental justice), считая возможным преодолеть мировой экологический кризис путем принятия космополитических ценностей, интернациональных экологических стандартов устойчивого развития, международного правосудия и управле-

¹ Global Constitutionalism and Global Governance // URL:: <http://www.mpil.de/de/pub/forschung/nach-rechtsgebieten/voelkerrecht/global-constitutionalism.cfm>

² Chimni B.S. *Third World Approaches to International Law: A Manifesto* // *International Community Law Review*. 2008. № 3. P. 3.

³ База данных о глобальном конституционализме: Goderis B., and Versteeg M. *The Transnational Origins of Constitutions. An Empirical Analysis* // URL:: <http://ssrn.com/abstract=1906707/Aug.8, 2011>

⁴ *Global Constitutionalism applied to Global Health Governance (2016)* / Международная база данных по вопросам биоэтики // URL:: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/27914471>

ния¹. Примером второй выступает движение за конституцию Интернета², связанное с принятием международных правил в этой области в качестве отправного пункта движения к глобальному обществу и даже отождествлением глобального конституционализма с цифрой³, напр., международный проект «Глобальный конституционализм и Интернет» (Global Constitutionalism and the Internet), направленный на переосмысление конституционных принципов, институтов и легитимности для формирующегося нового «дигитального общества»⁴. Примером третьего – *феминистический манифест глобального конституционализма*, формулирующий задачу радикального переустройства всей системы международного и конституционного права, как изначально сконструированных мужчинами и для мужчин, – с позиций отражения прав женщин и дискриминируемых меньшинств⁵.

Основным изданием, помимо общих, посвященных международному и европейскому праву, является журнал – *Global Constitutionalism*, издаваемый в Соединенном Королевстве Центром глобального конституционализма (*Center for Global Constitutionalism*) с 2012 г., где репрезентативно представлены западные подходы к данному явлению, но в последнее время обращается внимание и на конкурирующие (незападные) подходы⁶.

В современной России, где вообще глобальная и международно-правовая проблематика разрабатывается интенсивно, – специальных

¹ EJOLT (Environmental Justice Organization, Liabilities and Trade). Mapping Environmental Justice. Global Constitutionalism // URL: <http://www.ejolt.org/2015/09/global-constitutionalism/>

² Медушевский А.Н. Конституция Интернета: идея, проекты и перспективы // *Общественные науки и современность*, 2019. № 1. С. 71-86.

³ Viellechner L. Constitutionalism as a Cipher: On the Convergence of Constitutionalist and Pluralist Approaches to the Globalization of Law // *Göttingen Journal of International Law*, 2012. № 4. P. 599-623.

⁴ Global Constitutionalism and the Internet // URL: <http://www.hiig.de/en/research/global-constitutionalism-and-the-internet/>

⁵ O'Donoghue A. and Houghton R. A Manifesto for Feminist Global Constitutionalist Order (2018) // URL: <http://criticallegalthinking.com/2018/08/01/a-manifesto-for-feminist-global-constitutionalist-order/>

⁶ Темы конференции 2019 г. в Центре глобального конституционализма: соперничество глобальных норм; глобальное правосудие; транснациональная демократия; пост-колониальная критика глобального конституционализма; незападные подходы к глобальному конституционализму; влияние подъема популистских и националистических движений на глобальный конституционализм; глобальный конституционализм и культурное разнообразие; международные суды и современные вызовы международным судам; верховенство права в глобальной перспективе; современные вызовы демократии; легитимирующая роль судей в глобальном порядке // URL: <http://Globcon-journal@wzb.eu>

центров исследования глобального конституционализма нет, а эта тематика представлена только отдельными работами. В отечественной литературе проблематика глобального конституционализма до последнего времени специально практически не рассматривалась, а сам этот термин лишь недавно стал спорадически появляться в исследованиях юристов. В сводных трудах о соотношении международного и конституционного права раскрываются такие процессы как правовая глобализация, универсализация правовых норм, конституционализация международного права, а также вопросы соотношения национальных традиций и заимствований, однако преобладает в целом критическое отношение к идеям глобального конституционализма, поскольку «универсальная конституция», как считают многие, – «невозможна в принципе»¹. В других работах делается осторожная попытка ввести эту проблематику в сферу обсуждения². Наконец, в трудах некоторых обществоведов (при констатации важности проблемы) находим резко негативное отношение к этому явлению – его стандартную неомарксистскую критику как либерально-консервативного теоретического «симулякра» - апологии капиталистической системы, идеологии, направленной на поддержание интересов глобальной элиты и управляющего класса, формы западного экспансионизма и т.д., без детализации и серьезного анализа юридических концепций и региональных подходов³.

Бедность отечественной литературы и отсутствие свежих идей в области всемирного (глобального) конституционализма, особенно показательные на фоне чрезвычайно высокого уровня обсуждения этого вопроса в русской либеральной литературе прошлого, – тревожный симптом, свидетельствующий об определенной самоизоляции российского профессионального сообщества по отношению к интернациональным дискуссиям. До последнего времени интерес к этой проблематике представлен почти исключительно *Институтом права и публичной политики* и издаваемым им журналами «Сравнительное конституционное обозрение» и «Международное правосудие», где обсуждаются вопросы соотношения международного и конституционного права, правозащитная тематика и вопросы транснационального правосудия.

¹ См., напр.: Международное и конституционное право: проблемы взаимодействия. Под ред. А.А. Дорской, С.В. Бочкарева. Спб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 11.

² Напр.: Сафронова Д.О. Глобальный конституционализм: невозможно возможно? // Революционные и эволюционные изменения в праве: международно-правовое и внутригосударственное измерения. Спб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 270-272.

³ Гончаров В.В. Глобальный конституционализм: социально-философский анализ. М.: Спутник, 2016.

В ходе этих междисциплинарных дебатов и параллельно с ними с начала 2000-х гг. до настоящего времени велась разработка теории глобального конституционализма как специальной области исследований, включавшей особую систему понятий и уточнения их смысла¹; классификацию основных теорий²; определение междисциплинарных отношений, в частности – со сравнительным конституционным правом, столкнувшимся с противоречием правовых универсалий и возрастающим запросом на национальную правовую идентичность³; соотношение юридической и политической составляющей данного феномена, включая различное видение перспектив его реализации в разных регионах мира⁴; роль в переосмыслении традиционных представлений о конституционном праве⁵ и государственном суверенитете как его основе⁶.

3. Оценки перспектив глобального конституционализма

Перспективы глобального конституционализма как процесса оцениваются по-разному: одни видят их оптимистически – в виде «прогрессивного движения к расширению международной кооперации (в основном работы начала 2000-х гг.)⁷, другие считают, что они остаются «под вопросом»⁸; третьи полагают, что они переживают «трудные времена»⁹, особенно, в свете популизма и удара со стороны администрации Трампа¹⁰. Наконец, предлагается оценить их как «умеренно-оптимистические»: в условиях ослабления международного права на современном этапе «глобальный конституционализм находится в от-

¹ См.: Milewicz K. Emerging Patterns of Global Constitutionalization: Toward a Conceptual Framework // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2009. V.16. Pp. 413-436.

² Peters A. Global Constitutionalism // Encyclopedia of Political Thought. M. Gibbus (Ed.). London: Wiley-Blackwell, 2015. Pp. 1484-1487.

³ Rosenfeld M. and Sajo A. (eds.) The Oxford Handbook of Comparative constitutional Law. Oxford: Oxford university press, 2012.

⁴ Suami T., Kumm M., Peters A., and Vanoverbeke D. (eds.). Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

⁵ Loughlin M. What is Constitutionalization? // Dobin P., Loughlin P. (Eds.) The Twilight of Constitutionalism? Oxford: Oxford University Press, 2010.

⁶ Belov M. (ed.). Global Constitutionalism and Its Challenges to Westphalian Constitutional Law. London: Hart, 2018.

⁷ Macdonald R.St., Johnston D.M. (eds.) Towards World Constitutionalism in the Legal Ordering of the World Community. The Hague: Nijhoff, 2005.

⁸ Peters A. Are we Moving towards Constitutionalization of the World Community? // Cassese A. (Ed.) Realizing Utopia: The Future of International Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 118-135.

⁹ Dunoff J.L., Wiener A., Kumm M., Lang A.F. Hard Times: Progress Narratives, Historical Contingency and the Fate of Global Constitutionalism// Global Constitutionalism, 2015. Vol. 4. N. 1. P. 1-17.

¹⁰ Havercroft J., Wiener A., Kumm M., Dunoff J. Editorial. Donald Trump as Global Constitutional Breaching Experiment // Global Constitutionalism. 2018. Vol.7. № 1. P. 1-13

ступлении», однако (с учетом нелинейности процесса конституционализации) «временная сдача позиций не означает его упадка, но скорее готовит почву для его будущего возрождения»¹. Итак, решение проблемы откладывается на будущее. Впереди – жесткая борьба за выстраивание концепции глобального конституционализма, вектор которого будет определяться конфликтом теорий, идеологий, столкновением различных его повесток (академической, юридической и политической), доминирующих держав, акторов и стратегий, соперничеством глобального гражданского общества, транснациональных и национальных элит.

При отсутствии единства подходов, прагматическое решение проблемы состоит в продвижении глобального конституционализма, *несмотря* на существующие разногласия, – в силу признания *удобства* этой конструкции для исследователей и *согласия* в том, что она отражает определенные реальные тенденции глобального правового регулирования. К ним относится, прежде всего, изменение природы международного права, которое более не ограничивается отношениями между государствами, но в возрастающей степени регулирует и их внутреннее право (в таких областях как нормы о терроризме, изменении климата, миграции и беженцах, здоровье и продовольственной безопасности, о торговле или технических стандартах). Далее, это относится к изменению места конституционного права: в условиях передачи регулирования этих вопросов от государства на глобальный уровень с использованием всех разновидностей формальной и неформальной кооперации, конституционные гарантии (главным образом касающиеся принципов верховенства права) должны быть перезагружены и, возможно, воссозданы на разных уровнях.

Процесс согласования международного и внутреннего права в рамках конституционализации включает различные решения – менее и более жесткие. Все потенциальные обладатели конституирующей власти – государственные ассамблеи и негосударственные (международные организации и индивиды) – должны в этой перспективе рассматриваться как носители укрепляющейся демократической легитимности внутри единого международного правового порядка. Во внимание предлагается принять анализ исторически сформировавшихся западных теорий суверенитета критической школой международного права, указывающей на их дискриминационные аспекты, воспроизводящие логику постколониального раздела мира на сферы экономического и политического влия-

¹ Sihvo O. Global Constitutionalism and the Idea of Progress // Helsinki Law Review, 2018. Vol. 12. № 1. P. 26.

ния ведущих держав¹. Перелом в классической модели конституционализма (основанной на идее национального суверенитета государств), – следуя изложенному подходу, – станет заметен с того времени, когда эволюция демократической функциональности приведет к признанию носителей конституирующей власти за пределами государств, особенно – «великих держав», а негосударственные организации выступают носителями конституирующей власти и легитимными участниками глобального конституционного порядка, причем мандаты на управление станут много-ситуативными.

Данной перспективе, очевидно, противоречит логика текущих процессов в международных отношениях, связанных с поляризацией глобальных центров силы. При этом не важно, выступают ее носители сторонниками однополярной, биполярной или многополярной конструкций мировых отношений, поскольку в основе их подходов лежит традиционный принцип суверенитета – одного или нескольких государств – и его проекция на конструирование глобальной системы правового регулирования. Все великие державы настаивают на исключительности, но проводят ее по-разному – теоретически признают значение международного права, но едва ли считаются с ним в принятии значимых для страны решений (США), вообще отрицают его связывающую силу в ситуации конфликта (Китай) или комбинируют признание с идеей корректировки в свете новых тенденций глобального развития (Россия). Россия – в двойственном положении: с одной стороны, она формально принимает западную трактовку универсальных гуманитарных ценностей, с другой – разделяет озабоченность государств Третьего мира в отношении негативных перспектив конституционной глобализации и настаивает на альтернативных интеграционных схемах. В России, несмотря на интеграционный проект ЕАЭС, набирает силу движение по защите традиционной идентичности и ограничению влияния международно-правовых институтов (признаваемых тенденциозными в силу доминирования определенной группы стран). Этот тренд нашел выражение в конституционной реформе 2020, в частности, в принятии поправки к Конституции, позволяющей Конституционному Суду отказаться от выполнения решений международных судов в случае их противоречия Конституции РФ.

¹ См. оценки суверенитета с позиций критической теории международного права: Anghie A. *Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law* (2005); Crawford J. *The Creation of States in International Law* (2006). Krisch N. *Beyond Constitutionalism: The Pluralist Structure of Postnational Law* (2011) и др.

Данное стремление государств к самоизоляции отражает реальные тенденции к фрагментации глобальных правовых отношений¹ и представляет защитную реакцию стран на вызовы глобализации, но не является решением проблемы переустройства мирового правового порядка. Этот подход, возможно, дающий национальным элитам определенные преимущества во внутренней политике в свете роста правопопулистских настроений, до сих пор не представил серьезной концептуальной альтернативы идее мирового конституционализма – он силен в критике, но не в предложениях. Выход, поэтому, усматривается в поиске компромисса между конструкциями транснационального права и национального конституционного права, с учетом возможной внутренней модификации природы последнего – в «трансформативном конституционализме», сочетающем параметры универсальных гуманитарных ценностей и задач воспроизводства национальной правовой традиции/модернизации.

Данный тренд дискуссии отражают *ожидания внутри профессионального сообщества* – того, что публичное международное право будет трансформироваться в международное публичное право, выдвигая на первый план более иерархическую структуру публичного права в сравнении с привычной (представленной традиционным частным или договорным правом), а такие термины как законотворчество, осуществляемое международными организациями и международным законодателем, станут более общими в употреблении (актуализируя такие направления исследования как глобальное конституционное право, глобальное административное право, постнациональное нормотворчество, и проявления неформального влияния международного законотворчества на осуществление государствами публичной власти). С этих позиций задача состоит скорее в *эмпирическом изучении* вклада данных факторов в изменение конфигурации глобальных правовых отношений, а *теоретическая значимость* исследований *заменяется утилитарной* – «очень удобно думать об этом в понятиях существующей глобальной конституции – как в общих понятиях, так и в отношении специфических проблемных областей (напр., глобальной экономической конституции)².

4. Многоуровневый конституционализм – решение или вызов?

Транснациональный конституционализм предполагает пересмотр традиционной версии конституционализма национальных государств –

¹ Delpano R. Fragmentation and Constitutionalization of International Law. A Theoretical Inquiry // European Journal of Legal Studies, 2013. Vol. 6. № 1. P. 67-89.

² Taking Stock of Global Constitutionalism – To What Extent did it Really Change International Law? // A Workshop at the Annual Jus Commune Conference. Amsterdam, Aristo, 29 November 2018.

по линии закрепления в международных документах фундаментальных конституционных прав и универсализации их интерпретации и защиты¹. Эти процессы составляют основу системы так называемого «многоуровневого конституционализма», ставя проблему – насколько соотношение глобальных, транснациональных и национальных принципов правового регулирования может быть описано в привычных конституционных или квази-конституционных категориях?

Три характеристики процесса транснационального конституционализма оказываются приоритетными для выстраивания системы многоуровневого конституционализма. *Первое*, развитие транснациональных конституций или квази-конституционных соглашений как результата конституционализации международных режимов. Примерами обычно служат – Хартия ООН в совокупности с главными договорами по правам человека, соглашения, регулирующие механизм глобальной торговли (ВТО), региональные соглашения (как НАФТА). Некоторые полагают, что движение в направлении глобального конституционализма начинать следует именно с реформирования международных организаций в контексте их новых задач². Наиболее важным шагом в этом направлении признается конституционный договор для ЕС – проект Конституции Европы, разработанный Европейским конвентом и включавший конституционные принципы – фундаментальные права, квази-федерализм, разделение властей, судебный пересмотр законов и проч.³ Хотя этот документ не был принят, его основные положения включены в Лиссабонский договор 2007 г.⁴, часто интерпретируемый именно как конституционный консенсус по вопросам европейской интеграции, – консенсус, ныне оспариваемый популистами и евроскептиками.

Второе, расширение транснационального юридического диалога. Данный диалог идет по трем направлениям – внутрисударственные парламенты и суды отсылаются к международным нормам, включая решения международных трибуналов; они делают ссылки на законы других национальных государств, включая решения иностранных национальных парламентов и судов; ссылки делаются международными трибуналами на другие международные режимы или решения иных междуна-

¹ Rosenfeld M. Global Constitutionalism. Meaningful or Desirable? // European Journal of International Law, 2014. Vol. 25. № 1. P. 177-199.

² Engstram V. International Organizations, Constitutionalism and Reform // Finnish Yearbook of International Law. 2009. Vol. 20. P. 9-33.

³ Конституция Европейского Союза: Договор, устанавливающий Конституцию для Европы. М.: Инфра-М, 2005.

⁴ Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора. М.: Инфра-М, 2011.

родных трибуналов. Ключевая роль в этом диалоге отведена международным судам (суд ООН), судам по правам человека (ЕСПЧ или Межамериканский суд) и региональным судам (Европейский суд), а также национальным конституционным судам¹.

Третье, глобальное управление в рамках национальных конституций. Триумф либерального конституционализма в конце XX в. привел к закреплению общих принципов демократии и парламентаризма. В результате большее число государств по всему миру имеют сейчас сходные конституции и привержены общим стандартам конституционного языка. Конституции могут служить платформой, на которой национальные акторы, особенно парламенты и судьи, способны взаимодействовать друг с другом. Функционирование транснационального (многоуровневого) конституционализма включает ряд основных аспектов – управление глобальных рынков; отказ от абсолютного суверенитета и облегчение многосторонних межпарламентских диалогов.

Проект транснационального (многоуровневого) конституционализма получает противоположные оценки с точки зрения его содержания, структуры, стадий развития и результатов для парламентаризма. *В содержательном плане* различие подходов к данному явлению определяется отождествлением данного тренда с традиционным пониманием международного (или конституционного) права, либо, напротив, отрицанием такого тождества (рассмотрение транснациональной правовой интеграции как принципиально нового вида права). *В структурном плане* – отсутствует единство мнений о ключевом звене системы глобального регулирования и управления: должен им стать национальный, региональный или международный институт парламентского типа и какие принципы, соответственно, должны определять природу демократической легитимности.

В стадийном плане ключевое различие состоит в определении длительности существования самого феномена: одни определяют его как линейный процесс, идущий уже в течение столетия, по крайней мере, с того момента, когда было создано международное право; другие – видят в нем явление, порожденное новейшим этапом глобализации, в частности, созданием Европейского парламента, ПАСЕ, ЕСПЧ и других транснациональных институтов. *В плане достигнутых результатов* оценки расходятся еще больше: сторонники многоуровневого конституционализма говорят о глобальном продвижении парламентской демократии, противники – о ее сворачивании, констатируя рост неопределен-

¹ Halmai G. Perspectives on Global Constitutionalism: the Use of Foreign and International Law. The Hague: Eleven International Publishing, 2014.

ности в ключевых областях правового регулирования – между нациями-государствами и отдельными объединениями; между публичной и частной сферами; между внешними и внутренними нормами, – общим результатом которой становится релятивизация правовых принципов классического парламентаризма и сознания конституционалистов, которые должны научиться думать в новых категориях транснационального права¹.

Суммируем позитивные и негативные выводы о транснациональном (многоуровневом) конституционализме. *Позитивными сторонами* признаются: появление транснациональных конституций (типа ЕС) обеспечивает более прямой доступ к праву - снизу вверх, и позволяет индивиду обойти традиционную государственную бюрократию; создание новых мульти-конституционных и квази-конституционных рамок бросает вызов традиционному балансу власти между государствами и делает доминирование одного государства все более трудным; этот сдвиг оказывает влияние на транснациональные правительственные и неправительственные институты, стимулируя интенсификацию диалога между транснациональными и национальными парламентами и судами, в целом стимулируя продвижение демократии на разных уровнях глобального управления – международном, региональном, национальном и местном.

Негативными сторонами признаны: унификация стандартов правового развития, не отражающих его региональные и исторические особенности; усложнение системы правового регулирования, затрудняющее реализацию прав; ослабление демократического участия граждан с передачей части государственного суверенитета на наднациональный уровень; передача полномочий от национальных парламентов международным бюрократическим институтам; трансфер власти от демократически избранных парламентов к неизбираемым судам, прежде всего – международным, демонстрирующим феномен «правления судей», когда «диалог судов» подменяет реальный общественный и парламентский диалог, ведя к политизации юриспруденции; рост «плюрализации стандартов» конституционного правосудия при мнимом их единстве, эрозия принципа субсидиарности, а в конечном счете – дефицит демократической легитимности как результат объединения наиболее могущественных транснациональных акторов против правового государства.

¹ Jiunn-Rong Y., Wen-Chen Ch. The Emergence of Transnational Constitutionalism: Its Features, Challenges and Solutions // Penn State International Law Review. 2008. Vol. 27. № 1. P. 89-124.

Многоуровневый конституционализм, поэтому, – не столько решение, сколько область эксперимента по поиску оптимального баланса глобальных, транснациональных, международных и национальных законотворческих институтов, а его результаты отнюдь не predetermined.

5. Идея всемирной конституции как основа стратегии либерального движения

С учетом важности идеи международного гуманитарного права как для классического, так и современного либерализма, целесообразно рассмотреть текущие дебаты по этой теме. В концентрированной форме различие стратегий отражено в постановке вопросов о самой возможности всемирной конституции (или ее прообраза), механизмах и институтах ее обсуждения и принятия.

Первый вопрос – о возможности всемирной (глобальной) конституции, – зависит от содержательного наполнения этого понятия. Если понимать мировую конституцию как космополитический аналог национальной, то для нее нет предпосылок в виде политического кредо интернационального гражданского общества (которое не сформировалось) или согласия наиболее сильных государств (которого нет). Создание всемирного государства (напр., в виде кантовского идеала федеративной республики) таит опасность унификации и появления глобального Левиафана. Большинство современных исследователей, поэтому, считают эту перспективу нереальной, во всяком случае, в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Однако если принять тезис, что глобальная конституция не выступает аналогом национальной, но представляет совокупность региональных и секторальных конституирующих актов, поддерживаемых основными акторами международных отношений, то данная установка не выглядит утопией¹.

Второй вопрос – концепция глобального конституционного момента как высшей точки развития общественных настроений в пользу принятия подобной конституции – интерпретируется по аналогии с его пониманием в национальных государствах². С этим связана постановка сходных вопросов: является данный конституционный момент результатом или процессом развития глобального конституционализма; юридическим или политическим фактом; представляет собой определенный проект или, скорее, намерение (идеал); каковы юридические предпосылки его наступления – основаны они на традиционном понимании

¹ Orford A., Hoffmann F. (eds.). The Oxford Handbook of the Theory of International Law. Oxford: Oxford University Press, 2016.

² Slaughter A.-M., Burke-White W. An International Constitutional Moment // Harvard International Law Journal, 2002. Vol. 43. №. 1. P. 1-21.

права или его новой концепции, учитывается исключительно степень развития международного права или также его синхронизация с правом национальных государств; каковы участники процесса – требует он глобального гражданского общества или согласия государств, и в какой степени опирается на мобилизацию добровольных ассоциаций свободных и равных граждан, приверженных самоуправлению и идее создания более инклюзивной конституционной политики; что должно стать его завершением – принятие новой глобальной конституции или международного договора, устанавливающего глобальные конституционные нормы. Постановка этих вопросов актуализировалась в период дебатов о проекте Конституции ЕС, рассматривавшийся как возможный прообраз глобальной конституции¹.

Третий вопрос – о датировке предполагаемого глобального конституционного момента – принадлежит он прошлому, настоящему или будущему. Решение данного вопроса имеет концептуальное значение: одни усматривали его в прошлом, говоря о 1945 г. (создание ООН) или 1989 г. (конец Холодной войны), другие признавали таковым момент террористической атаки в США 11 сентября 2001 г., третьи – связывали с перспективой принятия Конституции ЕС или отодвигали его в будущее². Спор о выборе конкретной даты начала конституционной интеграции – предмет острой полемики: во-первых, отмечается спорность выбора предложенных дат в связи с европоцентристским характером событий (все они происходили на историческом Западе, затрагивая другие страны только своими результатами); во-вторых, ряд отмеченных исторических моментов выражает идеологию триумфализма – победы одних держав над другими во Второй мировой войне или поражение идеологических соперников в Холодной войне как определение начала «современного мира», что не понятно странам, непосредственно не вовлеченным в данные конфликты. Наконец, в-третьих, в этой дискуссии под вопрос ставится общая периодизация международного права, этапы которой представлены Вестфальской, Венской, Версальской или Потсдамско-Ялтинской системами, противники которой указывают на возможность иных вариантов периодизаций, констатируя существование сходных принципов в отношениях между государствами, начиная с глубокой древности (напр., находят их истоки в древней Индии, Китае, Персии, Египте, государствах Междуречья и т.д., отсылая возникновение совре-

¹ Walker N. Europe's Constitutional Momentum and the Search for Polity Legitimacy // International Journal of Constitutional Law, 2005. № 5.

² Dunoff J., Trachtman J.P. (eds.) Ruling the World? Constitutionalism, International Law and Global Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

менных принципов международного права к истокам цивилизации). Соответственно, появляются принципиально различные точки отсчета (географические, хронологические и культурно-исторические) современных процессов интеграции или фрагментации глобального правового порядка и их перспектив в будущем.

Четвертый вопрос – концепция форм глобального конституционализма – делает необходимой реконструкцию одновременно истории конституционализма и изменяющихся форм конституционного права в глобальном обществе. Специфика последних составляет основную проблему: если классические образцы правовой/политической организации тяготеют к опоре на демократические основы формирования воли (конституирующая власть традиционного типа с опорой на национальный суверенитет в формуле – «мы, народ»), то современные образцы тяготеют, напротив, к опоре на права (фиксация, каталогизация и юридическое признание прав). Юридическое признание прав внутренне противоречиво, поскольку представляет результирующую двух процессов – их универсализации и дифференциации, заставляя искать баланс интересов большинства и различных меньшинств, статус которых может быть не одинаков в разных глобальных регионах. Смещение центра тяжести от конституирующей власти к правам формирует, по мнению сторонников этой идеи, конституционное основание для зарождающейся глобальной политической системы и, следовательно, институтов и процедур ее конституционализации¹.

Пятый вопрос – глобальной Конституанты. В этом контексте заслуживают внимания предложения о создании своеобразного глобального Учредительного собрания с целью выработки нового международного соглашения, гарантирующего принципы международного права, транспарентности, отчетности и демократии в глобальном управлении, а также принятие правил и мандатов новых демократических глобальных институтов, наряду с созданием других механизмов, связанных с глобальным управлением (транснациональное регулирование налогов, экологии, распределения ресурсов и др.). Общим направлением реформирования международного права и ООН признается унификация различных сфер международного гуманитарного права путем соединения безопасности и прав человека, создания специальных интернациональных негосударственных организаций, расширения юрисдикции Международного суда справедливости, Международного уголовного суда и со-

¹ Thornhill C. Rights and Constituent Power in the Global Constitution // International Journal of Law in Context, 2014. vol.10. № 3. Pp. 357-396.

здание других судов по правам человека¹. В настоящий момент эта повестка выглядит не очень определенно с учетом растущего противостояния международных и национальных судов, но она не исключает сближения их позиций по определенным отраслям регулирования или группам вопросов.

Шестой вопрос – обеспечение равенства представительства от регионов мира в транснациональных структурах конституирующего типа, власти и управления. Представители критической теории международного права видят задачу институтов конституирующей власти в обеспечении справедливости интернационального конституционализма, противопоставляя его доминирующей версии понятие «антиглобального конституционализма» как совокупности дискуссионных площадок, способных, по их мнению, выработать непротиворечивый и легитимный новый мировой порядок². Они убедительны в критике западного конституционного мейнстрима (поскольку другого нет), но предлагают мало конструктивных идей для переориентации политики права в новых условиях глобального развития. Во всяком случае, антиглобализм не предлагает никакой собственной оригинальной теории права, используя идеи традиционализма, солидаризма, коллективизма, защиты меньшинств и поиска национальной идентичности, а следовательно, отодвигает сам идеал всемирной конституции как основу политики международной интеграции.

Седьмой вопрос – предмет глобального конституционализма как политического движения. Различные инициативы определяют этот предмет с позиций философии, права или управления. Ряд программ видит смысл деятельности не в выработке новой конституции (или соглашения), но реформировании источников современного глобального конституционализма. Поскольку он использует гибридный нормативный и дескриптивный процесс, задача состоит в фундаментальном пересмотре одновременно международного и внутреннего права, по тем параметрам, которые фиксируют разные концепции – мировая конституция, основанная на Хартии ООН; серия конституционных документов или конституционных норм для специальных отраслей глобального управления (таких как свобода торговли или окружающая среда; трактовок, выводимых из специальных групп норм (таких как *jus cogens*); и комбинации их всех – в интересах исторически дискриминируемых

¹ Held D. *Global Covenant: The Social Democratic Alternative to the Washington Consensus*. London: Polity Press, 2004. P. 162-165.

² Schwöbel C. E. J. *Global Constitutionalism in International Legal Perspective*. Leiden and Boston: Martinus Nijhoff, 2011.

меньшинств. Комбинированный подход к конструированию нового международного порядка должен обеспечить защиту от эрозии демократии и угрозы глобального авторитаризма. .

Заключение.

Всемирный конституционализм и пути его легитимации

Демократическая легитимность международного порядка диктует необходимость определения ее внутренней моральности – соотношения с правовым статусом национальных государств (парламентов) и внесударственных акторов¹. Международное производство законов (с целью закрепления статуса наднациональных акторов данного процесса) предполагает обеспечение общих интересов, если и не в нормативной форме, то, как минимум, исходя из перспективности данной цели в будущем. Требуется обеспечение такого уровня международной кооперации, при котором возникает новая эффективная иерархия правового порядка – делегирования внесударственным институтам власти принятия решений за пределами контроля каждого индивидуального государства-члена². На этом пути предполагается разрешить проблему «дефицита демократии» и обеспечения демократической легитимности – преодоления растущего отчуждения национальных и транснациональных институтов в рамках международного права и многоуровневого конституционализма³. Это значит, что конструирование нового международного порядка не может обойти вопроса о формах правовой интеграции, степени конвергенции международного и конституционного права, а главное, – определения цели всего движения. Обдумывая эту «цель в праве», современные философы и правоведы усматривают ее в новой версии «общественного идеала» – движении к всемирной конституции.

Всемирная конституция понимается не как основной закон глобального суверенного государства (в этом случае ее создание таит серьезные риски ограничения прав личности), но как система фиксированных транснациональных норм и правил, обеспечивающих эффективное функционирование традиционных (государственных) и новых (негосударственных) игроков глобальной политической системы. Данная система норм и правил создается посредством конституционализации международного права – такого процесса взаимной интеграции норм внутригосударственного и транснационального права, который обеспечивает пе-

¹ Koskenniemi M. *International Law in Europe: Between Tradition and Renewal* // *European Journal of International Law*. 2005. № 16. P. 13-124.

² Klabbers J., Peters A., Ulfstein G. (Eds.) *The Constitutionalization of International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2009.

³ Wheatley St. *The Democratic Legitimacy of International Law*. Oxford: Hart publishing, 2010.

реход к новой системе глобального правового регулирования и управления поверх национальных государств. Поскольку данная система находится на стадии формирования, целесообразно интернациональное обсуждение ряда ключевых вопросов: идея необходимости радикального реформирования глобального управления во имя выхода из мирового экологического и социально-экономического кризиса¹; разрешение противоречий глобального правового регулирования и управления, возникающих в ходе его формирования (появление блокирующих норм и т.н. «вето-игроков» глобального уровня)²; определение перспектив перенесения в глобальное управление выработанных в бизнесе технологий разделенного участия в управлении³, создание интернационального механизма управления конфликтом интересов и его разрешением в разных сферах (публичной, корпоративной и финансовой) и на всех уровнях управления, – от локального до глобального⁴; преодоление неурегулированных зон глобального управления, возникающих прежде всего на пересечении транснациональных и национальных правовых трендов (“crosscutting issues”) – космополитического конституционализма, плюрализма, прав человека, «подвижных границ» и объема соответствующих полномочий международных институтов⁵.

Несмотря на растущую критику глобализации и ее последствий для национальной и региональной идентичности, противники правовой интеграции не предложили целостной концепции поддержания мировой стабильности. Такую концепцию, напротив, предлагает глобальный конституционализм, выдвинувший стратегию продвижения общества к более высокой правовой интеграции, в перспективе включающей принятие всемирной конституции. Мировому сообществу с позиций рационального выбора предстоит решить следующие проблемы: должен глобальный конституционализм строиться по аналогии с национальным или представлять собой его качественно иной тип; инкорпорировать традиционные парламентские механизмы и стандарты демократического производства норм или создавать новые; могут ли формы представительной

¹ Held D. Reframing Global Governance: Apocalypse Soon or Reform! // *New Political Economy*, 2008. Vol. 11. № 2. P. 157-158.

² Hawkins B., Holden Ch. A Corporate Veto on Health Policy? Global Constitutionalism and Investor-State Dispute Settlement// *Journal of Health Politics, Policy and Law*, 2016. Vol. 41. Issue 5.

³ Singer A., Ron A. Models of Shareholder Democracy: A Transnational Approach// *Global Constitutionalism*, 2018. Vol. 7. № 3. P. 422-446.

⁴ Peters A., Handschin L. (Eds.): *Conflict of Interest in Global, Public and Corporate Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

⁵ Dunoff J. L., Trachtman J. P. (eds.) *Ruling the World? Constitutionalism, International Law, and Global Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

демократии парламентского типа на глобальном уровне быть спроецированы по аналогии с национальными формами, несмотря на структурные различия между ними¹.

Идеал всемирного конституционализма раскрывается в совокупности идей, принципов и действий, демонстрирующих, как политическая философия классического либерализма может служить ориентиром его современной стратегии. Эта стратегия формируется на наших глазах, отражая процессы глобализации и, одновременно, роста соперничества центров силы в конструировании общих ценностей, норм и институтов системы глобального управления будущего.

¹ Coradetti C., Sartor G. Introduction: Global Constitutionalism without Global Democracy // *Global Constitutionalism without Global Democracy?* Ed. By C. Coradetti and G. Sartor. San Domenico di Fiesole: EUI, (European University Institute) Working Paper. Law. 2016. № 21. P. 1-2.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИДЕЯ В 1917 г.²

Уже в марте 1917 г. мало кто помышлял о возрождении монархии. Все уже было решено. Россия осваивала республиканские формы, часто не задумываясь, что это такое. Это редко становится предметом обсуждения и в современной литературе. Казалось бы, все и так очевидно. Бывают монархии, бывают республики. Последних существенно больше. Само их существование – явление весьма прозаичное, не заслуживающее особых вопросов. Проблема в том, что не всегда было так. В начале XX столетия Европа оставалась монархической. В этом не виделось ничего противоестественного. Напротив, чахлая республиканская традиция шла наперекор привычке и тенденциям. Большая европейская республика была одна – Франция, которая при этом большую часть XIX столетия жила при королях и императорах. Да и после утверждения Третьей республики оставались сильны монархические настроения самого причем разного свойства, представленные легитимистами, орлеанистами, бонапартистами.

Во Франции республиканская традиция восходила ко временам революции конца XVIII в.³ В США – к трудам и деяниям «отцов-основателей». И в том, и в другом случае республиканцы вспоминали об античных образцах и протягивали свою генеалогию ко временам древнегреческого полиса или древнеримской добродетели. Также и в России республиканский проект нуждался в обосновании, в собственном мифе. Проблема была в том, что к 1917 г. он фактически не сложился.

Республиканская проблематика все более популярна в современной историографии – и в зарубежной, и в отечественной. За этой модой кроется реальная проблема интеллектуальной истории: необходимость расширения категориального аппарата, а значит, и исследовательского «вопросника». Утомительно спорить о либерализме, консерватизме, социализме, всякий раз поясняя, что в каждом конкретном случае границы

¹ Соловьев Кирилл Андреевич – доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта проведения фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований международными научными коллективами научных исследований «Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в.», проект № 19-48-04112.

³ Зелдин Т. Франция, 1848–1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург, 2004. С. 420.

предельно условные. Большого мыслителя трудно уместить в уготованное ему «прокрустово ложе». В конце концов, он не обязан сохранять верность идеалам юности. Он меняется вместе со временем, с обществом. Меняются и представления о либерализме, консерватизме, социализме. В этом бесконечном движении слов и явлений трудно ухватиться за одно верное определение, которое будет подходящим во всех случаях жизни.

Республиканизм – особая политическая традиция, которая складывалась тогда, когда не было представлений о суверене и суверенитете, о естественных правах, более того, о государстве. *Res publica* – та форма общежития, которая не знала категориального аппарата XIX–XX вв. Вместе с тем, она подразумевала сложные формы общественной самоорганизации, свой правопорядок, наконец, опыт самоосмысления (например, многочисленные политические теории античности). Иными словами, мыслить политическое можно и без государства. Оно отнюдь не обязательно при анализе системы власти и подчинения. Это то особое измерение общественной мысли, которое чаще всего выпадает из поля зрения исследователей¹.

При всей заманчивости этой задачи, искать республиканские «ноты» в русской общественной мысли XIX–начала XX вв. не просто. Интеллектуал так или иначе отвечает на вызовы современности. У него свой категориальный аппарат, приновленный к текущим потребностям. В своих текстах он с неизбежностью откликается на конъюнктуру. Соответственно, вплоть до событий Февраля 1917 г. разговор о политической сфере, о государстве, о власти чаще всего обходил стороной республиканскую проблематику. Не было смысла спорить о том, что напрочь отсутствовало в актуальной повестке дня.

Республиканская идея, довольно громко заявлявшая о себе в русской мысли начала XIX в., притихла к середине столетия. В значительной мере это обуславливалось интеллектуальной мутацией второй четверти века. Из-под ног будущих республиканцев была выбита почва в виде привычных для них категорий: нация, закон... Они были переименованы. Нация сменилась народностью. Законность была «освоена» правительством. Общественная дискуссия разворачивалась в ином поле. Спор шел не о будущем, а о прошлом. Интеллектуалы искали особую формулу российской государственности, при этом опускали республиканские сюжеты. Зачастую они предлагали свой вариант республики и республиканизма – но с монархией. Таков был результат многих, в том числе, славянофильских экспериментов.

¹ См.: Скиннер Кв. Свобода до либерализма. СПб., 2020.

В России взращивались самобытные политические теории, подразумевавшие новое осмысление государства и власти. При этом они были монархическими или квази-республиканскими: социалисты лишь в редких случаях детально разбирали формы правления. В итоге российский политический класс оказался не готов к тому, что республиканская тема окажется востребованной. А так случилось в 1917 г.

О республике заговорили уже в первые дни после отречения императора. Республиканская идея вполне соответствовала популярным представлениям о характере только что случившейся революции. В основании идеи республики лежит идея порядка, не навязанного извне, а имманентно присущего данной общности. Собственно этот порядок и делает из нее – *populus*, народ. В основании же правящего режима Императорской России лежал авторитет царской власти, а также огромная административная, репрессивная, военная мощь, стоявшая за ней. Неожиданно на авансцену российской политики ворвался новый игрок...

«Это революция единственная или почти единственная в своем роде. Бывали революции буржуазные, бывали и пролетарские. Но революции национальной, в таком широком значении слова, как нынешняя русская, доселе не было на свете. Все участвовали в этой революции, все ее делали – и пролетариат, и войска, и буржуазия, даже дворянство, не исключая дворянства объединенного, – все вообще живые общественные силы страны. А потому никто не имеет на нее исключительного права», – провозглашала газета «Речь» в начале марта 1917 г.¹

Иными словами, случилась национальная революция, – об этом часто говорили современники. Это приводило в действие новые механизмы власти, которые невозможно было предвидеть и месяц назад. В интервью газете «Речь» князь Г.Е. Львов, в частности, говорил: «Жизнь находится еще в расплавленном состоянии и твердые формы, в которые она выльется, намечаются пока лишь в самых общих очертаниях, где многое остается еще неизвестным и определится лишь со временем свободным народным творчеством. Мы переживаем эпоху таких событий, которые, с прежней точки зрения, кажутся чудесами». По мысли Львова, народ «сумел на другой день после великого переворота организовать, создать новую власть в центре и на местах и сохранить порядок»².

Иными словами, республика складывалась сама собой, стихийно. Это как будто бы снимало ответственность с интеллектуалов. Им ничего не стоило предлагать, а только ждать и довериться народному инстинк-

¹ Народно-русская революция // Речь. 1917. 5 марта. С. 1.

² Беседа с князем Г.Е. Львовым // Речь. 1917. 19 марта. С. 3.

ту. Впрочем, складывавшийся правопорядок мог не во всем их устраивать. Ведь «народное творчество» – это не только метафора. Это обращение к политической практике 1917 г. В частности (и прежде всего), речь шла о стихийном формировании местных органов власти в различных частях страны¹. К этим формам самодеятельности населения в партии кадетов преимущественно относились отрицательно. В конце концов, где пролегла грань, отделявшая народное творчество от хаоса?

Князю Е.Н. Трубецкому вспоминалась сцена десятилетней давности, 1905 г. В Москве разворачивалось восстание. Вдали были слышны пушечные выстрелы и ружейная перестрелка. Перед колокольной стояла старушка и крестилась, приговаривая: «Господи, когда же это, наконец, свободу запретят?» «Страх перед хаосом – таков основной мотив контрреволюционного движения», – объяснял Трубецкой своим читателям. Грань, отделяющая революцию и контрреволюцию, условная. Оружие революции – захват. Оружие контрреволюции – тоже захват. Когда революция обратится в контрреволюцию, заметить трудно². «Захват после революции может быть только началом общественного разложения и дезорганизации. Есть яркое олицетворение того хаоса, который отсюда должен родиться: это – наши железнодорожные поезда, захваченные беспорядочною толпою, мчащиеся без расписания. Посмотрите на эти битком набитые вагоны с разбитыми стеклами: в каждом вагоне по митингу, на крышах солдаты рассуждают об устройстве новой жизни в России и падают под колеса, а иным сносит головы на мостах. Этот катастрофический бег захваченного поезда – до жути похожий образ современной России, – точнее говоря, того, чем не должна быть Россия, да послужит же он нам предостережением!»³

Складывавшийся порядок очень походил на отсутствие такового. Летом 1917 г. публицисты разных направлений играли образами, предлагали собственные метафоры происходящего: «Представим себе концертный зал, в котором скрипач и публика. Если публика имеет право только слушать и ничем не выразить своего одобрения или неодобрения, то это есть нечто вроде **самодержавия**. Если же публика имеет право аплодировать музыканту или свистеть и тем самым или понуждать его играть дальше, или же уходить с эстрады, то это ... **правильный демократический строй**. Но если публика не ограничивается аплодисментами или свистом, а сама лезет на сцену, если толпа учит музыкан-

¹ Понтович Э.Э. Непосредственное народное творчество в области организации местного управления // Право. 1917. 16 мая. Стб. 847–857.

² Трубецкой Е.Н. Анархия и контрреволюция // Революция глазами современников: в 3 т. Т. 1. Январь – май. М., 2017. С. 144–145.

³ Там же. С. 145–146.

та, если сопилочные меломаны вырывают скрипку и пытаются водить смычком по струнам, извлекая из благородного инструмента кошачьи завывания, то это ... **тот строй, который у нас теперь**. Каков бы ни был скрипач, даровит, или бездарен, все же он неизмеримо выше в отношении музыки тех людей, которые никогда скрипку в руках не держали. Но при самодержавии людям этим разрешалось только слушать, и нельзя было выражать своего протеста даже тогда, когда играли плохо и не то, что нравилось. Удивительно ли, что когда им дали свободу выражать свое мнение, они этим не ограничились и захотели играть более активную роль. Беда именно в том, что разволновавшихся людей сейчас нельзя убедить в том, чтобы они сели на свои места и слушали. Но через некоторое время, разумеется, им надоест и опротивит раздирающий концерт невежд, они рассядутся и потребуют музыкантов»¹.

Это длинная цитата из статьи В.В. Шульгина, отнюдь не симпатизировавшего либерализму, прежде весьма скептически оценивавшего перспективы «демократического строя» в России. Неожиданно он оказался среди оптимистов, которые верили, что правопорядок в итоге сложится, прежде всего, благодаря силе самоорганизации населения. Пока же об оркестре речи не было. Звучала какофония, которая мало кого устраивала. Вокруг чего должен был строиться новый порядок?

Когда В.Д. Набоков обосновал неизбежность республиканского строя, он его определял как «не-монархию». В этом и заключались преимущества данной формы правления. Набоков не писал о сильных сторонах республики, а только о невозможности возрождения монархии при сложившихся обстоятельствах². Наконец, в сентябре 1917 г. Россия была провозглашена республикой. Что изменилось? В сущности, ничего, – констатировал все тот же Набоков. Тем не менее, произошедшее было достойно внимания. По мнению автора, это было свидетельство поразительной силы слов, которые зачастую подменяли собой смыслы. Набоков писал о магии лозунгов, за которыми порой не замечались масштабные явления³. Слово «республика» – очередной лозунг, мало значивший для обывателя. Осенью 1917 г. он оптимистических прогнозов не делал.

Приблизительно в те же дни вышла статья Н.А. Бердяева о значении иерархии в демократическом обществе и государстве. По мысли автора, современная ему революция – это красноречивое изобличение

¹ Шульгин В.В. «Пусти, я сам!» // Революция глазами современников: в 3 т. Т. 2. Июнь – сентябрь. М., 2017. С. 24.

² Набоков В.Д. Об Учредительном собрании // Революция глазами современников: в 3 т. Т. 2. Июнь – сентябрь. С. 60–62.

³ Он же. Провозглашение республики // Революция глазами современников: в 3 т. Т. 2. Июнь – сентябрь. С. 319–321.

лжи эгалитаризма – равенства. Порядок как таковой везде – в природе, в космосе, в обществе – подразумевает строгую иерархию. Без нее начинается хаос¹. Иерархия тем более необходима при республиканской демократической форме правления.

Для кадетов это не было откровением. О порядке они рассуждали и в марте 1917 г. На VII съезде кадетов в марте 1917 г. Ф.Ф. Кокошкин выступил с докладом о пересмотре программы. Конечно, на первое место выходили вопросы государственного строя страны, казалось бы, решительно порывавшей с прошлым. Первый тезис Кокошкина не вызывал возражений и тогда, и потом: Россия должна была стать демократической республикой. «Никогда монархия конституционная или парламентарная не была для нас, как для настоящих монархистов, тем верховным принципом, которому бы мы подчиняли всю нашу политическую программу. Монархия была для нас тогда [в 1905] не вопросом принципа, а вопросом политической целесообразности»².

Тогда, в преддверии созыва Первой Думы, казалось, что парламентарная монархия должна была стать ступенью к более демократическим формам правления, так как одномоментный переход от автократии к народоправству часто чреват «срывами». По мнению Кокошкина, в 1917 г. русский народ уже не нуждался в живом символе власти – монархе. Это и вынуждало кадетов отказаться от прежних политических лозунгов. «Монархия подверглась испытанию. Перед нею было два пути. Если бы она пошла по пути признания народных прав и исполнения данных обещаний, то, может быть, тогда судьба была бы такова, какой она является во многих государствах Западной Европы; может быть, компромисс оказался бы у нас столь же живучим, как и там, – но монархия избрала иной путь. В течение 11 лет она, постоянно попирая права народа, разрушала в сознании народа ту связь, которая существует между представлением о монархии и представлением о государстве, она подрывала свои собственные устои и своими собственными руками готовила свою гибель»³.

По оценке Кокошкина, положение стало трагическим в условиях военного времени. Дезорганизующая роль верховной власти сделала невозможной одновременную защиту и отечества, и монархии, что обусловило падение последней. Будущий государственный строй должен быть определен Учредительным собранием. Однако возвращение к монархи-

¹ Бердяев Н.А. Демократия и иерархия // Революция глазами современников: в 3 т. Т. 2. Июнь – сентябрь. С. 321–326.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905–1920 гг. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 368.

³ Там же. С. 371.

ческой форме правления было уже невыносимым. Причем лозунг установления республики должен был объединить большинство политических партий, а также широкие массы, что было чрезвычайно важным в условиях военного времени.

С этим соглашались практически все бывшие монархисты. Кокошкин не останавливался на этом. Он предлагал и свою позитивную программу. Кокошкин предостерегал: введение республиканской формы правления автоматически не обеспечивало наличия институтов правового государства. «Ведь можно указать в истории целый ряд деспотизмов и диктатур, которые прикрывались именем республики. Теперь еще на материке Нового Света можно указать государства, которые под фирмой республики являются, в сущности, ничем иным, как хроническими военными диктатурами, перемеживающимися междуусобиями»¹.

Дабы Россия не повторила опыта латиноамериканских стран, в основе республиканской формы правления должно было лежать строгое следование конституционным началам, которые ограничивали бы возможный произвол как вождей, так и масс. По этой причине следовало предусмотреть правовые гарантии, которые оградили бы граждан от деспотизма законодательной или исполнительной власти. Для этого надо было ориентироваться на французский (а не американский) образец государственного строя, который подразумевал и президента во главе страны, и правительство, ответственное перед парламентом².

Бывшая империя должна была стать подлинно демократической республикой, в которой сама конституционная конструкция обеспечивала бы верховенство права. При этом должна была быть отринута идея самодержавия – цементирующая для пестрого пространства России. Речь шла отнюдь не только об институте монархии. На новом этапе государственные институты – сверху донизу – должны были быть демократизированы. Государство – это не столько столица, сколько провинция. Кокошкин выступал безусловным сторонником децентрализации России. Это было необходимым хотя бы в силу величины страны, а также разнообразия народов, ее населявших. При этом он ставил под сомнение возможность сделать этнографический принцип краеугольным камнем будущего государства. Вопрос становился особенно актуальным в связи с обсуждением перспектив федеративного устройства державы.

¹ Там же. С. 374.

² Там же. С. 376. При этом президент должен был избираться парламентом. Обще-национальные выборы возносили бы его чересчур высоко, придавали большую степень легитимности, что само по себе способствовало нестабильности политического режима (Там же. С. 376–377).

Это особый вопрос, который заслуживает специального рассмотрения¹. В данном случае важнее другое. В выступлении Кокошкина заключался неизбежный для того времени компромисс, который не позволял оратору выстроить внутренне непротиворечивую конструкцию.

Кокошкин не принимал концепцию народного суверенитета. В его понимании республика должна соответствовать идеалам конституционного государства. Это значит, что власть в ней должна осуществляться таким образом, чтобы обеспечить верховенство права, а не воли – пускай даже большинства населения. Иными словами, демократия должна быть строго подчинена процедуре. Вместе с тем, Кокошкин повторял привычные слова о «непредрешенчестве», о почти мистическом значении Учредительного собрания, о торжествующем народовластии.

Кадеты давно уже научились риторически обходить эти «подводные камни». В заключении Юридического совещания от 12 апреля 1917 г. есть любопытный пассаж, посвященный упразднению Главного управления по делам печати и формированию Совета Российской печати: «Временное правительство действует в единении с общественным мнением, а потому вряд ли возможно серьезное расхождение по взглядам на обсуждаемые в Совете вопросы между Правительством и представителями печати»².

Таким образом, Юридическое совещание констатировало:

1. цензура в настоящих обстоятельствах была невозможна, так как Временное правительство и печать, в сущности, представляли общественное мнение;
2. общественное мнение стало источником легитимности новой власти.

Кадеты об этом говорили практически десять лет. К общественному мнению апеллировали по разным случаям. Оно, заявлявшее о себе в периодической печати, давало право надеяться, что кадеты действительно представляли большинство или хотя бы значительную часть населения. Общественное мнение – это суррогат всеобщего голосования, пока такое невозможно. Проблема в том, что в новых обстоятельствах оно стало реальным и должно было вскоре осуществиться. Упоминание общественного мнения и прежде служило скорее риторической фигурой. Теперь оно было не слишком убедительным.

¹ См.: Соловьев К.А. Империя после империи: проект Ф.Ф. Кокошкина // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Орел, 2014. С. 115–122.

² Архив новейшей истории России. Т. XIII: Запись хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март – октябрь 1917 года: В 2 т. / Отв. ред. Б.Ф. Додонов. Т. 1. Март – июнь 1917 г. М., 2018. С. 142.

Убедительнее звучали слова о народовластии, о крушении старого порядка, о недопустимости воспроизведения всего того, что с ним ассоциировалось. Этим оправдывалась ревизия всей системы местного управления и репрессивного аппарата. Но возникали неожиданные вопросы. Так, само устройство армии соответствовало временам абсолютизма, что вполне закономерно. Регулярная армия – детище абсолютной монархии. Можно посмотреть на проблему и с другой стороны: само образование абсолютной монархии было обусловлено необходимостью выстроить и содержать регулярную армию. Полицейское государство, так или иначе, сошло с политической сцены. Абсолютные монархии отжили свой век. Устройство же армии оставалось прежним – это при том, что армии стали по-настоящему массовыми¹. Не было ли это признаком того, что политические изменения до сих пор были поверхностными, что государство, по сути, оставалось абсолютистским. А значит: подлинные преобразования только впереди.

Что они будут из себя представлять, оставалось загадкой. Подразумевалось, что жизнь сама найдет должную политическую форму. Очертания будущей республики терялись в тумане. Еще в марте 1917 г. князь Е.Н. Трубецкой отмечал: провинциальная Россия полна «монархических сомнений». Она не представляла, на чем будет строиться будущий порядок. И будет ли он вообще? Прежний в значительной мере держался на силе инерции, на привычке. «Жила и держалась [Русь], так сказать, милостью Николы Угодника; отчасти держалась глубокими снегами, отчасти держалась тем, что у нас распутица и что люди еще не догадались о том, как можно, какие выгоды можно на этой почве получить»².

¹ Губер П. Армия и демократия // Революция глазами современников: в 3 т. Т. 1. Январь – май. М., 2017. С. 106.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905 – 1920 гг. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915-1917 гг. С. 380.

ДИСКУССИЯ О ФОРМЕ ПРАВЛЕНИЯ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX вв.

В российской либеральной общественно-политической мысли второй половины XIX - начала XX вв. проблема формы правления, рассматривавшаяся как в теоретической, так и в политико-практической плоскости – применительно к России, занимала достаточно серьезное место, являясь одновременно дискуссионной. Исследование теоретического аспекта данной проблемы, выступая органичной составляющей профессиональной деятельности многих либеральных идеологов рассматриваемого периода, вместе с тем, служило своего рода фундаментом для размышлений о форме правления, наиболее адекватной российским историческим реалиям II половины XIX - начала XX вв. Данные размышления и являются предметом исследования в настоящей статье.

Следует отметить, что либералов объединяло убеждение в отсутствии наилучшей формы правления как таковой. По их мнению, допустимо было лишь говорить об «образе правления», наиболее адекватном специфике исторического развития страны, национальным особенностям и уровню развития народа в конкретный исторический период².

По убеждению либералов, историческая динамика форм правления состояла в переходе от абсолютной монархии к представительному порядку: конституционной монархии или республике, ибо «один из самых существенных элементов как общественного благосостояния, так и политического могущества» составляет свобода, которая «естественно, неудержимо ведет к участию народа в решении государственных вопросов»³. «Вообразить же, что сколько-нибудь широкое развитие свободы возможно без представительного правления, не что иное, как праздная мечта», – утверждал, в частности, Б.Н. Чичерин, выражая общую позицию либералов⁴.

¹ *Вострикова Влада Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные дисциплины» Орловского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.*

² См., например, Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Тип. Т.-ва И.Д. Сытина, 1899. С. XVII.

³ Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма. Антология. М.: Канон, 1997. С. 53.

⁴ Он же. Конституционный вопрос в России. С. 54.

Либералы отмечали историческую обусловленность формирования в России монархической формы правления, увязывая этот процесс с периодом становления единого Российского государства. «Монархическое устройство, – отмечал, в частности, М.М. Ковалевский, – вызвано было ходом истории, необходимостью сплотиться под главенством сильной центральной власти, чтобы завоевать себе независимость от татар, отстоять ее от поляков, шведов и турок, и расширить пределы государства от Балтийского моря до Черного, от Вислы до Тихого океана»¹. На фактор внешней угрозы как решающий указывали П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер².

«Постоянная мобилизация всех сил страны на борьбу за образование и укрепление государственной территории», указывали идеологи российского либерализма, привела к тому, что монархия быстро начала приобретать неограниченный характер³, окончательно сложившись в такой форме при Петре I⁴.

Выдающиеся представители отечественного либерализма II половины XIX в. – Б.Н. Чичерин и К.Д. Кавелин, вплоть до конца XIX в., связывая будущее России с монархическим принципом организации власти, отстаивали необходимость сохранения самодержавия. В «Письме к издателю», написанном в январе 1856 г. и адресованном Герцену⁵, либералы в качестве важнейшей политической задачи выдвигали восстановление живой и непосредственной связи между царем и народом, утраченной вследствие роста значимости в управлении бюрократического аппарата⁶. «Под сенью сорокалетнего террора, – констатировали авторы "Письма", – успела возникнуть ..., утвердиться и опутать всю Россию в свои сети алчная, развратная и невежественная бюрократия, которая, втиснувшись между царем и народом, под благовидным предлогом преданности государю и охранения его престола искусственно поддержива-

¹ Ковалевский М.М. Политическая программа нового союза народного благоденствия (речь на собрании членов клуба независимых) // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. М.: РОССПЭН, 2002. С. 32.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. Население, экономический, государственный и сословный строй. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1896. С. 115; Кизеветтер А.А. Иван Грозный и его оппоненты. М.: кн. маг. Гросман и Кнебель, 1898. С. 25.

³ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 20.

⁴ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. С. 87-88.

⁵ Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М.: Мысль, 1966. С. 48-49.

⁶ Кавелин К.Д., Чичерин. Б.Н. Письмо к издателю // Опыт русского либерализма. Антология. С. 24.

ет разрыв между ним и позорно угнетенной страной»¹. Либералы называли власть бюрократии «тиранией особого рода», ведущей страну к гибели².

На истинное, т.е. очищенное от всевластия бюрократии, самодержавие, либералы возлагали надежды в плане модернизации страны. По убеждению Чичерина, подтверждением того, что «самодержавие может вести народ громадными шагами на пути гражданственности и просвещения» являлась «русская история последних полутора столетий»³. Преобразовательный потенциал монархии, с точки зрения Чичерина, обусловливался самой ее сущностью – сосредоточением власти в руках единоличного главы. «Монархи..., как доказывает история, являются самыми смелыми преобразователями, – писал либерал. – Сосредоточивая власть в своих руках, не боясь препятствий, устраняя всякое противодействие, самодержавный государь может произвести перемены, немислимые при другом образе правления»⁴. «Только личная воля человека в состоянии так быстро двигать народ на пути развития, и притом без насильственных переворотов, без междоусобий, без разрушения всего существующего, не разрывая связи с прошедшим», – утверждал Чичерин⁵.

По его убеждению, благодаря тому, что «монарх поставлен выше частных интересов; выгоды его сливаются с пользою государства», а, значит, при «нормальном положении дел» прямой интерес монарха составляет «внутреннее благоустройство, развитие общего благосостояния»⁶. «Одно только монархическое правительство в состоянии отрешиться от односторонних целей и собирать вокруг себя способных людей различных направлений, соединяя их в дружной деятельности для общего блага», – настаивал Чичерин⁷.

Более того, либерал утверждал, что актуальность самодержавной формы правления во второй половине XIX в. даже более значительна, нежели ранее, ибо «усложнившаяся социальная структура, вовлечение новых слоев в общественную жизнь требует единого центра»⁸.

Для Чичерина и Кавелина была очевидна неготовность русского народа к участию в управлении государством. «Не скрою, – признавался

¹ Там же. С. 23.

² Там же.

³ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. XVII, 121.

⁴ Там же. С. 121

⁵ Там же. С. 121-122.

⁶ Там же. С. 120-121.

⁷ Там же. С. 122

⁸ Там же. С. 125.

первый, – что я люблю свободные учреждения, но я не считаю их приложимыми всегда и везде, и предпочитаю честное самодержавие несостоятельному представительству»¹. Политическая свобода, по глубоко-му убеждению Чичерина, «полезна для народов только в их зрелом возрасте», когда «народная жизнь выработала все данные, необходимые для ее существования. Иначе она вносит в общество только разлад»². Исходя из идеи приоритета интересов государства над интересами личности³, либерал настаивал, что, «обсуждая пользу представительных учреждений, необходимо рассмотреть, какое значение они имеют для общих государственных интересов...»⁴.

Согласно позиции Кавелина, изложенной им в статье 1875 г. «Чем нам быть?», конституция в России «немыслима»⁵. По убеждению либерала, для этого нет, прежде всего, социальных условий, а именно: отсутствует сплоченный высший класс, способный противостоять власти. «Конституция только тогда имеет какой-нибудь смысл, когда носителями и хранителями ее являются сильно организованные, пользующиеся авторитетом, богатые классы, – писал либерал. – Где их нет, там конституция является ничтожным клочком бумаги, ложью, предлогом к самому бессовестному, бесчестному обману»⁶. По Кавелину, насущной проблемой для России являлось создание не политического, а административного органа (сената), который бы оказывал помощь монарху в управлении⁷. Таким образом, политическая программа Кавелина сводилась к попытке сформулировать требования административных преобразований без нарушения принципа самодержавия.

Однако на рубеже 1870-1880-х гг. позиции Кавелина и Чичерина в отношении самодержавия разошлись.

Первый остался сторонником самодержавия. «Что у нас желают... конституции – есть клевета и напраслина на Россию», – утверждал он в 1881 г. в статье «Бюрократия и общество»⁸. В 1880 г. в работе «Разговор с социалистом-революционером» Кавелин формулирует идею о том, что

¹ Там же. С. XIX.

² Там же. С. 52, XIX.

³ См: «...охранение свободы, обеспечение права и проистекающее отсюда возбуждение народных сил не составляют единственной, ни даже верховной цели государства. Личная свобода и частные выгоды подчиняются в нем высшим началам; на первом месте стоит благо целого союза». Там же. С. 52.

⁴ Там же.

⁵ Кавелин К.Д. Чем нам быть? // Опыт русского либерализма. С. 109.

⁶ Там же. С. 108.

⁷ Подробнее см.: Кавелин К.Д. Чем нам быть? С. 111-121.

⁸ Кавелин К.Д. Бюрократия и общество // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Стб. 1070.

русский народ стремится «к осуществлению своего исторического идеала не в грубой конституционной борьбе большинства с меньшинством, но в общинном единогласии под эгидой Самодержавной власти»¹.

Либерал утверждал, что Россия может развиваться во главе с самодержавным, т.е. свободным царем, который не зависит «ни от бояр, ни от плутократов»². Историческая миссия России, по его мнению, заключается в создании «небывалого своеобразного политического строя» – «Самодержавной республики»³. Идеалом для Кавелина является «Самодержавная власть, вдохновляемая и направляемая народным мнением»⁴. «Тут выражено органическое единство власти и народа; – писал Кавелин, – а так как народ, без сомненья, по самому существу своему самодержавен, то и единая с ним власть... должна быть самодержавной»⁵. Либерал рисовал свой идеал «самой естественной» для России политической формы: «Я начинаю с крестьянской общины, вполне автономной во всех делах, до ея одной касающихся; затем союзы общин уездные и губернские или областные со своими выборными представителями: а целое завершится Общим Земским Собором под председательством Самодержавного, наследственного Царя»⁶.

По убеждению Кавелина, «Россия, благодаря истории и обстоятельствам, есть единственная страна в мире, где возможен твердый законный порядок и широкие гражданские свободы при полноте самодержавной власти»⁷.

В отличие от Кавелина, Чичерин в конце 1870-х гг. понял ошибочность лозунга сохранения самодержавия. В статье «Конституционный вопрос в России»⁸ он утверждал, что «без представительного порядка верховная власть никогда не выйдет из своего уединенного положения, из той обманчивой атмосферы, которою она окружена», никогда не сможет войти в «живое» общение с народом, найти «людей, способных быть исполнителями тех великих задач, которые ей предстоят»⁹. В оправдание своего отрицательного отношения к созданию представительного органа власти сразу вслед за отменой крепостного права либерал ссылался на нецелесообразность и, более того, опасность соче-

¹ Кавелин К.Д. Разговор с социалистом-революционером. Berlin, 1880. С. 27.

² Там же. С. 28.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 36.

⁷ Кавелин К.Д. Бюрократия и общество. Стб. 1070.

⁸ Написана в 1878 г., но опубликована отдельной брошюрой в 1906 г., уже после смерти автора.

⁹ Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. С. 70.

тания «глубоких гражданских преобразований» с введением политической свободы. «Переворот, совершившийся в России, был так громаден, все отношения общественные и частные до такой степени выбились из прежней колеи», указывал он, что «избирать такую пору для введения конституционного порядка было бы то же, что пустить корабль по воле ветра и волн»¹.

К началу XX в., по мнению либерала, самодержавная форма правления в России уже исчерпала себя, сыграв предназначенную ей историей роль «воспитателя» народа. Теперь настала пора предоставить обществу блага свободы, без которых невозможно дальнейшее развитие. «Общество, привыкшее ходить на помочах, никогда не разовьет в себе той внутренней энергии, той самодеятельности, без которых нет высшего развития», – писал он². Помимо того, необходимость перехода к представительной форме правления обуславливалась и внешнеполитическими причинами. «Государство, в котором задерживается общественная самодеятельность, не в состоянии тягаться со свободными странами», – указывал Чичерин³.

Из двух форм представительного правления – республики и конституционной монархии – выбор, по убеждению Чичерина, возможен был только в пользу последней. «Монархическая власть играла такую роль в истории России, – писал либерал, – что еще в течение столетий она останется высшим символом ее единства, знаменем для народа. Долго и долго еще она сохранит первенствующее значение в государственных учреждениях. Единственное, о чем позволительно у нас мечтать, это приобщение к ней народного представительства, облеченного действительными, а не мнимыми правами»⁴.

В общественной мысли начала XX в. в условиях исчерпания потенциала пореформенной модернизации и назревания в стране общенационального кризиса вопрос о форме правления рассматривался в ракурсе способности монархической формы правления органично встроиться в модернизационный процесс, создать условия для реформирования различных сфер общественной жизни.

Либералы указывали на исчерпание абсолютистской моделью монархии возможностей обеспечения поступательного развития страны. Вместе с тем, сам монархический принцип правления они не рассматривали как полностью изжившую себя форму. Эта позиция базировалась

¹ Там же. С. 57.

² Там же. С. 55.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 56.

на глубоком научном анализе роли монархии в истории Российского государства¹.

Вплоть до марта 1917 г. во всех модификациях либеральной модели переустройства России сохранялся монархический принцип организации власти², хотя при этом представители консервативного крыла либерализма и либералы-радикалы и центристы руководствовались различными мотивами.

Первые считали монархию исторической формой власти в России, одним из проявлений национальной самобытности. «Никакое иное государство не имело такого явственного монархического начала», – утверждал Герье³. Монархия позиционировалась как блюститель государственного суверенитета, гарант единства Российской империи, хранительница традиций⁴.

Исходя из этого, монархия была для консервативно настроенных либералов основополагающим принципом политического устройства страны. По их мнению, необходимо только было вернуть монархии ее подлинную изначальную сущность: освободив царя от бюрократической опеки, дать ему возможность вновь услышать глас народа, тем самым

¹ См., например, Герье В.И. О конституции и парламентаризме в России. М.: Типография «Русского голоса» (Н.Л. Казецкого), 1906; Кизеветтер А.А. Иван Грозный и его оппоненты. М.: кн. маг. Гросман и Кнебель, 1898; Он же. История России // Энциклопедический словарь. Т. XXVIII. СПб.: Типография Акц. Общ. «Издат. дело, бывш. Брокгауз-Ефрон, 1899; Ковалевский М.М. Из истории государственной власти в России. М.: Книгоиздательство Е.Д. Мягкова «Колокол», 1905; Он же. Очерки по истории политических учреждений России. СПб.: Издание Н. Глаголева, 1908; Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1908; Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М.: Высшая школа, 1993; Лазаревский Н.И. Самодержавие // Энциклопедический словарь. Т. XXVIIIа СПб.: Типография Акц. Общ. «Издат. дело, Брокгауз-Ефрон, 1900; Он же. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб.: скл. изд-во при кн. скл. «Право», 1910; Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. Население, экономический, государственный и сословный строй. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1896; Шершеневич Г.Ф. Конституционная монархия. М.: Народное право, 1906 и др.

² Следует уточнить, что в программе конституционно-демократической партии требование «конституционной и парламентарной монархии» было прописано на II партийном съезде в январе 1906 г., тогда как на Учредительном съезде партии в октябре 1905 г. параграф о форме правления был изложен неопределенно («Конституционное устройство Российского государства определяется основным законом») ввиду ряда обстоятельств: сложности политической ситуации, желания избежать раскола в рядах либеральной оппозиции. См.: Программы политических партий России. Конец XIX - начало XX вв. М., 1995. С. 326, 328.

³ Герье В.И. О конституции и парламентаризме в России. М.: Типография «Русского голоса» (Н.Л. Казецкого), 1906. С. 13.

⁴ Герье В.И. Указ. соч. С. 13; Программа «Союза 17 октября» (1906 г.) // Программы политических партий России. С. 344.

приспособив монархию «к культурным потребностям ... времени»¹. На практике это означало включение сильной монархической власти в конституционный контекст. Такой подход предполагал ориентацию на дуалистическую форму конституционной монархии, которая, как отмечал Герье, «ограничивая и смягчая монархический принцип, сохраняет вместе с тем преимущества, присущие монархическому образу правления»².

«Мы видим в конституционной монархии (*имеется в виду дуалистическая монархия. – прим. В.В.*) противодействие идее деспотизма олигархии или массы, – писал Д.Н. Шипов. – Монарх – выше всех политических партий, он – вне их интересов и борьбы, и поэтому свобода и право каждого гражданина наиболее обеспечены при конституционной монархии»³. Монарх, настаивал Герье, в условиях расслоения общества на группы с различными, зачастую противоречащими друг другу интересами, призван играть роль блюстителя общего интереса – интереса государства⁴. Таким образом, в будущем конституционном государстве либералы рассматривали монарха в качестве надпартийной, надклассовой, умиротворяющей силы, видя в этом «величайшей важности» «новую историческую миссию» монархии⁵.

На Государственную Думу возлагалась функция артикуляции интересов различных социальных групп, она представлялась либералам как постоянно действующий канал передачи информации власти об общественных настроениях. В результате должен был установиться союз монархической власти и народа на основе морально-этической солидарности.

Радикально настроенные либералы и либералы-центристы, признавая объективный характер процесса формирования монархии и, впоследствии, ее трансформации в абсолютизм, отказывались видеть в этом проявление самобытности России и рассматривали самодержавие как аналог европейского абсолютизма. «В России процесс образования самодержавной власти происходил, быть может, не в столь чистой форме, как в некоторых государствах Западной Европы, напр. во Франции, но существо этого процесса было абсолютно то же», – писал Н.И. Лазаревский⁶.

¹ Герье В.И. Указ. соч. С. 6.

² Там же. С. 12.

³ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: РОССПЭН, 2007. С. 425.

⁴ Герье В.И. Указ. соч. С. 13.

⁵ Программа «Союза 17 октября». С. 344.

⁶ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб.: скл. изд-во при кн. скл. «Право», 1910. С. 77.

Либералы стремились доказать тождественность исторического развития России и Европы при десинхронизации его стадий, а, значит, и закономерность ограничения монархии до ее парламентарной формы.

Следует отметить, что для либералов принципиальным был вопрос о ликвидации абсолютизма, а не о выборе между парламентарной монархией или республикой. С точки зрения либеральной теории, форма правления в конституционном государстве не являлась элементом, обусловливающим полноту реализации принципов свободы личности и участия граждан в государственных делах.

Позицию кадетов объяснял Кизеветтер. «...Партия никогда не придавала выбору формы правления принципиального значения, – писал он. – Для правых партий монархия являлась священным устоем. Для левых – республика служила одним из членов политического символа веры. Для партии к.-д. выбор между тем и другим был не вопросом принципа, а вопросом целесообразности, лишь бы были утверждены конституционно-демократические начала»¹. По словам Милюкова, республику и конституционную монархию кадеты считали «формами безразличными», если они гарантировали парламентарное правительство².

Сохраняя монархический принцип организации власти в своей программатике, кадеты руководствовались соображениями политической целесообразности. В частности, И.И. Петрункевич писал: «С точки зрения партии "Народной свободы", как монархическая, так и республиканская форма государственного устройства есть вопрос не принципа, а факта, соответствующего историческому моменту»³.

В условиях начала XX в. либералы руководствовались, прежде всего, особенностями российской политической культуры. Как пояснял Ковалевский, «форма правления – не предмет свободного выбора, она должна отвечать порожденным историей верованиям и желаниям народных масс»⁴. В России доминантой политического сознания большинства населения являлась монархия. По словам Г.Ф. Шершеневича, народная масса, особенно крестьяне, проникнута монархическим настроением, если не убеждением; царь воспринимается как символ государства и власти, окруженный к тому же религиозным ореолом⁵. «К

¹ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания. 1881-1914 // Российские либералы: кадеты и октябристы: Документы, воспоминания, публицистика. М.: РОССПЭН, 1996. С. 227.

² Дневник П.Н. Милюкова. 1918-1921. М.: РОССПЭН, 2004. С. 37.

³ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. В 22 т. Т. 21-22. М.: Терра, 1993. С. 396.

⁴ Ковалевский М.М. Политическая программа нового союза народного благоденствия (речь на собрании членов клуба независимых). С. 33.

⁵ Шершеневич Г.Ф. Конституционная монархия. С. 16.

началу XX века самодержавие опиралось не столько на дворян, сколько на крестьян, – писала А.В. Тыркова. – Мало сказать, что они были покорны царской власти. Они были просто с ней органически связаны»¹.

В таких условиях республика, указывали либералы, являлась бы «чистым построением на песке», ибо была «совершенно чужда сознанию и чувству массы русского народа»². Исходя из этого, Милюков на Учредительном съезде конституционно-демократической партии объявил требование республики стоящим «вне пределов практической политики»³.

Таким образом, отечественная либеральная мысль начала XX в., рассматривая монархию в качестве важнейшей составляющей российского исторического процесса, пыталась встроить концепт монархии в систему либеральных мировоззренческих координат⁴, переосмыслив его применительно к новым историческим условиям.

В либеральной мысли представлены неоднозначные оценки формы правления, сложившейся после опубликования Манифеста 17 октября и Основных государственных законов.

Правое крыло русского либерализма – октябристы – считали, что российская политическая система эволюционирует в новое качество – к конституционной монархии в ее дуалистической форме. «...И в новом конституционном строе, – утверждал А.И. Гучков в ноябре 1906 г., – монархическое начало призвано играть важную и благодетельную роль. Высоко возносясь над ожесточенной борьбой интересов, оно берет на себя великую роль примирителя и становится на страже идеи справедливости и начала государственности»⁵.

Гораздо сложнее была позиция кадетов, предлагавших оценку природы российской государственности с правовой и социологической позиций. Согласно первой, конституционное правление существует уже тогда, когда дано национальное представительство, облеченное правом

¹ Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М.: СЛОВО/SLOVO, 1998. С. 241.

² Шершеневич Г.Ф. Конституционная монархия. М.: Народное право, 1906. С. 16; Кауфман А. Познай самого себя! (О конституционно-демократической партии) // Российские либералы: кадеты и октябристы. С. 110.

³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905-1920 гг. В 3 т. Т. 1. 1905-1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. С. 21.

⁴ Шелохаев В.В. Имперская и монархическая составляющие либеральной идеологии (к постановке проблемы) // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 24-26 сентября 2014 г. Орел. Госуниверситет - УНПК. Орел, 2014. С. 7-11.

⁵ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905-1915 гг. В 2-х томах. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905-1907 гг. М.: РОССПЭН, 1996. С. 241.

законодательных решений. Исходя из этого, с формально-юридической точки зрения, кадеты считали допустимым говорить о переходе России к конституционной монархии¹. Разногласия возникли по вопросу о том, с какого времени конституционная монархия стала реальностью де-юре. В.М Гессен, В.А. Маклаков вели отсчет со дня опубликования манифеста 17 октября, расценивая его как октроированную конституцию². С точки зрения Лазаревского, непосредственно манифест не создал перехода к ограниченной монархии (поскольку не лишил царя права единоличной законодательной деятельности в переходный период вплоть до созыва Думы), но этот переход им предрешен. Днем перехода должно быть признано 27 апреля 1906 г., когда открылась I Государственная Дума³. Б.А. Кистяковский настаивал на том, что государственный строй России в конституционный превратили законодательные акты, последовавшие за манифестом 17 октября, начиная с закона от 11 декабря 1905 г. и закончивая Основными законами⁴.

Сторонники социологического подхода, анализирувавшие, прежде всего, соотношение правовой нормы и действительности, сам механизм власти, поведение бюрократии приходили к выводу о мнимоконституционном характере российской политической системы. В частности, Милюков, будучи уже в эмиграции, писал: «Германские публицисты придумали уже для этого периода меткое название: эпоха "мнимого конституционализма"... Уступки власти не только потому не могли удовлетворить общества и народа, что они были недостаточны и неполны. Они были неискренни и лживы, и давшая их власть сама ни минуты не смотрела на них, как на уступленные навсегда и окончательно»⁵.

Думается, следует согласиться с мнением А.Н. Медушевского, расценившего утверждение либералов о созданном Манифестом 17 октября переходе России к ограниченной монархии как своеобразную «форму борьбы за желательный политический порядок»⁶. Доказать, хотя

¹ См., например: Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань: Типо-тогр. Имп. ун.-та, 1913. С. 311-312; Гессен В.М. Самодержавие и Манифест 17 октября // Гессен В.М. На рубеже. СПб.: Типо-Лит. А.И. Розена (А.Е. Ландау), 1906. С. 205.

² Гессен В.М. Указ. соч. С. 205; Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. (Воспоминания современника) // Российские либералы: кадеты и октябристы. С. 236-237.

³ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. С. 107.

⁴ Кистяковский Б.А. Государственное право: общее и русское. Лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/1909 гг. М., Изд. студ. комиссии Общества взаимопомощи студентов Коммерческого института, 1908. С. 260-261.

⁵ Милюков П. Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 23.

⁶ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997. С. 449.

бы и с формально-юридической стороны, уничтожение самодержавия было для кадетов чрезвычайно важно, поскольку, указывая, например, В. Гессен, самодержавие – не просто форма правления, это символ политического мировоззрения. Для врагов обновления России – это знамя, вырвать которое – значит облегчить освободительному движению торжество¹.

Следует отметить, что в либеральной общественной мысли развернулась полемика по вопросу о возможности сохранения в политическом лексиконе обновленной России термина «самодержавие». Категорическими противниками этого были кадеты, отождествлявшие самодержавие с абсолютизмом. «В настоящее время, – писал, в частности, Лазаревский, – под самодержавием понимают исключительно абсолютную власть монарха в делах правления»².

Октябристы, основываясь на славянофильском подходе, допускали сохранение этого термина, апеллируя к его первоначальному значению как характеристике независимого государя, никому не платящего дани. «В сознании русского народа слово "самодержавие" не отождествляется с понятием о деспотизме и самовластии... Титул "самодержавный" является ... историческим достоянием и в представлении народа связан с понятием о монархе, а не о неограниченной власти», – писал Шипов³.

Вплоть до падения монархии в марте 1917 г. она подвергалась критике со стороны различных общественных сил, усиливавшейся по мере нарастания в стране социально-экономического и политического кризиса.

Учитывая новые исторические условия, кадеты, среди которых в это время победу одержали сторонники «народного суверенитета» – введения в России демократической парламентской республики, отказались от принципа монархизма и изменили соответствующее положение в программе⁴. Ф.Ф. Кокошкин, обосновывая эту позицию на VII съезде партии народной свободы в марте 1917 г., утверждал, что монархическая форма правления рассматривалась кадетами не как «цель», а как «только средство», при помощи которого либералы «рассчитывали наикратчайшим путем приблизиться к осуществлению» своих «политических идеа-

¹ Гессен В. М. Новый порядок // Гессен В.М. На рубеже. С. 207-208.

² Лазаревский Н.И. Самодержавие. С. 206.

³ Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 416-417.

⁴ См. резолюции седьмого съезда конституционно-демократической партии // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905-1920 гг. В 3-х т. Т. 3. Кн. 1. 1915-1917 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 492.

лов»¹. Конституционная монархия виделась кадетам «как компромисс между началом народоправства и началом абсолютизма», как необходимая переходная историческая ступень к полному осуществлению начал народоправства².

Кокошкин повторил мысль о том, что на момент включения в программу партии в 1906 г. монархического принципа организации власти учитывалось отношение населения к монархии, с которой связывалось «представление о государстве с личным символом»³. Однако за последние 12 лет, по убеждению либерала, самосознание народа изменилось, и личный символ утратил свой идеал. В течение этого времени монархия попирала права народа и сама разрушала в его сознании ту связь, «которая существует между представлением о монархии и представлением о государстве»⁴. Монархия, подчеркивал Кокошкин, сама «подрывала собственные устои и своими собственными руками готовила свою гибель»⁵. Он привел слова Петрункевича, о том, что «монархия совершила над собою акт самоубийства»⁶.

По мнению Кокошкина, тот порядок управления страной, который установился после падения монархии, фактически уже являлся республиканским, что не могло не оказать влияния на будущее решение вопроса о форме правления Учредительным собранием⁷. «Республика в наших глазах не может не быть самой совершенной формой правления, – подчеркивал Кокошкин, – ибо эта форма правления, при которой наш демократический принцип: господство воли народа – осуществляется в самом полном и чистом виде»⁸.

Помимо этих принципиальных соображений, в пользу республики, с точки зрения либерала, говорили насущные интересы текущего политического момента. А именно: введение этого положения в программу кадетов способствовало бы снятию противоречия между ними и социалистами по вопросу о форме правления. А это, в свою очередь, вело бы к «всенародному объединению», важному перед лицом внешней опасно-

¹ Доклад Ф.Ф. Кокошкина о пересмотре партийной программы в вопросе о государственном строе // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905-1920 гг. В 3-х т. Т. 3. Кн. 1. 1915-1917. М.: РОССПЭН, 2000. С. 369.

² Там же. С. 370.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 371.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 372.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 373.

сти. «Монархия нас разделяет, республика нас объединяет», – заключал Кокошкин¹.

Указывая, что под маркой республики может скрываться и диктатура, либерал настаивал на четком проведении принципа разделения властей. Законодательной властью наделялось представительное собрание, а во главе исполнительной власти стоял президент, избираемый на определенный срок народным представительством и управляющий через посредство ответственного перед последним министерства².

На Государственном совещании в августе 1917 г., собравшем представителей всех политических (кроме большевиков) и общественных сил страны, настойчиво звучала поддержка республиканской формы правления для России. Россия была объявлена республикой 1 сентября 1917 г. постановлением Временного правительства.

Таким образом, проблема формы правления рассматривалась в отечественной либеральной мысли второй половины XIX-начала XX вв. в плане способности самодержавия инициировать и возглавить модернизационные процессы в различных сферах общественной жизни. В начале XX в. либералы пришли к отрицательному ответу на этот вопрос. Соглашаясь с необходимостью сохранения монархического принципа организации власти, они выступали за конституционную монархию в разных формах: дуалистической либо парламентарной. Однако после свержения монархии в феврале 1917 г. они присоединились к требованию республики.

¹ Там же.

² Там же. С. 377.

А. Босяцки¹

**В ПРОТИВОВЕС ЦАРЮ. ПОЛЬСКИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ
 ЛИБЕРАЛИЗМ В ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПЕРВОЙ
 ПОЛОВИНЕ XIX в. В т.н. КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ²**

Вступление. Цель настоящей статьи - представить феномен польского классического либерализма, изучаемый применительно к т.н. Царству Польскому, находившемуся в составе Российской империи по итогам Наполеоновских войн с 1815 г., который до времен польского Ноябрьского восстания 1830-1831 гг. являлся восприятием идей Бенджамина Константа де Ребека (1767-1830). В так называемом³ Конгрессном Королевстве, состоящем из польских земель русского раздела, особом квазигосударственном организме, созданном после Венского конгресса в 1815 г. и формально ликвидированном в 1869 г., российский царь Александр I дал Королевству конституцию, соблюдения которой требовали в основном депутаты Калишского воеводства (Kalisz) под руководством Винсетнта и Бонавентуры Немойовских. После помещения под домашний арест Винсент Немойовский перевел основные произведения Константа, важные с точки зрения парламентской борьбы, а впоследствии и вооруженной борьбы во время Ноябрьского восстания 1830–1831 гг., которые были объединены в одну книгу. Издание включало в себя развернутое описание принципа разделения властей, весьма зрелую концепцию прав и свобод личности, а также перечень их гарантий от произвола государственных органов. Особо Немойовский выделил в работе такие свободы как свобода печати и независимость судов, что было подчеркнуто в его переводе. Парадоксально, но это была самая масштабная рецепция идей классического либерализма в Польше, где созвучные эпохе направления политической мысли, представленные политическими партиями, еще не получили должного развития. То же самое являет-

¹ Адам Босяцки - профессор юридических наук Республики Польша, доктор юридических наук, заведующий кафедрой политических и правовых учений Факультета права и управления Варшавского университета, ординарный профессор Варшавского университета.

² In opposition to the tsar. polish classical liberalism in polish political thought in the first half of the 19th century in the so-called the Kingdom of Poland

³ Термин «так называемый», очевидно, касается только номенклатуры, а не объема значения описываемого учреждения. То же самое и с так называемой Народной Польшей, в которой сфера влияния народа на политику на самом деле была обратно пропорционально идеологическим декларациям. Современные польские конституционалисты и историки права, как и конституция 1997 г., вместе и по отдельности не рассматривают в качестве польского государства не только несuverенные квазигосударственные творы (образования, организмы) XIX в., но и Польскую Народную Республику до 1989 г.

ся характерной чертой и во всех посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы.

Тем важнее представить (и вспомнить) концепцию системы так называемого движения калишан, действовавших как парламентская оппозиция во времена Конгрессного Королевства (до Ноябрьского восстания). Несмотря на относительно большое количество ценных исследований по этой теме¹, это до сих пор еще малоизвестный пример восприятия классического либерализма, отсутствующий в такой форме и сравнимом объеме в более поздней польской политической и правовой мысли. Такое направление исследования тем более важно, потому что это движение, как носитель рецепированных либеральных идей, оказало значительное влияние на формирование политической сцены, в отличие сформировавшихся позднее, а также современных польских либеральных партий.

Активность калишан, а точнее Винсента Немойовского, также является одной из первых попыток поляков возглавить легальную оппозицию в польских землях, вошедших в состав империи. Она была дополнительно предпринята в соответствии с формально обязательной конституцией, усеченной Александром I и направленной на обеспечение независимости страны. Независимо от намерений поляков, на протяжении почти столетия (1816-1915) все подобные попытки заканчивались неудачей², а самодержавие не могло совместиться с писаной конституцией и конституционализмом, многие реформы были, по сути, навязаны монархии. Однако, несмотря на неудачи в политико-правовой практике, в этот период было разработано много важных предложений по реформе статуса польских земель, и многие из них (написанные Немойовским) представляют собой хороший пример социального проектирования западноевропейской науки в этой области.

¹ См. напр.: H. Więckowska *Opozycja liberalna w Królestwie Kongresowym 1815–1830*. Warszawa, 1925; M. Janowski *Polska myśl liberalna do 1918 roku*. Kraków – Warszawa, 1998; W. Bernacki *Liberalizm polski 1815–1939. Studium doktryny politycznej*. Kraków, 2004. С. 11–13, 64, 109–118; P. Królak «*Dziewięćdziesiąt dziewięć cudzych pomysłów i jeden autora*». *Porównanie myśli konstytucyjnej Wincentego Niemojowskiego i Benjaminia Constanta*. «Czasopismo Prawno-Historyczne». 2012. Т. XLIV. Вып. 2. С. 460–461.

² Последние попытки легальной оппозиции поляков в Российской империи по восстановлению независимости имели место после того, как в 1906 г. были объявлены первые выборы в Государственную Думу, когда некоторые круги (сконцентрированные в основном внутри движения за национальную демократию) получили депутатские места. Со времен Конгрессного Королевства, посредством реформ маркграфы Александра Велопольского и до последних лет существования царской России, - как описывал исследователь, - это был определенный континуум наряду (как мы знаем) с вооруженной борьбой за возрождение государства. Стоит добавить, что оба явления дополняли друг друга.

Калишаны считаются одной из трех кристаллизовавшихся партий своего времени, наряду с консервативной партией князя Адама Ежи Чарторыйского (1770-1861) и членами Патриотического общества, называющими себя якобинцами и сосредоточившимися вокруг Иоахима Лелевеля (1786-1861). Отталкиваясь от имени Бенджамина Констана, калишанцев также называли бенджамистами, конституционалистами или доктринерами¹.

Лидеры калишан - братья Винсент и Бонавентура Немойовские - руководили так называемыми модельными фермами (образцовые хозяйства, субсидируемые государством – *прим. ред.*), в том числе в Пшистане и Марчваче. Винсент Немойовский (1784–1834) был членом парламента Королевства Польского с 1818 г., а во время Ноябрьского восстания он был членом национального правительства (в 1831 г.). Вместе с Бонавентурой (1787–1835) он изучал право в немецких университетах. Оба они путешествовали по Европе и были хорошо знакомы с политической литературой (включая самую модную либеральную литературу того времени).

Лидер движения Винсент Немойовский хотел вести политическую деятельность на основе конституции так называемого Королевства Польского. Взгляды Бенджамина Констана де Ребек (1767–1830) хорошо подходили для этого. Констан писал во Франции в условиях режима Директория (*Directoire*) и, прежде всего, действия конституции 1814 г. Оба закона имели много общего (например, монарх как модератор империи), поэтому борьба за конституцию и внутри конституции казалась возможной и политически привлекательной.

Как позднее, в Государственной Думв России, как классическая парламентская оппозиция, Винсент Немойовский и калишане критиковали антиконституционную деятельность министров. Как депутат Винсент Немойовский добился отклонения, по крайней мере, нескольких важных государственных законопроектов. Это касалось, в частности, цензуры, уголовного судопроизводства и Органического статута Сената 1820 г., что крайне раздражало лично Александра I. Братья приобрели беспрецедентную популярность, которая продолжалась из поколения в поколение². Их ценили, прежде всего, за идеализм и борьбу за конституцию. Однако в политическом смысле их политический либерализм, находившийся между революционным радикализмом и консерватизмом, не при-

¹ Bortnowski W. *Kaliszanie w latach 1830–1831* // «Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historica». 1983. No. 16. С. 5.

² См. напр. В. Wachowska *Tradycje Powstania Listopadowego (1880–1942)* // «Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historica». 1983. № 16. С. 34.

нимался во внимание, хотя борьба за конституцию была, судя по всему, наиболее важной для калишан среди прочих видов их политической активности.

Оппозиционная парламентская деятельность Винсента и Бонавентуры Немойовских изобиловала приведением примеров по классическим случаям нарушения закона в отношении калишан¹. Чтобы помешать Винсенту Немойовскому участвовать в дебатах в Сейме, было принято специальное постановление о том, что он не может оставаться в зале, если там находится император или (фактически) его официальный представитель². Общественный совет в Калише (*Rada Obywatelska w Kaliszu*), который пригласил братьев Немойовских для участия в своих прениях, также был распущен. Наконец, в 1825 г. Винсент Немойовский был помещен под домашний арест, после того, когда он прибыл на сессию Сейма в Варшаву, в тот момент там находился император. Он оставался там вплоть до начала Ноябрьского восстания³. Затем он посвятил себя активной литературной и публицистической деятельности и, в частности, перевел произведения Бенджамина Констана.

После того, как вспыхнуло восстание, освобожденные братья Немойовские заняли должности заместителей министра юстиции (Бонавентура) и министра внутренних дел (Винсент)⁴. В то время они разработали многочисленные преобразования в судебно-административном аппарате. Винсент Немойовский присоединился к Национальному правительству 26 января 1831 г. Однако во время восстания заседания Сейма были не самым подходящим местом для теоретических и, особенно, либеральных дебатов.⁵ Братья Немойовские постоянно заявляли о своей приверженности самой идее конституции. Скорее всего, примером для них была польская Конституция 1791 г. (*Правительственный акт* от 3 мая 1791 г.)⁶.

¹ Несмотря на это, польское движение подверглось критике за недостаточно реалистичные требования соблюдения конституции. См. P. Szymaniec *Fryderyk Skarbek o konstytucji Królestwa Polskiego z 1815 roku i Statucie Organicznym z roku 1832 // «Czasopismo Prawno-Historyczne»*. 2014. Т. XLVI. Вып. С. 284.

² W. Bortnowski *Указ. соч.* С. 7–8.

³ *Ibidem*.

⁴ *Ibidem*. С. 10. См. также: W. Witkowski *Указ. соч.* С. 169.

⁵ После поражения восстания Винсент Немойовский был приговорен к смертной казни, которую царь заменил 10 годами каторжных работ. Умер по дороге в Сибирь. Его брат Бонавентура продолжал политическую деятельность, но перенёс тяжёлое душевное расстройство («впал в меланхолию») и вскоре умер в больнице для душевнобольных. См. также: W. Bortnowski. *Указ. соч.*; А. Босячки. *Указ. соч.*

⁶ R. Żurawski vel Grajewski, *Obchody rocznicy uchwalenia Konstytucji 3 Maja w czasie Powstania Listopadowego w świetle prasy powstańczej // «Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica»*. 1991. № 41. С. 110.

С точки зрения оценки их вклада в польское освободительное движение, гораздо важнее был перевод работы Бенджамин Константа, который Винсент Немойовский, по его собственным утверждениям, сделал во время своего заключения и опубликовал его, как он писал, в жаркие месяцы ноябрьского восстания. Идеалом тогда и позже для него была ограниченная монархия с номинально безответственным монархом. Вероятно, такая система в момент непосредственно предшествующий восстанию, была разработана Винсентом и Бонавентурой Немойовскими для части территорий Польши известных как земли русского раздела Польши (под названием Конгрессного Королевства). Однако следует отметить, что эти идеи были идентичны политическим взглядам Бенджамин Константа и Винсент Немойовски, как переводчик его произведений, открыто признавал это.

Политический идеал для братьев Немойовских Бенджамин Констан де Ребек (1767–1830) - один из выдающихся классиков теории либерализма. Во Франции его до сих пор считают писателем, политиком и интеллектуалом эпохи Просвещения. В своей политической деятельности после падения революции, как и Немойовские, он практически всегда был оппозиционным автором. Однако он вошел в историю, прежде всего как один из создателей современной концепции свободы в ее традиционном виде. Либерализм, провозглашенный Констаном, описывается как интегральный. Он имеет измерение гарантии свободы, примат личности над властью и связанный с этим либертарианский характер всей человеческой жизни. Он противостоит ограничению свободы человека любой формой государственной власти, а также коллективизму, ограничениям, которым подвергались и подвергаются различные аспекты человеческих субъективных стремлений и действий, даже без посредников, что типично для современного человеческого представления о свободе, как выразился французский автор.

Однако параллели между доктриной Константа и взглядами Немойовского не полны. Как и многие современники, Констан, переживший и революции, и империи, выбрал реставрацию. Такое отношение, вероятно, было больше результатом опыта обеих предыдущих систем, чем его личного политического и интеллектуального оппортунизма. Также это была попытка реализации концепции ограниченной монархии. Парадоксально, но именно в условиях реставрации Констан нашел лучшие возможности для политической деятельности.

Брошюры французского автора этого периода, написанные под влиянием текущих политических событий, ссылались на более ранние дискуссии: о политической системе Англии в условиях ограниченной монар-

хии, как писал Монтескье, или о независимости от правительства, как поставил вопрос о власти Дэвид Юм. Как уже указывалось, такие взгляды относят Констана к теоретикам классического либерализма.

Стоит подчеркнуть быстрое восприятие мыслей Констана неопитами либерального учения, а также отсутствие свидетельств о более широком восприятии его взглядов. Взгляды французского автора, увидевшие свет в его печатных трудах, содержат, как известно, такие сюжеты как разделение власти на пять типов, модель конституционной монархии как оптимальной политической системы, спецификацию политических прав и критику принципа суверенитета народа, абсолютизированного в своё время Руссо и в доктрине Французской революции¹. Последнее было, по сути, передачей абсолютизма власти всему обществу и ошибкой в наделении всего общества суверенитетом, точно так же, как было ошибкой наделение суверенитетом отдельного человека или социальной группы². «Никакая власть на земле не является неограниченной, ни власть нации, ни власть людей, которые заявляют, что являются ее представителями, ни власть королей под каким-либо титулом, ни власть закона, которая является лишь выражением воли народа или правителя, в зависимости от конкретной формы правления. Она должна быть ограничена теми же границами, что и сила, от которой он исходит», - заключает Констан³. В реалиях Конгрессного Королевства это был один из многих очевидных вопросов для конкретных политических преобразований. Однако в более широком смысле ответ на него представляет собой формулировку одного из принципов классического либерализма, уже воспринятого в то время на части бывших польских территорий.

Наиболее важным аспектом теоретических воззрений Бенджамина Констана является рассмотрение понятия политической свободы⁴. Такая

¹ Как известно, подобная критика Руссо содержалась в лекции Константа «Сравнение древних свобод со свободой современных». «De la liberté des Anciens comparée à celle des Modernes» (célèbre discours prononcé en 1819).

² Нетрудно заметить, что, как и золотая середина Аристотеля, оптимумом является именно конституционная монархия. Сравните: В. Sobolewska, M. Sobolewski *Указ. соч.* С. 203; В. Sobolewska *Doktryna polityczna liberalizmu arystokratycznego we Francji w latach 1814–1848.* Kraków, 1977. С. 205.

³ Также, он писал «закон завоевания - это всего лишь сила, которая не составляет закона, потому что она переходит в руки того, кто принял его. Согласие нации не может узаконить то, что является незаконным, потому что нация не может делегировать никому власть, которой у нее нет». Это еще один явный аргумент против концепции народного суверенитета. Цит. по: В. Sobolewska, M. Sobolewski *Указ. соч.* С. 204.

⁴ См. напр.: Constant Political Writings / ed. В. Fontana. Cambridge, 1988; J. Trybusiewicz *Idea wolności w myśli Benjamin Constanta // Filozofowie romantyzmu.* Warszawa, 1967.

свобода всегда представляет собой целостную структуру и по сегодняшний день является одним из величайших достижений классической либеральной мысли. Констан описал её как свободу современников (*la liberté des modernes*). Это выражение не утратило актуальности и по сегодняшний день.

В теоретических выкладках Константа есть, как минимум, три значения понятия свободы. Свобода - это 1) право человека на неприкосновенность частной жизни (т.е. независимость от государственной власти и других лиц), гарантированное законодательными актами, 2) право на собственность в структуре, в чем-то похожей на широкую трактовку этого понятия в соответствии с Джоном Локком, и 3) право осуществлять свою деятельность и развитие, как личности в обществе. Создатель современного либерализма рассматривал собственность как право человека решать о своем собственном развитии, понимаемое в контексте права на жизнь, свободу и владение.

По словам Константа, свобода также заключается в том, что «государственная власть не вмешивается в личные и индивидуальные дела. Таким образом, условием свободы является ограничение полномочий властей, разделение властей, их баланс. Однако политическая или имплицитно социальная свобода Константа - это не просто свобода в отрицательном смысле (*свобода от*). Констант считается создателем разделения на положительную и отрицательную свободу (*свободу для*), деления, имеющего принципиальное значение для наших дней, хотя оба термина получили такие названия только в 1958 г. (Исайя Берлин «Две концепции свободы»).

В материальном смысле в основе концепции свободы Константа лежит свобода мысли, понимаемая, конечно, как индивидуальное право каждого человека, которого человек никогда не может быть лишен. «Мысль нельзя победить иначе, чем мыслями», что, конечно, также должно иметь возможность для свободного выражения.

Политические свободы в строгом смысле слова должны вытекать из свободы мысли. Это квинтэссенция свободы в положительном смысле (свобода для): ассоциации, свободы религии, права на неприкосновенность частной жизни, возможности выбора собственного поведения¹. Как и в классическом либерализме, предел свободы - это право на свободу другого человека, социальный вред и санкцию закона. Как и Монтескье,

¹ Как писал В. Немойовский, «сегодня широко признано, что свобода может существовать как при республиканском, так и при монархическом правительстве, когда она ограничена мудрой конституцией и сочетается с представительной системой» (В. Немойовский Предисловие // В. Constant O monarchii konstytucyjnej... С. 2.

Констан пришел к выводу, что свобода - это то, что позволяют законы. И наоборот: то, что не запрещено законом, можно делать. Это осознание невозможности исчерпывающего определения каталога свободы в современном государстве.

Гарантии свободы также важны для концепции свободы Констана. Как уже указывалось, подобно Монтескье, Констан считал, что свобода состоит «прежде всего в том, чтобы подчиняться только законам»¹. Таким образом, свобода в этом смысле есть сдерживание несправедливых ограничений прежде всего государственной властью.

Еще одной гарантией уважения свободы государственными органами является свобода печати. Констан неоднократно выступал против превентивной цензуры, утверждая, что она всегда ведет к беззаконию и деспотизму и прямо подавляет свободу мысли. Он писал, что «это одна из необходимых мер свободы граждан ... без нее ... все свободы становятся иллюзорными, так социальные, как политические и судебные».

Два наиболее важных, созданных Констаном, формальных принципа системы включают модификацию разделения власти Монтескье и принцип современной свободы, классическое видение представительной демократии как сущности, противостоящей коллективизму, прямой демократии или т.н. партиципаторной демократии. В обоих случаях мыслитель ссылаясь на самые известные современные концепции функционирования государственной власти: Шарля Луи Монтескье и Жан-Жака Руссо, каждый из которых оставил свой величайший след в политической идеологии французского Просвещения².

В отношении идей Руссо, который считается основателем теории современного коллективизма и, в частности, принципа народного суверенитета, Констан как известно, выступал против самой материальной идеи демократии, полагая, что нельзя безусловно гарантировать её плюралистический характер. Без таких гарантий демократия фактически противоречит сама себе. Можно также сказать, что полемика с Руссо это, также, самый известный текст Констана³. Свобода древних по сравнению со свободой современников - это манифест гарантиям либеральной концепции свободы против коллективной свободы. Мыслитель писал, что во время революции отсутствие различия между двумя видами

¹ Это классическое понятие свободы в отрицательном смысле (свобода от).

² Констан вел подобную полемику с обоими мыслителями.

³ *De la liberté des anciens comparée à celle des modernes. Conférence donnée à l'Athénée Royal à Paris, 1816*, [w:] *Collection complète des ouvrages publiés sur le gouvernement représentatif et la constitution actuelle, ou Cours de politique constitutionnelle* (Vol. I-IV). Paris – Rouen, 1820. Vol. IV. С. 238–274 (изд. англ. *Constant. Political Writings*. С. 309–328).

свобод стало источником многих бед. Свобода древних, по мнению Констан, была общей и материальной: *«Она заключалась в коллективном, но непосредственном использовании многих частей всей власти, в публичных обсуждениях вопросов войны и мира, в заключении союзов с иностранцами, принятии законов, вынесении судебных решений, рассмотрении законопроектов, постановлений и действий официальных лиц, представлении их перед всей нацией, обвинении их осуждение или освобождение от вины; в то же время, когда древние называли это свободой, полное подчинение индивида власти целого считалось полностью совместимым с этой коллективной свободой».*

Это, конечно, практически точное описание концепции Просвещения о суверенитете народа без каких-либо ограничений, который в коллективизме явно ограничивает свободу¹. Современная свобода основана на системе представительства и вытекающих из неё широких свобод в индивидуальной и общественной сфере, личных правах, примате личности над обществом и властью, то есть на категории индивидуальных политических свобод и «личной независимости»². «Независимость личности - самая важная из современных потребностей», - писал Бенджамин Констан во Франции в начале реставрации. Система современных людей приравнивает их на основе конституции к благам и почестям, регулируемым законом. Это также де-факто система, основанная на патриотизме. В результате это система парламентской демократии³, составляющая оптимум для постоянного развития личности, но не существующая в системах «древней свободы». Её содержание - де-факто суверенитет политической власти⁴.

Второй формальный принцип конституции, сформулированный Константином, - это концепция разделения властей. Проще говоря, это разде-

¹ Как писал Констан, эта концепция свободы не раз служила предлогом для тирании, где сфера коллективной власти очень значительна. В качестве представителей подобной структуры он упомянул Руссо и отца Габриэля де Мабли, который был еще более радикален в отношении свободы личности.

² Анализируя политические ценности, Констан также отмечал общие концепции различных европейских народов, такие как, стремление к миру между народами, постепенное устранение войны как средства разрешения конфликтов, расширение государственной организации, интернационализация торговли, ограничение свободного времени современных людей и т.д. Он также писал, что «деньги [...] являются самым опасным оружием деспотизма; но в то же время они его самый мощный тормоз». Это, конечно, начало системы, называемой, например, глобализацией, или некоторые проблемы мира, современные не только Констану.

³ В анализируемом эссе понятие парламентской демократии не проявляется *expressis verbis* (выразить словами (лат.) – прим. ред.).

⁴ Такой суверенитет, в отличие от Руссо, является результатом, например, самого обширного разделения властей (см. дальше).

ление расширено и включает королевскую власть как сдерживающую, регулирующую, посредническую между другими властями (*le pouvoir modérateur, le pouvoir régulateur, le pouvoir intermédiaire*), также называемую нейтральной властью (*le pouvoir neutre*), и властью местного самоуправления (*le pouvoir municipal*). Другие типы полномочий, возникающие в результате разделения властей, также более современны, чем концепция Монтескье. Министерская власть подотчетна королю, но больше исполнительной власти. Законодательная власть определяется как постоянная представительная власть и представительная власть мнения, что, как и Монтескье, указывает на необходимость существования обеих палат как представителей интересов, стремлений и достижений двух различных социальных групп. Однако это проявление опыта функционирования парламента после практики неизвестной Монтескье.

Королевская власть определяется как «нейтральная власть главы государства» (*le pouvoir neutre*), в отличие от других властей, которые активно участвуют в текущей политике (*le pouvoirs actifs*). Констан сформулировал ее в 1814 г. во время предоставления Конституционной хартии Людовика XVIII. Представленная концепция была постулатом одного из самых известных представителей либерализма во Франции и, конечно же, возникла на основе опыта страны, начиная со времен Просвещения.

Власть главы государства заключается в регулировании конфликтов между властями и, в более широком смысле, между интересами различных социальных групп, имеющих особый или специфический характер¹. Конституционная система - это всегда компромисс, но это также система, которая предусматривает возможность регулирования социальных конфликтов. Благодаря этому власть главы государства не может превратить власть какой-либо социальной группы или органа власти в абсолютную власть. Однако модератор империи также является хранителем конституции², когда его интересует гармонизация политических конфликтов. Такая структура власти главы государства нашла отражение в некоторых конституциях, в частности, в конституции пятой республики Франции 1958 г. и системе власти Шарля де Голля или в конституции Королевства Испании 1978 г. Подобные механизмы также были представлены в системе взаимодействия властей времён Юзефа Пилсудского и Конституции Республики Польша 1935 г.

¹ Урегулирование конфликтов также обеспечивается уважением к собственности.

² Известный исследователь Карл Шмитт писал о хранителе конституции в похожей структуре. Однако выводы его теории отличны и касаются гораздо более широких полномочий главы государства, чего Констан не предлагал.

Нетрудно заметить, что системные принципы, разработанные Констаном и продвигаемые семьей Немойовских, вошли в канон базовых институтов прав и свобод современного государства. Ряд из них также присутствуют в Польше, включая положения конституции и вытекающие из этого системные принципы, подробно изложенные в положениях статутуов и других нормативных актов. В более широком смысле эти принципы представляют собой хороший стимул для восприятия классического либерализма в современной польской общественно-политической мысли, которая, как и другие направления классической политической мысли, все еще во многих странах ожидает своего полномасштабного применения.

Литература

- Bernacki W. *Liberalizm polski 1815–1939. Studium doktryny politycznej*. Kraków, 2004.
- Bortnowski W. *Kaliszanie w latach 1830–1831 // «Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historica»*. 1983. Nr. 16.
- Bosiacki A. *Liberalizm, konserwatyzm, kolektywizm w programach współczesnych partii politycznych w Polsce 1989–2006. // Ideowość w polityce / red. M. Szyszkowska*. Warszawa, 2007.
- Bosiacki A. *Władza municypalna w ujęciu Benjamina Constanta a teorie podziału władzy, «Studia Iuridica»*. 2008. Vol. XLVIII.
- Bosiacki A. *Wstęp. // B. Constant de Rebecque, O monarchii konstytucyjnej i rękojmiach publicznych / przeł. W. Niemojowski, red. nauk. i wstęp A. Bosiacki*. Warszawa, 2015.
- Bosiacki A., Izdebski H. *Konstytucjonalizm rosyjski: historia i współczesność*. Kraków, 2013.
- Bożek M. *Koncepcja władzy neutralnej Benjamina Constanta // Idee jako źródło instytucji politycznych i prawnych / red. L. Dubel*. Lublin, 2003.
- Bożek M. *Znaczenie koncepcji władzy neutralnej Benjamina Constanta we współczesnym konstytucjonalizmie // Konstytucjonalizm a doktryna polityczno-prawne. Najnowsze kierunki badań / red. R.M. Małajny*. Katowice, 2008.
- Constant Political Writings / ed. B. Fontana*. Cambridge, 1988.
- Constant B. *O monarchii konstytucyjnej i rękojmiach publicznych / przeł. W. Niemojowski*. T. 1, Warszawa, 1831.
- Constant de Rebecque B. *O monarchii konstytucyjnej i rękojmiach publicznych / przeł. W. Niemojowski / red. nauk. i wstęp A. Bosiacki*. Warszawa, 2015.
- Constant de Rebecque B. *O wolności starożytnych i nowożytnych / przeł. Z. Kosno // «Arka»*. 1992. Nr. 42.
- Constant de Rebecque B. *Réflexions sur le constitutions, la distribution des pouvoirs et la garanties dans une monarchie constitutionnelle / ed. 1*. Paris, 1814.
- Constant de Rebecque B. *Zasady polityki mające zastosowanie do wszystkich rządów (wersja z lat 1806–1810) / przeł. A. Dwulit, wyb. M. Bąba*. Warszawa, 2008.
- Dmowski R. *Upadek myśli konserwatywnej w Polsce*. Warszawa, 1914.
- Grzybowski K. *Demokracja francuska*. Kraków, 1947.

- Grzybowski K. *Historia doktryn politycznych i prawnych. Od państwa niewolniczego do rewolucyj burżuazyjnych*. Wyd. 2. Warszawa, 1968.
- Grzybowski K. *Moderator imperii* // «Czasopismo Prawno-Historyczne». 1963. T. XV. Z. 2.
- Hume D. *O wolności słowa* // *Eseje z dziedziny moralności i literatury* / przeł. T. Tatarakiewiczowa, oprac. i wstęp W. Tatarakiewicz. Warszawa, 1955.
- Izdebski H. *Historia myśli politycznej i prawnej*. Wyd. 5. Warszawa, 2013.
- Janowski M. *Polska myśl liberalna do 1918 roku*. Kraków – Warszawa, 1998.
- Jaskólski M. *Constant* // *Słownik historii doktryn politycznych*. T. 1. / red. M. Jaskólski. Warszawa, 1997.
- Królak P. «*Dziewięćdziesiąt dziewięć cudzych pomysłów i jeden autora*». *Porównanie myśli konstytucyjnej Wincentego Niemojowskiego i Benjamina Constanta* // «Czasopismo Prawno-Historyczne». 2012. T. XLIV. Z. 2.
- Locke J. *Dwa traktaty o rządzie*. Warszawa, 1992.
- Małajny R.M. *Trzy teorie podzielonej władzy*. Warszawa, 2001.
- Maneli M. *Historia doktryn polityczno-prawnych XIX w.* Cz. I. Warszawa, 1964.
- Monteskiusz *O duchu praw* przeł. T. Boy-Żeleński. Kraków, 2003.
- Niemojowski W. *Przedmowa* // B. Constant *O monarchii konstytucyjnej i rękojmiach publicznych* / przeł. W. Niemojowski. T. 1. Warszawa, 1831.
- Sobolewska B. *Doktryna polityczna liberalizmu arystokratycznego we Francji w latach 1814–1848*. Kraków, 1977.
- Sobolewska B., Sobolewski M. *Myśl polityczna XIX i XX w. Liberalizm*. Warszawa, 1978.
- Szymaniec P. *Fryderyk Skarbek o konstytucji Królestwa Polskiego z 1815 roku i Statucie Organicznym z roku 1832* // «Czasopismo Prawno-Historyczne». 2014. T. XLVI. Z. 2.
- Trybusiewicz J. *Idea wolności w myśli Benjamina Constanta* // *Filozofowie romantyzmu*. Warszawa, 1967.
- Wachowska B. *Tradycje Powstania Listopadowego (1880–1942)* // «Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica». 1983. Nr. 16.
- Więckowska H. *Opozycja liberalna w Królestwie Kongresowym 1815–1830*. Warszawa, 1925.
- Witkowski W. *Historia administracji w Polsce 1764–1989*. Warszawa, 2007.
- Zajewski W. *Bonawentura Niemojowski* // *Polski Słownik Biograficzny*. T. XXIII/1. Z. 96. Wrocław, 1978.
- Zajewski W. *Wincenty Niemojowski* // *Polski Słownik Biograficzny*. T. XXIII/1. Z. 96. Wrocław, 1978.
- Żurawski vel Grajewski R. *Obchody rocznicy uchwalenia Konstytucji 3 Maja w czasie Powstania Listopadowego w świetle prasy powstańczej* // «Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica». 1991. Nr. 41.

ВОПРОС О РЕФОРМЕ ВОЛОСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ МЫСЛИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.²

К концу XIX в. отчетливо наметился кризис крестьянского самоуправления. Часть его органов, по мнению исследователей крестьянского права рубежа XIX–XX вв., фактически существовала только на бумаге. Л.Ю. Гусман отмечает, что в крестьянской волости единственными грамотными должностными лицами являлись волостные писари, «которые были чаще всего коррумпированными орудиями местного чиновничества»³. Служивший в Земском отделе министерства внутренних дел И.М. Страховский со ссылкой на материалы Комиссии М.С. Каханова писал, что волостное правление подменяется волостным старшиной, который должен был с правлением «советоваться». Во многих уездах, согласно его оценке, «практическая жизнь создала под названием волостного правления своеобразную комбинацию старшины и писаря, которые, вместе взятые, признаются на обыденном языке волостным правлением»⁴. Неудивительно, что бывший в числе мировых посредников первого призыва барон П.Л. Корф предлагал совершенно упразднить волость как институт, а обязанности старшин переложить на сельских старост⁵.

Характер деятельности органов крестьянского самоуправления, по меткому замечанию дореволюционного исследователя, исключает «совершенно возможность признать эти учреждения органами крестьянского управления (т.е. самоуправления крестьян), не позволяет назвать их даже органами управления крестьянами. Это просто органы управления». Такой вывод был сделан, исходя из характера делопроизводства этих органов, обнимающего широкий круг вопросов, распространяющих-

¹ Сорокин Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32232 «Столыпинская модернизация органов местного самоуправления Российской империи: власть и общество».

³ Гусман Л.Ю. «Фундамент земства». Дискуссии о всеобщей волости в русской публицистике 2-й половины XIX – начала XX вв. // Научная сессия ГУАП. Сборник докладов. Ч. III: Гуманитарные науки. СПб.: СПб. гос. ун-т аэрокосмического приборостроения, 2015. С. 11.

⁴ Страховский И.М. Крестьянские права и учреждения. СПб., 1904. С. 37–38.

⁵ Корф П.Л. Ближайшие нужды местного управления. СПб., 1888. С. 11, 22.

ся на «широкую сферу всякого рода лиц, дел и отношений», не ограничиваясь одними крестьянами¹.

Схожую оценку дал и лидер московских кадетов В.А. Маклаков в своих воспоминаниях, отметивший, что крестьянские власти из среды самих крестьян, «часто вопреки их желанию выбираемые для отправления этой своеобразной крестьянской натуральной повинности, одними крестьянами из своих средств оплачиваемые, занимали в сельской России все низшие административные должности, несли всю полицейскую службу в интересах не крестьян, а всего государства»².

Подобная особенность волостных органов наводила правоведов и земцев на мысль о необходимости реорганизации крестьянского самоуправления, поскольку «сословная волость, имеющая всесословное значение, но содержащая только на счет приписного крестьянского населения – все это логические абсурды, требующие или изменения законов о волости, или приведения ее к законному знаменателю»³. Однако вопрос о всесословном характере волостного управления нередко критически воспринимался в дворянской среде⁴.

Учреждение института земских участковых начальников не способствовало устранению недостатков в крестьянском управлении: «Громадные, невежественные, исключительно крестьянские сходы; строгая сословная замкнутость всех сельских и волостных учреждений; неудовлетворительность и приниженность волостных и сельских властей как избранных “мужицкого”, низшего класса населения; несправедливость возложения на одних крестьян всего бремени содержания низшего управления и т.д. – все эти недостатки крестьянского управления остались в полной силе»⁵. Служивший в Комитете министров А.Н. Куломзин указывал на падение престижа и качества работы крестьянского самоуправления по сравнению с периодом 1860-х гг.: «Как низко упало с тех пор крестьянское управление, в особенности за время, когда полиция получила право сажать волостных старшин под арест при уездном полицейском управлении за послабление по взысканию податей!»⁶. Упадок, по мнению Куломзина, в частности, заключался в том, что изменился характер выборов на должности крестьянского самоуправления: «По-

¹ Страховский И.М. Указ. соч. С. 52.

²Маклаков В.А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006. С. 337.

³ Страховский И.М. Указ. соч. С. 82.

⁴ Там же. С. 102–103.

⁵ Там же. С. 173.

⁶Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 174.

пасть в волостные старшины не считалось уже честью, а тяжелой повинностью, от которой люди с весом и достатком стали откупаться тем, что поставят волостному сходу известное число ведер вина. Крестьянское управление стало постепенно приходить в упадок»¹.

И хотя нередко обсуждение проблем крестьянского управления сводилось к обсуждению проектов мелкой земской единицы, Страховский замечал, что «едва ли можно предполагать, чтобы учреждение мелких земских единиц устраняло бы необходимость в образовании всесословных сельских обществ, приуроченных к территории отдельных селений»². Им же предлагался проект поселкового управления – более низшего, чем мелкая земская единица. Согласно проекту, избирательное собрание из числа всех владельцев недвижимости выбирало бы распорядительный орган – собрание гласных. Также функционировал бы по образцу земских учреждений исполнительный коллегиальный орган – управа. Оговаривалось, что в мелких поселках функции собрания гласных могли бы осуществлять все жители поселка, а исполнительный орган мог быть и единоличным. Во избежание путаницы, органы мелкой земской единицы получали бы наименование окружных, а поселковые – по статусу населенных пунктов: сельские, деревенские, слободские и т.д. (управа, избирательное собрание, собрание гласных)³.

О возможности учреждения поселков как новых административных единиц говорил на заседании Екатеринославского губернского комитета (работавшего в ходе деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности) губернский земский агроном П.В. Протопопов. По его мнению, это было бы удобно, поскольку община, будучи удобной для правительства как административная и фискальная единица, совершенно неудобна в сельскохозяйственном отношении («сельский сход состоит из людей слабо развитых, где согласия ожидать трудно»). Сам общинный уклад признавался устаревшим: «На практике известно, какие неудачи постигли наши интеллигентные поселки, основанные на общинных началах». Наиболее удобным поэтому для него представлялся вариант организации поселков из крестьян с наследственным подворным владением⁴.

В рамках деятельности упомянутого выше Особого совещания либеральная часть земства предложила ряд проектов, направленных на модернизацию волостного управления. В частности, председатель

¹Там же. С. 203.

²Страховский И.М. Указ. соч. С. 159.

³Там же. 247.

⁴Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XII. Екатеринославская губерния. СПб., 1903. С. 26–27.

Устюженской уездной земской управы А.М. Колюбакин в докладе Весе-гонскому уездному комитету отмечал «полную изолированность кре-стьянского самоуправления от других интеллигентных слоев населения деревни» и предлагал допустить к волостному управлению лиц других сословий, проживающих на территории волости¹.

Нотариус В.Т. Вырво в Малоархангельском уездном комитете пред-ложил проект организации всесословной волости и всесословной сель-ской общины. По его мнению, для существовавшей волостной организа-ции были характерны «инертность, отсутствие жизненной силы и иници-ативы», следствием чего становился и «неудачный выбор должностных лиц», в то время как остальные жители волости, в том числе и «местные культурные элементы» отстранены от участия в ее делах и «воздей-ствия на темные народные массы». С переходом к всесословной орга-низации, напротив, должно последовать, по мнению автора проекта, улучшение состава выборных лиц («исчезнет деревенский кулак, сель-ский горлан»)².

Юридическая комиссия Елецкого уездного комитета пришла к выво-ду, что органы выборной крестьянской администрации, получая свое со-держание от избравших их на занимаемые должности, «оказываются обыкновенно к ним пристрастными». В этой связи предлагалось преоб-разовать волость в бессословную или всесословную, допустив избрание волостных старшин не только из лиц крестьянского сословия. Целесо-образной была сочтена и замена крестьянской администрации и поли-ции «общими административно-полицейскими учреждениями»³.

А.П. Миленин в своей докладной записке в Веневский уездный ко-митет доказывал, что преобразование крестьянского самоуправления во всесословное благожелательно скажется на развитии деревни: «Во гла-ве же всесословной волости во всяком случае станут люди, в лице старшин и судей, более развитые и просвещенные, с более широкой инициативой, что так желательно при современном упадке сельского хо-зяйства, особенно у крестьян»⁴. Этот же тезис был озвучен и на заседа-нии Каширского уездного комитета⁵.

¹Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XLII. Тверская губерния. СПб., 1903. С. 185.

²Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXVIII. Орловская губерния. СПб., 1903. С. 596–597.

³Там же. С. 494–495.

⁴Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XLIII. Тульская губерния. СПб., 1903. С. 130.

⁵Там же. С. 352.

Ф.Г. Шаталин в своем докладе Веневскому уездному комитету указывал, что волостные старшины «в большинстве малограмотные, а то и совсем неграмотные, незнакомые с законом и делом», и находятся в полной зависимости от волостных писарей, поэтому только в рамках реорганизации крестьянского самоуправления на сословном начале в волостные старшины могут быть избраны «люди более грамотные, понимающие свое значение и дело, которыми не будут управлять произвольно писаря». При этом предлагалось предоставить волостным старшинам и писарям право государственной службы и сохранить административный надзор над сословным самоуправлением со стороны земских участковых начальников¹.

Рядом уездных комитетов в итоге было признано необходимым преобразование волостного управления. Так, Буйский уездный комитет на основании доклада уездной земской управы принял решение о необходимости преобразования управления в волости на сословном начале². Такое же решение было принято Варнавинским и Жиздринским уездными комитетами, причем в своем докладе последнему Н. Дмоховский предлагал установить непосредственную связь между сословной волостью и земским собранием путем избрания выборных от каждой такой волости в земство³.

В своем докладе комитету о мероприятиях в области крестьянского правопорядка профильная комиссия Костромского губернского комитета предлагала реорганизовать волостное управление на сословном начале. Органом волостного управления был спроектирован волостной сход в следующем составе: крупные собственники, владеющие определенным цензом, не превышающим ценз по Положению о земских учреждениях 1890 г.; выборщики от мелких собственников и сельских обществ, избранные по правилам того же Положения; волостные должностные лица. Оговаривалось, что собственники, имеющие собственный ценз, а также женщины имели право участвовать в сходе через своих представителей. Для волостного старшины, волостного писаря и сельского старосты устанавливались возрастной и образовательный (окончание полного курса народной школы, для сельских старост – требование грамотности) цензы. Проект был направлен на защиту интересов

¹Там же. С. 159.

²Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XVII. Костромская губерния. СПб., 1903. С. 191.

³Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XIV. Калужская губерния. СПб., 1903. С. 49, 57; Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XVII. Костромская губерния. СПб., 1903. С. 205.

крупных собственников («владеющие имуществом цензом свыше определенного количества земли или суммы могут иметь более одного, но не более 5 голосов на сходе по особому для каждого уезда расписанию»)¹. При голосовании, тем не менее, 19 голосами против 8 было принято решение его отклонить².

Вышеуказанные проекты и предложения показывают, что либеральные круги стремились реорганизовать волостное управление не только для устранения правовой обособленности крестьянства, но и в целях введения в его состав представителей интеллигенции. Кроме того, предложенная Костромскому губернскому комитету схема устанавливала вариант формирования представительства, схожий типологически с земскими учреждениями. Опыт такого проектирования в дальнейшем станет одним из подготовительных материалов для создания столыпинского проекта реформы волостного управления.

¹Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XVII. Костромская губерния. СПб., 1903. С. 129–130.

²Там же. С. 70.

СВОБОДА ПЕЧАТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА – ОТ ЛИБЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА К ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ИДЕИ И РЕШЕНИЯ²

*Держава, подданных держа,
Диктует им порядки.
Но нет чернил у мятежа,
У бунта нет тетрадки.
Когда берет бумагу бунт,
Когда перо хватает,
Уже одет он и обут
И юношей питает.*

Борис Слуцкий

Одной из базовых политических свобод для либералов, как, впрочем, и для их европейских коллег, выступала свобода слова. Будучи неотъемлемым атрибутом активной политической жизни, необходимым условием донесения идей и учений до, как теперь нередко определяют, электоральной массы, свобода слова была, едва ли, не единственным средством борьбы за власть в рамках складывавшейся системы государственного управления, включавшей в себя такой институт как парламент. Однако сама по себе свобода слова на рубеже XIX – XX вв. не могла быть реализована силами ни одного человека, ни группы лиц. Для действительно широкого, по крайней мере, минимально необходимого для пропаганды своих идей, а, как следствие, успеха на выборах в органы власти, были необходимы специальные носители. Роль таковых в описываемый нами период в основном выполняли печатные издания. Как мы покажем далее в настоящей статье, технический прогресс стремительно набирал темпы и полуполюгендарная, известная лишь по воспоминаниям о ней, фраза одного из политических акторов России начала XX в. о том, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино»,³

¹ Соколов Вадим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, г. Орёл.

² Статья выполнена в рамках проекта РФФИ 18-09-20030

³ Ставшая хрестоматийной в советское время фраза Ленина «Вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино» основана на воспоминаниях Луначарского о беседе с Лениным в феврале 1922 г., изложенных им в письме к Г.М. Болтянскому от 29 января 1925 г. (исх. № 190). Выдержки из письма были опубликованы в книге Г.М. Болтянского (Ленин и кино. М.: Л., 1925. С. 19), что

во многом может быть соотнесена с решениями Временного правительства.

Постановка исследовательской задачи была предопределена тем, что использование наработок периода Первой и Второй Думы при всей своей очевидности и определённой исследованности еще не стало предметом специальных исследований, позволяющих проследить как степень заимствования, а, скорее, полагаем. аккультурации, так и ход мысли законотворца и законодателя, старающегося адаптировать основанные на общелиберальных идеях, проекты нормативных актов, к принципиально новой ситуации. И действительно, если в думский период либеральные законопроекты были подготовлены как средство реализации либеральной модели преобразования социально-политического строя страны посредством широкомасштабной правовой реформы, были ориентированы на отмену и/или смягчение ограничений, присущих имперскому законодательству, то в марте–апреле 1917 г. ситуация изменилась коренным образом. Вожди либерального движения оказались во власти и принимаемые ими нормативные акты были призваны не только урегулировать некие общественные отношения, в т.ч. стремительно возникавшие в ходе, как это было принято говорить «революционного творчества масс», но и защитить, столь тщательно лелеемые либералами права и свободы человека, как один из компонентов либерального символа веры, но теперь уже не от административного произвола власть предержащих, а от этого самого «революционного творчества».

Проведение подобного компаративного анализа возможно, как нам представляется, на основе сочетания методологии юридического и социологического позитивизма. Первый из них ориентируется, преимущественно, на сравнение терминологии, текстов нормативных актов, значения, вкладываемого в них в соответствующую эпоху, позволяя показать их эволюцию. Второй же в качестве главной задачи исследования ставит поиск того общественного отношения, которое побуждает людей к его урегулированию именно на правовом уровне, со всеми, имманентно присущими данному регулятору, атрибутами. Правды ради следует отметить, что в настоящей работе допущено некоторое отступление от классического юридико-позитивистского подхода в той части, что сравнивается законопроект, лишь внесённый в парламент и нормативный акт, который, в силу реалий весны 1917 г. имел силу закона. Полагаем, что это допущение позволяет показать преимущество мысли законо-

дателя. Ибо речь идёт о политических деятелях одной генерации, бывших главными акторами событий и думского периода истории российского либерализма, и активными участниками государственного строительства 1917 г.

Полагаем, что нет необходимости описывать постфевральские события в России, достаточно хорошо известные, несмотря на различные походы к толкованию стадий этого процесса. Поэтому сосредоточимся на собственно результатах проведённого компаративного анализа либеральных подходов в сфере нормативно-правового обеспечения прав и свобод человека.

Результаты исходного компаративного анализа представлены в настоящей статье в табличной форме. Для демонстрации сходства и различия материалов 1904-1907 и 1917 г. с использовано графическое выделение соответствующих частей текста в зависимости от степени совпадения. Дословные совпадения *выделяются курсивом*, смысловые совпадения выделяются курсивом с подчёркиванием, расхождения (смысловые, уточняющие термины) **выделены полужирным шрифтом**.

Таблица 1.

Результаты компаративного анализа проекта конституционно-демократической партии и Постановления Временного правительства о печати

Проект закона о печати ¹	Постановление Временного правительства о печати. 27 апреля 1917 г. ²
<p>Ст. 1. <i>Печать свободна.</i> Цензура отменяется безусловно и навсегда. <u>Свобода печати подлежит только тем ограничениям, которые установлены настоящим законом.</u></p> <p>Ст. 3. Никакие произведения печати, за исключением запрещённых приговором суда, <u>подлежат свободному обращению в стране и беспрепятственному распространению.</u></p> <p>Ст. 4. <i>Книгопечатание и книготорговля свободны.</i> Открытие типографий, литографий, металлографий и иных заведений для тиснения букв и изображений, а равно открытие заведений, производящих и продающих принадлежности тиснения, подлежат только тем ограничени-</p>	<p><u>I. Печать и торговля произведениями печати свободны.</u></p>

¹ Законодательные проекты и предположения Партии народной свободы. 1905-1907 гг. СПб., 1907. С. 15-22.

² Вестник Временного Правительства 1917. № 55 (101) (16 (29) мая)

<p>ям, которые установлены ныне или могут быть установлены впредь промысловым законодательством вообще для промышленных заведений или личных промысловых занятий.</p> <p><u>Ст. 16. Произведения печати, издаваемые за границей, за исключением запрещённых приговором суда, допускаются к свободному обращению в пределах Империи.</u></p>	
<p><u>Ст. 2. Никакие взыскания на нарушение правил о печати не могут быть налагаемы иначе, как в судебном порядке.</u> Преступные деяния, совершаемые путём печати совершённые путём печати, за исключением дел, преследуемых в порядке частного обвинения, или не иначе, как по жалобам, сообщениям или объявлениям потерпевшего, а также нарушения правил о печати, подлежат ведению суда присяжных.</p>	<p><u>Применение к ним административных взысканий не допускается.</u></p>
<p>II. О произведениях печати вообще</p>	<p>II. Порядок печатания и выпуска в свет произведений тиснения определяется нижеследующими правилами:</p>
<p>Ст. 5. К произведениям печати, подлежащим действию настоящего закона, относятся размножаемые механическим или химическим способами <u>книги, брошюры, повременные издания, отдельные листы или ноты, планы и карты.</u></p> <p>Ст.7. <u>Содержатели заведений для тиснения</u> представляют через начальника местной полиции в двухнедельный срок по два экземпляра каждого произведения, а равно каждого номера или выпуска повременного издания для императорской публичной библиотеки, и по одному экземпляру для императорской академии наук и для московского публичного Румянцевского музея.</p>	<p>1) В течение суток после выпуска в свет вновь отпечатанных <u>книг, брошюр, журналов, газет, нот и других произведений тиснения типографии</u> обязаны представлять в исправном виде местному комиссару Временного правительства или заменяющему его установлению или должностному лицу восемь экземпляров каждой в отдельности книги или брошюры или номера повременного издания, в коих три экземпляра для Книжной палаты и по одному экземпляру для комиссариата, для Публичной библиотеки, для Академии наук, для Московского публичного и Румянцевского музеев и Александровского университета в Гельсингфорсе.</p>
<p>Ст.6. <u>На каждом, выходящем в свет произведении печати должны быть обозначены фирма и адрес заведения для тиснения в типографии, литографии, металлографии, в коем означенное произведение отпечатано.</u></p>	<p>2) Каждый желающий выпускать в свет новое повременное издание обязан представить местному комиссару Временного правительства или иному заменяющему его установлению или должностному лицу заявление в двух экземплярах, содержащее в себе обозначение: <u>а) места, в котором издание будет выходить; б) наименование издания (издание литературное или политическое, или техническое и т.п.), сроков выхода</u></p>

	<p><u>в свет и подписной цены; имени, отчества, фамилии и местожительства каждого из них (редактора или редакторов. – прим авт.), и в) типографии, в которой издание будет печататься.</u></p> <p>Местный комиссар или иное заменяющее его установление или должностное лицо обязано выдать заявителю расписку в получении от него означенного в сей (2) статье заявления.</p>
	<p>3) В местностях, вне городов лежащих, заявление о выпуске в свет нового повременного издания (ст. 2) подается комиссару Временного правительства ближайшего уездного или губернского города или иному заменяющему комиссара установлению или должностному лицу.</p>
<p>Ст. 14. <u>Ответственными редакторами повременных изданий не могут быть лица, не имеющие постоянного пребывания в России, не достигшие совершеннолетнего возраста или ограниченные в правах по приговору суда.</u></p>	<p>4) <u>Ответственными редакторами повременного издания или части его могут быть только лица, проживающие в пределах Российского государства, достигшие совершеннолетия, обладающие общегражданской правоспособностью и не ограниченные в правах по судебному приговору.</u></p>
	<p>5) Если по выходу издания произойдет какое-либо изменение в одном из условий его выпуска в свет (ст. 2), то об этом в течение семи дней должно быть подано в вышеуказанном порядке соответственное заявление (ст. 2).</p>
	<p>6) Один из экземпляров заявления о выпуске в свет повременного издания или об изменении в условиях выпуска его хранится у местного комиссара Временного правительства или у лица или в установлении, его заменяющих; другой препровождается в Книжную палату.</p>
<p>Ст. 13. <u>На каждом номере или книжке повременного издания должны быть напечатаны, кроме обозначения фирмы и адреса типографии, фамилия издателя и ответственного редактора, а также адрес редакции.</u></p>	<p>7) <u>В каждом номере повременного издания должны быть напечатаны фамилии ответственного редактора и издателя, а также обозначена типография, в которой номер этот напечатан, равно как и адрес редакции.</u></p>
<p>Ст.6. <u>На каждом, выходящем в свет произведении печати должны быть обозначены фирма и адрес заведения для тиснения в типографии, литографии, металлографии, в коем означенное произведение отпечатано.</u></p>	<p><u>На каждом неповременном издании должно быть обозначено наименование и место нахождения типографии, в которой издание напечатано.</u></p>
<p>Ст. 15. <u>Ответственный редактор по-</u></p>	<p>8) <u>Всякое повременное издание обязано</u></p>

<p><u>временного издания обязан безотплатно напечатать без всяких изменений и примечаний в тексте, сообщенные ему заинтересованным правительственным учреждением или частным лицом фактические опровержения и исправления обнародованных им известий. Означенные опровержения и исправления должны быть напечатаны тем же шрифтом и в том же отделе, как и первоначальное известие, и при том бесплатно, если занимают место не более, как вдвое против сообщения, на которое служит ответом.</u></p> <p><u>Опровержения и исправления должны быть подписаны заинтересованным учреждением или лицом.</u></p>	<p><u>безденежно, ежедневное в трехдневный срок, а еженедельное или ежемесячное в ближайшем номере, поместить сообщенное ему от Временного правительства официальное опровержение или исправление обнародованного тем изданием фактического известия, без всяких изменений и примечаний в самом тексте опровержения, напечатав его в том же отделе, где было напечатано первоначальное известие, и тем же шрифтом.</u></p> <p>9) На тех же основаниях и в тот же срок должны быть помещено в периодическом издании, опубликовавшем какое-либо фактическое известие о правительственном и общественном учреждении либо о должностном или частном лице, присланное таким учреждением или лицом опровержение или исправление опубликованного, при условии, что указанное опровержение или исправление не превышает размерами сообщенное известие, подписано его пославшими, не включает в себе признаков преступного деяния и укоризненных выражений, не имеет характера спора и ограничивается одними фактическими указаниями.</p>
	<p>10) Правила, изложенные в сем (II) отделе и касающиеся неповременных изданий, не применяются к произведениям, служащим целям в промышленности и торговле или домашнего и общественного обихода, как-то: к циркулярам, визитным карточкам и т.п., а также к избирательным бюллетеням, если они соответствуют форме, установленной законом или правительственным распоряжением.</p>
	<p>III. Типографии, литографии, металлографии и все прочие заведения для тиснения подчиняются правилам, установленным для предприятий фабричной и заводской промышленности с соблюдением при том постановлений, изложенных ниже.</p>
<p>Ст. 4. Книгопечатание и книготорговля свободны. <u>Открытие типографий, литографий, металлографий и иных заведений для тиснения букв и изображений, а равно открытие заведений, производящих и продающих принадлежно-</u></p>	<p>1) <u>Всякий желающий учредить типографию, литографию, металлографию или какое-либо иное заведение для тиснения букв и изображений обязан подать о том местному комиссару Временного правительства или заменяю-</u></p>

<p><u>сти тиснения, подлежат только тем ограничениям, которые установлены ныне или могут быть установлены впредь промысловым законодательством вообще для промышленных заведений или личных промысловых занятий.</u></p>	<p><u>щему его должностному лицу или установлению заявление, в котором должно быть указано имя, отчество и фамилия учредителя, а равно местонахождение открываемого ими заведения для тиснения и предполагаемое число рабочих.</u></p>
	<p>IV. Местный комиссар Временного правительства или заменяющее его должностное лицо или установление по получении упомянутого в статьях 1 и 2 отдела III заявления и шнуровой книги в трехдневный срок обязан скрепить означенную книгу по листам и возвратить ее подателю вместе с распискою в приеме заявления.</p>
<p>V. О взысканиях, налагаемых за нарушение правил о печати.</p> <p>Ст. 17. Виновные в нарушении правил, установленных ст. 6 и 13, наказываются: Денежною пеней не свыше 300 рублей. Если означенное нарушение содеяно путём напечатания заведомо ложных сведений, то виновный наказывается: Заключением в тюрьме не свыше 6 месяцев.</p> <p>Ст. 18. Виновный в нарушении правила, установленного в статье 7, наказывается, помимо взыскания стоимости недоставленных экземпляров, денежною пеней не свыше 50 рублей.</p> <p>Ст. 19. Виновный в нарушении правил, установленных ст. ст. 8, 9 и 10, наказывается заключением в тюрьме сроком до одного года или арестом и денежною пеней не свыше 500 рублей.</p> <p>20. Виновный в нарушении правила, установленного ст. 14, наказывается денежною пеней не свыше 500 рублей.</p> <p>22. Виновный в напечатании или выпуске в обращение заведомо запрещённого по приговору суда произведения печати, наказывается: Арестом на срок не свыше 3 месяцев или денежною пеней не свыше 300 рублей.</p> <p>23. Виновный в хранении для продажи, в продаже или в ином распространении произведения печати, заведомо запрещённого к обращению по приговору суда, наказывается: Денежною пеней не свыше 300 рублей.</p>	<p>V. За нарушение правил, изложенных в статьях 1, 2, 3, 5, 7, 8 и 9 отдела II сего постановления виновный подвергается денежному взысканию не свыше 300 рублей.</p> <p>В случае заведомо ложного указания заведения тиснения, издателя и ответственного редактора, виновный подвергается денежному взысканию до 300 рублей или аресту до 3 месяцев.</p>
<p>21. Виновный в нарушении правила, установленного ст. 15, наказывается де-</p>	<p>VI. Если повременное издание после вступления в силу обвинительного при-</p>

<p>нежною пенєю: Для изданий, выходящих ежедневно не свыше 25 рублей, а для изданий, выходящих реже – не свыше 100 рублей за каждый номер, вышедший с того дня, когда означенные в помянутых статьях опровержения и исправления могли быть напечатаны, и до дня их напечатания в издании. Такому же наказанию подлежит виновный в ненапечатании судебного приговора или определения, подлежащих обязательному напечатанию в издании.</p>	<p>говора, состоявшегося на основании отдела V сего постановления, продолжает выходить в свет без соблюдения требований, означенных в статьях 2 и 5 отдела II сего постановления, то издатель, ответственный редактор или, если таковых не имеется, типографщик, подвергается денежному взысканию в размере не свыше 100 рублей за каждый вышедший номер, считая со дня постановления обвинительного приговора.</p>
	<p>VII. Виновный в устройстве или содержании заведения для тиснения без подачи требуемых статьями 1 и 2 отдела III заявлений и шнуровой книги, а равно до получения расписки в приеме заявления, наказывается денежным взысканием не свыше 300 рублей. Заведующий заведениями для тиснения, виновный в неисполнении установленных статьею 2 отдела III правил о ведении шнуровых книг, наказывается денежным взысканием не свыше 50 рублей.</p>

В качестве формального, но, как нам представляется, необходимого комментария относительно размеров штрафов, предполагаемых авторами анализируемых документов. С учётом инфляции, прежде всего военного времени, реальная покупательная способность российского рубля значительно упала. Не будем впадать в грех, которым страдают, к сожалению, многие публикации, где сравнение идёт по принципу, что можно было купить в таком-то году. Не станем перечислять пуды хлеба и дюжины яиц, исходя из их номинальной стоимости соответствующих лет, а соотнесём размеры штрафов с денежными выплатами, устанавливаемые Временным правительством в тот же период. Так полная пенсия профессора университета составляла 6000 рублей в год или 500 рублей в месяц. Суточные (не включающие стоимость проезда) для министров Временного правительства были определены в размере 50 рублей в сутки. Доплаты комиссарам временного правительства, работающим в провинции, были определены в размере 25 рублей в сутки. Соответственно это замтно отличается от довоенных доходов, когда профессор получал 3500 рублей в год, квалифицированный рабочий (металлист крупного завода, машинист паровоза) около 300 руб. Для сравнения – средняя заработная плата рабочего в Орловской губернии в 1912 г. составляла 112 руб. Таким образом, несоразмерность размер-

ность штрафов в думском проекте и Постановлениях Временного правительства становится достаточно очевидной.

В качестве теоретической основы для некоего общего вывода, не повторяющего приведённые выше итоги сравнительного анализа, обратимся к тем, кто стоял у истоков российского либерализма как общественного течения, еще за много лет до описываемых событий, но провидчески сумел поставить целый ряд вечных дилемм для либерального (в полном смысле этого слова) политика. Так, теоретик и основоположник отечественного либерализма Б.Н. Чичерин, в своей небольшой работе, посвящённой типологии либерализма, оставил будущим поколениям российских либералов пророческие слова о том, что «Либерал, облеченный властью, поневоле бывает принужден делать именно то, против чего он восставал, будучи в оппозиции»¹. Собственно этого отчасти пытались избежать Временное правительство до образования коалиции и, наверное, отчётливее всего, это проявилось в его законотворческой практике.

Собственно само введение в процесс подготовки соответствующих проектов т.н. Юридического совещания, в которое вошёл цвет отечественной либеральной юриспруденции, даже при его совещательном статусе, говорило именно об этой тенденции.² Однако дальнейшее событие наглядно подтвердило такую сущностную сторону либеральной идеологии, как её имманентное несоответствие требованиям, предъявляемым к практике государственного управления обществом, находящимся на стадии системного социально-экономического кризиса.³ Системным конструктивным требованием российского либерализма начала XX в. выступала комплексная правовая реформа, как главное средство реализации разработанной его представителями либеральной модели преобразования социально-политического строя страны.⁴ Соответственно здесь возникало неразрешимое противоречие между доступным либеральной части российского политического спектра инструментарием социальных преобразований и ожиданиями основной массы социума, вовлечённой в политическую жизнь стремлением максимально быстро

¹ Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 201.

² Об учреждении при Временном правительстве Юридического совещания // Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т.VII / Журналы заседаний Временного правительства: Март-октябрь 1917 года. В 4-х т. Том I. Март-апрель 1917 года. М.: РОССПЭН, 2001. С. 160.

³ См.: Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–40.

⁴ См.: Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе. 1906-1917. М.: Юрист, 2005.

решить вставшие перед ней в результате системного социально-политического кризиса проблемы.

Известные слова русского философа Владимира Соловьева о том, что «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он – до времени не превратился в ад» оказались применимы вне пределов кризисных периодов истории. В 1917 г. прежний Мир продолжал стремительно превращаться в свою противоположность и все инструменты права, в попытке их применения, оказывались малоэффективными, а то и вообще бесполезными в стремительной радикализации всех сторон общественной жизни, поиске простых быстрых, но, как показало дальнейшее развитие событий, ошибочных решений.

СВОБОДА СОБРАНИЙ И СОЮЗОВ В ДУМСКОМ ЛИБЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА – ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА³

«Либерал, облеченный властью, по-неволе бывает принужден делать именно то, против чего он восстал, будучи в оппозиции»⁴.

Б.Н. Чичерин

Вынесенные в качестве эпиграфа к настоящей статье слова одного из основоположников теории российского либерализма Бориса Николаевича Чичерина, как нам представляется, весьма точно передают ситуацию, в которой оказались отечественные либералы в результате стремительных событий февраля – марта 1917 г., когда они, волею судеб, оказались у руля гигантского государственного механизма. Практически одномоментная смена политического режима, типологии государственного строя, фактического прекращения функционирования ряда структур общего и специального управления, и все это в условиях воюющей страны, находившейся в состоянии системного социально-экономического кризиса, формирующаяся система двоевластия, поставили перед либеральными юристами весьма сложные задачи по приведению нормативно-правовой базы в соответствие с новыми реалиями. В вопросе о типологии государственного строя России авторы придерживаются позиции, согласно которой Декрет Временного правительства от 1 сентября 1917 г., в котором Россия объявлялась республикой, есть не более, чем политически мотивированный акт, ничего не меняющий, максимум констатирующий, в сущности строя, который де-факто сложился в результате Февральской революции⁵ в рамках «третье мартовской политической системы»¹.

¹ Калугин Павел Александрович – кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

² Золотухина Екатерина Керимовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

³ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-09-20032

⁴ Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 201.

⁵ Аронов Д.В., Кошелева С.В. Типология государственной власти в России в феврале – октябре 1917 г. // История государства и права. 2017. № 19. С. 13-17; Аронов Д.В. Либеральный подход к пониманию сущности государственной власти в России в

Логично предположить, и это основание легло в основу исследовательской гипотезы настоящей работы, что в качестве основы для нормотворчества периода Временного правительства использовались либеральные наработки предыдущих лет, прежде всего, периода, предшествовавшего работе Государственной Думы и парламента первых созывов. Это предположение вполне логично, т.к. речь идет об одном и том же поколении российских либеральных политиков. Однако, ввиду отсутствия системных работ сравнительного характера, показывающих именно уровень и типологию подобного заимствования, при общей очевидности такового, полагаем возможным говорить об определенной академической новизне полученных результатов.

В качестве основы для сравнения были избраны законопроекты думского периода о собраниях и союзах и Постановление Временного правительства о собраниях и союзах от 12 апреля 1917 г. Эти материалы позволяют говорить о приверженности законодателя либеральному символу веры, находящему свое отражение в нормативно-правовом обеспечении прав и свобод человека, оценить юридическую технику, а также способность законотворца в условиях системного социального кризиса находить, по крайней мере, искать, правовые решения сложных и имманентно конфликтных новых общественных отношений.

Для удобства восприятия материалы первичного сравнительно-правового анализа даны в табличной форме с использованием графического выделения ряда фрагментов текста по критерию степени совпадения. Дословные текстовые совпадения *выделены в таблицах курсивом*, текст смысловых совпадений *выделен курсивом с подчеркиванием* новаций в тексте, значимые расхождения выделены полужирным шрифтом.

Свобода собраний

Любая революция немыслима без широкой социальной активности политически активной части общества, вовлекающей в процесс социального творчества значительно более широкий круг участников. В начале века, как впрочем и в современном мире (интернет-революций пока еще не придумали), средством подобного вовлечения выступали именно собрания, митинги и иные массовые мероприятия. Естественно, что порою столица страны превращалась в одну огромную митинговую площадку. Вестник Временного правительства (ранее «Правительствен-

1917 г. // Либералы и революция: Сб. материалов Всероссийской научной конференции. 13-14 октября 2017 г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2017. С. 79-86 и др.

¹ Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 447 с.

ный вестник») из номера в номер печатал многочисленные постановления бесконечных собраний и митингов в провинции и т.д. и т.п. Особенности военного времени, дислокация в Петрограде многочисленных воинских частей, создание формирований милиционного типа, привели к появлению на улицах городов большого количества вооруженных людей. Это положение требовало, как минимум, начальной попытки привести его в какие-либо, пусть самые широкие, но правовые рамки.

Требования момента, быстрота развития событий логично вели к использованию имеющихся наработок, в частности, кадетского законопроекта о собраниях. Следует отметить, что его первые четыре статьи прошли обсуждение в думской комиссии и имели несколько иную редакцию, чем в изначальном тексте проекта. Полагаем для настоящего исследования данную разницу несущественной, а, соответственно, используем те части текста, которые позволяют наиболее наглядно показать степень восприятия идей периода Первой русской революции в 1917 г.

Таблица 1.

Результаты сравнительного анализа проекта конституционно-демократической партии о собраниях, Постановления Временного правительства о собраниях и союзах и проекта социал-демократической фракции о собраниях

Проект о собраниях ¹	Постановление Временного правительства о собраниях и союзах. 12.04.1917 г. ²	Проект социал-демократической фракции о собраниях ³
Ст. 1. <i>Российские граждане вольны устраивать собрания как в закрытом помещении, так и под открытым небом</i> , не испрашивая на то предварительного разрешения;	1. Все без исключения <u>российские граждане имеют право</u> без особого на то разрешения <i>устроить собрания, как в закрытом помещении, так и под открытым небом.</i>	«1) <u>все российские граждане вольны собираться</u> всегда и везде, без всяких стеснений и ограничений, <u>не спрашивая на то никакого разрешения</u> , и вести обсуждение на каком угодно языке;
Ст. 3. <i>Воспрещаются собрания на рельсовом пути (полотне железных дорог);</i> Ст. 4. <i>Собрания на площадях, улицах и в других проездах и проходах, открытых для общественного пользования, допускаются по-</i>	2. <i>Собрания на рельсовых путях</i> возбраняются, <i>собрания же на прочих путях</i> сообщаются, <i>улицях и площадях допускаются, поскольку они не препятствуют свободному движению.</i>	

¹ Законодательные проекты и предположения Партии народной свободы. 1905-1907 г. СПб., 1907. С. 23-27.

² Вестник Временного правительства. 1917. № 35/81 (20 апр. (3 мая)).

³ Государственная дума. Созыв I. Стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1906. С. 1405-1406,

<i>стольку, поскольку они не препятствуют свободному уличному движению</i>		
Ст. 1. Российские граждане вольны <u>собираться мирно</u> и без оружия, не испрашивая на то предварительного разрешения.	3. <u>На собрания не вправе иметь доступ лица вооруженные, за исключением тех, коим ношение оружия присвоено законом.</u>	
	Преамбула В отмену, изменение и дополнение подлежащих узаконений постановить.	3) отменяются все законы, стеснявшие свободу собраний, и все ограничения, основанные на исключительных законах»
		2) должностные лица, виновные в посягательстве на свободу собраний, подлежат уголовной ответственности;

Сравнение кадетского законопроекта времен Первой Государственной Думы и Постановления Временного правительства наглядно показывает их общность не только по содержанию, что вполне очевидно при приходе к власти вчерашней оппозиции, но, в значительной мере, и по форме. Мы можем видеть практически полное совпадение текста, с изменением порядка слов и заменой ряда терминов 1906 г. иными дефинициями, которые, вместе с тем, отнюдь не меняют общий смысл. Так в первой статье Постановления Временного правительства употреблена формулировка *«имеют право»*, а в тексте первой статьи думского законопроекта (в редакции, принятой думской комиссией) используется термин *«вольны»*. В данном случае, с точки зрения юридической техники, можно говорить о несколько большей строгости языка нормативного акта.

Что касается второй статьи, то здесь наблюдается аналогичная картина, когда формулировке *«в других проездах и проходах»* пришла на смену формулировка *«на прочих путях сообщения»*, у термина «движения» убрали прилагательное «уличное», но вряд ли здесь можно говорить о какой-то серьезной правке.

Меньше дословных совпадений в третьей статье, но сущностно они совпадают. В думском законопроекте предлагается формулировка «граждане вольны собираться мирно и без оружия», которую заменили следующей – «на собрания не вправе иметь доступ лица вооруженные». Здесь же в Постановлении Временного правительства мы видим и дыхание эпохи – весны 1917 г., ее реалий в виде нового места в политиче-

ском процессе солдатских масс, милицейских формирований. Законодатель дополняет статью указанием на то, что на собрании могут присутствовать вооруженные лица, «*коиm ношение оружия присвоено законом*». Это явная дань реалиям, ибо никакая власть не смогла бы разоружить участников митинга. Поэтому реализм законодателя тут вполне очевиден, хотя, с классических позиций, появление оружия на митингах – это не самое лучшее решение.

Аналогично думскому проекту Постановление не устанавливало ограничения по времени проведения собраний. Во Франции, в частности, собрания запрещались после 23.00. Однако в начале века это представлялось кадетам ограничением прав граждан, прежде всего, рабочих, которые при позднем окончании рабочего дня фактически не имели бы возможности реализовать право на свободу собраний. Весной 1917 г. ограничить время митинга могли, скорее всего, погода и отсутствие освещения, но никак не законы и постановления.

Вполне очевидна и мотивация, по которой либеральные авторы новаций в сфере законодательства убрали целый ряд пунктов думского законопроекта, который в первоначальном варианте состоял из 12 параграфов. Ряд из них были убраны по формальным основаниям, в соответствии с изменениями, которые произошли в феврале – марте 1917 г. в социально-политическом строе России, а, соответственно, и в ее государственном устройстве. Ввиду исчезновения таких предметов правовой защиты как особа Императора и Государственная Дума были исключены статья 2, вводившая ограничения по расстоянию, часть статьи шестой, определявшей особый порядок для собраний, связанных с выборами в Государственную Думу.

Однако наиболее значимым и принципиально важным изменением, повлекшим за собой исчезновение полудюжины статей законопроекта, стал отказ законодателя в лице Временного правительства от уведомительного порядка проведения собраний. Соответственно, статья 6, определявшая этот порядок, теряла смысл. Явочный порядок проведения собраний сделал ненужными статьи 5, 7, 12, ранее делившие собрания на требовавшие уведомления и проводившиеся без такового. Отсутствие уведомления исключало и свидетельство о получении такового органами государственной власти – статья 8. С учетом ситуации в обществе, стараясь не разжигать страсти, Временное правительство отказалось от внесения в текст Постановления норм, регламентирующих действия органов власти в случае нарушения ограничений этим Постановлением налагаемых. Это убрало из текста думского проекта статьи 9, 10 и 11.

По иронии судьбы, новый текст нормативного акта, определявшего свободу собраний, по количеству статей совпал с внесенным в Думу проектом социал-демократов, который также состоял из трех статей и был беспощадно, впрочем, вполне заслуженно, раскритикован либералами. Добавленный в третью колонку таблицы текст этого, по большому счету, агитационного материала времен Первой русской революции, в сравнении с ранее проанализированными нами документами наглядно показывает их главное отличие. При формальном совпадении по количеству статей либеральные проекты и нормативные акты, даже при вынужденном отступлении от канонов юридической техники не теряли свою правовую природу, оставаясь, так или иначе, регуляторами новых, стремительно возникавших и развивавшихся общественных отношений. Единственное значимое совпадение в первой статье отражает то, что в основе социал-демократического проекта лежит явочный принцип реализации свободы собраний, к каковому, что было отмечено нами выше, под влиянием митинговой стихии революции, пришли и разработчики законопроектов Временного правительства.

О свободе союзов

В непосредственной связи с законопроектом о собраниях шел и думский проект, внесенный конституционно-демократической партией, посвященный свободе союзов. Подобная близость вполне объясняется тем, что свобода собраний выступает в качестве неотъемлемого средств реализации права на создание союзов и иных аналогичных организаций. В исходном тексте законопроекта о собраниях ряд статей был посвящен регламентации собраний, созываемых в рамках деятельности союзов и предполагавших большую степень свободы по способу организации и месту проведения, чем для иных собраний.

В целом, изменения в социально-политическом строе страны привели к бурному росту общественной самодеятельности, которую следовало упорядочить рамками закона с учетом фактического дезавуирования многочисленных ограничений имперского законодательства.

Таблица 2.

Результаты сравнительного анализа законопроекта конституционно-демократической партии о союзах, Постановления Временного правительства о собраниях и союзах

Закон о союзах¹	Постановление Временного правительства о собраниях и союзах. 12.04.1917 г.²
Ст. 2 <i>Российские граждане вольны составлять союзы в целях не противных</i>	4. Все без исключения российские граждане имеют право без особого на

¹ Законодательные проекты и предположения Партии народной свободы. С. 28-32.

² Вестник Временного правительства. 1917. № 35/81 (20 апр. (3 мая)).

<p>уголовным законам или добрым нравам, не испрашивая на то разрешения <u>правительственной власти.</u></p>	<p>то разрешения образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам.</p>
<p>Ст. 1. Союзом или обществом по смыслу настоящего закона почитается всякое соединение нескольких лиц, избравших предметом своей совокупной деятельности определенные цели ... <u>равно как соединение двух или нескольких союзов непосредственно или посредством их уполномоченных</u></p>	<p>5. <u>Общества и союзы вправе объединяться с другими обществами и союзами и устанавливать постоянные сношения с общественными и иными организациями, а равно заключать соглашения с образованными за границу союзами и обществами.</u></p>
<p>Ст. 7. Союзы, которые не имеют целью получение прибыли от какого-либо хозяйственного предприятия, если <u>желают приобрести права юридического лица</u>, должны иметь писанный устав. Ст. 9 Союзы, означенные в статье 7 настоящего закона,¹ <u>приобретают права юридического лица через внесение их в реестр обществ и союзов</u>, открываемый для сего в ведении старшего нотариуса.</p>	<p>6. <u>Право приобретать и отчуждать недвижимые имущества, образовывать капиталы, вступать в обязательства, искать и отвечать на суде</u> предоставляется лишь тем обществам и союзам, <u>уставы которых зарегистрированы судебной властью.</u></p>
<p>Ст. 8, 10-16. Ст. 8 Сведения, подлежащие внесения в устав для союзов, соответствующих требованиям ст. 7. Ст. 10-16 Процедура регистрации у старшего нотариуса.</p>	<p>Порядок регистрации обществ и союзов имеет быть определен особым постановлением.</p>
<p>Ст. 4. <u>О закрытии союза, установленно-го в целях, противных уголовным законам или добрым нравам, или направившего свою деятельность к таковым целям</u> ... прокурор вместе со своим письменным заключением, предлагает на рассмотрение окружного суда. Ст. 5. ... <u>дело о закрытии союза рассматривается окружным судом</u> по гражданскому отделению особо от могущего возникнуть уголовного производства против отдельных членов союза. Решения постановляются в судебном заседании и по выслушании заключения прокурора. Ст. 6. Постановление окружного суда может быть обжаловано заинтересованными лицами и прокурорским надзором в месячный срок в апелляционном порядке. <u>При производстве дела о закрытии союза в судебной палате</u> применяются правила ст. 5 сего закона.</p>	<p>7. Принудительное закрытие общества или союза может последовать <u>не иначе, как по суду</u>, и притом <u>лишь в том случае, если деятельность его оказалась направленною к достижению целей, воспрещенных уголовными законами.</u></p>
<p>Ст. 17. <u>Союзы, имеющие своей целью получение прибыли от ведения</u> какого-либо</p>	<p>8. Настоящее <u>постановление не распространяется на общества и союзы,</u></p>

¹ Т.е. не имеющие целью извлечение прибыли – прим. авт.

хозяйственного предприятия (товарищества и компании), <u>приобретают права юридического лица в порядке, гражданскими законами установленными.</u>	<u>имеющие своей целью извлечение прибыли.</u>
---	--

В случае с частью Постановления, которая содержит нормы, регулирующие свободу союзов, приведенный в таблице компаративный анализ показал, что количество прямых совпадений текста думского законопроекта о союзах с Постановлением Временного правительства о собраниях и союзах гораздо меньше. Однако уровень смысловых совпадений и синонимических замен, не меняющих смысл текста, более, чем высок. Наиболее репрезентативна в этом отношении статья 4 Постановления, которая по объему совпадений наиболее близка тексту статьи 2 думского законопроекта. Примечательно и то, что синонимические замены полностью аналогичным тем, которые были нами ранее отмечены применительно к результатам сравнительного анализа норм, регламентировавших свободу собраний. На смену термина «вольны» пришло более привычное нашему уху выражение «имеют право». Вместо глагола «составлять», примененного в отношении обществ, использован глагол «образовывать». Также полагаем не меняющим смысл текста изменение, связанное с тем, что в думском проекте законодатель уравнивал термины «союз» и «общество», при этом термин «союз» получал предпочтение, а в Постановлении эти термины употребляются как обозначающие отличные друг от друга сущности. Строго говоря, если анализировать текст пункта «а» статьи 6 и статьи 9 законопроекта, то там употреблена конструкция «название общества или союза» и «реестр обществ и союзов» притом, что в остальном тексте, за исключением первой статьи, используется исключительно термин «союз». В той же статье 15, где речь идет о реестре, использовано выражение «союз, внесенный в реестр», без упоминания общества. Иначе говоря, разработчики законопроекта пользовались и тем, и другим вариантом, что не очень хорошо с точки зрения техники законотворчества, но принципиально что-либо не изменяет.

В целом сохранилось и базовое ограничение на создание союзов, а именно отсутствие противоречий между их уставными целями и уголовным законодательством. Этот же квалифицирующий признак оставит законодатель и в 1906, и в 1917 г. как основание для прекращения деятельности соответствующего союза. Вместе с тем одно, на наш взгляд значимое, изменение в данной статье произошло. В думском проекте союз не мог создаваться, если его цели противоречили т.н. «добрым нравам», под которыми следует понимать общепринятые в обществе

правила поведения, не относящиеся к правовым регуляторам. При всей логичности данной нормы, позволявшей избежать злоупотребления правом, например, при создании союза сатанистов, отсутствие четких критериев могло привести и к произволу со стороны власти. Последнее, если реконструировать процесс запрещения деятельности союза ввиду противоречия его целей «добрым нравам», скорее всего, находило бы свое проявление на стадии проведения судебной экспертизы. Она, очевидно, толковала бы формулировки уставных целей и делала вывод о том, насколько, с точки зрения соответствующих отраслей знания, они противоречат неким «добрым нравам».

В водовороте общественных преобразований, вызванных событиями февраля – марта 1917 г., само понятие «добрые нравы» уже звучало бы крайне архаично и уж тем более, особенно с учетом третьего года Мировой войны и системного социально-экономического кризиса, вряд ли могло быть формализовано даже теоретически. Это, как представляется весьма вероятным, и стало основанием для того, чтобы убрать из текста формулировку с низко формализуемым значением.

Статья 5 Постановления и статья 1 проекта предоставляли союзам право на объединение, дополненное в 1917 г. правом на установление отношений с общественными и иными организациями, а также организациями, находящимися за рубежом. Статья 6 определяла порядок регистрации союзов (судебный) и перечень их полномочий в качестве юридических лиц, повторяя нормы статей 7 и 9 проекта с изменением регистрации с нотариальной на судебную. Подобное повышение уровня принятия решения представляется вполне логичным для социума, находящегося в состоянии системного кризиса.

Второй абзац статьи 6 Постановления отсылал установление порядка регистрации уставов союзов и обществ к отдельному постановлению, заменяя тем самым статьи 6, а также с 8 по 16 думского проекта, где эти вопросы были прописаны достаточно подробно, исходя из нотариального характера регистрации.

Статья 7 и, соответственно, 4, определявшие порядок закрытия союзов, содержали, уже отмеченный выше, принцип исключительной компетенции в данном вопросе судебной власти. С учетом совмещения Временным правительством полномочий законодательной и исполнительной власти с соответствующими возможностями влияния в сфере власти судебной, эта конструкция была скорее неким идеальным вариантом будущего законодательства о союзах. Однако, учитывая ситуацию в стране, вряд ли можно было предложить безупречное по содержанию и форме решение.

Заключительная статья 8 Постановления аналогично завершающей статье 17 законопроекта определяла, что нормы соответствующих актов о свободе союзов не распространяются на общества, создаваемые с целью извлечения прибыли.

Сравнительный анализ статей Постановления и думского законопроекта показал практически полное отсутствие дословных текстовых совпадений, однако исключительно большое количество смысловых совпадений также подтверждают общий вывод об использовании в качестве основы для законотворчества Временного правительства материалов либерального законотворчества думского периода. В пользу этого обстоятельства говорит и сравнительно небольшое количество новаций в тексте Постановления.

Таким образом, сравнительный анализ текстов и содержания думских законопроектов о свободе собраний и о союзах, принадлежащих конституционно-демократической партии с Постановлением Временного правительства, направленного на введение в правовые рамки митинговых реалий весны 1917 г., подтверждает исследовательскую гипотезу о том, что правительственное законотворчество этого периода базируется на либеральных наработках думского периода. Вряд ли корректно говорить о том, что на примере этого и ряда других законопроектов в России весной 1917 г. начался процесс реализации либеральной модели реформирования страны, однако использование технических наработок думского периода истории российского либерализма в данном случае более, чем очевидно. Дальнейшее обращение к этой сфере исследования позволит предметно говорить как о количественных, так и качественных характеристиках подобной аккультурации законотворческих наработок. Вместе с тем, в целом ряде проектов принципиально важных для понимания видения Временным правительством перспектив эволюции государственной власти России, в частности, проекта конституции, мы встречаем институты, которые и по букве и по духу весьма отличны от либеральных наработок 1904-1907 гг.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕНЗУРНОГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1905 г.²

До издания Манифеста 17 октября 1905 г. и Временных правил 24 ноября 1905 г.³ система контроля как за подцензурной, так и за бесцензурной периодической печатью строилась на неограниченных дискреционных полномочиях министра внутренних дел. По своему усмотрению он выдавал разрешения на учреждение новых периодических изданий, устанавливал запреты на обсуждение отдельных вопросов в печати и налагал на периодические издания административные взыскания за «вредное направление». Непосредственный контроль за печатью осуществляли Главное управление по делам печати, цензурные комитеты и отдельные цензоры. Однако неограниченность полномочий администрации на практике не означала ее всесилы. В систему административного надзора за печатью, созданную реформой 1865 г. и продолжавшую существовать в 1905 г., были заложены противоречия. Над усмотрением цензора стоял не закон, а усмотрение вышестоящего начальства. Поэтому любые колебания в настроениях власти рушили репрессивный потенциал этой системы. Уже осенью 1904 г., когда пост министра внутренних дел занял князь П.Д. Святополк-Мирский, начальник Главного управления по делам печати Н.А. Зверев сетовал, что «печать страшно разнуздалась, но поделаться он ничего не может, – этих писателей надо наказывать, а ему дано теперь только право их увещевать и просить»⁴.

Зверев покинул пост начальника Главного управления по делам печати в январе 1905 г. Последние недели его службы на этом посту ознаменовались ростом применения административных взысканий против либеральных изданий, близких к земскому движению и «Союзу освобождения». Тем не менее, административные кары применялись достаточно избирательно и были далеки от максимально возможных по Уставу о цензуре и печати. В ноябре 1904 г. два предупреждения за «вред-

¹ Солова Анастасия Петровна – преподаватель департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

² Подготовка данной публикации была осуществлена в рамках деятельности проектной группы «Интеллектуальная история права: от идей к институтам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020 г.

³ ПСЗ. Собр. 3. Т. 25. № 26962.

⁴ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 304.

ное направление» получила газета «Право», три предупреждения и приостановку на 3 месяца – «Сын отечества». В декабре два предупреждения – «Русская правда», «Наша жизнь» и «Наши дни» (под этим названием выходил приостановленный «Сын Отечества») получили по три предупреждения за декабрь 1904 – февраль 1905 гг. и также были приостановлены на 3 месяца. В это же время изданиям «Сын отечества», «Русская правда», «Наши дни», «Русь» и «Русские ведомости» была запрещена розничная продажа. Затем 24 февраля 1905 г. предостережение за вредное направление с запретом розничной продажи было выдано газете «Вечерняя почта», а 1 апреля только предупреждение – газете «Слово»¹.

Последний всплеск применения административных взысканий произошел в июне и июле 1905 г., когда было выдано 3 предостережения («Русское слово», «Русские ведомости», «Новости и Биржевая газета»), 2 газетам запрещена розничная продажа («Русское слово», «Новости и Биржевая газета»). Выпуск 4 изданий был приостановлен на срок от 1 до 2 месяцев за нарушение циркулярных запретов по ст. 140 Устава о цензуре («Русь», «Вечерняя почта», «Слово», «Новости и Биржевая газета»). Последнее административное взыскание в виде запрета розничной продажи было применено к газете «Слово» 1 октября 1905 г., этот запрет был снят министром внутренних дел уже 14 октября².

В целом цензурная практика до октября 1905 г. складывалась под влиянием противоречивых тенденций. С одной стороны, правительство готовилось к отмене цензурных ограничений. Занявший должность начальника Главного управления по делам печати в марте 1905 г. А.В. Бельгард писал в своих воспоминаниях, что в это время «либерально настроенные члены правительства <...> видели в освобождении печати от административных стеснений необходимый шаг для примирения правительства с обществом»³. Первые шаги к реформе законодательства о печати были сделаны уже в конце 1904 г. Императорский указ 12 декабря 1904 г. предписывал «поставить печатное слово в точно определенные законом пределы»⁴. Председатель Комитета министров С.Ю. Витте в декабре 1904 г. назвал правительственные меры, проводившиеся после цензурной реформы 1865 г., «напрасными для печати и мало полезными для государственного порядка стеснениями», которые

¹ Привод. по: Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865-1905 гг. Система административных взысканий: справочное издание / сост. Н.Г. Патрушева. СПб, 2011. С. 246-251.

² Там же. С. 251-253.

³ Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 211.

⁴ Законодательные акты переходного времени. 1904 - 1908 гг. СПб., 1909. С. 6.

устанавливались постановлениями, изданными «без какой-либо строгой системы»¹. С февраля 1905 г. активно работало над проектом нового Устава о печати в направлении отмены предварительной цензуры Особое совещание под председательством Д.Ф. Кобеко².

С другой стороны, цензура еще не была отменена, и Главное управление по делам печати должно было обеспечивать ее функционирование. В этом контексте представляет особый интерес циркуляр от 4 июля 1905 г., который Бельгард разослал губернаторам и местным цензорам³.

В циркуляре, во-первых, перечислялись сообщения, публикация которых требовала отдельного разрешения ведомственной цензуры. До окончания войны с Японией для всех сообщений о военных действиях продолжала действовать военная цензура, введенная 3 февраля 1904 г. Разрешения администрации по месту выхода газеты требовали сообщения о стачках, забастовках, аграрном движении, массовом сопротивлении властям, а также о действиях властей по борьбе с беспорядками. До «особого пересмотра законов о печати» публикация всеподданнейших адресов, петиций и записок требовала разрешения министра внутренних дел. Делопроизводственные документы различных учреждений могли публиковаться только с разрешения начальства этих учреждений. Циркуляры правительственных чиновников (если они не были объявлены официально) – с разрешения указанных чиновников. Информация о политических преступлениях и политических преступниках – только в виде перепечатки из «Правительственного вестника». Воззвания и приглашения к жертвованиям – только с разрешения местного губернского начальства. Кроме того, запрещалось оглашение в печати резолюций и постановлений неразрешенных собраний и съездов, а также сообщения «об имеющих состояться или состоявшихся уже собраниях союзов или других кружков или обществ, не получивших на сие разрешения или прямо запрещенных местными властями»⁴.

Печать летом 1905 г., как разъяснялось в циркуляре, была занята тремя вопросами: войной, беспорядками и реформой, провозглашенной рескриптом 18 февраля на имя министра внутренних дел о разработке

¹ Особый журнал заседаний Комитета министров за 28 и 31 декабря 1904 года о составлении нового устава о печати // ГА РФ. Ф. 564 Оп. 1 Д. 648. Л. 1-11.

² См.: Солова А.П., Туманова А.С. «Что касается трудов нашего Совещания, то с ними произошла неожиданная метаморфоза». Письма из фонда А.Ф. Кони о разработке Временных правил о повременных изданиях 24 ноября 1905 г. // Исторический архив. 2018. № 3. С. 146-157.

³ Циркуляры цензурного ведомства Российской империи: сб. док. / под ред. Н.Г. Патрушевой, И.П. Фуга. СПб., 2016. С. 565-569.

⁴ Там же. С. 566-567.

проекта законосовещательного представительства. Цензоры должны были учитывать это при осуществлении надзора за направлением повременных изданий. В частности, цензоры должны были запрещать статьи, дискредитирующие армию, подрывающие воинскую дисциплину, а также «доказывающие, что недостатки нашей военной организации, внутренняя смута или наше финансовое положение заставляют нас заключить мир во что бы то ни стало»¹. Не должны были публиковаться любые призывы к массовым политическим действиям и к сепаратизму, а также «статьи, оспаривающие принцип частной собственности или семейного союза». По вопросу о «реформе» цензура не должна была пропускать статьи «1) предполагающие или доказывающие необходимость изменения основных законов, определяющих неприкосновенность прав самодержавной власти; 2) доказывающие, что правительство умышленно затягивает обещанную реформу или не желает ее осуществления, а обещало ее только для успокоения беспорядков и 3) что в предложенных правительством пределах предстоящая реформа бесцельна и не нужна»².

Кроме того, Бельгард разъяснял цензорам, что «цензура, сообразуясь, конечно, с требованиями цензурного устава, отнюдь не должна воспрещать всякие статьи, нападающие на бюрократию». Действительно, Устав прямо разрешал рассуждать в печати о недостатках действующего законодательства, цензорам следовало позволять к публикации «специальные ученые рассуждения, написанные тоном, приличным предмету, и притом касающиеся таких постановлений, недостатки которых обнаружили уже на опыте» (ст. 98). Но в то же время начальник Главного управления по делам печати призывал цензурных чиновников «иметь в виду, что некоторыми газетами под бюрократическим строем принято понимать самодержавный образ правления, а под правовым – конституционный»³. В подобных случаях цензурный устав не давал одновременно законных и действенных инструментов для контроля за печатью и, более того, открывал для газет и журналов «широкие возможности для всякого рода обходных движений»⁴.

В этих условиях особенно очевидной становилась неспособность цензурного ведомства обеспечить единство правоприменительной практики. В одних губерниях цензоры постоянно вычеркивали статьи, не содержащие в себе ничего вредного, а в других – разрешали к печати ста-

¹ Там же. С. 568.

² Там же. С. 568.

³ Там же. С. 567.

⁴ Бельгард А.В. Указ. соч. С. 211.

ты «совершенно невозможные, заключающие в себе даже признаки преступления, караемого законом»¹. Даже в столице, по свидетельству Бельгарда, в 1905 г. при принятии решений цензорам постоянно требовалось «личное участие председателя комитета, и зачастую – окончательное мнение начальника Главного управления». Хотя большинство цензоров Петербургского цензурного комитета «были люди не старые, с высшим образованием и вполне здраво и разумно относились к своим обязанностям»².

М.И. Ганфман, редактировавший в 1905 г. либеральную газету «Сын отечества», которая после приостановки на 3 месяца должна была предоставлять в цензуру следующий номер не позднее 11 вечера перед его печатью (ст. 148 Устава о цензуре и печати), писал, что ему пришлось «в течение полугода, предшествовавшего изданию манифеста 17 октября, иметь непрерывные сношения с цензорами». И все это время он наблюдал «полную растерянность, которая царила в отношениях к русскому печатному слову. Сами цензора были в полном неведении относительно того, что дозволено и что запрещено, и поневоле считались только с настроениями данной минуты и указаниями полномочного Петербургского генерал-губернатора Трепова»³.

Право министра внутренних дел запрещать бесцензурным изданиям касаться отдельных событий или вопросов, предусмотренное статьей 140 Устава о цензуре, правительство считало одним из самых сильных административных средств борьбы с повременной печатью⁴. В 1905 г. эти запреты распространились практически на все политические вопросы, волновавшие периодическую печать. Особенно заметные усилия в 1905 г. ведомство прикладывало для борьбы с распространением информации о земских съездах и иных собраниях⁵. Однако при ограниченном объеме применения административных взысканий весной и летом 1905 г. эти запреты для бесцензурных газет не подкреплялись наказаниями за их нарушение, поэтому периодические издания соблюдали их лишь частично либо не соблюдали вообще.

В отдельных случаях Главное управление по делам печати не успевало сообщить о запрете до того, как запрещенное сообщение попадало в прессу. Так, телеграмма с запретом на публикацию проекта организа-

¹ Цит. по: Циркуляры цензурного ведомства Российской империи. С. 565.

² Бельгард А.В. Указ. соч. С. 210.

³ Ганфман М.И. Явочный период свободы столичной печати // Свобода печати при обновленном строе. СПб., 1912. С. 44.

⁴ Бельгард А.В. Указ. соч. С. 211.

⁵ См., например, Циркуляры и телеграммы из Главного управления по делам печати за 1905 г. в фонде Московского цензурного комитета // ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 466.

ции народного представительства, предложенного на открывшемся в Москве 22 апреля съезде земских деятелей, была разослана Главным управлением по делам печати 23 апреля в полдевятого вечера. 24 апреля Московский цензурный комитет отчитывался в Главное управление по делам печати о том, что полученная телеграмма была немедленно объявлена редакциям московских бесцензурных периодических изданий. Но две газеты («Петербургский Телеграф», выходящий в свет с 12 до 2 часов дня, и «Вечерняя Почта», выходящая в свет между 6 и 7 часами вечера) успели опубликовать текст проекта в номере за 23 апреля до получения запрета из Главного управления. А 24 апреля проект был перепечатан в «Русских ведомостях». Редакция «Русских ведомостей» была осведомлена о запрете печатать проект, но разместила текст без заголовка, как один из «появившихся в последнее время проектов организации народного представительства в России». При этом газета указала, что напечатанный проект «циркулирует» в обществе и «исходит из земских сфер»¹.

Бельгард не верил в действенность административных взысканий для контроля за печатью. В частности, он считал бессмысленным преследование газет за публикацию сообщений о собраниях, участники которых не несли никакой ответственности за свои революционные речи. Кроме того, в издававшемся за рубежом журнале «Освобождение», с распространением которого в Российской империи безуспешно боролась полиция, практически открыто публиковались представители передовой интеллигенции, которые не только не преследовались за это, но и продолжали сохранять профессорские должности, принимать участие в деятельности различных правительственных и общественных организаций². Журнал издавался на средства либеральных земств, и многие земские деятели и губернские предводители дворянства снабжали его материалом³. «При таких условиях цензурные и административные преследования печати теряли решительно всякий смысл», – писал Бельгард⁴.

По словам Ганфмана, в 1904 – 1905 гг. в петербургских газетах «возник своеобразный спорт на ловкость в обходе» цензурных запретов. Вместо запрещенного слова «союз» газеты писали «объединение», а о первом земском съезде 6 ноября 1904 г. сообщили без упоминания самого съезда, напечатав крупным шрифтом имена прибывших на съезд

¹ ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 466. Ч. 2. Л. 27.

² Бельгард А.В. Указ. соч. С. 217.

³ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 243-245.

⁴ Бельгард А.В. Указ. соч. С. 217.

делегатов с указанием земств, которые они представляли. В ответ на запрет публиковать сведения о политических арестах в разделе «Хроника» публиковались сообщения о том, что «такие-то лица переменили место жительства и переселились на Выборгскую сторону», при этом подразумевалось, что они арестованы и помещены в тюрьму «Кресты» на Выборгской стороне. В результате, по словам Ганфмана, «получались курьезы, над которыми не мало смеялись и журналисты и сами цензора»¹.

Последние месяцы существования старого порядка, таким образом, характеризовались растущей неуверенностью цензурных чиновников как в содержании цензурных запретов, так и в возможности реализовать их на практике. В то время как сотрудники столичных газет и журналов чувствовали все большую решимость противостоять цензуре, которая не давала «возможность печати сообщать то, что волновало всю Россию»².

Провозглашение в Манифесте 17 октября свободы слова стало неожиданностью как для периодической печати, так и для цензурного ведомства и привело к «юридическому хаосу» в сфере регулирования периодической печати, который продолжался до 24 ноября 1905 г. Сразу же после Манифеста цензурное ведомство отказалось от использования административных взысканий. 18 октября был отменен ранее установленный в административном порядке запрет на розничную продажу отдельных номеров газет «Наша жизнь», «Новости [и Биржевая газета]», «Сын отечества», «Вечерняя почта», «Русские ведомости» и «Русское слово»³. Кроме того, были сняты ограничения по ст. 144 Устава о цензуре, для изданий, которые ранее подвергались приостановке и после возобновления должны были заранее предоставлять номер в цензуру⁴.

В циркуляре, который был разослан Бельгардом 19 октября, сообщалось также об отмене всех циркулярных распоряжений, изданных на основании ст. 140 Устава о цензуре. Идея циркуляра от 19 октября, как вспоминал Бельгард, сводилась к тому, что «никакое государство не может существовать без законов» и пока новые законы не опубликованы, все цензурные учреждения не упразднены и должны, следовательно, выполнять свои обязанности⁵. Однако в ситуациях, когда явное

¹ Ганфман М.И. Указ. соч. С. 44.

² Там же. С. 46.

³ Привод. по: Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865-1905 гг. С. 253.

⁴ Блохин В.Ф. Свобода слова в России: от 17 октября к 24 ноября 1905 г. // Ответственная мысль, движения и партии в России XIX – начала XXI вв.: сб. науч. ст. по материалам девятой науч. конф., 22 апр. 2010 г., г. Брянск. Брянск, 2010. С. 63.

⁵ Бельгард А.В. Указ. соч. С. 253.

нарушение уголовного закона отсутствовало, цензоры должны были «сообразоваться с новыми условиями, в которые поставлена печать, и личным тактом, и полным устранением каких-либо требований, не основанных на законе, избегать возможности всякого рода справедливых нареканий»¹.

Печать иначе восприняла содержание Манифеста 17 октября. Объединившиеся в «Союз для защиты свободы печати» петербургские издания считали, что борьба за свободу печати увенчалась победой и новой целью союза должна стать «защита свободы слова, провозглашенной манифестом 17 октября, и осуществление ее в законодательстве»². Посчитав все старое цензурное законодательство отмененным, газеты в Санкт-Петербурге и Москве отказались от предоставления своих номеров в цензурное ведомство.

В столицах за короткий срок появилось множество новых изданий, среди которых наибольшее раздражение у правительства вызывали «красные иллюстрированные журналы с самыми возмутительными карикатурами не только на министров, но и лично на государя»³. Нельзя сказать, что администрация бездействовала. Цензурный комитет в Санкт-Петербурге заседал практически круглосуточно, и почти безотлучно в комитете находился кто-либо из прокурорских чинов. В цензурное ведомство полиция постоянно доставляла «преступные издания», комитет добросовестно выносил постановления об их аресте и о передаче их прокурору для возбуждения судебного преследования. Однако такой порядок не давал никаких результатов⁴, так как решения об аресте номеров принимались уже после того, как тираж получал распространение, а новые номера газет и журналов продолжали свободно печататься.

Провинциальная пресса также была охвачена волной «явочной свободы», хотя и в меньшей степени. Местные чиновники, имевшие разные представления о «личном такте», которому они должны были следовать в соответствии с циркуляром Бельгарда от 19 октября, по-разному реагировали на отказ печати от соблюдения цензурных требований. В отдельных губерниях местные власти открыто провозглашали отмену цензуры и сами отказывались цензурировать местную печать⁵, в других –

¹ Цит. по: Циркуляры цензурного ведомства Российской империи. С. 569-571.

² Ганфман М.И. Указ. соч. С. 49.

³ Бельгард А.В. Указ. соч. С. 258.

⁴ Там же. С. 259.

⁵ Ганфман М.И. Указ. соч. С. 58.

чиновники пребывали в растерянности и фактически переставали выполнять свои цензорские обязанности¹.

«Явочная свобода печати» завершилась с изданием Временных правил о повременных изданиях 24 ноября 1905 г. Новый закон внес определенность в деятельность цензурных учреждений. Все периодические издания в городах были освобождены от предварительной цензуры. Для городов также был установлен уведомительный порядок учреждения новых газет и журналов. Административные взыскания для периодической печати были полностью отменены, что являлось несомненным достижением проведенной реформы. При этом переход к судебному рассмотрению дел печати вместе с ростом количества периодических изданий привел к значительно более частому привлечению редакторов к ответственности по сравнению с дореформенным периодом. Так, по подсчетам Министерства юстиции, с 24 ноября 1905 г. по 1 ноября 1908 г. было вынесено 762 судебных решения в отношении редакторов периодических изданий². Несмотря на то, что за указанный период 230 редакторов (т.е. 30%) были оправданы, такое наглядное расширение масштабов преследования деятелей печати способствовало скептическому отношению в журналистских кругах к провозглашенной свободе слова.

¹ Блохин В.Ф. Указ. соч. С. 65.

² Сводные ведомости о числе редакторов периодических изданий, привлеченных к ответственности на основании указов 24 ноября 1905 года и 18 марта 1906 года о временных правилах о повременных изданиях // РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 491.

АССИМИЛЯЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО НАРОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МЫСЛИ СЕРЕДИНЫ XIX в.²

В истории либеральной мысли XIX в. важное место занимают вопросы национально-государственного устройства. Такая ситуация объясняется причинами как теоретического, так и политического характера. В их числе следует назвать, прежде всего, возникновение в Европе национального вопроса, который, по утверждению А.Д. Градовского, «вытекает из факта признания в народе нравственной и свободной личности, имеющей право на самостоятельную историю, следовательно, на свое государство»³.

И если прежде, подчеркивал ученый, «до того времени, как сложилась антропология и наука о языке, до современных успехов истории», «человечество» представлялось какой-то бесформенной массой, а государство «могло быть образовано из самых разнородных этнологических элементов, ... что считалось явлением вполне нормальным»⁴, то теперь ситуация изменилась. По его мнению, противодействие этому «средневековому строю» имело следствием возникновение двух взаимосвязанных тенденций в развитии народностей: к внешней самостоятельности и к внутреннему единству народа.

С этого времени народность выступает «как система разнородных человеческих групп, громко заявляющих свое право на самобытное существование». Примеры такого отношения Градовский находит «в освобождении Греции, в освобождении и объединении Италии, в объединении Германии»⁵. Вместе с тем, признает он, подобные факты, как, впрочем, и история государственности на более ранних этапах развития, утверждали всего лишь политическое единство населявших страну народов, оставляя открытым вопрос об их внутреннем единстве. В этих условиях, заявляет ученый, наука о государстве не может «довольство-

¹ Нарезный Анатолий Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета.

² Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

³ Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и литературе // Собр. соч. СПб., 1901. Т. 6. С. 4.

⁴ Он же. Постановка национального вопроса по отношению его к политике // Собр. соч. СПб., 1901. Т. 6. С. 9.

⁵ Он же. Национальный вопрос в истории и литературе. С. 4.

ваться прежними исходными точками, прежним методом», но должна воспринять выводы других наук, что, по его мнению, означало необходимость «прийти к теории национального государства, увидеть в народности основу каждого государства»¹. Именно народность, по его мнению, выступала основой, фундаментом государственной власти, выражала «требования национальной жизни народа как собирательной личности». Отсюда понятно положение автора, что «каждая народность, т.е. совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого, имеет право образовывать особую политическую единицу, т.е. особое государство»².

Такой подход означал разрыв существующей традиции, поскольку национальная идея «в том виде как ее выработало наше время, находится в резком противоречии с некоторыми началами, пользовавшимися таким авторитетом в прежнее время»³. В частности, она противоречит «началу метафизического космополитизма, во имя которого доказывалось, что ... государство может быть составлено из каких угодно народностей», а также теории «узкого индивидуализма». Соответственно, в сфере политической теория «национально-прогрессивного государства» призвана была дать ответ на запросы времени, сдержать «разрушительные учения», осмыслить возможности взаимодействия личности, общества и государства⁴.

В данном контексте представляет интерес проблема складывания государственной народности в условиях многоплеменных сообществ и, в частности, оценка русскими либералами в лице представителей государственной школы путей и способов формирования единой великорусской народности посредством ассимиляции других народов. Вначале уточним некоторые терминологические вопросы. Определение «ассимиляция» мы будем понимать как наиболее распространенное и, что важно, наименее идеологически нагруженное понятие для характеристики истории взаимодействия народов в XIX в. Для уточнения его содержательной взаимосвязи с термином «русификация» нам представляется заслуживающим внимания подход, представленный в работе этнографа конца XIX в. И.Н. Смирнова, где утверждается, что «ассимиляция совершается самой жизнью, помимо всяких предписаний» и, в результате,

¹ Там же.

² Градовский А.Д. Постановка национального вопроса по отношению его к политике. С. 13.

³ Он же. Национальный вопрос в истории и литературе. С. 4.

⁴ Там же. С. 4-5.

«руссифицирует Вотяков, как и Черемис, не чиновник, а колонист»¹. Одновременно, будем учитывать и тот факт, что русификационной в литературе, как правило, выступает «деятельность», в то время как ассимиляционной называют еще и «способность». Последнее словосочетание известный этнограф Н.Н. Харузин считал в конце XIX в. «общеупотребительным» выражением при характеристике свойств русского народа².

Рассматриваемая проблема является составной частью дискуссии, развернувшейся в русской общественной мысли в период после европейских революций 1848 г. и в условиях оценки последствий второго польского восстания 1863 г. Ее актуальность для общественного мнения подчеркивалась тем фактом, что история Российской империи, как и большинства европейских стран, развивалась в условиях тесного взаимодействия различных племен. Этот факт отмечали едва ли не все исследователи отечественной общественной мысли. Так, согласно Л.Н. Гумилеву, Великороссия как этнический термин включала в себя славян, угро-финнов, тюрков, куманов, якутов, бурятов, восточных балтов, монголов и татар³. Эту же мысль, хотя и несколько по-иному, формулировал Б.Н. Чичерин, признававший, что «великорусское племя восприняло в себя многие элементы финские и татарские»⁴.

Ему же принадлежит постановка проблемы о непростом характере взаимоотношений племен. Чичерин анализирует исторические факты, когда племена, сплоченные только совместным происхождением, легко распадались под действием внешних обстоятельств, или, наоборот, перемешивались друг с другом. Последнее обстоятельство ученый выделяет особо и даже называет «условием высшего развития» и способом преодоления своей ограниченности. Подобная практика отмечается им как в древней, так и в современной истории различных стран, а потому признается неким общим правилом. В частности, указывает он, «как французская, так и английская народность образовались из различных, насевших друг на друга племен». Не остались в стороне от этих процессов и славянские племена, среди которых «наиболее смешанным» он называет великорусское племя⁵.

¹ Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-географический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 8. Вып. 2. Казань, 1890. С. 70-71.

² Этнографическое обозрение. 1894. № 4. С. 2.

³ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993. С. 56.

⁴ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. II. М., 1896. Т. 2. С. 67.

⁵ Там же. Ч. I. М., 1894. Т. 1. С. 82.

В результате этих процессов, поясняет Чичерин, возникающая таким образом народность «непрерывно сознает себя, как единую духовную сущность», хотя и включает «множество посторонних элементов, которые она, как духовная сущность, себе подчиняет и претворяет в себя»¹. Уточняя содержание и пределы указанного процесса, ученый заявляет, что племена, «не обладающие духовной самобытностью, входят в состав господствующего народа, воспринимают его язык, понятия и нравы и окончательно сливаются с ним совершенно»². В этом высказывании содержится признание Чичериным того факта, что на этапе складывания народностей ассимиляция племен допустима, возможно даже неизбежна, и, наконец, полезна, поскольку обогащает сильное племя новыми достоинствами. Заметим, что либеральная теория в XIX в. вполне признавала подобную политику. Как отмечает современный исследователь О.Ю. Малинова, «ассимиляция воспринималась как позитивное явление, если вследствие нее индивид вливался в более “высокую” культуру»³.

Уделил внимание обоснованию данного тезиса и Градовский, который вводит понятие о «возрасте» народностей. В соответствии с этим, он заявляет, что на ранних этапах исторического развития принцип национальности «нисколько не противоречит ассимиляции племен, если из них впоследствии образуется одна народность, с общим языком, единством нравов и других культурных признаков». Более того, ассимиляция племен, считает он, «совершается на каждом шагу» и при этом племя сильное и количественно и качественно «вбирает в себя все менее сильные народы», а их особенности, «наиболее крепкие, привходят, со своей стороны, в тип господствующего племени, сообщая ему больше разнообразия и оригинальности». Соглашается он с Чичериным и в том, что «народность, образовавшаяся таким путем, отличается необыкновенной энергией и крепостью»⁴.

Таким образом, исходя из представления о том, что «только государство прочно, которое опирается на известную народность», представители государственной школы в полном соответствии с либеральной теорией последовательно настаивают на принципе, согласно которому, если оно «состоит из разных народностей, то одна из них должна быть преобладающей»⁵. Представляется возможным согласиться с положением современного социолога Ф.Э. Шереги о том, что «в данном случае вряд ли правомерно говорить о простой «сумме» этносов, образующих

¹ Там же. С. 81.

² Там же. Ч. II. М., 1896. Т. 2. С. 67.

³ Малинова О.Ю. Либерализм и концепт нации // Полис. 2003. № 2. С. 105.

⁴ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. II. М., 1896. Т. 2. С. 22.

⁵ Там же. С. 70.

суперэтнос. Речь должна идти, скорее всего, о едином механизме формирования суперэтноса с доминантным генотипом, когда в определенном иерархическом порядке происходит ассимиляция»¹.

Этим или подобным представлением, возможно, объясняются и попытки представителей государственной школы «примерить» к великорусской народности критерии, которым, по их мнению, должны соответствовать претенденты на лидирующую роль в государствах, включающих несколько народностей. Чичерин называет в числе таковых, наряду с «государственным сознанием и волей», и такой, несколько неопределенный признак, как «достаточная сила, чтобы сохранить свою самостоятельность и свое место в ряду других». Отметим, что указанный критерий занимает в концепции ученого важное место, что подтверждает его заявление о том, что народы, которые не обладают подобной «силой», должны отказаться от самостоятельности. И это, подчеркивает Чичерин, не только его личное мнение, таков «высший исторический закон»².

Указанные признаки и характеристики призваны были, в конечном счете, определить способность ведущей народности к осуществлению объединительной миссии в государстве. По мнению Чичерина, решение этой задачи тем легче, «чем более преобладающая народность имеет перевес над остальными и количественно и качественно, чем богаче она материальными и духовными силами, чем более она обладает способностью ассимилировать себе другие или распространяться на их счет»³. Одновременно он предлагает учитывать также «количественное и качественное отношение» подчиненных этносов к господствующему племени, заявляя, что «мелкие племена, стоящие на низкой ступени развития, как например те, которые заселяют громадные пространства России, не представляют таких препятствий государственному объединению, как народности развитые и носящие в себе предания, каковы польская, чешская, венгерская»⁴.

Указанные теоретические положения были подкреплены историческим исследованием К.Д. Кавелина, согласно которому «история русского государства есть вместе история возникновения и образования целой отрасли русского племени, которая составляет главное его зерно». В ее образовании, расселении и обрусении финнов состоит, по мнению ученого, «интимная, внутренняя история русского народа»⁵. Этот процесс

¹ Шереги Э.Д. Социология политики: прикладные исследования. М., 2003. С. 35.

² Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. I. М., 1894. Т. 1. С. 83.

³ Там же. Ч. II. М., 1896. Т. 2. С. 71.

⁴ Там же.

⁵ Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К.Д. Государство и община. М., 2013. С. 153.

Кавелин связывал с продвижением западнорусских племен на северо-восточные земли. При этом, в контексте его заявления об «обрусении финнов», представляет интерес оценка причин и факторов, под влиянием которых оно происходило.

Следует признать, что здесь мы имеем дело с особой позицией известного ученого, категорично заявившего, что переселенцы «не принесли с собой никакой культуры: ни умственной, ни гражданской»¹. Дальнейшие размышления приводят Кавелина к важному замечанию о том, что попытка выделить некий общий «уровень древнейшей славянской культуры», на самом деле лишает «возможности явно и отчетливо различать то, что в действительности могло бы быть весьма различно»². Обратившись к анализу западнорусской мифологии, и обнаружив факты, свидетельствующие, что на великорусской почве ее задатки «совсем исчезают», Кавелин приходит к выводу, что «у русских славян развитие в эпоху язычества стояло на весьма низкой ступени»³, когда «человек подчиняется силам и явлениям природы вполне, безусловно, безгранично»⁴. Понятен отсюда и его вывод о том, что «отсутствию культуры в мирозерцании древнейших великоруссов отвечало отсутствие ее и в их социальном быту»⁵.

На этом фоне привлекают внимание размышления Кавелина о роли христианства в российской истории. По его подсчетам, со времени крещения Руси до «вероятного начала колонизации Великороссии» прошло от полутора столетий до двухсот лет. Этого времени для «совершенного перерождения русских язычников» оказалось, по мнению ученого, недостаточно, а потому культура их «не могла не быть тогда все еще по преимуществу языческой». Несмотря на это, Кавелин утверждает, что все же западнорусские переселенцы изначально идентифицировались христианами, и это «стало отличительным их признаком посреди язычников-туземцев и надолго заменило сознание народности»⁶.

Таким образом, у нас, как кажется, появляются основания несколько скорректировать исходный тезис Кавелина об отсутствии у переселенцев превосходства в культуре. Добавим к этому и то важное обстоятельство, что и в новой родине, «печальной и суровой, они не нашли ни образованных народов, ни даже остатков прежде бывшей культуры». В результате, ученый фиксирует «чувство превосходства над инородцами,

¹ Там же. С. 167.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 160, 162.

⁴ Там же. С. 163.

⁵ Там же. С. 165.

⁶ Там же. С. 168-169.

которое великорусы глубоко носят в своей душе, хотя не всегда высказывают» и связывает его с их «преобладанием в новом отечестве над всеми другими племенами»¹. Как итог, местные племена, по его заявлению, «подпали постепенно под власть и влияние переселенцев и, может быть, смешались с ними, всего вероятнее, стали обрусевать и таким образом внесли новую кровь, новые элементы в русское начало, принесенное колонистами с запада»².

Таковы аргументы, представленные Кавелиным в подтверждение положений об ассимиляционной способности великороссов. Однако в целом результаты взаимодействия племен оцениваются им не столь однозначно. Ученый ограничивается заявлением, что в отечественной науке не исследованы, сколько-нибудь достоверно, вопросы о том, определяются ли последующие отличия великороссов от западнорусских племен «другой обстановкой жизни на новой почве в течение веков, или постепенным смешением поселенцев с финскими племенами»³. В последнем случае Кавелин, несмотря на заявление о «превосходстве» переселенцев, как кажется, не может окончательно определиться с оценкой последствий смешения народов. С одной стороны, финские племена, в его изложении, «исчезли или вполне подчинились господству или влиянию русско-славянского элемента»⁴, однако, с другой, применительно к земледелию и домашнему быту, «русское племя подчинилось влиянию финнов и позаимствовало от них понятия и привычки»⁵.

Несколько проясняет итоговую позицию Кавелина высокая оценка ученым неуступчивости славян внешнему воздействию, в результате которой «славянин везде и всегда остается при своих нравах и обычаях, даже одиноко и надолго заброшенный между иностранцами»⁶. Даже монгольское влияние ограничилось «несколькими словами, может быть, и даже вероятно, несколькими обычаями», но и они, подчеркивает Кавелин, оказались «заимствованы, а не навязаны»⁷. И только северные выходцы, варяги составляют «как будто исключение». Однако и они «скоро поддаются влиянию туземного элемента и, наконец, совершенно в нем исчезают». Происходит это, полагает Кавелин, в княжение Ярослава, когда варяги «совершенно подчиняются туземному русско-славянскому элементу»⁸.

¹ Там же. С. 167.

² Там же.

³ Там же. С. 157-158.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Там же. С. 159.

⁶ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Государство и община. С. 67.

⁷ Там же. С. 67-68.

⁸ Там же. С. 68, 81.

Совершенно иначе оценивали представители государственной школы возможности сохранения единого государства при наличии в его составе нескольких развитых народностей. Об этом свидетельствует, в частности, последовательное отстаивание Чичериным во второй половине XIX в. курса на предоставление государственной самостоятельности народам Польши и Финляндии. Вполне солидарен с ним был и Градовский, утверждавший, что «принцип национальности противоречит механическому, насильственному соединению в одно государство сложившихся уже народностей, из которых никоим образом не может образоваться новая народность»¹. В обоснование своей позиции он указывал на важную роль исторической памяти во взаимоотношениях народностей. По его мнению, «вряд ли дело объединения совершится, если слава одной народности, входящей в состав искусственного государства, составляет позор и страдания другой, если все прошедшее одной части государства заставляет ее ненавидеть другую»². Наконец, указывал ученый, следует иметь в виду, что «если потребность высшей цивилизации заявит свои права, подчиненные народности должны будут принять цивилизацию чужого народа, т.е. сделаться другим народом».³

Подводя итоги рассмотрения заявленной темы, отметим, что в представлениях либералов государственной школы вопросы ассимиляционной способности русского народа рассматривались как частный случай общей проблемы формирования государства в этнически неоднородной среде. Она рассматривалась возможной и даже неизбежной в эпоху образования народностей, как способ, позволяющий дополнить политическую общность народов единством внутренним. При этом возможности ассимиляции многочисленных племен определялись ими в соответствии с уровнем развития взаимодействующих народов.

Указанный алгоритм был использован представителями государственной школы и при характеристике ассимиляционной способности русского народа. Ее наличие объяснялось неуступчивостью славян чужому влиянию и, в определенной степени, некоторым культурным превосходством западнорусских переселенцев в условиях еще более низкого уровня развития местных племен. Признавая взаимовлияние и смешение племен на этапе возникновения государства, российские либералы, по сути, отказывались признавать возможность ассимиляции развитых народностей в составе Российской империи.

¹ Градовский А.Д. Постановка национального вопроса по отношению его к политике. С. 22.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 16.

**«ВЫ, ГОСПОДА, ЯВЛЯЕТЕСЬ НАШИМИ ЕДИНСТВЕННЫМИ
НАДЕЖНЫМИ ДРУЗЬЯМИ В РОССИИ»: ОПОЗИЦИОННЫЕ
ДВИЖЕНИЯ НА ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
И РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В 1905 г.²**

В истории развития российского либерального движения начала XX в. одним из решающих внешних факторов следует рассматривать Первую русскую революцию (1905–1907 гг.), достижением которой является ускорение процесса консолидации либеральных сил в идейно-политическом плане. Начало данному процессу во многом положили события 9 января 1905 г., которые подверглись детальному обсуждению и разбору на страницах журнала «Освобождение». Д.И. Шаховской в своих воспоминаниях пишет, что «надо перечитать три ближайших номера «Освобождения» и издававшегося при нем листка, чтобы восстановить в памяти то ошеломляющее впечатление, которое 9 января и его ближайшие последствия произвели на русское общество»³. По мнению А. Мартынова, «после 9-го января на фоне разрастающегося народного движения политическая роль обеих организаций, “Союза освобождения” и “Союза земцев-конституционалистов”, начинает быстро падать». Автор объясняет это тем, что «общественная среда, которая раньше представляла главную сферу влияния освободителей, теперь значительно опередила их и ушла далеко влево от своих недавних учителей»⁴.

Однако большее значение в процессе оформления либеральных политических партий и выработки их принципиального отношения к революционным событиям, власти и происходящим изменениям в стране сыграл Высочайший рескрипт на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина от 18 февраля 1905 г., в соответствии с которым было принято решение «привлекать достойнейших, доверием народа обле-

¹ *Дмитриева Наталья Валерьевна – старший преподаватель кафедры отечественной истории средних веков и нового времени Южного федерального университета, младший научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук.*

² Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

³ Шаховской Д.И. Союз Освобождения // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 580.

⁴ Мартынов А. История конституционно-демократической партии // Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. Т. III. Кн. 5. СПб., 1914. С. 6–7.

чѣнных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений»¹.

П.Н. Милюков в воспоминаниях писал о том, что «важнее этой маленькой уступки, не выходящей за пределы прежних, неосуществившихся попыток этого рода, был для русского общества секретный циркуляр министра внутренних дел “не препятствовать существующим общественным и сословным учреждениям” и т.д. “подвергать своему обсуждению предположения по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства” и т.д.»². Оба документа были приняты представителями либерального движения как разрешение на публичные съезды и обсуждение вопросов об изменении системы политической власти в стране. 1905 г. становится годом проведения значительного количества съездов представителей земского и городского самоуправления, на которых будут обсуждаться ключевые вопросы российской действительности начала XX в., такие как аграрный, вопрос о власти, рабочий, а также национальный, впоследствии вошедшие отдельными главами в партийную программу конституционно-демократической партии. Проекты докладов и резолюций для земских съездов готовили, как правило, идейные лидеры «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», входившие в организационное бюро съездов. Через участие в работе земских и городских съездов обе протопартийные организации надеялись «повлиять на возможно широкую постановку и благоприятный исход намеченной работы»³.

В новых политических условиях, сложившихся в России после 18 февраля 1905 г., начинается активная работа по выработке программы будущей конституционно-демократической партии. В статье «Вопросы тактики» П.Б. Струве призывает активизировать создание местных комитетов реформ на легальных основаниях, предоставленных Манифестом 18 февраля 1905 г., и начать активную пропаганду освободительских идей среди широких масс населения на основе программы, общие черты которой обозначены в этом же номере и представляли собой «Основной государственный закон Российской империи», выработанный Московским и Петербургским отделениями «Союза освобождения» с участием В.М. Гессена, П.И. Новгородцева, И.В. Гессена, Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Котляревского и И.И. Петрункевича в октябре

¹ Высочайший рескрипт, данный на имя министра внутренних дел (18 февраля 1905 г.) // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 22.

² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 184.

³ Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 583.

1904 г. после Парижской конференции оппозиционных и революционных групп и партий¹.

Описывая деятельность «Союза освобождения» в 1905 г., Милюков особо отмечал, что «в наших работах тех дней нам пришлось коснуться, наконец, и национального вопроса – в связи со стремлениями поляков к автономии»². Однако Царство Польское было не единственной окраиной, желавшей, чтобы программа русских либералов включала требование областной автономии. В феврале-марте 1905 г., в период подготовки к III съезду «Союза освобождения» и выработки проекта его программы, проходят совместные совещания лидеров Союза и представителей его южнорусских групп для обсуждения требований, которые предъявляли украинцы. Сведения о предъявляемых требованиях нашли отражение в статье Украинца (Кистяковского Б.А.)³ «Русские оппозиционные партии и украинцы». К участию в обсуждении были приглашены «украинцы всех направлений, родственных Союзу освобождения, т.е. либералы, радикалы и демократы». Столь широкий состав определил и широту требований: признавая в качестве идеального варианта формы государственного устройства федерацию на основах национального областничества, в условиях 1905 г. наиболее удобной было признано все-таки областное самоуправление. В качестве критерия для разделения на области должны были выступить однородность экономических, географических и этнографических условий. Также предлагалось дополнить существующую земскую систему самоуправления более крупной, чем губернское земство, областной единицей, которая имела бы представительство в парламенте. Вторым требованием стало введение преподавания в начальной школе для украинцев на родном языке, введение в программу средней и высшей школы истории Украины, украинского языка и истории украинской литературы. И замыкало перечень требование ведения делопроизводства на украинском языке в «учреждениях близких к украинскому народу»⁴. С вышеназванными требованиями согласились все участники совещания. К сожалению, протоколы данных совещаний, как и протоколы III съезда «Союза освобождения» пока не обнаружены, в связи с чем выяснить, кто принимал участие в обсуждении данных требований не удалось. Обсуждение выдвинутых требований продолжилось на состоявшемся 25–28 марта 1905 г. съезде «Союза

¹ Струве П.Б. Вопросы тактики // Освобождение. 1905. № 67. С. 281.

² Милюков П.Н. Указ. соч. С. 187.

³ Шацилло К.Ф. Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение» // Археологический ежегодник за 1977 год. М., 1981. С. 113.

⁴ Украинец. Русские оппозиционные партии и украинцы // Освобождение. 1905. № 77. С. 468.

освобождения» в Москве, главной задачей которого, по мнению И.П. Белоконского, было «обсуждение конституции»¹, т.е. программы Союза. Съезд был представлен 27 городами², проходил в московских квартирах «весьма сильной адвокатской группы», состав членов остался без изменений по сравнению со II съездом, расширение произошло за счет ростовской-на Дону группы и «Вятского демократического союза»³.

К началу работы съезда из Америки вернулся Милюков, который вошел в состав группы, занимавшейся переработкой текста «Проекта Основного закона» в текст программы «Союза освобождения». Кроме него в состав данной группы входили М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, «но рабочую силу составляли молодые профессора-юристы нового поколения – Ф.Ф. Кокошкин, П.И. Новгородцев и другие»⁴.

Программа «Союза освобождения», по свидетельству Д.И. Шаховского, была тщательно рассмотрена и принята довольно единодушно, но при этом «не считалась чем-либо законченным и неподвижным», что свидетельствует о незавершенности процесса оформления Союза в партию⁵. Текст структурно и содержательно близок к Проекту Основного закона Российской империи, составленного в октябре 1904 г., и проекту программы, опубликованной Струве в «Освобождении» 5 марта 1905 г. Таким образом, можно утверждать, что именно в программе «Союза освобождения», принятой III съездом в марте 1905 г., мы находим логическое продолжение развития политического курса новых либералов по решению вопроса о национально-государственном устройстве России.

Программа предусматривала, как и в 1902 г., признание прав человека и гражданина, в составе которых на первом месте стоит «равенство всех перед законом без различия пола, вероисповедания и национальности». Далее приводится расширенное толкование предыдущего требования, которое полностью повторяет заявление «От русских конституционалистов», опубликованное в первом номере журнала «Освобождение» в 1902 г.: «Всякие сословные различия и всякие ограничения личных и имущественных прав поляков, евреев и других отдельных групп населения должны быть отменены»⁶. Это позволяет утверждать, что по-

¹ Белоконский И.П. Земское движение. М., 1914. С. 388.

² Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 612.

³ Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 585.

⁴ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 186.

⁵ Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского. С. 585.

⁶ Съезд «Союза освобождения» 25–28 марта 1905 г. // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. С. 158.

прежнему часть проблем национального характера либералы предполагали решить через введение элементов гражданского равноправия, т.е. базовых принципов либеральной идеологии.

Если вопрос о равенстве граждан представляется окончательно решенным, то вопрос о национально-государственном устройстве России с представительной формой правления получает в программе «Союза освобождения» новую интерпретацию по сравнению с предыдущим этапом. Данное утверждение относится, в первую очередь, к вопросу децентрализации управления на окраинах империи: «Самое широкое областное самоуправление должно быть, во всяком случае, предоставлено областям Империи, резко обособленным по своим бытовым и историческим условиям»¹. В качестве примера в документе приводятся Польша, Литва, Малороссия и Закавказье. Таким образом, в отличие от Проекта Основного закона Российской империи, в котором автономия Польши была прописана отдельным пунктом, программа «Союза освобождения» в решении вопроса децентрализации управления идет существенно дальше, уточняя территории, на которые возможно распространение законодательной автономии. Согласно сведениям Кистяковского, в ходе обсуждения данного пункта возникли дебаты по поводу предложенного украинцами введения областного самоуправления через деление России на области: «Некоторые очень видные земцы-освобожденцы выступили определенно и резко против этих требований, доказывая, что губерния есть самая целесообразная единица по территории и населению для организации самоуправления»². Большинство членов съезда предложение об областной автономии как общем принципе реорганизации местного самоуправления было отвергнуто. В виде исключения в проекте его оставили только для Польши, Литвы и Закавказья. Малороссии в изначальном перечне не было. Таким образом, «Съезд принял во внимание и требование малороссов, которое отстаивали все представители южнорусских групп, ... и присоединил к названным областям также Малороссию»³.

В отличие от вопроса об областной автономии, финляндский вопрос решался полностью идентично проекту Основного закона: «Конституция Финляндии, обеспечивающая ее особенное государственное положение, должна быть всецело восстановлена и торжественно признана в основных законах Российской Империи. Всякие дальнейшие мероприятия, общие Империи и Великому Княжеству Финляндскому, должны быть

¹ Там же. С. 160.

² Украинец. Указ. соч. С. 468.

³ Там же.

впредь делом соглашения между законодательными факторами Империи и Великого Княжества»¹. Обращает на себя внимание стремление авторов программы подтвердить факт наличия конституции у окраины в основных законах государства, сняв, таким образом, с повестки дня самый дискуссионный вопрос в отношениях империи и Финляндии. Данное положение не будет реализовано в «Основных государственных законах Российской империи» 23 апреля 1906 г., хотя отдельным пунктом (п. 2) будет указано право решения внутренних дел окраины на основе особого законодательства².

Помимо областной автономии, программой «Союза освобождения» предполагалось введение права наций на самоопределение, под которым подразумевалось «употребление в начальных школах и во всех местных учреждениях народного языка». Данная формулировка представляет собой определенное развитие по сравнению с «Основным государственным законом Российской империи» в части употребления местных языков.

Проведенный сравнительный анализ двух документов, отделенных друг от друга пятью месяцами, позволяет сделать вывод о расширении и уточнении требований новых либералов по национально-государственному устройству в условиях Первой русской революции. Областная (законодательная) автономия как средство решения проблем национального характера в Российской империи появляется только в условиях революции. Однако включение в число территорий, для которых допускалось ее введение, новых окраин, может свидетельствовать о стремлении членов «Союза освобождения» найти поддержку среди оппозиционно настроенного окраинного населения.

Программа «Союза освобождения» опубликована журналом «Освобождение» в № 69–70 от 20 мая 1905 г.³ В этом же номере Струве в статье «К программе Союза освобождения» подверг критике решение III съезда организации, в том числе и по вопросу национально-государственного устройства страны. «В пункте об областном самоуправлении, – писал он, – мы считаем неправильной постановку на одну доску Польши, Литвы, Малороссии и Закавказья»⁴. Обосновывалось это недостаточным уровнем обособленности вышеназванных регионов. При

¹ Съезд «Союза освобождения» 25–28 марта 1905 г. С. 160.

² Высочайше утвержденные Основные государственные законы // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 26. 1906. СПб., 1909. № 27805. С. 156.

³ Программа Союза освобождения // Освобождение. 1905. № 69–70. С. 305–306.

⁴ П.С. К программе Союза Освобождения // Освобождение. 1905. № 69–70. С. 307–308.

этом следует иметь в виду, что автономию Польши Струве понимал не как признание за ней права на политическую независимость, а как автономию в границах единого Российского государства. Кроме того, он поставил вопрос о необходимости индивидуального подхода к положению каждой отдельно взятой национальной окраины. Объяснялось это разным уровнем развития отдельных частей империи. Соответственно, и предоставляемые права в области самоуправления должны быть разными¹.

Через две недели после III съезда «Союза освобождения» в Москве проходил польско-русский съезд. Милюков в воспоминаниях неточно указывает дату съезда – 7(20) апреля 1905 г. Данная неточность может быть объяснена спецификой условий создания автором данного произведения в эмиграции без доступа к оставшимся в России документам. В Российском государственном архиве социально-политической истории в фонде 279 журнала «Освобождение» сохранилась машинописная копия протокола, которая была переслана Струве в Париж после съезда². В названии дела ошибочно указан апрель 1904 г. Дата проведения съезда – 8–9 апреля 1905 г. В Государственном архиве Российской Федерации в фонде Р-9510 Представительства регентского совета Королевства Польского сохранились рукописный оригинал, написанный А.Р. Ледницким,³ и печатная копия протокола польско-русского съезда в Москве, также с датами 8–9 апреля 1905 г.⁴

Этот съезд был организован при активном участии польского общественного и политического деятеля, присяжного поверенного А.Р. Ледницкого. В работе съезда принимали участие представители городского и земского самоуправления, а также интеллигенции (адвокаты, литераторы, врачи, инженеры и т.д.). В политическом отношении польская сторона была представлена различными направлениями, в том числе Национал-демократической и Прогрессивно-демократической партиями. От российской стороны на съезде присутствовали члены организационного бюро «Союза освобождения» Шаховской, Долгоруков, Кокошкин, Муромцев, Милюков и др. В соответствии с протоколом съезда, всего присутствовало 75 человек. В задачи съезда входило, помимо установления связи между русскими и поляками и установления способов общения, также согласование программных требований и выработка согласованных действий⁵.

¹ Там же. С. 308.

² РГАСПИ. Ф.279. Оп. 1. Д. 39. Л. 3–24.

³ ГА РФ. Ф. Р-9510. Оп. 1. Д. 312. Л. 15–37.

⁴ Там же. Д. 310. Л. 12–34.

⁵ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 39. Л. 3–5.

Ораторы с польской стороны сосредоточились на критике русификаторской политики в Царстве за последние 40 лет (политической, экономической и культурной), специфике края по сравнению с внутривосходскими губерниями (гминное устройство, школьное образование), крестьянском движении на территории окраины, сокращении прав в области землепользования для поляков в Северо-Западном и Юго-Западном краях (для поляков земля в данных регионах не являлась предметом гражданского оборота. Запрет на куплю-продажу земли был введен указами от 10 декабря 1865 г.)¹.

Представители русской стороны присутствовали и выступали на съезде как частные лица, выражавшие собственное мнение, а не мнение организации или партии. Это важное замечание, сделанное Ф.Ф. Родичевым, позволяет сделать вывод, что если польской стороной форма встречи определялась как съезд, то для представителей русского либерального движения это было совещание частных лиц, не обязывавшее включать в программные требования уже существовавших протопартийных организаций или формирующейся конституционной партии договоренности, достигнутые на съезде. Характер частного совещания также является свидетельством отсутствия в либеральном движении единого мнения относительно требований поляками автономии. Присутствовавший на съезде Кокоскин, специализировавшийся на национальном и областном вопросе в «Союзе освобождения», предложил собравшимся детально проработать программу введения в Царстве Польском законодательной автономии с четко определенными рамками предметов законодательства местных польских учреждений. Против столь подробной разработки вопроса выступил Шаховской, предложивший принципиально признать автономию Царства Польского². Еще один представитель освободительного движения В.Е. Якушкин, поддерживая внесение требований о польской автономии в программу русских конституционалистов, обратил внимание на необходимость соблюдения прав русского населения в Польше, в связи с чем «в польскую конституцию должна быть включена общая декларация прав, одинаково обеспечивающая основные права и поляков, и русских»³.

Обращает на себя внимание разница в подходах к постановке проблемы представителями польской стороны и русскими либералами. Поляки в большей степени обращаются к историческому опыту существо-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 40. 1865. СПб., 1867. № 42759–42760. С. 326–328.

² РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 39. Л. 10, 13.

³ Там же.

вания на территории Польши законодательной автономии, насильственной и несправедливой политике российского самодержавия, придают польскому вопросу международный статус (в данном случае можно наблюдать отсылку к событиям 1863–1864 гг.). Представителей российской стороны в большей степени интересовали вопросы правового характера, юридического обоснования автономного статуса окраины и возможности сохранить целостность Российской империи.

Ледницкий в общих чертах описал круг вопросов, которые должны остаться за имперским центром в случае предоставления Царству автономии: «Общие финансы, торговые и международные договоры, иностранные сношения, таможня и декларация прав человека»¹. Вариант автономии, предложенный краковским редактором Балицким, включал 7 пунктов, в том числе: восстановление польского языка во всех публичных сферах, полная свобода вероисповедания и обрядов, введение в администрацию края польских чиновников, бессословность местного самоуправления, служба польских военных по призыву исключительно на территории Царства, отмена всех законодательных ограничений, направленных против поляков². Точку зрения Балицкого о границах автономии поддержал Милюков. После продолжительных прений в текст резолюции было включено два пункта: 1) принцип обязательной автономии для Польши; 2) необходимость более подробного ее обсуждения на следующем съезде³.

Речь проф. М.Э. Здзеховского, закрывавшая работу съезда, в протоколе отсутствует, но была опубликована в периодической печати, в частности, в газете «Московская неделя»⁴. Здзеховский подвел итог двухдневного польско-русского съезда: «Поддерживаемая свирепой шовинистической печатью, русская бюрократия закрыла перед нами Русский народ и что мы забыли о существовании русского общества, которое представлялось нам бездушным материалом в руках правительства, слепым орудием его целей. Одно для нас ясно: что сама по себе, бюрократия никогда ничего нам не даст, нынешний бюрократический строй должен быть отменен, что вы, господа, являетесь нашими единственными надежными друзьями в России и что по этому мы по мере возможности должны идти рука об руку с русским освободительным движением»⁵. Б. Бенедиктов отмечает, что этот съезд положил начало

¹ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 39. Л. 14.

² Там же. Л. 14–15.

³ Там же. Л. 19.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9510. Оп. 1. Д. 310. Л. 34; Речь проф. М.Э. Здзеховского // Московская неделя. 1905. № 1/2–3. С. 23–24.

⁵ Речь проф. М.Э. Здзеховского. С. 24.

ряду совещаний между представителями русской интеллигенции и ино-родческими партиями. Весьма активное участие в этих переговорах принимал Милюков, с одной стороны, и Ледницкий – с другой¹.

К главным итогам данного съезда следует отнести признание представителями российского либерального движения необходимости вынесения вопроса о польской автономии отдельным пунктом программы, чего до этого не было сделано, а также подробной разработки границ польской автономии в составе Российского государства. Для реализации обозначенных пунктов российским либералам потребовалось пять месяцев. Уже на сентябрьском земско-городском съезде была представлена программа «Союза освобождения» по предоставлению Польше автономии в составе России. Таким образом, основы польской автономии были выработаны в ходе непосредственных переговоров с поляками.

Таким образом, в условиях начавшейся Первой русской революции происходит активизация работы протопартийных организаций по созданию платформы для общей либеральной партии. С целью расширения сторонников конституционного варианта реформирования государства участники «Союза освобождения» обращаются к оппозиционному движению на окраинах, под давлением которого происходит дальнейшая разработка политического курса по национально-государственному устройству России. В утвержденную в марте 1905 г. программу «Союза освобождения» впервые включается расширительная интерпретация областной автономии и признается возможность ее распространения не только на обособленную в этническом и культурном плане Польшу, но и на Малороссию и Кавказ. В этот же период проявляется первое серьезное расхождение внутри «Союза освобождения» относительно территорий, «достойных» автономного устройства, между Струве и организационным бюро Союза.

¹ Бенедиктов Б. П. Н. Милюков и национальный вопрос // П. Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия 1859–1929. Париж, 1929. С. 209–210.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА» КАК ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАЧАЛА XX в.

В начале XX в. в среде белорусских общественных организаций и групп рассматривалось несколько вариантов национального развития белорусского народа. Первый проект отстаивали общественные деятели, которые объединились вокруг партии Белорусская социалистическая громада и редакции газеты «Наша Ніва» (1906 – 1915). Будущее белорусского народа представлялось в виде национальной автономии в составе демократической федеративной Российской республики.

Иной точки зрения придерживались представители «Белорусского общества», существовавшего в Вильно в 1908–1915 гг. В основе их представлений лежало признание белорусов отдельной ветвью единого русского народа, имеющей свои особые, обусловленные различными факторами, и, прежде всего, историей, интересы. Признавалось значительное культурное развитие Белорусского края в средние века, но применительно к ситуации начала XX в. белорусы рассматривались, главным образом, как крестьянский народ, утративший свою элиту. По социально-политическим и экономическим вопросам «Белорусское общество» выступало с позиций, близких сначала октябристам, а затем кадетам.

Западнорусизм не являлся однородным течением. К его либеральному крылу относят ученых-краеведов, заложивших основы научного изучения истории, языка, литературы и географии Беларуси (А.П. Сапунова, Е.Ф. Карского, А.И. Миловидова, Д.И. Довгялло и др.). Исследование деятельности «Белорусского общества» позволяет данную организацию также рассматривать как составную часть либерального направления в белорусском национальном движении начала XX в.

История «Белорусского общества» тесно связана с близкой по духу октябристам организацией «Крестьянин», созданной в Вильно в начале 1906 г. и издававшей одноименный журнал. «Крестьянин» поддерживали зажиточные крестьяне, чиновники, православное духовенство, часть интеллигенции. Численность организации составляла около тысячи человек. Делами «Крестьянина» заведовал Центральный комитет. Его председателем был преподаватель Виленской первой гимназии С.А. Ко-

¹ *Лавринович Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, первый проректор УО «МГУ им. А.А. Кулешова» (Могилев, Республика Беларусь).*

валюк, выходец из крестьянского сословия, заместителем председателя – преподаватель местного реального училища А.С. Вруцевич, бывший сыном священника. Вначале они планировали распространить деятельность организации на все западные губернии¹, но фактически вся работа сосредоточилась в Вильно.

Главными в деятельности «Крестьянина» были аграрный и национальный вопросы. Общество выступало против социалистических идей, все надежды по решению земельных проблем связывались с правительством. Редакция журнала от имени крестьян заявляла, что они желают только земли, а не воли. В то же время допускалось увеличение крестьянского землевладения за счет принудительного отчуждения части земель польских помещиков, предполагалось ликвидировать сервитуты, уравнивать натуральные и государственные повинности крестьян и помещиков, ввести всеобщее бесплатное начальное образование, организовать мелкий кредит для крестьян и ссудо-сберегательные товарищества². В национальном вопросе Ковалюк, Вруцевич и их сторонники сосредоточили свои усилия на борьбе с польским и еврейским «засильем» в крае.

В течение 1906–1911 гг. происходит эволюция «Крестьянина» вправо. В конечном итоге, данное общество стало филиалом Всероссийского национального союза, а Ковалюк возглавил его отдел в Вильно³.

Сторонники «Крестьянина» из числа либерально-демократической интеллигенции и служащих образовали свою организацию – «Белорусское общество», политическая платформа которого была утверждена 21 декабря 1908 г. и опубликована 9 февраля следующего года в первом номере газеты «Белорусская жизнь». Редакторами номера были Л.М. Солоневич и П.В. Коронкевич, работавшие на тот момент в управлении Полесских железных дорог в Вильно, которые и возглавили новое общество. Первоначальный тираж газеты составил 6 тыс. экземпляров, которые предназначались в основном для народных учителей и волостных писарей в расчете на то, что они будут распространять идеи редакции среди простых крестьян.

Платформа «Белорусского общества» основывалась на утверждении, что, кроме интересов общих со всем русским народом, у белорусов имелись еще и свои особые интересы. Их наличие обуславливалось особенностями географического положения Беларуси, культурным влиянием соседних народов, своеобразием этнографического состава населения,

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906 г. Д. 68. Л. 1.

² В обществе «Крестьянин» // «Крестьянин». 1907. 3 декабря. С. 735.

³ Библиотека Литовской Академии наук. Ф. 21. Д. 2231. Л. 151.

социальных и религиозных отношений, особым законодательным статусом края. В одной из передовых статей «Белорусской жизни» редакция следующим образом определяла свое отношение к белорусам: «Поднять тот народ, из среды которого мы вышли, оживить его национальное самосознание, расшевелить его дремлющие умственные силы, вдохнуть в него веру в себя, в свое право на первородство, указать ему пути для выхода из того тяжелого экономического положения, в которое он поставлен исключительными историческими и этнографическими условиями края...»¹.

Характеризуя состояние белорусского народа во второй половине XIX в., авторы статьи «К белорусской интеллигенции» констатировали, что после польского владычества и гнета у белорусов уже не было «ни своих образованных классов общества, ни своего литературного языка, ни своей науки, ни своей культуры», из социальных групп остались только «поп да хлоп». Только при помощи народных училищ, учительских семинарий и институтов вновь начала формироваться национальная интеллигенция². Свою задачу редакторы «Белорусской жизни» как раз и видели в том, чтобы сплотить воедино «слабые еще интеллигентные силы, какими располагает белорусская народность», для поиска путей улучшения положения народных масс.

«Белорусское общество» утверждало единство белорусов православных и католиков: «Так как белорусы в настоящее время благодаря своей принадлежности к двум вероисповеданиям – православному и католическому – представляются разрозненными и не объединены сознанием общности своих интересов, то ближайшая задача общества должна заключаться в том, чтобы объединить всех представителей этой народности без различия сословия, звания и вероисповедания...»³. Поставленную задачу предполагалось решать на основе уважения к свободе совести всех белорусов, вне зависимости от конфессии. В сознание народных масс «Белорусское общество» пыталось внести мысль о том, что вероисповедание не может служить почвой для национального самоопределения. Особенно резко на страницах «Белорусской жизни» критиковалось мнение, связывавшее католицизм с принадлежностью к польской нации. «Белорусское население могло допускать отождествление католицизма и польщины только по своему неведению, и только по этой причине оно могло

¹ Вильна, 1 января // «Белорусская жизнь». 1911. 1 января. С. 2.

² К белорусской интеллигенции // «Белорусская жизнь». 1909. 9 февраля. С. 1.

³ Платформа «Белорусского О-ва» // «Белорусская жизнь». 1909. 9 февраля. С. 3.

полонизироваться при помощи костела», – утверждалось в одной из передовых статей¹.

«Белорусское общество» считало белорусов неотъемлемой частью триединого русского народа. Все различия между великорусами и белорусами, по мнению Солневича, Коронкевича и их сторонников, были различиями внутри одной нации. Поэтому лидеры «Белорусского общества» для выражения своих воззрений прибегали к уже устоявшимся понятиям: постулировали наличие трех «племен» – белорусского, русского и украинского, – которые должны были войти в единый союз на основе «гражданской свободы». В частности, Солоневич писал: «...Белорусское племя в огромной своей массе – это составная и нераздельная часть русского народа... белорусы, вместе с великорусами и малороссами, составляют один народ, и ... народ этот, не смотря на некоторую незначительную разницу в этнографических особенностях составляющих его племен, живет одною жизнью, стремится к одним и тем же национальным целям и несомненно пойдет вперед одним и тем же историческим путем»².

В то же время идеологи «Белорусского общества» считали, что свои интересы на политической арене белорусы должны отстаивать сами. Авторы статьи «К белорусской интеллигенции» риторически вопрошали: «...Будем ли мы белорусы на разных славянских съездах, в Государственном совете и в Государственной думе говорить сами за себя, от своего имени или же от нашего имени будут долго еще говорить великорусские чиновники, каковы Замысловский, Тычинин и Павлович, духовные отцы вроде священника Вераксина и ксендза Мациевича или же польские магнаты, вроде Монтвилла и Потоцкого» (*все перечисленные – депутаты III Государственной думы. – Д.Л.*)³.

«Белорусское общество» признавало существование особого белорусского языка, но в государственной и культурной жизни допускало использование преимущественно русского языка. Данное положение обосновывалось следующим образом: «Так как белорусская интеллигенция как православная, так и католическая, до сего времени получала образование исключительно на русском языке, который (язык) является для всех наиболее общим, и так как белорусский язык из-за исторических условий был задержан в нормальном своем развитии на несколько столетий и поэтому слабо подготовлен к восприятию богатых плодов современной общечеловеческой цивилизации, "Общество" считает, что наиболее соответ-

¹ Вильна, 11 февраля // «Белорусская жизнь». 1911. 11 февраля. С. 1.

² Солоневич Л. Наше национальное самоопределение и наша позиция в польско-русском вопросе // «Белорусская жизнь». 1909. 9 февраля. С. 2.

³ К белорусской интеллигенции // «Белорусская жизнь». 1909. 9 февраля. С. 1.

ствующим для культуры развития белорусской народности может быть только язык российский...»¹. Таким образом, место белорусского языка в политической и культурной сферах по праву должен был занять русский язык, как более соответствующий объективным условиям развития страны в начале XX в.

В ряде статей в «Белорусской жизни» давалась характеристика социальной структуры белорусского народа. «Национальные силы нашего края слагаются из следующих элементов: духовенства, простонародья, поместного класса частью дворянского, частью недворянского, чиновничества и интеллигенции, стоящей вне этих групп», – отмечалось в передовой статье в апреле 1911 г.² Там же констатировалось полное отсутствие у белорусов торгово-промышленного класса. Это объяснялось, с одной стороны, преобладанием в городах еврейского населения, сосредоточившего в своих руках торговлю и промыслы, а, с другой, – сильной миграцией из белорусской деревни в крупные города центральной России. «Все, что в Белоруссии вышло из лаптей и обулось в сапоги вынуждено было уходить из деревни и искать себе места в городах. А как наши города слишком плотно заняты евреями, то в силу необходимости пришлось искать таких мест, где теснота давила меньше, где можно было устроиться легче», – утверждала редакция «Белорусской жизни»³.

Рассуждая, какой социальной группе должна принадлежать руководящая роль в белорусском движении, Солоневич и Коронкевич весьма скептически смотрели на помещиков. «Русский поместный класс в нашем крае – это еще явление довольно новое, неоформившееся, неокрепшее и далеко не самоопределившееся», – полагали они⁴. Редакторы газеты утверждали, что насадить в западных губерниях крупное русское землевладение, несмотря на старания властей, не удалось, и даже те помещики, которые приобрели имения, как правило, предпочитают государственную службу, поручая управление своим хозяйством посторонним лицам, часто полякам. Мелкое же землевладение, по мнению идеологов «Белорусского общества», формировалось исключительно из крестьянской массы, которая в силу своего низкого культурного уровня, не могла претендовать на доминирование в национальном движении⁵. В то же время, Солоневич и Коронкевич считали, что из-за неразвитости русского помещичьего землевладения «у белорусского крестьянина нет классовой вражды и, естественно, что с его стороны не

¹ Платформа «Белорусского О-ва» // «Белорусская жизнь». 1909. 9 февраля. С. 3.

² Вильна, 24 апреля // «Белорусская жизнь». 1911. 24 апреля. С. 1.

³ Вильна, 5 апреля // «Белорусская жизнь». 1911. 5 апреля. С. 1.

⁴ Вильна, 24 апреля // «Белорусская жизнь». 1911. 24 апреля. С. 1.

⁵ Вильна, 5 апреля // «Белорусская жизнь». 1911. 5 апреля. С. 1.

будет препятствий для объединения всех русских сил края на национальной почве»¹.

Связующим звеном между различными социальными группами, по мнению «Белорусского общества», могла в будущем стать интеллигенция. Правда, ее настоящее положение оценивалось критически. «Более культурные интеллигентные слои белорусского населения по-прежнему остаются отрезанными от земли и впереди мы не видим никаких мероприятий (*со стороны правительства*. – Д.Л.) к тому, чтобы их удержать в деревне, прикрепить к земле, заинтересовать их местной жизнью», – писала «Белорусская жизнь». Пока интеллигенция отрезана от народа, в белорусской деревне, по мнению редакции, как и сто лет тому назад, оставались «хлоп да поп»².

Для сближения интеллигенции с народом «Белорусское общество» поддерживало мероприятия по сбору фольклорных произведений, попытки создания литературы для народа на белорусском языке. Солневич и Коронкевич настаивали на изучении простонародной речи. «Сохранить наш говор для истории – значит собрать наши песни, сказания, поговорки и загадки, очистить их от полонизмов и других барбаризмов и издать отдельными сборниками», – писала «Белорусская жизнь»³.

Политическое лицо «Белорусского общества» в сфере социально-политических и экономических отношений определяли идеи умеренного либерализма. У российских либералов «Белорусское общество» позаимствовало требования: в области прав человека – ликвидации имущественного ценза при выборах, всеобщего избирательного права; в области местного самоуправления – введения выборного земства; в области финансовой – прогрессивно-подоходного налога; в области экономической – поднятия аграрного сектора, его интенсификации и земельного кредита⁴.

Особое значение лидеры «Белорусского общества» придавали реформам в сфере народного образования. Оценивая состояние школьного дела Солневич писал: «Возникшая после освобождения [*крестьян*. – Д.Л.] сельская школа приноровлена преимущественно к политическим и общеобразовательным целям и не могла дать крестьянам тех практических знаний, которые так необходимы в сельском хозяйстве»⁵. Низкий же уровень сельскохозяйственной культуры приводил к бедности населе-

¹ Вильна, 17 марта // «Белорусская жизнь». 1911. 17 марта. С. 1.

² Вильна, 5 апреля // «Белорусская жизнь». 1911. 5 апреля. С. 1.

³ П.А. К вопросу о белорусском языке // «Белорусская жизнь». 1911. 1 января. С. 1.

⁴ Платформа «Белорусского О-ва» // «Белорусская жизнь». 1909. 9 февраля. С. 3.

⁵ Солневич Л.М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования, 1802–1902. Гродно, 1901. С. 95.

ния. Поэтому идеологи «Белорусского общества» полагали, что начальные школы (народные училища) должны быть приближены к жизни, к реальным потребностям крестьян, давать детям практические навыки. «Жизнь выдвигает новые требования, новые задачи, жизнь требует людей вооруженных практическими, реальными знаниями и школа должна дать этих людей», – настаивала редакция «Белорусской жизни»¹. Предполагалось расширить и сеть средних специальных учебных заведений, которые давали подготовку по ведению сельского хозяйства, занятию ремеслами, организации промышленных предприятий и т.п. Городские училища, по замыслу руководителей «Белорусского общества», необходимо было преобразовать в ремесленные или сельскохозяйственные. «...Они создали бы кадры молодых людей, подготовленных к какому-нибудь практическому делу и весьма возможно, что часть их направилась бы в деревню, где они могли бы поднять сельскохозяйственную культуру и научить нашу деревню обрабатывать землю более усовершенствованными способами», – писала «Белорусская жизнь»². Ее редакторы предлагали также перенести часть городских учебных заведений в сельскую местность, чтобы сделать среднее и профессиональное образование доступней для основной массы белорусов. В уставе «Белорусского общества» содержалось обещание оказывать содействие молодым белорусам и в получении высшего образования³.

Заботу Солоневича и Коронкевича вызывал и низкий уровень оплаты труда учителей. Редакторы «Белорусской жизни» неоднократно поднимали этот вопрос на страницах газеты, рассматривали различные варианты конкретной помощи педагогам. В случае закрытия «Белорусского общества» все его имущество, согласно уставу, должно было перейти в распоряжение организаций взаимопомощи народных учителей Виленского учебного округа⁴.

На политической арене «Белорусское общество» примыкало к партии октябристов. В 1909 г. ЦК «Союза 17 октября» предложил Правлению общества оформить взаимоотношения путем принятия политической платформы октябристов с сохранением полной автономии по белорусским вопросам. 20 сентября общее собрание «Белорусского общества» приняло это предложение и избрало трех делегатов на октябристский съезд⁵. На съезде, состоявшемся в октябре того же года, Солоневич

¹ Вильна, 1 апреля // «Белорусская жизнь». 1911. 1 апреля. С. 1.

² Там же.

³ Устав Белорусского общества. Вильно, 1909. С. 2.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Что такое «Белорусское общество»? // «Белорусский вестник». 1912. 9 декабря. С. 1.

вич охарактеризовал царивший, по его мнению, в западных губерниях антагонизм между белорусами, поляками и евреями, и подчеркнул, что только от «Союза 17 октября» население края ждет защиты своих интересов. Он указал, что в задачу октябристов должна войти забота о поддержке национальных, религиозных и экономических интересов белорусов, т.к. правительственных мероприятий «уже недостаточно». Лишь развитие культуры, с точки зрения Солоневича, могло пробудить национальное самосознание в миллионах белорусского населения¹.

Для пропаганды своих программных построений «Белорусское общество» смогло наладить с 1 января 1911 г. ежедневное издание «Белорусской жизни». Необходимость регулярного выпуска газеты объяснялась со стороны редакции тем, что, по ее мнению, на территории белорусских земель, за исключением «Крестьянина», не было народных периодических изданий. «Крестьянин» же оценивался весьма негативно: «...Единственный журнальчик, который мог бы сослужить свою службу, ведется до того бездарно и бесталанно, что не может выдержать никакого сравнения с прекрасно поставленными польскими народными изданиями...»². К последним причислялась и «Наша Ніва». Солоневич и Коронкевич негативно оценивали деятельность редакции этой газеты, считая ее направленной на отрыв белорусов от России. В одной из редакторских статей отмечалось: «Каков путь указываемый белорусам "Нашай Нівай" и куда он ведет? В костел и в польщизну». Далее редакторы «Белорусской жизни» делали вывод: «Ее задача [*"Нашай Нівы"*. – Д.Л.] отрезать белорусов от русской культуры, от единого и общего русского отечества»³. Полемика с «Нашай Нівай» стала одним из приоритетных направлений деятельности «Белорусского общества».

Кроме выпуска газеты Солоневич и Коронкевич пытались организовывать лекции, музыкальные и театральные постановки. В частности, белорусский вечер в Вильно был устроен 23 января 1911 г. Программа вечера состояла из трех номеров: пьесы на белорусском «наречии» Касьяна Веселого «Ни разумом понял, а сердцем» (на языке своей деревни), декламации белорусских рассказов и исполнения белорусских песен крестьянским хором из местечка Острино Лидского уезда⁴.

Летом 1911 г. в «Белорусском обществе» наметился раскол. К этому времени стало ясно, что в выборные земства, учрежденные благодаря

¹ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х томах. Т. 2. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907–1915 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 112.

² Вильна, 28 января // «Белорусская жизнь». 1911. 28 января. С. 1.

³ Вильна, 27 января // «Белорусская жизнь». 1911. 27 января. С. 1.

⁴ Голуб. Белорусский вечер // «Белорусская жизнь». 1911. 28 января. С. 3.

П.А. Столыпину в марте того же года, благодаря поддержке правительства, пройдут в основном русские помещики, а не белорусские крестьяне. Солоневича это вполне устраивало. Напротив, Коронкевич и большинство членов организации были настроены прокрестьянски и не одобряли неожиданного «поправения» Солоневича. В итоге, последний предпочел выйти из «Белорусского общества» и сблизиться с «Крестьянином» и русскими националистами. 9 августа 1911 г. вышел последний номер «Белорусской жизни», а спустя два дня Солоневич начал издавать собственную газету – «Северо-Западная жизнь», которую иногда ошибочно также считают органом «Белорусского общества». На самом же деле, последнее почти на год осталось без своей газеты. Впоследствии Солоневич полностью отошел от «белорусского дела», входил вначале в Виленский отдел Всероссийского национального союза, а после переезда в Минск – в Минский отдел партии русских националистов¹.

После ухода Солоневича, председателем Правления общества стал Коронкевич. Только 17 июня 1912 г. «Белорусское общество» смогло наладить выпуск своего нового печатного органа – газеты «Белорусский вестник», издателем которой был Коронкевич, а редактором – Н.А. Бовдзей. Первый номер «Белорусского вестника» был программным. В нем четко очерчивался круг сторонников либерального направления в западнорусизме. «Мелкий и средний чиновник, сельский учитель, волостной писарь, грамотный крестьянин – вот та могучая, но не организованная сила, на которую всегда рассчитывало и продолжает рассчитывать "Белорусское общество"...», – писалось в передовой статье газеты². Одновременно Коронкевич и его сторонники отмежевывались от русского чиновничества и поместного класса. «К составу коренного русского населения нашей губернии мы никоим образом не можем причислить таких случайных его элементов, как "подвижный русский служилый класс" различных ведомств... не можем сюда включить и наших русских помещиков, большею частью случайно прикрепленных к земле...», – сообщалось в «Белорусском вестнике»³. Зато «Белорусское общество» стало делать ставку на русских старообрядцев. По-прежнему значительная роль отводилась интеллигенции как идейному воспитателю народных масс.

В связи с этим, «Белорусский вестник» выступал за более кардинальные преобразования в сфере народного просвещения, чем «Белорусская жизнь». Редакция газеты настаивала на введении всеобщего начального

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 564. Л. 823; ГА РФ. Ф. 1719. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

² Вильна, 17 июня // «Белорусский вестник». 1912. 17 июня. С. 1.

³ Павтш. Кому следует вручить мандат в Государственную думу от русского населения Виленской губернии? // «Белорусский вестник». 1912. 2 сентября. С. 1.

образования, повышении роли светской школы (земской и министерской), реформировании церковно-приходских школ. Последние должны были освободиться от опеки православной церкви и войти в ведение Министерства народного просвещения. «Церковно-приходская школа в крае... должна быть лишена того миссионерского характера, который делает ее пугалом для католиков», – утверждалось в одной из редакторских статей¹. Таким образом, «Белорусское общество» перешло на позиции введения единой светской общедоступной школы.

Рассматривая состав белорусского национального движения, «Белорусский вестник» выделял в нем 3 лагеря: консервативный, в который включались организации типа Русского общественного собрания и «Крестьянина»; леворадикальный, олицетворявшей «Нашай Нівай»; центристский, представленный «Белорусским обществом»². Представители консервативного лагеря критиковались за излишнюю «угодливость» перед царской администрацией, редакция «Нашай Нівы», наоборот, за «сверхпрогрессивность». «Белорусский вестник» упрекал «Нашу Ніву» за то, что она своим поведением навлекала обвинения в сепаратизме на все белорусские организации, в т.ч. и на «Белорусское общество».

Характерно, что Департамент полиции МВД считал «Белорусское общество» частью белорусского национального лагеря. Организации типа «Крестьянина», по мнению полицейских аналитиков, относились к русскому лагерю в Вильно, в белорусскую же «партию» включались и «Белорусское общество», и «Наша Ніва», в качестве ее левого крыла. К приверженцам белорусской «партии» относилась «тутэйшая» интеллигенция, мелкое чиновничество, сельские учителя, фельдшера, многие волостные писари. «Наружно партия признается национальной (в виду враждебных отношений к полякам и евреям), но по коренным убеждениям она не может быть признана правою, по своим убеждениям это кадеты и трудовики... Партия эта пользуется сочувствием крестьян и по существу имеет характер сепаратистский», – такую обобщенную характеристику давали в МВД и «Белорусскому обществу» и «Нашей Ніве»³. В отличие от «Крестьянина», к «Белорусскому обществу» предпринимались меры репрессивного характера. Так, определением Виленской судебной палаты от 28 апреля 1910 г. было постановлено уничтожить программный номер «Белорусской жизни»⁴, чтобы воспрепятствовать ее распространению среди белорусского населения.

¹ Вильна, 8 июля // «Белорусский вестник». 1912. 8 июля. С. 1.

² Вильна, 2 декабря // «Белорусский вестник». 1912. 2 декабря. С. 1.

³ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1912 г. Оп. 242. Д. 27. Л. 38.

⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7966. Л. 80.

Следует отметить, что, как и «Наша Ніва», «Белорусский вестник» много внимания уделял белорусской культуре, местной истории и литературе. На страницах газеты печатались краеведческие очерки А. Киркора, А. Березовика, П.И. Кореневского, тексты белорусских песен и легенд. Коронкевич состоял в переписке с академиком Е.Ф. Карским, который в целом одобрял направление деятельности организации¹.

Деятельность «Белорусского общества» вызывала критические замечания со стороны руководителей организации «Крестьянин», местных отделов Всероссийского национального союза, консервативной прессы. В частности, со страниц «Северо-Западной жизни» Солоневич обвинил бывших товарищей в пассивности по отношению к польскому и еврейскому национальным движениям. В ответ «Белорусский вестник» отметил, что в «Северо-Западной жизни»: «Шовинизм, полный человеконенавистничества и злобы, вытеснил здоровое чувство национального достоинства». Лидеры «Белорусского общества» заявили о том, что они по-прежнему весьма негативно относятся к польскому и еврейскому «засилью» в крае, но при этом: «...Лозунг "дави поляка и еврея" в XX веке не должен иметь места»². В области местного самоуправления редакция «Белорусского вестника» выступала за введение выборных земств в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях, не смотря на многонациональный состав их населения³.

В то же время Коронкевич и его сторонники подчеркивали свою приверженность общерусской культуре и ценностям. Так, 26 августа 1912 г. в Белорусском общественном собрании состоялось торжественное заседание в честь 100-летия Бородинского сражения. Тогда же было решено пожертвовать 300 руб. в пользу семей военных, погибших во время русско-японской войны 1904 – 1905 гг.⁴

Последний номер «Белорусского вестника» был издан 12 января 1913 г. «Белорусское общество» же продолжало действовать до середины 1915 г., когда в ходе Первой мировой войны Вильно было занято германскими войсками. Часть бывших членов общества эвакуировалось на восток. Коронкевич переехал в Гомель, где его и застала Февральская революция 1917 г. Здесь весной того же года он возглавил новую либеральную организацию – Союз белорусской демократии, являвшуюся, по сути, правопреемницей «Белорусского общества».

¹ СПбФ АРАН. Фонд 292. Оп. 2. Д. 64.

² Вильна, 9 сентября // «Белорусский вестник». 1912. 9 сентября. С. 1.

³ Вильна, 17 июня // «Белорусский вестник». 1912. 17 июня. С. 1.

⁴ В Белорусском общественном собрании // «Белорусский вестник». 1912. 2 сентября. С. 3.

Таким образом, относительно эволюции либерального течения в западнорусизме начала XX в., можно сделать следующие выводы. Первым образовалось общество «Крестьянин», разделявшие по общеполитическим вопросам платформу «Союза 17 октября». Задумывалась оно как массовая организация, которая могла бы выступать от имени крестьянства западных окраин Российской империи. Фактически же «Крестьянин» поддержали, в основном, служащие, народные учителя и часть духовенства. С течением времени происходит эволюция организации вправо на позиции, близкие русским националистам. Это оттолкнуло от «Крестьянина» либерально настроенных членов, которые в конце 1908 г. образуют собственную организацию – «Белорусское общество». Последнее в своем развитии прошло через два этапа: 1908–1911 гг., когда в общеполитической сфере общество ориентировалось в основном на партию октябристов, а главную роль в нем играли Солоневич и Коронкевич, выпускавшие газету «Белорусская жизнь»; 1911–1915 гг., когда после ухода Солоневича к националистам, происходит известная радикализация организации, переориентация на кадетов, а ведущая роль переходит к Коронкевичу, сумевшему наладить издание новой газеты – «Белорусский вестник». После эвакуации из Вильно, Коронкевич в 1917 г. создал Союз белорусской демократии, унаследовавший в основном платформу «Белорусского общества» второго этапа его существования. Исследование деятельности «Белорусского общества» позволяет данную организацию рассматривать как составную часть либерального направления в белорусском национальном движении начала XX в.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Проблематика российского либерализма охватывает широкий круг вопросов, непосредственно связанных с деятельностью российской постреволюционной эмиграции, в среде которой активно обсуждались вопросы теории стратегии и тактики либерального движения в России и мире. Место российского либерализма в русском обществе, его социальная база, основные политические течения, перспективы трансформации современного общества, возможность противостояния ему – эти и многие другие вопросы интересовали русское либеральное сообщество в эмиграции. Этот значительный пласт российской культуры, долгое время остававшийся закрытым в силу самых разных обстоятельств, в том числе и по идеологическим причинам, достаточно недавно начал входить в поле зрения российских исследователей. Хотя изучение Русского Зарубежья, в том числе и его либеральной составляющей, постепенно шло в течение всего XX в., но, начиная с конца 1980 – начала 1990-х гг., этот процесс значительно активизировался. За данный период было сделано многое: открыты основные архивы, хранящие значительные массивы документов в России и за рубежом, расширилась источниковая база исследований, сформировалось сообщество исследователей данного направления российской истории. Вместе с этим сформировалась и историография, позволяющая подвести некоторые итоги и определить дальнейшие пути исследовательского поиска и перспективы изучения истории Российского Зарубежья, постреволюционной эмиграции и ее либерального крыла, как специфической составляющей всего Русского Зарубежья.

С данной целью нами был осуществлен проект создания библиографического указателя по проблемам Русского зарубежья, включающего монографии, сборники документов, материалы конференций, статьи из периодических изданий, вышедшие с 1985 по 2018 гг.² Указатель содержит 3560 записей, что позволяет говорить о полноте представленных в нем публикаций. Некоторые труды описаны по библиографическим ис-

¹ Сабенникова Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, зав. сектором *Использования архивных документов Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД)*.

² Русское зарубежье: материалы к библиографическому указателю = Russian Diaspora: Materials to Bibliographic Index / В.Л. Гентшке, И.В. Сабенникова, А.С. Ловцов. М.; Берлин: Директ- Медиа, 2020. 434 с.

точникам, рецензиям. Выявленные сведения большей частью проверялись de visu.

На основе анализа собранной нами библиографии можно сделать ряд выводов о тенденциях развития историографии рассматриваемой проблемы. Прежде всего, нужно отметить, что наибольшее внимание исследователей привлекали вопросы, связанные с российской постреволюционной эмиграцией – специфическим феноменом не только российской, но и мировой истории, выразившим в наибольшей степени, чем другие направления Российского Зарубежья, либерально-демократический потенциал русского общества начала XX в. Активное изучение русской постреволюционной эмиграции начинается с открытия отечественных архивов в конце 1980 – начале 1990-х гг., тогда же появляются общие работы, обозначившие саму проблему эмиграции в российской историографии. В период 1990–2000-х гг., пока шел процесс освоения материала, в историографии преобладали статьи в научных журналах и тематические сборники, посвященные той или иной стране, давшей приют русским беженцам¹.

В изучение русской эмиграции постепенно вовлекались специалисты разных отраслей знания, в результате появляются первые справочники, специализированные на каком-то одном направлении или ветви Русского Зарубежья: русские художники, писатели, поэты, инженеры и т.д.²

Тогда же было опубликовано и первое энциклопедическое издание «Золотая книга эмиграции»³, где были названы имена крупнейших российских либералов, оказавшихся после революции 1917 г. за рубежом. В

¹ Культура российского зарубежья: Сб. ст. / Отв. ред.: А.В. Квакин, Э.А. Шулупова. М.: [б. и.], 1995. 220 с.; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв.: Сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М.: ИРИ РАН, 1997. 190 с.; Зарубежная Россия = Russian Abroad: 1917–1939: Сб. ст. / РАН, С.-Петербург. ин-т истории, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) и др.; редкол.: отв. ред. В.Ю. Черняев и др. СПб.: Лики России, 2000. Кн. 1. 444 с.; 2003. Кн. 2. 511, [1] с.; 2004. Кн. 3. 439 с.

² Писатели русского зарубежья. / Справочник: [В 3 ч.] / Рос. акад. наук, ИНИОН; ред. А.Н. Николюкин. М.: ИНИОН РАН, 1993. Ч. I. 238 с.; 1994. Ч. II. 288 с.; 1995. Ч. III. 321 с.; Вернуться в Россию стихами... 200 поэтов эмигрантов: Антология / Сост. В. Крейд. М., 1995. 688 с.; Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции 1917–1941: биогр. слов. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. 588 с. (Справочники по русскому искусству) и др.

³ Русское зарубежье: золотая книга эмиграции: первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / Отв. ред. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 1997. 748 с., [32] л.: ил.

результате ее выхода началось активное изучение персоналий¹, а позже научных объединений и профессиональных организаций русской эмиграции².

Постепенно менялась направленность исследований, от политической составляющей Русского Зарубежья – партий, политических групп, идеологических течений³, в конце 1980-х – начале 1990-х гг., – к социальному и культурному вкладу русской эмиграции в общемировую историю, культуру, науку и технику⁴. По-прежнему исследователей инте-

¹ Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 765, [2] с.; Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992. 286 с.

² Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): в 4 т. / Гл. ред. А.Н. Николукин; редкол.: Н.А. Богомолов [и др.]. М.: ИНИОН РАН, 1993–2003; Изд. 2-е. М.: РОССПЭН, 1997–2006; Издательства и издательские организации Русской эмиграции 1917–2003 гг.: Энциклопедический справочник / Сост. П.Н. Базанов. СПб., 2005. 335 с.; Русская философия в изгнании / Сост. Ю.В. Мухачев, Е.П. Челышев. М., 2012. 456 с. и др.

³ Вандалковская М.Г. Либерально-консервативная мысль эмиграции: сущность и особенности (20–30-е годы XX в.) // История и историки: историографический вестник. 2004 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. С. 158–185; Аблова Н.Е. Деятельность белоэмигрантских организаций в Китае во время обострения советско-китайских отношений: 1929–1931 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 4. С. 143–153; Закаев А.Н. Традиции российской государственности: легитимизм и народность // Трибуна русской мысли. 2008. № 8. С. 94–110; Базанов П.Н., Соколов М.В. «Крестьянская Россия» – Трудовая крестьянская партия: из истории политического «активизма» русской эмиграции // Клио. 2009. № 1 (44). С. 62–69; № 2 (45). С. 78–83; Гарбулева Любича. Русские эмигрантские объединения в Словакии во Вторую мировую войну // Нансеновские чтения 2009. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. С. 222–231; Антропов О.К. Третий путь для России. Пореволюционные организации и движения российской эмиграции 1920–1930-х годах. Астрахань: Изд. Дом «Астраханский университет», 2011. 625 с.; Тактический центр: Сб. докум. и мат-лов / Отв. ред., введ. и предисл. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2012. 758 с.

⁴ Катышев Г.И., Михеев В.Р. Крылья Сикорского. М.: Воениздат, 1992. 432 с.; Арсеньев А.Б. У излуины Дуная: очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М.: Русский путь, 1999. 256 с.; Борисов В.П. Владимир Козьмич Зворыкин. М.: Наука, 2002. 148 с.; Бельчич Ю.В. «Русский творец» французского чуда // Наука в России. М.: Президиум РАН. 2003. № 5. С. 84–89. (на рус. и англ. языках); Олджай Тюркан. Вклад русской диаспоры в культурную жизнь Стамбула // Инновации исследования русского языка, литературы и культуры. Пловдив: Университетское изд-во «П. Хилендарски», 2007. Т. I. С. 453–465; Авдюшева-Лекомт Н.А. Леонид Фрешкоп. Русский художник в Бельгии. Межвоенный период жизни и творчества // Художественная культура русского зарубежья: 1917–1939: Сб. ст. / Науч. совет по ист. теоретическим проблемам искусствознания ОИФН РАН и др. М.: Индик, 2008. С. 186–191; Анучкин-Тимофеев А. Русская эмиграция: о вкладе русского зарубежья в мировой научно-технический процесс // Голос Родины. 2009. № 1. С. 4–5; Попов А.Н. Русский Берлин. М.: Вече, 2010. 392, [1] с. (Русские за границей); Жалнина-Василькиоти И.Л., Шергалин Е.Э. Дмитрий Александрович Подушкин (1877–1951) – один из основателей зоологического музея

ресовал вопрос, как в эмиграции, прежде всего либеральной ее части, объяснялись причины русской революции, деятельность различных партий, участвующих в этом процессе, их историческая ответственность¹. Однако всегда большая часть исследований по Русскому Зарубежью была посвящена анализу жизни и творчества представителей русского сообщества за рубежом, внесших вклад, как во внутреннюю жизнь эмигрантского сообщества, так и в мировую культуру, что зависело от масштаба той или иной личности. Среди этих работ около двух третей, так или иначе, касается лиц, связанных с постреволюционной эмиграцией, не только самой массовой, но и наиболее представительной в плане значительного процента интеллигенции в ее составе².

Свое место в историографии заняли исследования по отдельным диаспорам, выявляющие их специфику, особенности формирования, инфраструктуру внутри диаспор³. Несколько позже, уже в начале 2000-х, исследователи приступают к изучению мегаструктур, объединяющих различные диаспоры межвоенной русской эмиграции, — системы образования, как среднего, так и высшего⁴, научных объединений¹, издатель-

Государственного университета имени Аристотеля в Салониках // Русский Орнитологический Журнал. 2016. Т. 25 (1282). С. 1631–1639 и др.

¹ Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М.: ИФ РАН, 2011. 184 с.; Лисенкова Л.Н. В.А. Маклаков и П.Н. Милюков: спор об исторической «вине» российского либерализма // Русский логос: горизонты осмысления. Материалы междунар. философ. конф., Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г. В 2 т. СПб.: Интерсоцис, Изд. РХГА, 2017. Т. 1. С. 417–422.

² П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 26–27 мая 1999 г. / Отв. ред.; авт. предисл. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2000. 559 с.; Петр Бернгардович Струве / Сост. О.А. Жукова, В.К. Кантор; под общ. ред. О.А. Жуковой, В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2012. 327 с.

³ Русская эмиграция в Югославии: Сб. / Редкол.: О. Арсеньев, О. Кириллова, М. Сибинович; пер. О. Кирилловой. М.: Индрик, 1996. 352 с.; Казнина О.А. Русские в Англии: русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века / РАН. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 1997. 416 с.; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. М.: ИРИ РАН, 1997. 245 с.; Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: история российской эмиграции первой волны в Китае, странах АТР и Южной Америке в 1900–1970-е гг.: в 2 ч. Владивосток, 2000. Ч. 1. Русские в Китае. 2000. 360 с.; Ч. 2. Русские в Японии, Америке и Австралии. 2000. 170 с.; Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. М., 2006. 462 с.; Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2010. 372 с.; Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М.: РУДН, 2011. 388 с. и др.

⁴ *Копришова-Вуколова А. Русская реальная гимназия в Моравской Тржебове // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940-е гг. / Под общ. ред.*

ской деятельности и периодической печати². Значительное число работ показывает духовную и религиозную жизнь всех волн Русского Зарубежья³.

Е.П. Чельшева и Д.М. Шаховского. В 2-х кн. М.: Наследие, 1994. Кн. 1. С. 377–382; Седова Е.Е. Русская школа в Болгарии как фактор национального самосохранения детей эмиграции // Известия Воронежского гос. пед. ун-та. 2013. № 1 (260). С. 116–122; Школа, образование и педагогическая мысль русской эмиграции: материалы к энциклопедии / Федеральное агентство по образованию; Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева; редкол.: В.П. Киржаева, О.Е. Осовский (отв. ред.), Т.И. Шукшина. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2009. Вып. 1. 247 с. (Педагогическая библиотека российского зарубежья Т. 4.); 2013. Вып. 2. 228 с. (Педагогическая библиотека российского зарубежья. Т. 5); Шевченко В. А. Русская школа в эмиграции: от Белграда до Харбина. М.: АЙРИС-пресс, 2017. 573. (Белая Россия) и др.

¹ Аксенова Е.П., Досталь М.Ю. Русская ученая академия в Праге в годы второй мировой войны // Славяноведение. 2001. № 4. С. 31–54; Сухарев Ю.Н. Материалы к истории русского научного зарубежья. В 2 кн. М.: Российский фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; «Российский архив», 2002. Кн. 1. Именной список русского научного зарубежья. 608 с.; Кн. 2. Материалы к истории русского научного зарубежья. 560 с.; Ульяновкина Т.И. «В целях сохранения национальной русской науки» (история Русской академической группы в США) // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 1. С. 86–124; Икута М.Н. А. Невский и Дзюнтаро Исихама — инициаторы создания японского востоковедения в Осака // Николай Невский. Жизнь и наследие. Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Е.С. Бакшеев и В.В. Щепкин; Ин-т восточных рукописей РАН, Российский ин-т культурологии. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. С. 40–48 и др.

² Даскалов Д. Издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии // Славяноведение. 1996. № 5. С. 84–97; Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга русского зарубежья: из истории книжной культуры XX века. СПб.: Петербургский институт печати, 2001. 120 с.; Богомолов Н.А. Русская газета в Польше: литература и политика // The intelligentsia of Russia and Poland: Abstracts from the conference held at Lund University, August 22–25, 2002. Lund, 2002. P. 19–20; Кузнецова Т.В. Русская книга в Китае (1917–1949) / РАН. Сиб. отд-ние ГПНТБ. Хабаровск: Дальневосточная гос. науч. б-ка, 2003. 252 с.; Коростелёв О.А. Журнал-лаборатория на перекрестке мнений двух волн эмиграции: «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958) // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР — России 1941–2001 гг.: Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле (сост.), О.В. Будницкого. М.: ИРИ РАН, 2007. С. 103–117; Вацек Йиржи, Бабка Лукаш. Голоса изгнанников: периодическая печать эмиграции из советской России (1918–1945) / Пер. с чешск.: И. Золотарев и А. Хлебина. Прага: НБЧР — Славянская б-ка; Гражд. объединение «Русская традиция», 2009. 125 с.; Скарлыгина Е.Ю. Журнал «Время и мы» в контексте третьей русской эмиграции // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2015. № 6. С. 202–211; Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): междунар. науч.-практ. конф.: Сб. / ДРЗ им. А. Солженицына, ИРИ РАН: отв. ред. П.А. Трибунский. М.: ДРЗ им. А. Солженицына, 2017. 594 с.; Чжао Юнхуа Русская пресса в Китае. 1898–1956 / Пер. с кит. А.А. Зеленовой. М.: Шанс, 2017. 397, [2] с. и др.

³ Александр (Заркешев), игум. Русская Православная Церковь в Персии — Иране (1597–2001 гг.). СПб.: Сатис, 2002. 208 с.; Попов А.В. Российское православное зарубежье: история и источники. С приложением систематической библиографии. М.: ИПВА, 2005. 619 с. (Мат-лы к истории русской политической эмиграции. Вып. 10.);

В самостоятельное направление выделяется изучение военной постреволюционной эмиграции: по регионам, странам расселения, войсковым формированиям, учебным заведениям, профессиональным организациям и объединениям, музеям¹.

Отдельным блоком в историографии стоят работы, посвященные изучению правового статуса русской постреволюционной эмиграции, как в различных диаспорах Центральной, Восточной и Южной Европы, Китая, США и Латинской Америки, так и российской эмиграции в целом². В

Кашеваров А.Н. Русская Зарубежная Церковь: основные вехи истории // Науч.-техн. ведомости СПбГПУ: Основной выпуск. 2008. № 5 (66). С. 127–136; Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М.: ПСТГУ, 2008. 408 с.; Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Южной Америке // Религиоведение. — 2014. № 1. С. 76–93; Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М.: ПСТГУ, 2015. 488 с.; История Русского православного зарубежья. М.: Изд-во Московской патриархии Русской православной церкви. 2016. Т. 1. Кн. 1. Русское Православное зарубежье до 1917 г. Русское православное присутствие на христианском Востоке. Х-нач. XX в. 585 с.; Бабич И.Л. Религиозная жизнь северокавказских эмигрантов во Франции (1920–1940-е годы) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 10. № 3/1. 2018. С. 127–135 и др.

¹ Домнин И.В. Военная культура Русского Зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. В 2-х кн. М.: Наследие, 1994. Кн. 1. С. 124–129; Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М.: МГУС, 2000. 294 с.; Голдин В.И. Солдаты на чужбине: русский общевоинский союз, России и русское зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск: СОЛТИ, 2006. 794 с.; Govor E. Russian Anzacs in Australian History. — Sydney: University of New South Wales Press; Canberra: National Archives of Australia, 2005. — X, 310 p.: Ill.; Маньков С.А. Русские добровольцы в составе Валлонского легиона, 1941–1945 гг. // Новый часовой. 2006. № 17–18. С. 173–182.; Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М.: Вече, 2009. 480 с.; Окорочков А.В. В боях за поднебесную. Русский след в Китае. М.: Вече, 2013. 336 с.; Ганин А.В. Русские генштабисты-эмигранты в годы Второй мировой войны // Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре: Сб. ст. М.: ИСЛ РАН, 2014. С. 170–182.; Сотников С.А. Российская военно-политическая эмиграция во Франции. 1920–1945 гг. / М-во образования Московской обл., МГОУ, Ист.-филол. ин-т. М.: МГОУ, 2017. 163 с. и др.

² Ауриллен Е.Е., Потапова И.В. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: «Эмигрантское правительство». Хабаровск: ХКМ им. Н.М. Гродекова, 2004. 128 с.; Бочарова З.С. «...не принявший иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб.: Нестор, 2005. 251 с.; Россия в Калифорнии: Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях 1803–1850: В 2 т. / Сост. и подг. А.А. Истомин, Дж.Р. Гибсон, В.А. Тишков. — М.: Наука, 2005. Т. 1. 754 с.: ил.; 2012. Т. 2. 525 с.: ил.; Микуленок А.А. Проблема урегулирования правового положения российских эмигрантов в Польше в 1920-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Том 7. № 6. Ч. 2. С. 64–69 и др.; Сабенникова И.В. Правое положение российской эмиграции 1920–1930-х гг. в странах реципиентах: сравнительный анализ // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930 годы. Сб. науч. тр. СПб.: Сударыня, 2006. С. 43–59.

них проводится сравнительный анализ правового статуса эмигрантов в регионах их проживания, ставятся вопросы адаптации, связанные с культурными отличиями между сообществами эмигрантов и страной, их принимающей¹. Публикуются источники – прежде всего, документы международных организаций: Лиги Наций, Красного Креста, Международного Бюро Труда, Земгора, и других². В научный оборот вводятся различные мемуары, дневники, переписка выдающихся представителей Русского Зарубежья, изданные как в России, так и вне ее³.

Одной из устойчивых тенденций в исторической науке становится изучение последующих волн эмиграции, в частности, эмиграции, возникшей в период Второй мировой войны, а также эмиграционных потоков в период до распада СССР⁴.

¹ Тарле Г.Я. История российского зарубежья: термины; принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940-е гг. В 2 кн. / Под общей ред. Е.П. Чельшева и Д.М. Шаховского. М.: Наследие, 1994. Кн. 1. С. 16–26; Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: Изд-во РГГУ, 2008. 545 с.; Сабенникова И.В. Русская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 551 с. (Изд. 2-е) и др.

² Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы). Сб. док. и мат-лов / сост., публ., З.С. Бочаровой. М.: РОССПЭН, 2004. 400 с.; Российская консульская служба в Австралии 1857–1917 гг.: Сб. докум. / Сост., введ. ст., коммент. А.Я. Массов, М. Поллард. М.: Международные отношения. 2014. 352 с. и др.

³ П.Б. Струве. Дневник политика (1925–1935) / Вступ. ст. М.Г. Вандалковской, Н. А. Струве; подг. текста, указ., коммент. А. Н. Шаханова. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. 872 с.; Сабанеев Л.Л. Воспоминания о России / Сост., предисл. Т.Ю. Масловская, коммент. С.В. Грохотов. М.: Классика-XXI, 2004. 268 с.: ил.; Бем А.Л., Срезневский В.И. Переписка, 1911–1936 / Сост., подг. текста, введ., коммент., имен, указ.: Милуша Бубеникова и Андрей Николаевич Горяинов. Брно: Славистическое о-во Франка Вольмана, 2005. 173 с.: ил.; Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии = Vzpomínky. Deníky. Vyprávění. Ruská emigrace v Československu / Славянский ин-т АН ЧР; сост. и общ. ред. Л. Белошевской, коллек. авт. Praha: Slovan. úst. AV ČR, 2011. 669 с.: ил.; Автографы Бизерты: дневники, воспоминания, размышления / Фонд им. А.А. Манштейн-Ширинской; сост. Т.В. Акулова-Конецкая. М.: Фонд им. А.А. Манштейн-Ширинской, 2012. 350 с. и др.

⁴ Земсков В.Н. Рождение «Второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 3–24; Агеносов В.В. Итоги и задачи изучения литературы Ди-Пи и послевоенной эмиграции // Записки РАГ в США. Т. XXXIV. Нью-Йорк, 2006–2007. С. 51–60; Пальников М.С. Четвертая волна эмиграции: особенности и последствия // Русское зарубежье: история и современность: Сб. ст. / ИНИОН РАН; редкол.: Мухачев Ю. В. (гл. ред.) [и др.]. М., 2013. Вып. 2 / Ред.-сост. вып. Ю.В. Мухачев, Т.Г. Петрова. С. 253–276; Савоскул М.С. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья в конце XX — начале XXI века // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 2016. № 2. С. 44–54 и др.

Следующим этапом изучения Российского Зарубежья становится более глубокая и подробная проработка научной проблемы: выявляются новые аспекты изучения, исследуется география размещения зарубежной архивной России, разрабатываются не только наиболее известные исследователям архивохранилища, содержащие значительную часть документального наследия эмиграции (Бахметевский, Гуверовский архив, Библиотека Конгресса (США), архив Социальной истории (Нидерланды), но и различные университетские архивы, постепенно открывающие свои фонды для исследователей¹. Документальная база исследований значительно расширяется за счет вовлеченности архивов и библиотек в интернет-технологии – создание электронных каталогов на сайтах этих учреждений, расширенный поиск по ключевым словам, создание глобальных поисковых систем по архивам и библиотекам. Примером может служить крупнейшая в мире библиографическая база данных WorldCat². В научный процесс постепенно вовлекаются частные архивы, ранее не доступные для исследователей. Их документы позволяют более досконально осветить тот или иной вопрос, основываясь на хранящейся в них и прежде неизвестной в научной среде частной переписке по тем или иным профессиональным вопросам или научных диспутов, а также путем выявления творческого наследия или мемуаров деятелей русской эмиграции.

¹ Даниэльсон Е. Архивы русских эмигрантов в Гуверовском институте // Вестник архивиста. 2001. № 1. С. 202–211; Антощенко А.В. Архивная коллекция академика П.Г. Виноградова в библиотеке Гарвардской школы права // Россия в США: Сб. ст. / Под ред. А.В. Попова. М.: Ин-т полит. и военного анализа, 2001. С. 124–145. (Мат-лы к истории русской полит. эмиграции. Вып. 7); Клоостерман Я. Архив Михаила Бакунина в Амстердаме: история формирования и состав // Вестник МГУ. Сер. 12. «Политические науки». 2012. № 4. С. 55–71; Сабенникова И.В., Гентшке В.Л. Зарубежная архивная Россия: география размещения, выявление, публикация источников. М.: Новый хронограф, 2014. 403 с.; Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С. Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: Материалы к межархивному справочнику. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 408 с.; Барышев Э.А., Юдзуру Тонаи «Архивная Россия» в Японии на примере личного фонда Куроки Тиканори (1883–1934) // Вестник РГГУ. Сер. «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2017. № 4 (10). С. 72–86; Звавич В.И., Ловцов А.С. Архив Центра российской культуры при колледже г. Амхерст (США) – собрание ценных и малоизученных документов российской диаспоры // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: Сб. ст. М.: Этерна, 2017. С. 184–189; Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Личные фонды русских эмигрантов в Архиве Республики Словении // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1217–1230 и др.

² WorldCat насчитывает свыше 240 млн записей обо всех видах произведений на 470 языках мира. WorldCat основана в 1967 г. и поддерживается совместными усилиями более чем 72 тыс. библиотек из 170 стран мира в рамках организации OCLC. В 2006 г. стал возможен свободный доступ к поиску по этой информационной базе.

Пик интереса к проблеме российской эмиграции приходится на конец 1990-х – начало 2000-х гг. Именно в этот период проявляется тенденция к проведению не только разовых конференций или публикации отдельных тематических сборников, но к ежегодным конференциям, объединенным под общим названием, как, например, «Нансеновские чтения», посвященные вопросам постреволюционной эмиграции, или «Слепухинские чтения», ставящие своей задачей объединение исследователей, занимающихся изучением эмиграции периода Второй мировой войны, и ряд других. Вопросы эмиграции в той или иной степени затрагивают и конференции по либерализму, не посвященные специально Русскому Зарубежью. Это происходит в силу того, что многие крупные либеральные деятели, в том числе и члены кадетской партии, после революции 1917 г. оказались в эмиграции, оказав значительное влияние на формирование ее инфраструктур, прежде всего, образования, правовой и издательской деятельности¹. Результатом работы таких конференций стали продолжающиеся издания под тем же общим заголовком, которые выпускаются и теперь. О возросшем интересе к проблемам эмиграции в этот период говорит выпуск специализированных продолжающихся изданий в виде ежегодников: «Дiaspora: новые материалы», «Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье», «Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» и другие. В них публикуются документы эмиграции, результаты эвристического поиска, научные статьи по различным направлениям изучения Русского Зарубежья.

В конце первого десятилетия XXI в. количество публикуемых работ несколько снижается, что объясняется рядом причин: тема Русского Зарубежья утратила первоначальную новизну, документальные источники, известные и более доступные для специалистов, уже проанализированы, наиболее значимые в историческом контексте темы Российского Зарубежья рассмотрены. Тем не менее, по-прежнему остается актуальным изучение постреволюционной эмиграции, предложившей, в либеральной своей части, осмысление места России и ее культуры в мире, поиск возможных точек соприкосновения русского общества с мировым сообществом, проявленном в различных социальных системах и политических режимах. Несомненно, будет продолжаться изучение таких важных конструктивных элементов эмиграции, как общественные институты и

¹ Политико-правовые практики российского либерализма в начале XX в. Муромцевские чтения. Труды – III (2009-2018). Материалы Международной научной конференции XI Муромцевские чтения, (11-12 октября 2019 г., г. Орёл) в III ч. Ч. III. / под общей редакцией доктора исторических наук, профессора Д.В. Аронова. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2019. 404 с.

организации русского сообщества за рубежом, система образования и науки, формирование и организация архивов и музеев эмиграции и др. Не до конца решенным остается вопрос, поставленный либеральной частью постреволюционной эмиграции о соотношении права и культурной традиции.

Можно констатировать, что в последние годы не столько меняется проблематика исследований по Русскому Зарубежью, сколько существенно расширился круг источников, на которые они опираются. В научный оборот больше, чем прежде, вводятся частные и семейные архивы, архивные коллекции библиотек, ведомств и учреждений, с которыми контактировала эмиграция, остававшиеся до последнего времени вне пределов внимания историков, расширяется также география поиска информации. Это привело к тому, что изучение эмиграции идет сейчас не столько вширь, сколько вглубь с привлечением документов ранее неизвестных архивов, в том числе личных и семейных.

Недостаточно внимания исследователями уделяется теме расширения Русского Зарубежья в результате распада СССР, которую, как правило, рассматривают в русле общих миграционных процессов, акцентируя внимание на проблеме возвращения русского и русскоязычного населения из стран «Ближнего Зарубежья» в Россию, не рассматривая или недостаточно уделяя внимания политической ситуации в регионах и деятельности прорусских партий, либеральному и демократическому движению с участием русскоязычного населения, отстаиванию русскоязычным населением своих прав на культурное самоопределение, язык, школьное образование, религию. В настоящее время существует необходимость создания обобщающих аналитических работ, поскольку с момента событий прошло уже около тридцати лет. Непосредственная реакция современников и участников событий, выражающаяся, прежде всего, в эмоциональной публицистической форме уже исчерпала себя, уступая место ретроспективному и более взвешенному, с научной точки зрения, его осмыслению¹.

Количественное и качественное расширение исследований, связанных с Русским Зарубежьем, постоянное увеличение направлений исследований, географии и источниковой базы значительно расширили исто-

¹ Исаков С.Г. Об изучении русского национального меньшинства в Эстонии: проблемы и перспективы // Teaduslugu ja nüüdisaeg. Tallin, 1993. VIII. Lk. 149–162; Арутюнян Ю.В. Русские в Ближнем Зарубежье // Социс. 2003. № 11. С. 31–40; Козубенко И.И. Русская диаспора в странах ближнего зарубежья: социальный статус, культурный уровень, связь с соотечественниками (1992–2004 гг.). М.: Прометей, 2006. 368 с. и др.

риографию этого направления¹. Российская историография русской постреволюционной эмиграции поставила ряд актуальных вопросов, в том числе, и в изучении либерализма. Накопленный материал позволяет говорить о тенденциях развития и недостатках современной историографии. В настоящее время среди исследовательских тем преобладают конкретные, направленные на изучение отдельных аспектов в деятельности эмиграции — учреждений, обществ, партий, отдельных личностей с использованием, как правило, одного фонда (почти всегда, если речь идет о персоналии) или одного архива. Практически нет работ, носящих сквозной характер исследования по какой-то одной значимой проблеме, написанных на широком архивном материале с привлечением документов из различных архивов, и тем более, освещающих Российское Зарубежье в целом. То же самое можно сказать и об изучении русского либерализма в эмиграции. Очень редки публикации, содержащие сравнительный анализ российской эмиграции с аналогичными историческими явлениями по наиболее значимым для оценки этих явлений параметрам, в том числе идеологическим и политическим². Узкий подход с целью решения конкретных исследовательских задач, который мы наблюдаем, до сих пор не позволяет создать целостную картину Русского Зарубежья.

¹ Серапионова Е.П. Российская эмиграция «первой волны» в чешской и словацкой историографии // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX — XX в.). Сб. ст. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 210–229; Антропов О.К. Отечественная историография общественно-политической жизни русского зарубежья 1920–1930-х г. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2012. 114 с.; Ратушняк О.В. История казачьего зарубежья в российской историографии // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. «История». 2015. № 4 (36). С. 119–127; Пронин А. А. История изучения российской эмиграции в диссертационных исследованиях 1980–2005 гг. в 2-х ч. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. Ч. I. 544 с.; Ч. II. 529 с.; Пархоменко Т.А. Немецкие издания 1920–1930 годов о русской эмиграции в Германии // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 2 (33). С. 120–135 и др.

² Сабенникова И.В. Политическая эмиграция в Европе 1917–1939: общее и особенное // Россия и современный мир / ИНИОН РАН. 2011. № 2. С. 196–209.

К ИСТОКАМ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИБЕРАЛИЗМА: ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ТУРГЕНЕВА

В последние годы в русской историософии появились работы, актуализирующие очень влиятельную, а временами и доминировавшую во второй половине XVIII – первой трети XIX вв. (т.е. в периоды правления Екатерины II, Павла I и Александра I), концепцию российской идентичности – «*Россия как Север*»².

«Русское северянство» зародилось как полуофициальная доктрина в сочинениях императрицы Екатерины Великой и ее ближайшего сотрудника, графа Никиты Ивановича Панина. Классик русского «золотого века», князь П.А. Вяземский, в одной из записок 1861 г., написанной на французском языке, называл годы интеллектуального альянса Екатерины и Панина «*самыми русскими*» в многовековой истории России: «Общество, хотя и увлекалось блеском, обаянием и, признаемся, зачастую даже уклонениями европейской цивилизации (*les écarts de la civilisation Européenne. – франц.*), носило, однако, в себе живой элемент своей национальности и, сравнительно с тем, чем оно стало впоследствии, – было более русским»³.

В дальнейшем, концепция «*русского северянства*» получила блистательные литературные воплощения в «Истории государства Российского» историка Николая Карамзина⁴, в героических одах поэта Гавриила Державина⁵, а затем в поэтическом творчестве молодой литературной плеяды – Петра Вяземского⁶, Антона Дельвига, Александра Пушкина⁷.

¹ Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, руководитель сектора философии российской истории ИФ РАН.

² Кара-Мурза А.А. Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв. // Философские науки. 2016. № 11. С. 121–134.

³ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. VII. СПб., 1882. С. 73.

⁴ Кара-Мурза А.А. Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного синтеза Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016, № 1. С. 101–106.

⁵ Кара-Мурза А.А. Концепция «русского северянства» в героических одах Г.Р. Державина (к вопросу о российской идентичности) // Политическая концептология. 2017. № 3. С. 187–194.

⁶ Кара-Мурза А.А. «Русское северянство» князей Вяземских (к вопросу о национальной идентичности) // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 187–194.

⁷ Кара-Мурза А.А. Поэма «Медный всадник» А.С. Пушкина: политико-философские проекции // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 2. С. 54–65.

Мотивы «русского северянства» отчетливо слышны в русской литературе второй половины XIX – первой половины XX вв. К примеру, у Ивана Тургенева¹ (которого за могучий рост и великий талант на Западе называли «северным гигантом»), а также в поэзии «Серебряного века» – у Игоря Северянина, Александра Блока, Бориса Пастернака².

В число активных идеологов «русского северянства» первой половины XIX в. надо непременно включить знаменитое семейство Тургеневых: в первую очередь отца – масона-просветителя Ивана Петровича Тургенева, близкого друга Карамзина и князя-генерала Андрея Вяземского – сподвижника графа Панина. «Северянские» взгляды отца разделяли и его сыновья, прежде всего Александр и Николай Тургеневы.

Николай Иванович Тургенев (1789–1871) прожил жизнь, исключительно богатую событиями и впечатлениями. Еще в феврале 1806 г. семнадцатилетний Николай записал в дневнике: «Как бы хотелось мне поехать по белу свету, побывать в Азии, Африке, Америке и вместе с этим в Европе, а более всего в Российском Государстве. На путешествие можно положить лет около пяти. Натурально, в Азии, Африке и Америке, если можно, пробыть очень немного. Но немного потеряю, если там и не буду. Почти совсем ничего. Но в Европе, и наиболее в России вот план мой, вот мое намерение: узнать их покорооче»³.

Таким образом, уже в своих ранних сочинениях Николай Тургенев называл Россию «особым миром», заслуживающим отдельного и специального изучения, без оглядки на разного рода «западнические соблазны»⁴. «Северянские» мотивы просматриваются у Николая Тургенева, начитавшегося немца Гете и француза Шатобриана, в дневниковой записи от 24 февраля (ст. ст.) 1808 г.: «И в отдаленных краях можно быть довольным (или, как обыкновенно говорят, счастливым). *Любовь севера* (курсив мой. – А.К.) согреет и на юге сердце, исполненное любви к Отечеству; милое в отдаленности делается еще милее, но не для всех. – Нет, нежный климат Италии никогда не изнежит твердого сердца, которое родилось бы хотя *подле полюса* (курсив мой. – А.К.). Но мне ли говорить об этом после Шатобриана! Я мог только слабо, очень слабо

¹ Кара-Мурза А.А. Рим Ивана Тургенева (1840) // Философские науки. 2018. № 7. С. 124–142.

² Кара-Мурза А.А. Россия как «Север»: проблемы цивилизационной идентичности в философии Бориса Пастернака (к 130-летию со дня рождения) // Философский журнал. 2020. № 2. С. 5–18.

³ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 г. Т. 1. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1911. С. 27.

⁴ См.: Жукова О.А. О мифологических соблазнах русской истории и культуры // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 110–122.

предложить мысли его на Отечественный язык. Но могу ли сам говорить что-нибудь свое?»¹

В мае 1808 г. Николай Тургенев отправился из Москвы в Петербург, откуда вместе с группой студентов столичного Педагогического института выехал для продолжения образования в Геттингенский университет, где проучился до 1811 г. В Геттингене он еще застал легендарного профессора Августа Людвига Шлецера (1735–1809), одного из авторов так называемой «норманнской теории», большого друга и поклонника «северного гиганта» – России.

Еще в 1761 г., Шлецер приехал в Россию по приглашению профессора Ф.И. Миллера. В 1761–1767 гг. работал в Императорской Академии наук (с 1764 г. – ординарный академик, а с 1765 г. – ординарный профессор академического университета по русской истории). Был почетным членом Академии наук (с 1769 г.) и Общества истории и древностей российских (с 1804 г.).

Вернувшись в Геттинген, Август Шлецер сохранил тесные связи с Россией и ее учеными, став главным «опекуном» молодых русских, приезжающих учиться в германские университеты. Шлецер активно развивал в русских студентах близкие ему идеи «северянства», следующим образом излагая концепцию российской истории: «Свободным выбором в лице Рюрика основано государство. Полтора ста лет прошло, пока оно получило некоторую прочность; судьба послала ему 7 правителей, каждый из которых содействовал развитию молодого государства и при которых оно достигло могущества... Но... разделы Владимировы и Ярославовы низвергли его в прежнюю слабость, так что в конце концов оно сделалось добычей татарских орд... Больше 200 лет томилось оно под иггом варваров. Наконец явился великий человек, который *отомстил за Север* (курсив мой. – А.К.), освободил свой подавленный народ и страх своего оружия распространил до столиц своих тиранов. Тогда восстало государство, поклонявшееся прежде ханам; в творческих руках Ивана (Ивана III. – А.К.) создалась могучая монархия»².

Учившийся ранее у Шлецера в Геттингене старший брат Николая Тургенева, Александр Иванович, так вспоминал об одной из лекций профессора: «Шлецер, говоря о ходе просвещения в Европе, упомянул и о России. Давно ли, говорил он, она начала озаряться лучами его? Давно ли Петр I *сорвал завесу, закрывающую Север от южной Европы?*

¹ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 гг. С. 97.

² Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная (ред. В. Кеневич). Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. XIII. СПб., 1875. С. 420.

(курсив мой. – А.К.) И давно ли Елизавета, недостойная дочь его, предрассудками своими, бездейственностью угрожала снова изгнанием скромных Муз из областей своих? И теперь, напротив – какая деятельность в Государе рассадить Науки, какое рвение в дворянах соответствовать его благодетельным намерениям! “Смотрите!” вскричал Шлецер, указывая на усаженную Русскими лавку: “вот тому доказательство”!»¹

Удивительно, что молодой Николай Тургенев, будущий признанный лидер российского западничества, в годы обучения в Геттингене активно проявлял не просто славянофильские, но и радикально антизападнические настроения. Это означает, что «русское северянство» не только не отрицает, но даже предполагает и национализм, и даже и своего рода «отторжение Запада».

К примеру, в своем дневнике от 12 (24) февраля 1809 г. Николай Тургенев писал: «Россия! Россия! с благоговением и любовью произношу священное Имя Твое и оставляю в сердце моем таиться различным чувствованиям. Если бы незначущая жизнь моя могла содействовать к Твоему благу – с радостью пожертвовал бы ею. ... Бьет 10 часов ночи. Все тихо, но сердце мое сильно бьется и напоминает мне, что я в Геттингене. Проклятый город! когда буду я вне стен твоих? Когда буду свободно дышать воздухом Русским, родным. Дышать свободно можно, кажется, только в России. При этом имени невольный вздох вылетает из моего сердца, угнетенного всем чужим. Самая природа здесь для меня мачеха: и солнце не так тепло, не так красно, и люди не те... Чем далее удаляюсь от Отечества, тем ближе сердце мое делается к Немцу»².

С гордостью ощущая себя, подобно отцу и старшему брату, «русским северянином», Николай Тургенев, еще учась в Геттингене, начинает, под воздействием «Итальянского путешествия» Гете, мечтать о «южных странствиях», в первую очередь, в Италию. Образовательное путешествие в Италию, по его мнению, способно лишь *укрепить* «северянскую» самоидентификацию культурного русского. 10 (22) октября 1810 г. он записывает в дневнике: «Италия меня теперь *zunachst* (ближе всего. – нем.); всего более занимает: непременно хочется побывать в этой благословенной земле. Хочу заняться историей Италии... Благословенная земля!... Если же счастье приведет меня наслаждаться дарами природы и искусства, обогащающими тебя, то восхищение мое будет равно только тем чувствам, кои на каждом шагу будут возбуждаемы

¹ Тургенев А.И. Письма и дневники геттингенского периода (1802–1804) // Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. СПб, 1911. С.234–235.

² Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 гг. С. 213–214.

памятниками чудес. И тогда, прельщенный, очарованный, излию сердечные чувствования мои на бумагу и тем более запечатлею и утвержу сладостные воспоминания, кои на холодном отеческом Севере будут в уединении питать мою душу (курсив мой. – А.К.)»¹.

А вот еще одна, тоже абсолютно «северянская», геттингенская запись, от 18 (30) октября 1810 г., порожденная грандиозными реформаторскими планами на родине графа М.М. Сперанского²: «Надобно только бросить взгляд на правление Екатерины II, чтобы почувствовать и со слезами благодарения признать великие благодеяния Александра I, не уменьшая достоинства великих дел великой женщины... Какая безбоязненность, какая уверенность в любви народной!... Какое старание о распространении просвещения и уничтожении рабства, какие умные, справедливые правила в новых установлениях!... Все сие способствует к тому, что первые года истинного Государя, отца Отечества, могут с справедливостью назваться золотым веком России. Свет чудился необыкновенным явлением северным (курсив мой. – А.К.), и Европа, поколебленная в основании своем, с изумлением взирала на счастливую Россию и с благоговением на Творца счастья великого народа. – Еще и дела Екатерины заставляли философов предсказывать, что науки и искусства перейдут скоро на север (курсив мой. – А.К.), и что благоденствие, воцаряющееся в России, произведет златый век; но дела Александра заставили всех провозглашать, что сбылось славное пророчество!»³

В предпасхальную субботу 13 апреля 1811 г., за четверть часа до полуночи, «москвич-северянин» Николай Тургенев записывает в геттингенском дневнике: «Радостно бьется теперь сердце у 40 миллионов Русских»⁴. «Великий праздник, – продолжает свой панегирик России Тургенев, – всегда сопровождается великими делами великого народа: благодеяния текут реками на угнетенных роком; они простираются даже и до невинных тварей! Где найдешь тебе подобного, великодушный, храбрый, величавый, одним словом Русский Народ! Если бы я не имел счастья быть Русским (мысль, служащая для меня величайшим утешением в жизни сей), то сердце мое всегда бы стремилось к сему народу. Радуйся, благословенный народ, лучшее произведение Руки Творческой!»⁵

¹ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 гг. С. 278–279.

² См.: Жукова О.А. Субкультура власти и социальный порядок в России: реформаторский опыт М.М. Сперанского // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 179–188.

³ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 гг. С. 280–281.

⁴ Там же. С. 297.

⁵ Там же. С. 297–298.

Запись заканчивается горьким признанием своей отлученности от Родины: «Между тем, как сорок миллионов моих соотечественников находятся теперь в очаровательном волнении, я, отгороженный от отчизны, между презренными иноплеменниками, осужден только чувствовать свое несчастье... Презрение к бесчувственным сердцам Немецким! нет для них радости: Рок судил им быть Немцами... Чем более возвышаюсь я к духу Русского народа, чем более чувствую достоинство, тем более невольно чувствую презрение к тем, с коими прострадал уже почти 3 года»¹.

...В 1811 г. юношеская мечта Николая Тургенева – побывать в Италии, наконец, сбылась. Стихи, написанные им в ноябре 1811 г. в одной из римских кофеен (о чем имеется запись в дневнике), – далеки от совершенства, но свидетельствуют о том, что в южной Италии Тургеневым по-прежнему владеет «гетевский» комплекс «пришельца с Севера»:

*В минуты сладостны, покою посвященны,
В кругу одних друзей и с трубкою в руках,
Вспомнить часы прошедшего блаженства –
Вот чем утешусь я и в Питерских снегах!*²

(В этом месте в записях Тургенева имеется пометка: «Я никогда бы не решился написать этого вздору в этой книге, если бы я не писал весь мой журнал совершенно для себя одного»³.)

Находясь в Южной Италии, Николай Тургенев отмечал, что местные жители очень не любят Наполеона Бонапарта и его родственников, ставших наместниками в разных уголках Италии, и, наоборот, – открыто симпатизируют русским, которым еще обязательно предстоит сразиться с «корсиканским чудовищем». Когда, например, в конце 1811 г., на карету нового русского посла в Неаполе, князя Сергея Николаевича Долгорукого (хорошего знакомого престарелого Ивана Петровича Тургенева, снабдившего сына рекомендательными письмами), произошло нападение местных карбонариев, те, узнав, что перед ними посланник «северного царя Александра», выказали ему исключительное почтение. Предводитель «разбойников» оказался тогда весьма политически осведомленным человеком и сказал русскому князю: «Наполеону достаточно нахмурить брови в Париже – и его братцы с сестрами сразу пополнят редующую армию Франции за счет несчастных итальянцев. Мюрат в Неаполе уже провел рекрутский набор для своего зятя (Наполеону. – А.К.), который, если верны слухи, со-

¹ Там же. С. 298.

² Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811–1816 гг. (под ред. Е.И. Тарасова // Архив братьев Тургеневых. Т. 2, вып. 3. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1913. С. 139.

³ Там же.

бирается напасть на Россию. Будем же молить пречистую Мадонну, чтобы этот злодей, забравшись в русские леса, превратился от холода в звонкую сосульку!»¹

На обратном пути из Италии в Россию, зимой 1812 г., Николай Тургенев был несказанно рад выпавшему во Флоренции снегу – большой редкости в Тоскане! 11 января (н. ст.) он записал в дневнике: «Вчера в 2 часа пополудни приехал я в Флоренцию... Вид снега был для меня приятен: он напоминал мне Отечество, и я тем более радовался, что я к нему теперь приближаюсь, и скорыми, курьерскими шагами. От того чувство сие не имело ничего меланхолического. Если бы я увидел снег теперь и удалялся бы от России, то тогда грусть, но грусть приятная, питательная родилась бы в душе моей...» Перед отъездом из Рима завтракали со мною земляки. Приятно было видеть, что и из Рима провожали меня Русские. Конечно вместе было жалко прощаться с ними... Такого удовольствия не могут иметь Немцы и Французы, ибо кроме того, что они везде находят соотечественников, отечественные чувства для них не так известны, как для Русских»².

Характерно, однако, что очная встреча с матушкой-Россией, с ее суровой зимой и, в первую очередь, с «холодом человеческих отношений» никак не вызвали у Николая Тургенева тех теплых чувств, кои он предполагал в Германии или Италии. Более того, он уже жалел, что вернулся и 6 марта (ст. ст.) 1812 г. писал в дневнике: «Вот уже три недели, как я здесь, и по сию пору не опомнился... Незначущие лица, на которых видна печать рабства, грубость, пьянство – все уже успело заставить сердце обливаться кровью и желать возвращения в чужие края. Непросвещение высших классов также действовало на произведение последнего желания. *Суровая зима показалась мне совсем не таковою, как я представлял ее, будучи в Геттингене и Неаполе. Она подлинно убийственна* (курсив мой. – А.К.)...»³

Межу тем концепция «русского северянства», без всякого сомнения, оставалась частью российского официоза и в годы Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов русской армии 1812–1814 гг. В тогдашней отечественной пропаганде вторгшийся в Россию Наполеон Бонапарт (напомним, корсиканец по происхождению) интерпретировался как *южный* диктатор-варвар, узурпировавший власть на «Западе» (сначала во Франции – и далее во всей Европе), а затем вероломно напавший на «Север» – Россию. Победа русского императора Александра I над корсиканцем Бонапартом трактовалась как победа «цивилизованного Се-

¹ Там же. С. 150.

² Там же. С. 169.

³ Там же. С. 190.

вера» (освободившего заодно и ослабевший в результате разрушительных внутренних революций «Запад») над «варварским Югом»...

Большие сомнения в исключительной культуротворческой роли «Севера» снова посетили Николая Тургенева в покоренной русскими Европе. Вот запись от 14 марта (н. ст.) 1814 г. из французского Шомона: «Долго смотрел я на карту Российской империи. Ужасное, (почти) необъемлемое пространство!... Ужасное пространство России! Как управлять ею из Петербурга? Как ей управляют?»¹

Во время послевоенной службы в Швейцарии и Франции, по-видимому, и произошел решающий поворот в мировоззрении Н.И. Тургенева. Он окончательно понял, что, несмотря на внешние, геополитические победы «Севера», «русский холод» (в широком смысле) – это огромное метафизическое «зло». Именно тогда, похоже, Николай Тургенев начал всерьез задумываться о возможности невозвращения в Россию: «Будучи в Женеве, думал я об избрании сего города местопребыванием на несколько лет, и мне казалось, что никакой город для сего столь не приличен, как Женева... Все мои мечтания, подобные сим, заключаются мыслью (совсем не мечтою) о Петербурге: *воображение замерзает, когда вспомню о тамошней зиме* (курсив мой. – А.К.), об образе жизни и качествах жителей, – и мрачная задумчивость застывает место счастливого забвения. Но надобно там жить, где судьба определила. Странствия не вечны. Я уже чувствую необходимость постоянного жилища, постоянной жизни и, не теряясь, как прежде бывало, в мечтаниях, стараюсь с спокойным духом думать *о 8-ми месячной зиме и о прочем, что еще почти хуже зимы* (курсив мой. – А.К.)» (Шомон, 5 февраля 1814 г.); «Сижу один у камина. Ничто не страшит меня, кроме будущности и Петербурга. Чего там ожидать мне?... *Холодная зима, более еще холодные люди* (курсив мой. – А.К.), прямые улицы, рабство! Вот где надобно жить мне без радости, без природы! Это не пустые слова: сердце обливается кровью, слезы навертываются на глазах при одной только мысли о Петербурге и о тамошнем роде жизни. – Но где жить? Умею ли я пользоваться свободою?... Что есть нравственная свобода, как не частое уединение? Свободно дышать и свободно мыслить можно только одному, с самим собою...» (Шомон, 5 марта 1814 г.).

Однако в сентябре 1816 г. Тургенев получил уведомление, что срочно отзывается из-за границы и назначается помощником статс-секретаря Госсювета по Департаменту экономики. 15 сентября 1816 г., еще находясь в Берлине, на пути в Россию, он записал в дневнике: «При всем том *сердце мое стыло, приближаясь к Северу* (курсив мой. – А.К.).

¹ Там же. С. 244.

О, климат великое дело!... И я, стиснув зубами..., начал думать о преимуществах Северных народов пред южными и о выгодах, которые климат доставляет свободе или, еще более, независимости народов. Горестное ощущение! Если бы я не любил более себя своего отечества, никогда и ни за что не согласился бы жить на Севере. Право, *мысль о Севере холодит душу, потушает воображение* (курсив мой. – А.К.)»¹.

Восемь долгих лет после этого Н.И. Тургенев провел в России, пытаясь соединить и в своем воображении, и в практике «тайных обществ» свой идеал «просвещенного Севера» и «потепления» общественных отношений. В 1824 г. ему удалось уехать в длительный отпуск за границу. Находясь в любимой им Венеции, он записал в дневнике 2 октября (н. ст.) 1824 г.: «Пусть идут дни и месяцы как хотят – лишь бы шли скорее. Мне представилась однажды дорогою мысль поселиться в Livorno, если климат петербургский будет вреден для желудка. Но сидя вчера под вечер на площади св. Марка у Café Florian, дыша прекрасным теплым воздухом, мне казалось, что я им уже пресытился, – и климата не довольно для жизни. Надобны люди! Где я их найду, кроме России?... Здесь привыкнешь к хорошему климату и не будешь чувствовать его ценности. В Петербурге не привыкнешь к дурному и всегда будешь чувствовать его невыгоды. Вот различие!»²

Судьба очень жестко разрешила интеллектуальную коллизию, годами мучавшую Николая Ивановича Тургенева. После восстания декабристов, в котором он, путешествуя по Европе, никакого участия не принимал, он был, тем не менее, заочно привлечен к следствию, которое показало, что Тургенев был одним из главных «идейных вдохновителей декабризма». В Россию он тогда не вернулся: ему реально грозила многолетняя каторга в суровой Сибири, а, может быть (как считают многие историки), и виселица. Николай Тургенев остался на Западе: идеолог «русского северянства» оказался насильственно отлучен от некогда обожаемого, а со временем все более и более ненавидимого «Севера».

¹ Там же. С. 339–340.

² Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Путешествие в Западную Европу. 1824–1825. СПб.: Нестор–История, 2017. С. 106–107.

ВЗГЛЯДЫ Б.Н. ЧИЧЕРИНА НА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНУЮ ВЛАСТЬ В 1890-е гг. И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

Взгляды крупнейшего либерального мыслителя XIX в. Б.Н. Чичерина (1828-1904) неоднократно были предметом исследований². Однако его последняя крупная работа – «Курс государственной науки»³ – не подвергалась подробному изучению. Между тем она, особенно третий том, представляет значительный интерес и для понимания взглядов Чичерина, и как теоретическое обоснование требований правых либералов-западников II половины XIX в. Вовсе не рассматривалось влияние идей Чичерина на политическую практику начала XX в. Восполнению этих пробелов посвящена предлагаемая статья.

В российской общественной мысли с 1870-х гг. преобладала идея о необходимости перехода к представительному правлению. Чичерин также пришел к этому выводу и подробно обосновал его в «Курсе государственной науки». Он доказывал, что абсолютная монархия позволяет успешно проводить радикальные реформы (в т.ч. либеральные вроде отмены крепостного права), однако слабо обеспечивает эволюционное развитие гражданской свободы⁴. Поэтому неизбежный переход от сословного строя к гражданскому, основанному на личной свободе и равенстве перед законом, со временем непременно приводит и к введению конституционного правления.

Чичерин сформулировал признаки готовности страны к передаче «общественным силам законной доли влияния на ход государственных дел», явно имея в виду положение России конца XIX в. В частности, первым признаком объявлялось «состояние политической литературы», т.е. появление «основательных» политических сочинений, вторым – преобладание в прессе соответствующих идей и качественное

¹ Демин Вадим Александрович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник института российской истории РАН.

² Гульбинский И. Б.Н. Чичерин. М., 1914; Зорькин В.Д. Чичерин. М., 1984; Искра Л.М. Б.Н. Чичерин о политике, государстве, истории. Воронеж, 1995. Нарезный А.И. Проблема конституционализма в русской консервативно-либеральной мысли 2-й половины XIX в. Ростов н/Д., 1999; Евлампиев И.И. Политическая философия Б.Н. Чичерина. СПб., 2013; Емельянов Б.В. Борис Чичерин. СПб., 2016 и др.

³ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Т. 1. Общее государственное право. М., 1894; Т.2. Социология. М., 1896. Т. 3. Политика. М., 1898.

⁴ Там же. Т. 3. С. 128-134.

превосходство отстаивающих их газет и журналов над оппонентами, третьим и самым важным – развитие местного самоуправления.

Явно исходя из либеральной интерпретации соотношения земского и городского самоуправления и российской администрации, Чичерин писал: «Если правительство призывает к себе лучшие силы страны, а в местных собраниях господствуют предрассудки, невежество и халатное отношение к делу, то нет сомнения, что общество не созрело до политической жизни... Но если наоборот, местные учреждения представляют собрания независимых людей, добросовестно обсуждающих общественные дела и решающих их в видах общего блага, а на вершинах бюрократии господствуют личные интересы и произвол, при полном незнании местных потребностей и условий и старании все представить в выгодном для себя свете, если бумажное производство заменяет там настоящее дело и официальная ложь заслоняет истину, если в высших сферах трудно даже найти умного и образованного человека, имеющего в виду не свое личное положение, а пользу отечества, то этим самым доказывается, что общество стоит выше правительства, а потому призвание его к участию в делах государства может послужить только к общему благу»¹.

Также Чичерин отмечал, что созданию представительства вредит сословная рознь, особенно необходимость «освобождения низших классов от тяготеющих над ними стеснений». Поэтому «преобразование сословного порядка в общегражданский совершается обыкновенно действием сверху. Но когда этот шаг сделан, когда привилегии отменены, когда исчезло крепостное право, изъятие от податей и повинностей, и все граждане одинаково подчинены общим законам, тогда главные невыгодные стороны представительных собраний отпадают и остается приносимая ими польза: живое участие общества в делах государства, знакомство правительства с местными нуждами, всестороннее обсуждение вопросов, выделка людей, наконец политическое воспитание как правительства, так и народа»².

Публицист, придерживавшийся, как известно, умеренных взглядов, отметил, что переход к конституционному правлению «обыкновенно... происходит более или менее революционным путем, или под напором внешних обстоятельств». Ответственность за революции Чичерин возлагал на «грубый деспотизм» консервативных правительств, «недоверчиво смотрящих на всякого рода общественную самодеятельность». «Когда правительство, вместо того, чтобы внимать

¹ Там же. С. 116-118

² Там же. С. 263.

развивающимся общественным потребностям, становится к ним во враждебное отношение и, вместо того, чтобы привязать к себе лучшие общественные силы, окружает себя людьми, не заслуживающими ни доверия, ни даже уважения общества, оно готовит себе неисчислимые затруднения и само подрывает свои основы. В наше время, в особенности, нельзя не сказать, что появление общественных сил на политическом поприще есть мировой факт, с которым нельзя не считаться... Между общественными силами есть конечно и дурные, и хорошие; но бороться против дурных можно лишь опираясь на хорошие; с одной полицией и чиновничеством ничего не сделаешь»¹.

Чичерин отвергал идею совещательного представительства, отмечая, что оно не удовлетворяет «требованию политического права» и полезно лишь «во времена государственного неурядиства, когда не было ни дорог, ни печати, ни иных средств сношений»². Применительно к Новому времени объявлялись устаревшими сословные представительства, как приводящие к усилению и закреплению сословной розни и привилегий высших сословий, а также к приоритету частных интересов над общегосударственными.

Борис Николаевич признавал возможным участие общества в управлении в форме и конституционной монархии, и демократической республики. В то же время последняя объявлялась господством невежественных масс, приводящим «к обращению государства, вопреки его природе и призванию, в благотворительное учреждение для малоимущих»³. Перспективы демократии Чичерин оценивал скептически в связи с устранением преград деспотизму масс, ведущему к распространению социализма, противоречащего, по мнению Чичерина, человеческой природе и уничтожающему как благосостояние высших и средних классов, так и «всякое разумное общежитие». По мнению Чичерина, злоупотребления демократии приведут к появлению «единовластителя» из потомков законных монархов или победоносных полководцев или выдающихся государственных людей, т.е. восстановлению монархической власти и складыванию конституционной монархии⁴.

Она, по мнению публициста, представляет собой «согласное с государственными началами сочетание всех основных элементов государственной жизни, власти, закона и свободы, связанных

¹ Там же. С. 119-120.

² Там же. С. 120.

³ Там же. С. 181.

⁴ Там же. С. 339.

совокупной целью, которое есть общее благо... по идее эта форма представляет собой самое совершенное устройство, какого могут достигнуть человеческие общества. Если бы выбор образов правления зависел от идеальных совершенств, а не от жизненных условий и состояния общества, то нет сомнения, что конституционная монархия заслуживала бы предпочтения перед всеми другими»¹.

Чичерин считал необходимой для конституционной монархии двухпалатную систему. «Две палаты необходимы не только для большей зрелости решений, но и для предупреждения столкновений между монархом и представительством. Посредствующее тело, с аристократическим положением, умеряет страсти и дает большую силу решениям той или другой стороны. Две палаты представляют собой и всю полноту общественных элементов... Во всяком обществе необходимо существуют элементы аристократические и демократические. Первые находят место в верхней палате, из вторых образуется нижняя»². Аристократия, по мнению мыслителя, должна как «умерять народные увлечения», так и «защищать народную свободу против королевской власти». Между тем при отсутствии самостоятельного представительства аристократия неизбежно будет поглощена народными массами³.

В то же время, при анализе различных способов формирования верхней палаты (наследование, назначение монархом и выборы на основе высокого имущественного ценза) Чичерин делает упор на их недостатках. В частности, для наследственной палаты требуется сильная и авторитетная земельная аристократия. «Все попытки искусственно создать наследственную аристократию или воскресить отжившую всегда оставались тщетными. Притязания, не опирающиеся на исторические заслуги и не подкрепляемые внутренним содержанием, возбуждают только ненависть и презрение»⁴.

В то же время «выборная верхняя палата, не приобретает самостоятельного характера даже при высоком цензе, ибо она всегда зависит от избирателей. Этим способом достигается большая осмотрительность в решениях и устанавливается некоторая задержка увлечениям массы, но в государственной жизни не прибавляется самостоятельного элемента, а это именно то, что требуется в конституционной монархии». Поэтому выборность допускается лишь при

¹ Там же.

² Там же. Т. 1. С. 169.

³ Там же. Т. 3. С. 250.

⁴ Там же. С. 251.

отсутствии и влиятельной землевладельческой аристократии, и «исторических корней» у королевской власти. Примером такой страны называется Бельгия¹.

Поэтому Чичерин был сторонником или сочетания наследственных либо выборных членов с назначаемыми, или полного назначения верхней палаты непосредственно монархом без участия партийного правительства. При этом публицист подчеркивает: «Верхняя палата, составленная просто из лиц, преданных королю, из придворных и чиновников, получивших почетное звание вследствие угождения и происков, теряет всякий авторитет. Решения ее не представляются выражением независимых мнений, а потому недостойны корпорации, составляющей часть верховной власти. Плохой состав унижает верхнюю палату в глазах народа; она может сделаться даже предметом презрения... Верхняя палата тогда только может получить надлежащий вес и значение, когда она составляется из людей, приобретших общее доверие и уважение, известных своими заслугами или пользующихся значительным влиянием в обществе»². Желательными членами верхней палаты Чичерин считает крупных землевладельцев и промышленников, «замечательнейших специалистов по разным отраслям знания», знаменитых ученых и выдающихся государственных деятелей.

Чичерин отстаивал право абсолютного вето верхней палаты, указывая при этом: «Если король согласен с верхней палатой в необходимости отвергнуть закон, принятый нижней, то нормальный порядок конституционного правления состоит в том, что последняя должна отказаться от своих требований. Если же король склоняется на сторону нижней палаты, то благоразумие побуждает верхнюю к уступкам». Из этого правила допускались исключения³.

«Главной движущей пружиной конституционного правления» Чичерин признавал нижнюю палату. Именно она представляет общественное мнение, которое с развитием политической свободы «более и более становится главной решающей силой в государстве»⁴.

Чичерин полагал, что «в конституционной монархии нет, как в демократии, необходимости дать право голоса всем правоспособным гражданам, ибо народ не является здесь источником всякой власти». Нижняя палата должна выражать общественное мнение, под которым понималось «только мнение разумной части общества, той, которая в

¹ Там же. С. 253.

² Там же.

³ Там же. С. 255-256.

⁴ Там же. С. 257.

состоянии мыслить о государственных делах и имеет определенное политическое направление. Эта способность, вообще, отсутствует в массе... Масса, не обеспеченная в своем положении, не имеет и той материальной независимости, которая служит важным условием свободных политических выборов. Она легко поддается давлению правительства и влиянию демагогов, играющих на ее страстях. Тем не менее, когда в ней пробуждается политическое сознание, она не может и не должна быть исключена из представительства». В противном случае, «вне круга избирателей образуется политическое мнение враждебное не только палате, но и самой конституционной монархии, в которой оно не находит места. Если оно значительно распространено, то оно грозит опасностью существующему строю»¹.

Поэтому Чичерин в принципе высказывался за имущественный ценз², однако в виде исключения допускал всеобщее голосование, предлагая исправить его недостатки неравенством избирателей. В частности, он восхвалял трехклассную систему Пруссии и Городового положения 1873 г. «Такого рода устройство... имеет ту огромную выгоду, что самые мелкие плательщики не исключаются из политических прав; сюда можно ввести даже всю массу народа; но перевес получают зажиточные классы, более способные к политической жизни»³. В общем мыслитель предложил «двойное правило для избирательной системы: 1) право голоса должно распространяться на низшие классы, по мере того как в них пробуждается политический интерес и они принимают живое участие в политической жизни; 2) избирательная система должна быть устроена так, чтобы перевес имела мыслящая и образованная часть общества. Это достигается различными комбинациями: установлением ценза, выборам по разрядам, умноженным правом голоса, представительством меньшинства и т.п.»⁴.

Чичерин был противником проведения монархом «личной политики вопреки желаниям народа, выраженным его представителями»⁵. Мыслитель в принципе был сторонником парламентаризма, полагая, что «парламентское правление ничто иное, как правление, согласное с желаниями страны, выраженными законным путем. Где народу предоставляется участие в правлении, без этого, в конце концов, нельзя обойтись»⁶. В то же время, по мнению Чичерина, и при

¹ Там же. Т. 3. С. 259.

² Там же. Т. 1. С. 171.

³ Там же. С. 158.

⁴ Там же. Т. 3. С. 260.

⁵ Там же. С. 244.

⁶ Там же. Т. 1. С. 180.

парламентаризме монарх должен сохранить высший контроль над правительственной властью, особенно в чрезвычайных случаях.

«Как блюститель общих интересов государства и народа, он может устранить всякую меру, противную этим интересам. Он может не утвердить возбуждающего страсти закона, даже в противность мнению министерства и палат; он может не согласиться на начатие войны или заключение мира, и верховная его воля не подлежит нарушению». В случае конфликта палат монарх должен иметь право новыми назначениями изменить большинство верхней палаты или воздержаться от этого и даже «при несогласии с политикой министерства и палат... назначать от себя новое министерство и затем распустить выборную палату»¹.

Также Чичерин отмечал, что для парламентаризма необходимы «крепкие и дисциплинированные партии, имеющие своих признанных вождей. Необходимо притом, чтобы их было всего две, ибо при раздроблении партий никогда не составит прочное большинство, и правительство будет подвержено всем случайностям беспорядочного голосования ... Вообще, при низком политическом уровне общества о парламентском правлении не может быть речи...»².

При слабости партий и неустойчивости общественного мнения парламентское правление, по мнению Чичерина, «может вести лишь к непрерывным колебаниям и расстройству всего управления... В видах общественной пользы, при таких условиях, несравненно лучше правление, исходящее от воли монарха, сообразующееся с настроением общества, но не поддающееся минутным его увлечениям... При взаимном доверии тут устанавливается не официальное только, а живое единение правительства и общества. Лучшие общественные силы призываются к участию в делах государства; правительство подкрепляется их знаниями и находит в них опору для своих мероприятий, общество же воспитывается практикой к политической жизни и к пониманию государственных вопросов. Полагается предел произволу и водворяется царство законности»³.

Применительно к демократической республике Чичерин признавал неизбежным всеобщее и равное голосование, и также был решительным сторонником двухпалатной системы, считая ее «существеннейшей гарантией свободы». По его мнению, «единое собрание неудержимо стремится к произволу. Оно может быть орудием

¹ Там же. С. 181-182.

² Там же. С. 180.

³ Там же. Т. 3. С. 242-243.

борьбы, но не органом правильной государственной жизни»¹. По мнению ученого, при демократическом правлении верхняя палата должна избираться региональными парламентами или путем двухстепенных выборов на продолжительный срок с обновлением по частям.

Чичерин отдавал парламентскому правлению предпочтение перед президентским из-за опасений «ослабления власти и внутреннего разлада» из-за конфликтов парламента и президента, а также узурпации власти всенародно избранным главой государства.

Чичерин был сторонником экономического либерализма и решительно возражал против вмешательства государства в трудовые отношения и вообще поддержки им взрослых мужчин, «которые, как свободные и полноправные лица, стоят на своих ногах и употребляют свои силы и средства по собственному усмотрению, а не по указаниям власти». Допускались лишь постановления об охране общей безопасности и здоровья².

Обеднение российского крестьянства объяснялось «в значительной степени» «приобретенными веками привычками лени и беспечности». По мнению Чичерина, «не в мнимом недостатке наделов, не в произошедших при освобождении урезках, не в тяжести податей, ни, еще менее, скученности населения лежит коренной источник зла. Пока русский крестьянин не привык сам заботиться о себе и предусматривать будущее, благосостояние его не поднимется, а с умножением народонаселения и с истощением естественных богатств почвы оно должно понижаться. Против этого государство совершенно бессильно; заменить деятельность человека оно не может. Единственная его задача заключается в том, чтобы открывать простор этой деятельности и обеспечить ее плоды утверждением и охранением права». Соответственно, резко критиковалась передельная община³.

Чичерин решительно возражал против прогрессивного налога и освобождения небольших доходов от обложения, считая эти меры «ограблением имущих неимущими»⁴. По мнению публициста, освобождение от налогов должно быть неразрывно связано с лишением политических прав. Обязательное страхование рабочих от болезней и старости также признавалось недопустимым «как общая мера, распространяющаяся на целый класс людей, имущих и неимущих».

¹ Там же. Т. 1. С. 153.

² Там же. Т. 3. С. 423-424.

³ Там же. С. 448-443.

⁴ Там же. С. 446.

Чичерин был сторонником свободной торговли, допуская протекционизм лишь в качестве временной меры, и писал о невыгодности протекционизма для российского сельского хозяйства. «Эта важнейшая отрасль русской промышленности, та, которая составляет главную силу страны, принуждена расплачиваться за всю протекционистскую систему, именно в то время как она сама находится в угнетенном состоянии вследствие падения цен на всемирном рынке. При таких условиях высокий тариф есть ничто иное как право, данное процветающим отраслям обирать разоряющихся. Такое направление экономической политики нельзя признать согласным с народными интересами»¹.

В итоге можно заметить, что Чичерин в самом конце XIX в. продолжал отстаивать взгляды, присущие либералам его середины. Соответственно «Курс государственной науки» ко времени публикации был явно устаревшим. Поэтому в политических документах и дискуссиях начала XX в. и даже в курсах государственного права этого периода ссылок на эту работу практически нет. Либеральные силы начала XX в.: кадеты, мирнообновленцы и прогрессисты отстаивали другие идеи. Сходство можно усмотреть лишь в поддержке двухпалатной системы и неприятии президентской республики.

Некоторые мысли Чичерина, прежде всего отрицательное отношение к вмешательству государства в социальную сферу и, в частности, охрану им труда в начале XX в. не разделялись не только либералами, но и основной частью либеральных и других консерваторов и правящими кругами.

Однако в других вопросах идеи Бориса Николаевича фактически оказались востребованы либеральными консерваторами (октябристами) и правительственными реформаторами. Вопрос о прямом следовании «Курсу государственной науки» или самостоятельном выдвижении соответствующих принципов государственными и политическими деятелями начала XX в. нуждается в дополнительном изучении.

В частности, Государственный совет в 1906 г. был реформирован в значительной мере в соответствии с «Курсом государственной науки». Он получили право абсолютного вето на решения нижней палаты и стал включать как выборных на основе высокого ценза, так и назначаемых монархом членов. Выборная часть, в соответствии с идеями Чичерина, включала представителей местного самоуправления, крупного землевладения, крупного бизнеса, науки и православной церкви.

¹ Там же. С. 431.

В марте 1906 г. на совещании руководства верхней палаты и председателя Совета министров было решено пополнять назначаемую часть Государственного совета не только чиновниками, но и общественными деятелями¹. Однако традиции формирования Совета из высокопоставленных бюрократов в итоге взяли верх, и назначение в него общественных деятелей стало редким исключением из правил². При этом, именно члены по назначению заняли в Совете руководящее положение и, как правило, добивались желательных монарху и правительству решений, поэтому опасения Чичерина о возможном превращении верхней палаты в компрометирующий монархическую власть институт подтвердились.

Более соответствовало идеалу Бориса Николаевича избирательное законодательство начала XX в., особенно Положение о выборах в Государственную думу 1907 г., совмещавшее участие в них широких народных масс с контролем имущих классов над результатами голосования. Соответствовала взглядам Чичерина и «столыпинская» крестьянская реформа.

Октябристы были единомышленниками Чичерина применительно к крестьянской общине, избирательному праву и верхней палате, а также в вопросе об ответственности правительства. Либеральные консерваторы начала XX в. в соответствии с «Курсом государственной науки» не настаивали на немедленном введении парламентаризма и добивались правительства, назначаемого монархом, но «сообразующегося с настроением общества».

Идеалом октябристов было «единение монарха с народом»³. При обсуждении II съездом Союза (май 1907 г.) программных вопросов лидер октябристов во II Думе М.Я. Капустин при полном одобрении делегатов заявил: «Суть не в парламентаризме. Парламентаризм – это известная форма выбора правительства. Что значит правительство при условии полного согласия монарха и народного представительства? Только послушный исполнитель»⁴.

Неприятие Николаем II и его министрами идей Чичерина и октябристов об обязанности императорского правительства «сообразовываться с настроениями общества» и стремление императора проводить «личную политику вопреки желаниям народа, выраженным его представителями», стало для российской конституционной монархии роковым.

¹ Дневник А.А. Половцова // Красный архив. 1924. Т. 4. С. 98.

² Подробнее см. Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. М., 2006. С. 72.

³ Манифесты политических сил // Первый штурм. М., 1990. С. 481-482.

⁴ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т. 1. М., 1996. С. 340-342.

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕОЛОГИИ П.А. СТОЛЫПИНА

Правительственная программа П.А. Столыпина может быть охарактеризована как либерально-консервативная. Ее логично рассматривать как продолжение курса Великих реформ, которое было запланировано гр. М.Т. Лорис-Меликовым на рубеже 1870-80-х гг. Разумеется, столыпинская политика осуществлялась в иных исторических условиях: как реакция на Первую русскую революцию, однако, как и в конце XIX столетия, речь шла о предотвращении революционной угрозы – на сей раз не прогнозируемой, а уже вполне реальной: «Противопоставить этому явлению можно только силу <...>. Какие-либо послабления в этой области правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты»². Столыпин отмечал чрезвычайный характер обстоятельств: «Государственная необходимость должна возвыситься над правом <...> для того, чтобы вернуть государственность на путь права»³. Репрессивные меры Столыпин оправдывал необходимостью не только охранения законности, но и свободы: «Обязанность правительства – святая обязанность ограждать спокойствие и законность, свободу <...> и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ»⁴.

Репрессии сами по себе не могли предотвратить революционную угрозу, это могло сделать лишь масштабное реформирование всей русской жизни. При общении с правыми Столыпин отмечал необходимость динамичного внутреннего развития: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину: залечим язву, но зараженная кровь породит новые изъязвления. К тому же этот путь реформ торжественно возвешен, создана Государственная дума и

¹ Гайда Федор Александрович – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор-консультант Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта.

² Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. М., 1991. С. 98.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 41.

идти назад нельзя. Это было бы и роковой ошибкой – там, где правительство победило революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физической силой, а тем что, "опираясь на силу", смело становилось на путь реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия – признание бессилия правящей власти»¹.

Реформирование подразумевало постепенное оформление новой политической культуры: проведение политических свобод (печати, собраний и союзов), развитие практики парламентаризма, постепенное ослабление стеснений национальных и религиозных меньшинств. Столыпин заявлял: «Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установленны»². Еще будучи саратовским губернатором, будущий премьер обращался к погромщикам: «Стыдно и грешно русскому христианину производить насилия, грабежи. Надлежит помнить, что евреи, во-первых, люди, а, во-вторых, подданные русского царя, под высокой рукой которого каждому русскому подданному без различия вероисповедания, происхождения должны быть обеспечены жизнь, спокойствие и целостность имущества»³. В адрес национальных меньшинств выдвигалось следующее предложение: «Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо – это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права»⁴.

Социально-экономические мероприятия (аграрная реформа, страхование рабочих, развитие народного образования) призваны были обеспечить перспективу дальнейшего развития России. Основной официальной целью демонтажа крестьянской общины было развитие принципа свободы личности: «В целях достижения возможности выхода крестьян из общины, издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причем устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда»⁵. Создание новой системы

¹ Замечания П.А. Столыпина // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 675.

² Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... С. 51.

³ П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 106.

⁴ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... С. 106.

⁵ Там же. С. 52.

местного суда и самоуправления должно было способствовать этому процессу, закрепить его результаты¹.

В своих всеподданнейших докладах саратовский губернатор отмечал большую пользу от деятельности земского самоуправления². Столыпин приветствовал создание Государственной думы. На открытии губернского земского собрания в январе 1906 г. Столыпин заявил: «Предстоящие выборы в Государственную думу <...> не только успокоят население, но внесут в народ новый творческий созидательный импульс. Уловив первые признаки успокоения, я решил вновь допустить с 1 февраля публичные собрания, дабы до открытия еще предвыборных собраний могли между собой свободно столкнуться представители разных партий. Свобода собраний будет вполне обеспечена, доколе она не превратится, как в декабре, в место революционной пропаганды. Не жду, чтобы во избежание этого пришлось прибегать к силе, т.к. несомненно, все общественные и земские деятели прилагают усилия к тому, чтобы новая жизнь, возвещенная Манифестом 17 октября, вошла в полный объем в спокойное, законное русло»³.

Создание парламентского строя для премьера было естественным и верным шагом, который не рассматривался им как разрыв с прошлым. Выступая в Думе, премьер утверждал: «Историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценным достоянием русской государственности, так единственно эта Власть и эта Воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды <...> Строй, в котором мы живем – это строй представительный, дарованный самодержавным Монархом и, следовательно, обязательный для всех Его верноподданных»⁴.

Вместе с тем, только законодательный парламент, по мнению премьера, обеспечивал верховной власти прочную взаимосвязь с образованной общественностью. При открытии III Думы Столыпин заявил: «При наличии Государственной думы задачи правительства в деле укрепления порядка могут только облегчиться, так как помимо средств на образование администрации и полиции правительство рассчитывает получить ценную поддержку представительных учреждений путем обличения незаконных поступков властей как относительно превышения вла-

¹ Там же. С. 50-62.

² Всеподданнейший отчет саратовского губернатора П.А. Столыпина за 1903 год // П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 62.

³ Там же. С. 113.

⁴ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... С. 102-103.

сти, так и бездействия оной»¹. Столыпин верил в возможность Думы в той или иной степени контролировать государственные финансы и администрацию².

При этом Столыпин исходил из идеи сохранения монаршего суверенитета. Третьеиюньский манифест, написанный премьером, обозначал его вполне четко: «К прискорбию Нашему, значительная часть состава второй Государственной думы не оправдала ожиданий наших. <...> Посему оставляя в силе все дарованные подданным нашим манифестом 17 октября 1905 г. и Основными законами права, восприяли Мы решение изменить лишь самый способ призыва выборных от народа в Государственную думу, дабы каждая часть народа имела в ней своих избранников. <...> Все эти изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную думу, состав коей признан нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства самого способа избрания ее членов. Только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти русского царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым. От Господа Бога вручена нам власть царская над народом нашим. Перед престолом Его Мы дадим ответ за судьбы державы Российской»³.

В июле 1911 г. редактор «Московских ведомостей» Л.А. Тихомиров написал премьеру письмо о необходимости лишения Думы законодательного статуса. Столыпин сделал на полученном письме пометку: «Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции»⁴. Премьер так оценивал перспективы Третьеиюньской системы: «Главное это то, что с каждым годом зреет: у нас складывается и самосознание, и общественное мнение. Нельзя осмеивать наши представительные учреждения. Как они ни плохи, но под влиянием их Россия в пять лет изменилась в корне»⁵.

Институт частной собственности рассматривался Столыпиным как принципиально важная опора реальной, а не мнимой свободы. По поводу аграрной реформы премьер говорил в Думе: «Правительство желает

¹ Там же. С. 99.

² Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905-1914 гг.). Новгород – Самара – Пенза. Пг., 1916. С. 43.

³ Манифест «О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в государственную думу», 3 июня 1907 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXVII. СПб., 1910. С. 319-320. № 29240.

⁴ Тихомиров Л.А. Христианство и политика. Калуга, 2002. С. 359-366.

⁵ П.А. Столыпин – А.П. Извольскому, 28 июля 1911 г. // П.А. Столыпин. Переписка. С. 425-426.

поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится»¹. Подлинная свобода должна была сочетаться с политической ответственностью: «Вот тогда, тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма»². В интервью газете «Волга» Столыпин отметил: «Я полагаю, что прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина-собственника, мелкого землевладельца, и когда эта задача будет осуществлена – гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот»³. Этот выпад был направлен против радикальных либералов. Столыпин противопоставлял два разных понимания свободы: «Левые, в данном случае, идут против принципов разумной и настоящей свободы. <...> Нельзя только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы»⁴. Вместе с тем, в частной беседе Столыпин признавал, что Россия упустила предшествовавшие революции 1905 г. двадцать лет: вместо сохранения общины, правительство Александра III в 1880-е гг. должно было начать землеустройство и постепенное уравнение крестьян в правах с прочими сословиями⁵.

Представления Столыпина можно охарактеризовать как умеренно-либеральные, органически связанные с русской юридической традицией II половины XIX в. С одной стороны, премьер декларировал приверженность идеям социального прогресса, личной свободы, законности, общественного представительства, собственности, с другой – связывал их с традиционной государственностью. Б.Н. Чичерин, которого премьер цитировал в качестве авторитетного правоведа⁶, называл подобный либерализм положительным, «охранительным» и противопоставлял отрицательному, «освободительному»⁷. По мнению Столыпина, политическая реформа была осуществлена по инициативе монарха (исторической

¹ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... С. 93.

² Там же. С. 105.

³ Беседа с председателем Совета министров П.А. Столыпиным // П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 485.

⁴ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... С. 179.

⁵ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 35-36.

⁶ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... С. 212.

⁷ Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998. С. 452.

власти), который оставался самодержцем (сувереном) и основным гарантом сохранения «нового строя»; в этом, в первую очередь, и выразилась его политическая роль. Создание законодательных палат оценивалось Столыпиным позитивно, их роль могла выразиться, в первую очередь, в поддержке правительственной программы и критике бюрократических злоупотреблений. Программа была нацелена на преодоление революционной перспективы путем масштабного реформирования русской жизни. Оно подразумевало постепенное оформление новой политической культуры. Изначально это связывалось с проведением политических свобод (печати, собраний и союзов), развитием практики парламентаризма, постепенным ослаблением стеснений национальных и религиозных меньшинств. Репрессивная составляющая политики рассматривалась Столыпиным как исключительная мера поддержания законности, гарантирующей свободы, а также способ развития прогрессивного реформирования.

ПРОБЛЕМА ЗАИМСТВОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В РЕЧАХ «ПЕРВОДУМЦА» М.М. КОВАЛЕВСКОГО

Проблема, упомянутая в заголовке статьи, занимает особое место в научном наследии М.М. Ковалевского. Исследуя законы социальной эволюции, он активно развивал сравнительно-исторический метод, внес вклад в теорию заимствования². При этом его научные занятия были неизменно сопряжены с поиском путей реформирования России на рубеже XIX-XX вв. В историографии отражена роль Ковалевского в изучении становления конституционализма, парламентаризма, демократических институтов³. Вместе с тем представляет интерес попытка ученого непосредственно воздействовать на преобразование российской политической системы и законодательства в русле передовой западной общественной мысли и практики. Подобный опыт впервые был поставлен им в 1906 г. в I Государственной Думе⁴. К этому времени Ковалевский уже проявил себя одним из лидеров Партии демократических реформ (ПДР). Ее организаторы⁵, стремясь к мобилизации политических единомышленников, делали «ставку» на парламентскую деятельность. Их идейным знаменем были ценности здравого смысла – гуманизм, разум, солидарность. Это позволило занимать позицию поверх партийных «ба-

¹ Хайлова Нина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра «История России XIX – начала XX вв.» ИРИ РАН.

² Вострикова В.В. Теория заимствования в интерпретации российских либералов начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: Научно-теоретический и прикладной журнал. Тамбов, 2011. № 2(8). Ч. 2. С. 50-53.

³ Селезнева Л.В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века / Отв.ред. Л.Г. Березовая. Ростов н/Д: Рост.-на-Дону гос. ун-т, 1993; Зоць С.А. Парламентаризм в представлениях М.М. Ковалевского // Парламентаризм в России: проблемы и перспективы. Сб. ст. СПб., 2006. С.92-100; Туманова А.С. Теория прав человека М.М. Ковалевского // История государства и права. 2009. № 21. С. 12-15; и др.

⁴ Ковалевский был избран депутатом I Государственной Думы (от Харьковской губ.), участвовал в работе комиссий: по составлению Наказа [предс.], о неприкосновенности личности, по составлению проекта закона о гражданском равноправии, по составлению проекта о свободе собраний.

⁵ Наряду с Ковалевским в I Думу был избран еще один член Оргкомитета ПДР – известный юрист и деятель земско-либерального движения В.Д. Кузьмин-Караваев. Он также сыграл значимую роль в истории «Думы народного гнева», не раз обращаясь в своих выступлениях к анализу зарубежного опыта. См.: Хайлова Н.Б. Либерал-центрист В.Д. Кузьмин-Караваев: «Государство должно идти впереди граждан, ведя их к праву, правде» // Россия XXI. 2018. № 2. С. 136-161.

рьеров», без оглядки на реакцию «справа» или «слева». Такой подход был характерен и для Ковалевского.

Уже при обсуждении проекта ответного адреса Думы на тронную речь Николая II голос ученого звучал весомо и авторитетно¹. Одной из главных заслуг ответного адреса Ковалевский считал постановку вопроса о политической ответственности правительства «перед народом и народными представителями». Ссылаясь на опыт Англии, где этот принцип был впервые реализован «не ранее середины XVIII века», депутат разъяснял, что подобный порядок, во-первых, является «якорем спасения» для монарха, сводя к минимуму его ответственность перед страной. «Монарх должен парить над партиями, – уточнял он. – Его нельзя делать ответственным за изменчивое направление политики»². Во-вторых, подчеркивал Ковалевский, политическая ответственность министров позволяет последним избежать судебной ответственности «за действия, по природе не преступные», а также предоставляет министрам «известную свободу по отношению к монарху», т.е. возможность при несогласии с «линией» верховного правителя подать в отставку.

Лидер ПДР особо подчеркивал «воспитательное» значение меры для депутатского корпуса нижней палаты: «Раз над вами будет висеть дамоклов меч, состоящий в том, что каждый из вас в известный момент может быть призван к осуществлению на деле предлагаемой вами программы, вы не позволите себе настаивать на ближайшем принятии тех или других программ, которые в действительности неосуществимы при

¹ Ковалевский заявил, что текст ответного адреса выражает те самые идеалы, служению которым он посвятил последние 30 лет жизни, начиная с того времени, когда «не считалось модным говорить о парламентаризме». В связи с этим ученый вспомнил о совместном с С.А. Муромцевым редактировании (с 1878 г.) журнала «Юридический вестник», «в котором не было статьи по политическим вопросам, не проводившей начал конституционного и парламентарного права» // Партия демократических реформ. Речи членов партии в первой Государственной думе. СПб.: Русская скоропечатня, 1907. С. 13.

² Там же. С. 22. Впоследствии поводом для возвращения к этой теме стало резонансное выступление в Думе кн. С.Д. Урусова по поводу тайной типографии в здании Департамента полиции, печатавшей листовки погромного содержания. Ковалевский солидаризировался со своим «однопартийцем», также высказавшись о проблеме «правительственной анархии» и «многовластия» (влияния на власть «неведомых тайных сил», «более монархистов, чем сам монарх»). При этом он сослался на поучительный опыт борьбы английского и французского парламентов с подобными явлениями. Так, например, ученый указал на то, что с середины XVIII в. в Англии установилось «соблюдаемое строго правило, что никто в стенах парламента не может ссылаться на мнения и желания монарха, так как признано, что единственным выразителем этих мнений и желаний является министерство до тех пор, пока оно остается у дел и скрепляет своей подписью акты верховной власти» // Партия демократических реформ. Речи членов партии... С. 127-128.

данных условиях». Как отмечал Ковалевский, именно по этой причине за членами английской оппозиции закрепилось название «оппозиции Его Величества, а не Его Величеству»: «Этим самым они выражают мысль, что во всякое время они готовы из оппозиции перейти в правительство и проводить на деле программу, которую они выставили, так как считают эту программу практически осуществимой»¹.

В целом, одобрив проект ответного адреса, решающая роль в составлении которого принадлежала кадетам, Ковалевский настаивал на необходимости внесения в документ ряда существенных поправок. «Я друг той партии, которая называется Партией народной свободы, но я в то же время сохраняю за собой свободу критики, свободу самостоятельного суждения»², – тактика лидера думской группы ПДР определялась его многообразным научно-общественным опытом. Свои предложения депутат-«депреформатор» обосновывал ссылками на историю и современные реалии передовых демократий – Англии и Франции, а также других государств, воспринявших их опыт.

Большая часть поправок, инициированных Ковалевским, касалась функций Государственной Думы. Так, он призвал исправить один из допущенных в документе «промахов» и заявить о необходимости расширения прав нижней палаты в сфере государственных финансов, установив ее контроль за налоговой политикой (чтобы «без Думы нельзя было взять с населения ни одной полушки»). Оратор представил народным избранникам историческую справку о новаторстве Англии в принятии этого «в высшей степени практического правила», а также реализации последнего «в Новом Свете, в американских конституциях, в бельгийской и большинстве германских»³. В результате, в окончательном варианте документа соответствующая поправка Ковалевского была воспроизведена почти дословно: «Государственная дума считает несовместимым с жизненными интересами народа, чтобы какой-либо законопроект, налагающий денежные тягости на население, раз он принят Думою, подлежал изменению со стороны учреждения, не представляющего собою масс плательщиков налогов».

В ответном адресе нашло отражение и предложение ученого обеспечить гражданам право обращаться с петициями к народному представительству. Он подчеркивал, что именно благодаря свободе петиций «англичанам удалось превратить свой аристократический строй в демократический», а впоследствии это положение (наравне с неприкосновен-

¹ Там же. С. 23-24.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 25.

ностью личности, свободой слова, собраний и т.д.) было включено в «конституции всех европейских народов». Примечательно, что Ковалевский в своей речи не ограничился призывом закрепить свободу петиций и представил конкретные рекомендации по организации работы Думы с ходатайствами избирателей¹.

Впоследствии депутат еще не раз высказывался о необходимости совершенствования механизма деятельности Государственной Думы. Он, в частности, выступил за введение права индивидуального законодательного почина, обычного, по его словам, для «любого парламента Европы и Америки». На примере создания в I Думе комиссии по вопросу о равенстве Ковалевский разъяснял, к каким «невыгодным последствиям» ведет существующая российская практика, наделяющая правом законодательной инициативы лишь комиссии нижней палаты. «Демреформатор» разделял негодование организатора думской Группы мирного обновления гр. П.А. Гейдена и ряда других депутатов по поводу предложения кадетов положить в основу деятельности упомянутой комиссии лишь «общий принцип» равенства. «Это как раз то, против чего борются с 1789 г. все законодатели мира», – подчеркивал Ковалевский. Он указывал на недопустимость огулом определять основы законов, затрагивающих самые разные проблемы, каждая из которых требовала специального подхода (отмена сословности, уравнивание в правах национальностей и вероисповеданий и др.)².

При обсуждении ответного адреса Ковалевский выступил с особым мнением и по вопросу о судьбе Государственного совета. Он подверг критике отраженную в ответном адресе идею однопалатного парламента (в лице Государственной Думы), считая необоснованным предложение упразднить Государственный совет как якобы ненужное «средостение между верховной властью и народом». «Деспотизм возможен и при единой камере, хотя бы она была составлена из лучших элементов, – терпеливо разъяснял он, ссылаясь, в частности, на мнение Бенжамена Констана, французского политического деятеля рубежа XVIII-XIX вв. Для Ковалевского была неприемлема и другая крайность: наделение Государственного совета правом участия в составлении законов. «Это было бы полным смешением властей, которое еще Монтескье считал необходимым условием деспотизма или произвола», – апеллировал оратор к авторитету правоведа и философа XVIII в. Он призывал не повторять подобного опыта Первой империи во Франции (1804-1815), когда власть в стране оказалась фактически в руках Наполеона Бонапарта.

¹ Там же. С. 19, 29-30.

² Там же. С. 147.

Суть предложения Ковалевского сводилась к сохранению Государственного совета как исключительно «высшего *административного* совета», издающего в периоды между сессиями нижней палаты «тексты указов, которые должны быть согласны с законами и иметь обязательную силу до момента созыва Государственной думы»¹. Доводы ученого не произвели впечатления на авторов ответного адреса. Они оставили без изменений прежнюю формулировку, сочтя предложение Ковалевского слишком «правым».

Напротив, при рассмотрении заявленных в документе вопросов социальной политики ученый превзошел соратников П.Н. Милюкова по «левизне» взглядов. Депутат назвал «одной из величайших ошибок» авторов документа следование устаревшей манчестерской теории, согласно которой путь к решению рабочего вопроса лежал через «признание неизменной истиной свободы конкуренции и свободы рабочих организаций»². Его речь была выдержана в духе идей социал-либерализма, к тому времени прочно утвердившихся на Западе. Показательно упоминание Ковалевским о том, что организаторы ПДР «гораздо ранее образования самой партии» развивали те же идеи применительно к России³. Выступление лидера «декреформаторов» было не напрасно. Согласно окончательному тексту ответного адреса, «удовлетворение нужд рабочего класса путем законодательных мер, направленных к охране наемного труда»⁴, следовало признать «столь же неотложным» делом, как и решение аграрно-крестьянского вопроса.

¹ Там же. С. 27.

² Там же. С. 18.

³ Инициатор образования ПДР, экономист А.С. Посников, и его единомышленники еще в начале 1870-х гг. провозгласили целью своей общественной деятельности в России борьбу не только за конституцию, но и за социальные реформы. Эта позиция отражала и программные взгляды редакторского круга «Вестника Европы» в пореформенные годы, а с 1890-х гг. - направление «Русских ведомостей». Таким образом, Ковалевский, Посников и их соратники внесли весомый вклад в формирование основ «нового либерализма» в России. См.: Китаев В.А. Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1870-1880-е гг.) // Петр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 531-549; Хайлова Н.Б. Социальная справедливость и социальное государство: взгляд русских либералов-центристов начала XX века // Проблемы социальной справедливости и современный мир: Материалы VI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Череповец, 24-26 марта 2016 г.) / Под ред. О.В. Козловой (отв. ред.), А.Е. Новикова, Н.В. Алексеевой. Череповец: ЧГУ, 2016. С. 30-35.

⁴ В речи Ковалевского по этому вопросу указывалось на необходимость признать невозможной эксплуатацию труда женщин и детей, регламентировать длину рабочего дня, однако не «оголом для всех», а исходя из общей ситуации в промышленности и состояния отдельных видов производств // Партия демократических реформ. Речи членов партии... С. 18.

Как еще более радикальная была воспринята думским большинством позиция Ковалевского по вопросу о свободе собраний. При обсуждении соответствующего законопроекта он выступил за снятие всех запретов. Документ был признан им «наименее удачным» из всех представленных I Думе законопроектов, поскольку его авторы «слепо» последовали французскому аналогу 1877 г. И это при том, – отмечал ученый, – что даже у себя на родине закон подвергался острой критике за сохранение нормы полицейского государства – «полицейской опеки над правом собраний»¹.

Сам же депутат солидаризировался с англо-американским подходом к решению вопроса о свободе собраний – признанием безоговорочного характера этого права каждого гражданина (так как оно объединяет в себе такие безусловные права личности, как свобода перемещения и свобода речи). «Здравый смысл» виделся ему и в гарантии невозможности вмешательства полиции в собрание до тех пор, пока его участники не перейдут «к совершению акта насилия». «Нигде право собраний не сыграло такой выдающейся роли в деле развития конституции, как в Англии, – сообщал Ковалевский. – Большинство демократических изменений в аристократической английской конституции сделано было на основании широкого пользования этим правом каждого английского гражданина – правом идти куда угодно, встречаться с кем угодно и говорить, встретившись, о том, о чем он хочет». Эта точка зрения на право собраний, – информировал оратор депутатскую аудиторию, – была перенесена из Англии в США, поэтому ее никак нельзя назвать «какой-то новинкой, каким-то русским творчеством». Такова была реакция Ковалевского на заявление С.А. Котляревского по поводу выступления социал-демократов, занявших ту же позицию в дискуссии, что и лидер ПДР. В итоге, думское большинство оказалось не готово последовать призыву Ковалевского и его более левых союзников в вопросе о свободе собраний и поддержало кадетский законопроект, где был предусмотрен ряд ограничений упомянутого права.

Представляя законопроект о неприкосновенности личности, Ковалевский подчеркнул, что документ заслуживает «полного внимания», т.к. он разрешает поднятый в нем вопрос точно так же, как это делается «в любом государстве, где существует народное представительство, и где личность пользуется охраной суда». И в этом случае оратор посчитал нелишним разъяснить народным избранникам суть проблемы, указав на ее первоисток – английскую Великую Хартию Вольностей (1215), закре-

¹ Там же. С. 86, 88. Ковалевский указывал, что именно эта старая традиция континентальной Европы была заимствована Россией при Петре I.

пившую возможность признания виновности только в судебном порядке. «Все не только европейские, но и американские законодательства придерживаются того же начала», – акцентировал Ковалевский внимание коллег-депутатов на принципе, согласно которому «ни один человек не может быть задержан и брошен в тюрьму, не может быть подвергнут административной ссылке иначе, как по приговору суда»¹.

Депутат-«демреформатор» указал и на российскую специфику трактовки «неприкосновенности личности» применительно к представителям власти. По его мнению, нормы законов, не позволявшие привлечь чиновника к судебной ответственности без согласия его «ближайшего начальства», были заимствованы М.М. Сперанским из «первой имперской конституции» Франции, эпохи правления Наполеона Бонапарта. Ковалевский констатировал, что в самой Франции такой порядок был упразднен в 1870 г., в начале Третьей республики. Лидер ПДР был убежден в том, что и в России следовало установить судебный контроль над администрацией («независимо от испрашивания чьего бы то ни было согласия» на предание суду представителей органов исполнительной власти).

Ковалевский, наряду с В.Д. Кузьминым-Караваевым, сыграл значимую роль в думских заседаниях, на которых обсуждался вопрос об отмене смертной казни. Выступая в унисон, они развернули перед народными избранниками широкую историческую панораму, показав корни жестокой кары, а также основные вехи на пути к ее отмене. Ковалевский, в свою очередь, подчеркнул отличие этого процесса в России от Запада, где смертная казнь была отменена, прежде всего, по отношению к политическим преступникам. «История же наша представляет нечто обратное», – констатируя данный факт, оратор призвал безотлагательно прервать бесчеловечную традицию и тем самым выразить мнение «не только русского народа, но и всего цивилизованного мира»². Последнее положение было подкреплено им ссылками на европейские научные и общественные авторитеты – круг его личных друзей и коллег (Ф. Пасси, Э. Лависс, Э. Вандервельде, А. Леруа-Болье).

В конце мая 1906 г. Ковалевский стал инициатором и автором петиции к Николаю II об отсрочке смертной казни в России до принятия соответствующего закона. Это решение депутат принял, исходя из западной практики, когда «право помилования осуществляется главами государства по их собственному почину»³. А для того, чтобы не сходить с «пути законности», Ковалевский считал целесообразным представить императору не официальное заявление от лица Государственной Думы, а неформальное ходатайство, скрепленное подписями пожелавших присо-

¹ Партия демократических реформ. Речи членов партии... С. 51.

² Там же. С. 60-61.

³ Там же. С. 141.

единиться к коллективной акции. В конечном итоге безрезультатная, инициатива «демреформатора» тем не менее получила заметный сочувственный отклик¹.

Это была не первая попытка Ковалевского в качестве депутата организовать солидарное мнение единомышленников². Он не сомневался в том, что испытанный временем западный опыт становления гражданского общества, правового государства в начале XX в. соответствовал и запросам России на перемены. В этом его убеждал и сочувственный отклик, который нередко находили его выступления в I Думе (несмотря на все сложности поиска взаимопонимания даже с близкими политическими силами). О расширении сферы доверия идеям, которые проповедовал Ковалевский (в том числе, с трибуны Таврического дворца), свидетельствовала его «аттестация» в кругах народных избранников как «учителя-депутата». Усердное стремление Ковалевского к тому, чтобы на практике поддерживать упомянутый вектор «мирного обновления», высоко оценил Милюков. Определяя «двойную культурническую роль» Ковалевского («европейца в России и русского в Европе и Новом Свете»), лидер кадетов отводил ему в русском общественном движении место «вождя-знаменосца». «Смотря на меняющийся kaleidoscope жизни поверх текущего момента, Ковалевский мог не отождествлять себя с той или другой определенной политической программой. Но он твердо держал общее направление, зная, куда идет дальнейшая дорога. Не всем дано стоять на той высоте, с которой видно, куда ведут события. ... Но, как отдельные работники оркестра, все мы смотрим на то высокое место, где стоит дирижер. Он знает темп, и оркестр идет дружно»³.

¹ «К.-д. и трудовики почему-то сочли унижительной форму петиции, но я нашел поддержку в более консервативной части Думы», – вспоминал Ковалевский. Собрав несколько тысяч подписей, он отвез петицию в Петергоф – летнюю резиденцию Николая II. «Никакого ответа на нее не последовало, – констатировал инициатор акции. – По слухам, государь остался недоволен упоминанием о том, что с казнями надо повременить до выработки Думой нового закона» // Ковалевский М.М. Моя жизнь... С. 368.

² В самом начале работы I Думы Ковалевский предпринял попытку повлиять на установление отношений взаимного уважения и доверия между верховной властью и нижней палатой. Опираясь на европейский опыт, он предложил руководителям кадетской фракции внести в текст ответного адреса Думы выражение признательности Монарху. «Такая марка не пройдет. Вы лучше не возбуждайте и самого вопроса. А то послышатся протесты, которые только ухудшат наше положение», – такова была реакция на инициативу Ковалевского. На склоне лет лидер «демреформаторов» упрекал себя в том, что не проявил настойчивости: «Протесты, конечно, могли последовать от трудовиков или представителей рабочей партии, но большинство, вероятно, поддержало бы мое предложение. А включение в адрес, хотя и холодного выражения признательности, прорвало бы тот лед, который сразу установился в отношениях Думы к высшему правительству» // Ковалевский М.М. Моя жизнь... С. 364.

³ Милюков П.Н. М.М. Ковалевский как социолог и как гражданин // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сб.ст. Пг., 1917. С. 137-143.

ДЕПУТАТ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Первые месяцы 1906 г. по всей России были переполнены общественной активностью. Позади остался бурный 1905-й с его Всероссийской Октябрьской стачкой, Императорским Манифестом 17 октября, черносотенными погромами и Московским вооруженным восстанием. Завершалась консолидация и кристаллизация партийных политических сил. Оформились две основные либеральные партии – конституционных демократов и Союз 17 октября. В.П. Обнинский вместе с единомышленником присяжным поверенным Л.Н. Новосильцевым были погружены в создание калужской организации партии кадетов и проведение избирательной кампании в Государственную Думу. Решение об учреждении калужского отдела партии кадетов было принято 28 декабря 1905 г. на собрании активистов леволиберальной ориентации. Губернские власти не давали разрешения на проведение ими учредительного собрания, ссылаясь на чрезвычайное положение. Состоялось это собрание только 31 января 1906 г. Председателем калужской кадетской организации был избран Новосильцев. В состав бюро вошли Обнинский, Кашкаров, братья Лисицыны и другие земцы-конституционалисты. На собрании с большой программной речью выступил Обнинский. В самом начале ее докладчик определил политические позиции кадетов в отношении Манифеста и монархии. «Манифест, – констатировал Обнинский, – был встречен к-д-ми восторженно как весть давно жданная, и недомолвки манифеста, его неполнота не казались в то время столь значительными, какими они стали теперь, благодаря услившейся реакции». При этом был сделан акцент на совпадении в существенных чертах программы кадетов и основных установок Манифеста 17 октября. Что касается власти, то «... к. д-ты строго установили свою принадлежность к монархистам и этим отграничились от “левых партий”»².

В речи Обнинского значительное место занимают вопросы о правах и свободах граждан, но на его общекадетских трактовках этих вопросов останавливаться нет смысла. Вполне понятно, что в докладе отмечается, что все свободы числятся главным образом на бумаге, и их еще

¹ Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Московского государственного областного университета.

² Речь В.П. Обнинского на собрании кадетской партии 31 января 1906 года // Калужанин. 1906. № 2 (18 февраля), 3 (25 февраля). Далее при изложении содержания речи ссылки на нее делаться не будут, т.к. другим источником, кроме этой газетной публикации, автор не располагает.

предстоит внедрять. Особое внимание Обнинского сосредоточено на религиозном и национальном вопросах, что будет характерно для всей его последующей общественной деятельности. Партия кадетов, заявляет он, отстаивает самое широкое местное самоуправление. Обнинский за автономию Польши и вообще за автономию окраин, так как она радикальное средство «скрепления окраин с центром...» Однако государственный язык должен быть единым для всех. Россия для него – держава (воспользуемся его собственным выражением) единая и неделимая.

Обнинский придает большое значение в процессе демократизации общества финансовому вопросу. Главная задача заключается в установлении общественного контроля над финансами с целью свести на нет самую возможность непроизводительных расходов финансовых средств. Бюджетное право + свобода слова и печати – это фундамент, без которого никакая конституция не удовлетворит народ.

В принципе Обнинский за отмену косвенных налогов, но в настоящее время условий для отмены их нет.

Незамедлительно следует приступить к решению аграрного вопроса, хотя для его выполнения потребуются годы. Прежде всего, надо передать крестьянам земли казенные, удельные, монастырские. Придется произвести отчуждение за вознаграждение и части помещичьих земель. Составной частью реформирования является и переселение на новые, не освоенные земледелием территории. Столь же безотлагательно следует заняться и рабочим вопросом. Однако введение 8-часового рабочего дня трудно выполнимо. Осуществление всей этой программы, заканчивает речь Обнинский, возможно только при парламентском государстве.

В разгар острых политических столкновений начала 1906 г. калужские кадеты приступают к изданию газеты. Однако чинимые калужским губернатором и губернской бюрократией препоны заставляют перенести издательство газеты в Москву. Наконец, 9 февраля первый номер «Калужанина» со статьей «Поход черной сотни в губернском земском собрании» (уже рассмотренной в связи с делом о земской управе) вышел в свет. Сразу же против вольнодумной газеты были предприняты карательные меры. Пристав Лавров по поручению губернатора запретил распространять газету в розницу. Вскоре была напечатана заметка «От редакции», в которой опровергались распускаемые об источниках финансирования газеты слухи. Официальный ее издатель калужский дворянин Я.И. Лисицын сообщал, «что издание “Калужанина” задумано и осуществлено им одним на собственные средства, без всякого содействия и помощи с чьей-либо стороны»¹.

¹ Калужанин. 1906. № 6. 21 марта. С. 1.

Газета сыграла свою роль в расширении и укреплении электоральных позиций кадетской партии в первые месяцы 1906 г., особенно в насыщенном партийной борьбой марте, когда проходило избрание по куриям сначала выборщиков в члены Государственной Думы, а затем, в конце месяца, депутатов Думы. С одной стороны, в ней печатались серьезные материалы (предвыборная программа кадетской партии и др.), с другой – агитационно-пропагандистские (политические фельетоны и карикатуры). Под карикатуры в газете отводилось специальное место с подзаголовком «Глухарь», последнее выражение подразумевало консервативных дворян, глухих к зову наступающего на самодержавную старину исторического прогресса.

Наступающие выборы в Думу и успехи либеральных земцев в проведении избирательной кампании весьма встревожили губернатора Офросимова и его окружение. Появились так называемые «тайные кадеты», которые старались не высвечиваться, но голосовали за либеральных кандидатов в выборщики¹. У губернатора возникло намерение под любым предлогом арестовать Обнинского и этим лишить его возможности стать депутатом. Вынашивался план подбросить опасному кандидату компрометирующие его бумаги. Это стало известно Обнинскому, и он решился на поездку в Петербург. Позже выяснилось, что жандармский полковник – начальник губернского отделения, наотрез отказался производить такой обыск с подлогом.

В Петербурге Обнинский отправился к князю С.Д. Урусову, который в ту пору кратковременно состоял в должности товарища министра внутренних дел. Хотя тогда они мало знали друг друга, но, будучи калужскими дворянами, были знакомы. Надежды на Урусова оправдались, и поддержка Обнинскому была оказана.

Результаты либеральной предвыборной деятельности не могли не радовать кадетов. От их партии были выдвинуты кандидатами Л.Н. Новосильцев, В.П. Обнинский и Е.Н. Трубецкой. За день до выборов князь Трубецкой снял свою кандидатуру в пользу Виктора Петровича, прохождению которого в депутаты всячески препятствовал калужский губернатор. Больше всего голосов на выборах получил князь С.Д. Урусов, ушедший в отставку бывший бессарабский и тверской губернатор. За него дружно проголосовали крестьянские выборщики². В Государственной Думе он вступил в парию демократических реформ. Об-

¹ Интересно попутное свидетельство Обнинского о том, что собрания избирателей, организуемых кадетами, посещались даже женщинами, что вскоре было запрещено. См.: Обнинский В.П. Девяносто дней в одиночном заключении. М., 1917. С. 81.

² См.: Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М.: Новое Литературное Обозрение. 2009. С. 611, 557 и др.

нинский проходил, несмотря на благородный жест Трубецкого, туго, но, благодаря соглашению кадетских и крестьянских выборщиков, набрал нужное число голосов. Все ухищрения Офросимова потерпели фиаско. Кассационного повода губернаторская клика не отыскала.

Кадетские кандидаты, выигравшие 26-28 марта выборы, были представлены в первой Думе четырьмя депутатами: двумя дворянами – Л.Н. Новосильцевым и В.П. Обнинским и двумя крестьянами – К.В. Лагутиным и А.И. Сурновым. Лагутин и Сурнов, 1866 и 1865 г. рождения, окончили земское и сельскохозяйственное училища и проявили себя на поприще общественной деятельности. Л.Н. Новосильцев (1872 г. рождения) и В.П. Обнинский, выходцы из почтенных дворянских семей, получили военное образование и проявили себя после ухода в отставку как активные земские деятели. Естественно, что для всех калужских думцев в фокусе их интересов был аграрный вопрос.

С Государственной Думой тогда почти все социальные группы связывали свои чаяния, и не случайно ее стали именовать «думой народных надежд». Показательно поздравление Обнинского в связи с выборами в Думу от В.Д. Поленова, датированное 10 апреля 1905 г. Художник, находившийся в, можно сказать, дружественных отношениях с ним, писал: «Дорогой Виктор Петрович! Не знаю, как выразить Вам радость по поводу избрания Вас в Государственную Думу. Если бы у нас на Руси было побольше таких людей, как Вы, наверное не было бы всяких ужасов, что мы пережили за последние годы..., не было бы низких мошенничеств Витте и безобразных зверств Дурново и его сподвижников. Только бы вас и ваших товарищей эти злые преступники на первых же порах не уничтожили. Если Вы победите, то начнется эпоха света и добра, и от всей души желаю Вам борьбы и наступления новой эпохи»¹. Примерно такие же настроения были и у другого выдающегося художника Земли Русской, хорошо знавшего Виктора Петровича, – В.А. Серова², а также у ряда других представителей художественной и научной интеллигенции.

Состояние своей души Обнинский поведал в следующем признании: «... День избрания в Думу был лучшим днем моей жизни; далекий от политиканства, искренне отдававшийся каждому новому делу с верой и

¹ Цит. по: Васильева З.В., Кашеева А.А. Указ. соч. С.150.

² См.: Васильева З.В., Кашеева А.А. Три усадьбы. Белкино, Турлики, Бугры. Калуга: «Фридельм», 2008. С. 152. Васильева пишет, что присутствующий на одном из заседаний Думы В.А. Серов запечатлел это заседание карандашным рисунком на листке бумаги, а на обороте его написал: «Дума. Июнь 1906 г.». Листок был подарен художником Обнинскому. Имеется также карандашный портрет Виктора Петровича работы Серова. На нем тот изображен пламенным думским трибуном.

теперь крепкой в конечное торжество честных принципов и вечных идеалов человечества, я видел в победе своей надо всеми препятствиями как бы награду за претерпленные волнения и заботы и хотя был совершенно разбит и заболел в тот же день, но чувствовал себя счастливым как никогда»¹. Этой перводумской честностью и верой в идеалы Виктор Петрович дышал до конца своей жизни.

Калужских избранников провожали служащие земской губернской управы и типографские рабочие. И те, и другие – и отъезжавшие, и провожающие, были переполнены надеждами. От имени последних Обнинскому, который 17 апреля прекратил свою деятельность председателя губернской земской управы, был преподнесен адрес следующего содержания: «Позвольте приветствовать Вас и выразить Вам нашу общую искреннюю радость по поводу избрания Вас членом Государственной Думы. Как ближние Ваши сотрудники и сослуживцы мы гордимся, что нашему Председателю выпала высокая честь стать в ряду тех “лучших и доверием народа облеченных” людей, которым суждено выполнить трудную великую историческую миссию государственного строительства»². Это был адрес искренний, призывавший к исполнению общественного долга как данной свыше исторической миссии.

Открытию Думы предшествовал съезд конституционно-демократической партии. Обнинский запечатлел свои воспоминания о нем. Проходил он в зале Тенишевского училища: «...За бесконечным столом сидели корреспонденты, съехавшиеся к этому времени со всех концов цивилизованного мира. Все было набито народом, в коридорах теснилась публика, не успевшая попасть в амфитеатр, где имелись и скромные одежды крестьянских депутатов, очень интересовавшихся съездом. Не припомню сколько было участников партейтага, вероятно не меньше четырехсот, считая и депутатов к.-д., признанных за равноправных делегатов... Бюро представило несколько докладов; из них основной, о тактике партии в Думе, обсуждался особенно горячо... Было очевидно, что партия, особенно делегаты с мест, ... настроена более радикально, чем центральный комитет; последний же, в свою очередь, лучше знал настроение бюрократических и придворных сфер, и по видимому не терял в то время надежды на амнистию, которая могла бы значительно разрядить атмосферу общего недовольства и успокоить крайние элементы движения, не перестававшие открыто враждовать с

¹ Обнинский В.П. Указ. соч. С. 87.

² Васильева З.В. «И вот я член парламента...». Депутаты Первой Государственной думы от Калужской губернии // Московский журнал. 2017. № 11. С. 7. Адрес находится в Государственном музее современной истории России.

партией. Изю всего этого бюро вышло с честью; съезд не терял настроения, скорей даже оно повышалось изо дня в день, резолюции не имели слишком боевого характера, и во многих отношениях парламентская партия оставалась со свободными руками. В эти же дни не отставая от нас, заседал и совет рабочих депутатов, «Известия» которого печатались ежедневно и открыто продавались на улицах»¹.

Съезд кадетской партии закончился, и наступило время открытия Государственной Думы. Мессианским духом революции, по очень разному понимаемой (по-кадетски, по-октябристки, по-эсеровски...), были тогда заражены и заряжены многие депутаты первой Думы. Общественные настроения и помыслы большинства депутатского корпуса Думы запечатлены в думской речи одного из калужских избранников и тогдашнего близкого друга Обнинского – князя Урусова. «Господа народные представители, – страстно заявлял он с трибуны первого русского парламента 8 июня, – мы принесли сюда со всех концов России, не только жалобы, негодование, но и горячую жажду деятельности, самоотвержение, истинный чистый патриотизм. Здесь много лиц, живущих доходами от имений, а много ли вы слышали возражений против принудительного отчуждения земли в интересах трудового земледельца? Здесь много лиц, принадлежащих к привилегированному сословию, занимающих привилегированное положение в обществе, а много ли мы слышали здесь слов, которые раздались здесь против всеобщего гражданского равенства и против широких реформ в демократическом, народном духе...?»²

Обнинский был активным думским депутатом, представителем кадетского большинства³. Он принимал участие в работе двух думских комиссий – аграрной и по расследованию незаконных действий должностных лиц. Среди депутатов кадетской партии Обнинский занимал позицию на ее левом крыле. Кадетский проект основных положений аграрной реформы, известный под название проекта 42-х, его не удовлетворял излишней умеренностью. Звездным часом Обнинского стала речь по аграрному вопросу на заседании Думы 19 мая. В этот день с обоснованием кадетской аграрной программы выступил один из ее авторов М.Я. Герценштейн⁴. Касаясь принудительного отчуждения поме-

¹ Обнинский В.П. Указ. соч. С. 94.

² Речь С.Д. Урусова в Государственной Думе (Прил.) // Урусов С.Д. Указ. соч. С. 670–671.

³ Имеется рисунок (набросок) Обнинского «Выборы в Думе», выполненный в день избрания С.А. Муромцева председателем Думы. Рисунок воспроизведен в статье Васильевой, опубликованной в «Московском журнале» (2017. № 11).

⁴ Герценштейн М.Я. – депутат Думы от Москвы, известный экономист, убит черносотенцами выстрелами в спину через два месяца после его думских выступлений по аграрному вопросу. А через год от пуля революционно настроенного рабочего погиб

щичьих земель, оратор характеризовал его как экстренную меру. «Чего же вы ожидаете?, – обращался он к депутатам. – Вы хотите, чтобы зарево охватило целый ряд губерний? Мало вам опыта майских иллюминаций прошлого года, когда в Саратовской губернии чуть ли не в один день погибло 150 усадеб? Нельзя теперь предлагать меры, рассчитанные на продолжительный срок, необходима экстренная мера, а принудительное отчуждение и есть экстренная мера!»¹

В думской речи по аграрной реформе Обнинский предложил сделать еще один шаг вперед и вступить на последнюю ступеньку «для того, чтобы сказать открыто и во всеуслышание “вся земля для трудящихся”. Вот принцип, который следовало бы с самого начала установить». Правда, Обнинский полагал, что не всюду и не одновременно этот принцип может быть осуществлен. Конкретно вопрос о сроках и деталях должен решаться на местах. И в связи с перенесением тяжести проведения аграрной реформы на места необходимо приступить к обсуждению перестройки органов земского самоуправления. Главное – предоставление крестьянам возможности самим участвовать в аграрной реформе, в противном случае возникнет недовольство и неудовлетворенность. Только принимая участие в проведении реформы, крестьяне поймут всю сложность и грандиозность этой государственной и общественной задачи. Земству следует предоставить права законодательства по таким вопросам, как выработка потребительской нормы, типов справедливой оценки размеров (максимальных и минимальных) земельных участков, порядок реформы, образование фонда для малоземельных и безземельных сельчан. Исходя из самого широкого понимания аграрной реформы, Обнинский предлагает, наряду с аграрной комиссией, избрать земскую комиссию, которая занялась бы пересмотром земского и городского положений «и теми основами областного самоуправления, которые необходимо было бы ввести для того, чтобы аграрную реформу поставить сколько-нибудь прочно». «Не знаю, – сказал он в заключение, – нам ли придется построить машину аграрной реформы и пустить ее в ход, или нашим преемникам, но я знаю одно, что первый же поворот ее тяжелых колес раздавит нас, крупных и средних землевладельцев, навсегда... В одном из своих писем к Люцилию Сенека сказал “мудрец знает, когда ему нужно умереть”. Перефразируя это изречение, я могу сказать: “Не только с арены истории, но даже с этой скамьи нужно иметь муже-

перводумец журналист Г.Б. Иоллос; близко знавший его Обнинский опубликовал о нем статью в юбилейном сборнике к десятилетию I Думы.

¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. СПб. 1906. Т. I. С. 524.

ство сойти вовремя»¹.

Правительство категорически выступило против самой возможности отчуждения частновладельческих земель². Правительственная позиция в корне противоречила мечтам Обнинского о том, что помещичьи усадьбы, перейдя в руки земств, дадут приют школам, больницам, читальням. В обстановке конфликта между правительством и Думой на заседании аграрной комиссии Обнинский предложил выступить с запросом министру внутренних дел. Предложение было принято, и Обнинский вошел в комиссию по его составлению³. Подписанный 116 депутатами запрос был 27 июня единогласно принят на заседании Думы, однако в дальнейшем, в связи с поправками к проекту, это единогласие было расколото. Период с 27 июня по 8 июля был кульминационным в противостоянии Думы и самодержавной (прежде всего, по ее внутреннему ощущению) власти. 6 июля было опубликовано принятое кадетским большинством думское обращение к народу, в котором представительное учреждение заявляло о решимости добиться принудительного отчуждения земли в интересах крестьянства. Это «контрсообщение» стало формальным поводом к роспуску Думы⁴, так как, согласно закону, Дума не имела права непосредственного обращения к народу. 8 июля императорским указом первая Дума была распущена.

Известная кадетская журналистка Ариадна Тыркова видела одно из достижений Думы в том, что «вся Россия услышала голоса новых людей, поднятых на поверхность сейсмической волной. Некоторых либералов слышали еще раньше в судах, земствах, в университетах, – Ф.И. Родичев, два брата Петрункевичи, Ф.Ф. Кокошкин, братья Стаховичи, братья Щепкины, Якушкин, Обнинский, князь В.А. Оболенский, князь Д.И. Шаховской, князь Е.Н. Трубецкой, князь П.Д. Долгоруков были уже каждый по-своему известны»⁵. Все мемуаристы пристрастны, поэтому набор ярких имен в воспоминаниях Тырковой в какой-то мере условен. Додумская известность Обнинского, конечно, была далеко не равнозначна известности, скажем, Родичева и даже возможно Урусова. В земских кругах его знали по попавшему в прессу конфликту с губернатором Офросимовым и публичными выступлениями. Но все же депутатский го-

¹ Полный стенографический отчет заседаний первой Государственной Думы. 1906. 27. IV – 8.VII. Государственная Дума. Созыв I-й. Сессия I-я. СПб. 1907. С. 502 – 504.

² См.: Правительственный вестник. 1906. 20 июня.

³ Председателем комиссии стал А.А. Муханов, в состав комиссии также вошли Д.Д. Протопопов, С.Д. Урусов, В.Е. Якушкин.

⁴ Подробнее см.: Первая революция в России: взгляд через столетие. М.: Памятники исторической мысли. 2005. С. 445 – 448.

⁵ Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. М.: Слово/Slovo. 1998. С. 406–407.

лос Обнинского, прозвучавший с думской трибуны, обосновано можно отнести к голосам новых для всей России людей. И общественная ценность его выступления по аграрному вопросу заключалась и в том, что помещик требовал отчуждения помещичьих земель.

В день роспуска Думы и в два ему предшествующих дня Обнинского в Петербурге не было. Вместе с князем Урусовым он совершал вояж морем с посещением Гельсингфорса (Хельсинки). Начиная с выборов в Думу, Обнинский все время сближался с Урусовым, несмотря на то, что они принадлежали к разным политическим партиям. Уже на первом заседании Думы они определились с местами. В тюремном дневнике 1908 г. Обнинского имеется запись: «...Я занял место у среднего прохода и рядом сохранил кресло для Урусова, присоединившегося к партии демократических реформ. Здесь, в постоянном общении по думским делам, в честной атмосфере первого парламента, завязалась и дружба наша, которую я ценю тем более, что лишь очень медленно шел навстречу человеку, душевная замкнутость которого не позволяла мне быстро понять его»¹. В 20-х числах июня Виктор Петрович впервые посетил калужское имение Сергея Дмитриевича Расву. Расва находилось близ заштатного городка Воротынска, железнодорожная станция которого была расположена на земле, принадлежавшей Урусову. Так началось знакомство Виктора Петровича с семейством Сергея Дмитриевича, продолжавшееся на протяжении ряда лет.

Вернувшись в столицу, Обнинский и Урусов узнали и о роспуске Думы и об отбытии значительной части депутатов в Выборг. Вечером 10 июля они, уже из Петербурга, приехали в Выборг. Но к этому времени большая часть депутатов, подписав выборгское воззвание, уже отправилась в обратный путь. На следующий день торопившийся на поезд В.Е. Якушкин познакомил четверых опоздавших с текстом воззвания и предложил присоединиться к нему. Урусов так описывает реакцию опоздавших депутатов: «Обнинский в полном восторге, ни минуты не задумавшись, черкнул на листке бумаги свою фамилию и вручил листок Якушкину. Г.Е. Львов столь же решительно отказался дать свою подпись. Дисциплинированному уму профессора государственного права Котляревскому, по-видимому трудно было примириться с некоторыми предложениями и обязательствами, содержащимися в воззвании, и он на некоторое время отложил свое решение». Сам Урусов, входя в партию демократических реформ, строго придерживавшуюся легализма, не был расположен к поддержке воззвания, но, все же, колеблясь, дал со-

¹ Обнинский В.П. Указ. соч. С. 93.

гласие на подпись¹.

В дни думской деятельности Обнинский сотрудничал в газете «Русские ведомости», печатая там свои «Впечатления депутата». В июньских статьях он, рассматривая правительственные сообщения о причинах белостокского погрома и по аграрному вопросу, квалифицировал их как антиконституционные акты, отписки, в которых власть ускользала от соблюдения законов государства, которое сама же и представляла. В этих сообщениях, клеймил отписки автор, «праздные слова о разорении крестьян от прибавки им земли, о вечной нищете и даже о государственном банкротстве – чередуются с фразами, сильно отдающими провокацией», провокацией, ведущей «к взрыву аграрных беспорядков»². В написанной после выступления Урусова в Думе статье Обнинский, в плане парламентской борьбы с министерствами, риторически вопрошал: «Что же, неужели история сравнит первую думу нашу с Дон-Кихотом Ламанчским, поражавшим баранов и ветряные мельницы вместо зловредных рыцарей, не отдающих далекую, но прекрасную Дульцинею?» По словам автора «Впечатлений», Урусов показал, что настоящая власть в стране находится в руках черносотенцев-погромщиков. Перед Думой, писал Обнинский, стоит дилемма: или грубо вырвать власть из черносотенных рук, или капитулировать и оставить власть в руках реакционеров. И один из важнейших вопросов – это контроль над бюджетом: «Казенный сундук должен быть заперт для всякой бесконтрольной выемки»³.

В дальнейшем, Урусов, осмысливая опыт перводумской деятельности, писал: «Были ли мы в то время вполне здравомыслящи и не повлияло ли овладевшее нами восторженное настроение на нашу психику в такой степени, что к нашей коллективной деятельности оказалось бы возможным приложить некоторые выводы Г. Тарда⁴ о психологии толпы, помещенные в его исследования о взаимном духовном воздействии, выводящем массы из душевного равновесия?»⁵ Несомненно, что душевный подъем, который охватил многих народных избранников, был связан не только с взглядами тех или иных отдельных депутатов, но и с коллективным общественным энтузиазмом.

Надеждам Обнинского на плодотворную деятельность Думы и его

¹ В воспоминаниях Урусов писал: «Я попросил В.Е. Якушкина присоединить мою подпись к прочим подписям, сказав, что я поступаю в данном случае по старинному правилу, усвоенному мной еще в гимназии, запрещавшемуся обособляться и уклоняться от ответственности за поступки, совершенные товарищеской массой». (Урусов С.Д. Указ. соч. С. 621).

² Русские ведомости. 1906. 28 июня.

³ Там же. 8 июня.

⁴ Идеи и выводы французского социолога Тарда, одного из создателей социальной психологии (межиндивидуальные взаимодействия, интерпсихология и т.д.), пользовались большой популярностью в России, так как были созвучны взглядам представителей русской «субъективной школы» (Лавров, Михайловский и др.).

⁵ Урусов С.Д. Указ. соч. С. 617.

собственную деятельность в Думе не дано было осуществиться. В мае 1906 г. он писал В.Д. Поленову: «Петербург настроен враждебно к Думе. В общем, положение листа железа между молотом и наковальней, но зато может выйти клинок, которым и будет, наконец, проткнут абсолютизм»¹. Клинок не выковался, а Дума, очутившись между самодержавным молотом и наковальней, не выдержала давления. Думских восторгов было вдосталь, но революция основательно выдохлась в первой половине 1906 г. Заряд народной энергии, накопленный ранее, не был рационально использован нетерпеливыми революционерами и либеральными романтиками. Стремление кадетов спасти первую Думу Обнинский считал ошибочным. Исходя из неизбежности ее роспуска, он полагал, что в ответ на правительственное сообщение по аграрному вопросу следовало бы выступить с решительным протестом, и этим вдохнуть в социальные надежды новую жизнь.

Выборгское воззвание с его «ни одного солдата в армию; ни одной копейки в казну» отклика в народе не вызвало. Тыркова подводила итог своим размышлениям о Первой («революционной») Думе: «Населению надоело волноваться, ходить на приступ. Выборгское воззвание было градусником, который проверял температуру страны и показал, что кончилась полоса лихорадочных забастовок и массовых движений, что народ хочет не борьбы, а возвращения к привычной жизни. Только чтобы она была лучше, чем раньше»².

Калужские «глухари» не забыли и не простили Обнинскому и Урусову Выборгского воззвания. В декабре 1906 г. при проведении очередного губернского дворянского собрания был поднят вопрос о привлечении их к ответственности за подписи под воззванием. Калужский предводитель дворянства Н.И. Булычев, надо думать с удовольствием, разослал им письма с извещением о вынесении на заседании дворянского собрания 7 декабря бывшим думским депутатам «полного порицания» за причастность к Выборгскому воззванию³. На следующий день, 8 декабря, было намечено проведение решения об устранении Урусова и Обнинского из калужского дворянского собрания, однако при голосовании инициаторы этого наказания не набрали требовавшихся двух третей голосов⁴. Правда, чуть-чуть не добрали голосов, в отличие от состоявшихся решений об исключении перводумцев за «Выборгское грехопадение» из других губернских дворянских собраний.

¹ Цит. по: Васильева З.В. Указ. соч. С. 11; Васильева З.В., Кашеева А.А. Указ. соч. С. 153.

² Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 448–449.

³ Урусов С.Д. Указ. соч. С. 767.

⁴ Там же. С. 767 – 768. В комментариях к «Запискам...» опубликован посвященный этому событию материал из газеты «Русские ведомости» от 14 декабря 1906 г. 11 января результаты голосования были опубликованы в газете «Ока» (№ 15): Из 19 присутствующих 12 проголосовали за исключение, 7 против. Эти результаты передают преобладавшие тогда, в конце 1906 г., политические настроения губернского дворянства.

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ДЕПУТАТОВ
И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ФРАКЦИЙ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ III И IV СОЗЫВОВ (1907–1914)
В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ И
ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН**

Одной из характерных черт российского парламента было наличие в нем групп и фракций, образованных на основе принадлежности к национальной или религиозной общности. Среди подобных думских объединений особое место занимали **Польское коло** и **Мусульманская фракция**. Первая была создана по национальному признаку и объединяла большинство польских депутатов, сплотившихся вокруг идеи польской автономии. В мусульманской фракции, созданной по конфессиональному признаку, было собрано большинство депутатов-мусульман, избранных и работавших в Думе в 1906–1916 г.²

Мусульманская фракция, как и весь мусульманский депутатский корпус, в целом была немногочисленной: в Думу 1-го созыва (1906) всего было избрано 25 депутатов-мусульман, а мусульманская группа существовала неформально. В Думе 2-го созыва (1907) впервые была образована наиболее многочисленная мусульманская группа – из 36 депутатов-мусульман 30 человек объединились в мусульманскую фракцию, зарегистрированную официально.

В Думу 3-го созыва (1 ноября 1907 г. – 9 июня 1912 г.), вследствие изменения избирательного закона (3.06.1907), было выбрано всего 10 депутатов-мусульман. В отдельную мусульманскую фракцию, которая окончательно оформилась 9–10 ноября, первоначально вошли только восемь депутатов. Крымчанин И. Муфтий-Заде присоединился к правым октябристам, тогда как дагестанец Ибрагим-бек Гайдаров вошел во фракцию социал-демократов (однако уже в 1909 г. он вышел из фракции социал-демократов и официально присоединился к мусульманской фракции). Председателем фракции был избран Кутлуг-Мухаммед Тевкелев, секретарями С. Максуди и Исмаил Леманов (последний, не будучи депутатом, выполнял секретарские функции на платной основе). Мусульманская группа приняла программу, разработанную депутатами-

¹ Усманова Диляра Миркасымовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

² Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005. 584 с.

мусульманами предыдущих первых двух Дум. В общих вопросах мусульманские депутаты Думы 3-го созыва первоначально действовали с партией народной свободы (кадетской фракцией), а также находились в тесном контакте с Центральным комитетом «Мусульманского союза».

Но особенно удручающими для мусульман стали результаты выборов в последнюю дореволюционную Думу (15 ноября 1912 г. – 25 февраля 1917 г.), поскольку наиболее активные и влиятельные мусульманские общественные деятели были под тем или иным предлогом отстранены от выборов (был искусственно снят с предвыборной дистанции депутат Думы 2-го и 3-го созывов, один из самых реальных кандидатов Садри Максуди; а мусульманское население г. Казани – одного из самых важных и значимых мусульманских центров – вовсе оказалось без своего представителя в российском парламенте). Методом «забаллотировки» были устранены два наиболее активных кавказских мусульманских депутата: Ибрагим-бек Гайдаров и Халил Хасмамедов. В итоге, мусульманское представительство в последней Думе оказалось самым малочисленным: всего 7 человек. Из них в мусульманскую фракцию во главе с Кутлуг-Мухаммедом Тевкелевым и секретарем Ибниямин Ахтямовым всего вошло 6 человек.

Занимая в силу малочисленности довольно слабые позиции в законотворческом процессе в парламенте, не имея возможности лоббировать свои интересы в кругах высшей бюрократии, оказывая минимальное влияния на выработку внутри- и внешнеполитического курса, мусульманские депутаты могли и играли более-менее значимую роль в качестве представителей значительной группы населения, насчитывавшей накануне Первой мировой войны, согласно официальной статистике, не менее 15 млн. человек. Образованная по конфессиональному признаку, мусульманская фракция позиционировала себя как выразительница интересов «мусульманской нации» империи, защитница прав и нужд мусульман.

Среди вопросов, обсуждавшихся в Государственной Думе, для мусульман наиболее важными, пожалуй, были религиозное законодательство, проблемы народного образования, переселенческая политика и положение национальных окраин и, наконец, вопрос о праздничных днях. Именно при рассмотрении этих вопросов в комиссиях и особенно во время обсуждения на общедумских заседаниях наблюдалась значительная активность и единство членов мусульманской фракции. Очевидно, среди наиболее актуальных для мусульманских депутатов проблем, внешнеполитические вопросы занимали далеко не первое место. Тем не менее, нельзя сказать, что они полностью обходили эти пробле-

мы стороной. Поскольку Государственная Дума не имела права сама поднимать и обсуждать внешнеполитические проблемы и международную политику России, остававшиеся прерогативой Верховной власти, депутаты касались этих проблем преимущественно при обсуждении сметы МИДа. Именно при рассмотрении бюджета данного ведомства депутаты, особенно представлявшие оппозиционный лагерь, стремились высказать свою позицию относительно этой проблемы.

Помимо прочего, внешнеполитические проблемы оказывали существенное влияние на политические предпочтения мусульманских депутатов, на их взаимоотношения с представителями иных политических сил, особенно с представителями либеральных кругов. Известно, что в Думе 1-го и 2-го созыва мусульманская фракция в значительной степени ориентировалась на кадетскую фракцию и ее программные установки. После 1907 г. в ее политическом позиционировании происходит трансформация, в том числе под влиянием дебатов на внешнеполитические темы.

Из разнообразного спектра внешнеполитических проблем, которые затрагивали мусульманские депутаты, в данной статье будут рассмотрены два аспекта: во-первых, участие члена мусульманской фракции в работе межпарламентского объединения; во-вторых, оценка мусульманскими депутатами восточной политики Российского государства в предвоенные годы.

Участие лидера мусульманской фракции Думы 3-го созыва Садри Максуди в работе русской группы Межпарламентского союза и в делегации Государственной Думы в Англию и Францию (июнь-июль 1909 г.)

Говоря о причастности мусульманской фракции к деятельности внешнеполитического характера, в первую очередь следует сказать об участии мусульманского представителя Садри Максуди в межпарламентских контактах российских депутатов со своими европейскими коллегами.

Вопрос о широком международном сотрудничестве депутатов российского парламента был поднят в 1908 г., когда в Думу 3-го созыва поступило приглашение принять участие в работе Берлинской конференции Межпарламентского союза (17.09.1908)¹. Эта конференция стала одной из самых представительных в истории Союза: в ней приняло участие более 610 делегатов из 18 стран (в том числе, впервые из России и

¹ Ефремов И.Н. Отчет избирателям И.Н. Ефремова о деятельности в качестве члена III Государственной думы. 1907 – 1912. СПб., 1912. Ч. 2. С. 8. Die Interparlamentarische Union, ihr Werk, ihre gegenwärtige Organisation. Brüssel-Leipzig, 1910. S. 18.

Японии). Но поскольку официально русская группа МС еще не была образована, российские депутаты поехали в Берлин как отдельные народные представители. В числе этих 10 российских участников был и Садри Максуди. Таким образом, на берлинской конференции инициатива создать (или точнее возродить) в Думе русскую группу МС получила важный импульс: 3 мая 1909 г. состоялось учредительное собрание русской группы МС, на котором присутствовало более 50 человек. Было избрано бюро в составе председателя (И.Н. Ефремов), трех товарищей (среди них был и П.Н. Милюков), секретаря и двух его товарищей (среди последних Садри Максуди).

Особую значимость для презентации российского парламента на европейской политической сцене имел визит членов русской парламентской группы летом 1909 г. в Англию (8 – 23 июня) и Францию (24 июня – 2/3 июля)¹. В состав парламентской делегации был включен от мусульманской фракции один из ее лидеров – Садри Максуди. Важно, что он оставил подробные заметки о своем европейском вояже². Этот текст, наряду с заметками Ефремова и воспоминаниями Милюкова, является очень важным и весьма информативным источником по истории депутации. Брошюра была издана через 5 лет после поездки, однако в основу ее легли статьи, которые публиковались на страницах татарской газеты «Звезда» («Юлдуз») еще летом 1909 г.

Результаты визита были важны для российского общества именно в той исторической ситуации, поскольку они увеличивали шансы Государственной Думы войти в семью европейских «парламентов», а в самой Думе – свидетельствовали об усилении позиций либеральных оппозиционных сил. Однако не все члены Думы оценивали деятельность межпарламентской группы одинаково положительно. Для правых (В.М. Пуришкевича и его единомышленников) не было сомнений, что, с одной стороны, думская оппозиция пытается, таким образом, внедрить в российскую политическую практику чуждые ей европейские традиции.

¹ Ефремов И.Н. Русские народные представители в Англии и Франции летом 1909 г. СПб., 1911. 161 с. См. также: Алексеева И.В. Оппозиция его величества: Царизм, Дума и союзники России по Антанте в эпоху П.А. Столыпина. 1907–1911 гг. СПб., 2004; Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте в 1907–1917 гг. СПб., 2009.

² Максуди С. Англиягә сәяхәт (= Путешествие в Англию). Казань, 1914. 146 б. См.: Усманова Д.М. Европейские путешествия Исмаила Гаспринского, Фатыха Карими и Садри Максуди // Исмаил Гаспринский и рождение единства российских мусульман. Материалы всероссийской научно-практической конференции. М., Нижний Новгород, 2011. С. 42-47; Алеева А.Х. Путешествие депутатов Государственной думы России в Англии в записках Садри Максуди // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 1. С. 281-283.

Одновременно межпарламентские усилия членов межпарламентской группы думцев рассматривались правыми депутатами как стремление оппозиционно настроенных законодателей вмешиваться в дела исполнительной власти, ответственной за внешнеполитический курс страны. Наконец, правые отказывали членам межпарламентской думской группы в легитимности, поскольку не все партийные фракции были представлены в ней в равной мере. Один из подобных конфликтов (на почве международной деятельности русских парламентариев) разгорелся в Думе весной 1911 г. Среди тех ораторов, которые пытались защитить думскую межпарламентскую группу от напрасных обвинений со стороны крайне правых и националистов, был и Садри Максуди¹.

В январе 1912 г. русские парламентарии принимали у себя в гостях английскую межпарламентскую группу, приехавшую с ответным дружеским визитом в российскую столицу. На завтраке, данном в честь английских коллег, выступил и Максуди. Свою приветственную речь мусульманский депутат начал с воспоминаний о необычайно теплом приеме, оказанном российским парламентариям в Лондоне, начиная от английской королевы и заканчивая простыми горожанами. Мусульманский депутат особо подчеркнул тот факт, что гости прибыли из страны, ставшей колыбелью мирового парламентаризма: *«В качестве молодого представителя молодого парламента я осмеливаюсь вас приветствовать как представителей умудренного опытом, самого старого парламента в мире»*. Российские же мусульмане только вступают в гражданскую и политическую жизнь страны, а российский парламент является одним из самых молодых парламентав мира. Несмотря на столь «юный» возраст российского парламента, по мнению Максуди, этот первый политический *«опыт участия мусульманских подданных в политической парламентарской жизни страны»* вполне успешен². Залог этого успеха в том, что в новейшую эпоху государственность и религия не совпадают, что, даже исповедуя свою религию и сохраняя свою самобытность, мусульманские подданные могут оставаться полноправными гражданами христианского государства. Задача политиков не в том, чтобы возвышать новые стены и преграды, а в разрушении ненужных преград, мешающих народам узнавать друг друга и сблизиться.

«Турецкая тема» в деятельности мусульманских депутатов

¹ ГД. Стенографический отчет. Третий созыв. Сессия III. Часть 2. СПб., 1910. Стб. 2828-2829.

² Камско-Волжская речь. 1912. 22 января (№ 18).

Кроме названных вопросов и проблем, в деятельности мусульманской фракции, безусловно, одной из весьма важных была и т.н. «*турецкая тема*». Причем ее содержание не было неизменным, а зависело от многих факторов. На рубеже XIX–XX вв. Османская империя являлась практически единственным самостоятельным мусульманским государством с преимущественно тюркским населением. В силу языковой близости, религиозного единства (религиозный центр всех мусульман мира) и общих исторических корней Турция привлекала особое внимание российских мусульман. Симпатии мусульман к Турции усилились после происшедшей в ней в 1908 г. младотурецкой революции, которая на первых порах рассматривалась многими мусульманскими деятелями в качестве эталона демократических преобразований. Июльская революция 1908 г. вызвала большой интерес всей российской общественности к событиям в Османской империи. Общероссийская пресса, причем вне зависимости от политической окраски, посвятила этим событиям огромное количество публикаций. Вероятно, с подобной же целью – ознакомить общественность с турецкими событиями – группой лиц было предпринято издание сборника статей под названием «*Турецкий сборник. К событиям на Ближнем Востоке*»¹.

Один из лидеров мусульманской фракции Садри Максуди посвятил ряд выступлений объяснению отношения российских мусульман к российско-турецким взаимоотношениям, природы естественных и вполне закономерных симпатий российских мусульман к Турции в целом и особенно к происходившим в Турции после революции 1908 г. переменам². Называя перемены в мусульманском мире пробуждением, оратор сравнил их с европейским Возрождением. По его словам, в основе этих перемен лежит «*та же беспредельная вера в науку, та же жажда перемены, то же порывистое стремление к лучшим условиям жизни, с той только разницей, что Возрождение Европы происходило 4–5 столетий назад, а мусульманское Возрождение совершается в нашу эпоху*» (декабрь 1908 г.). Это движение в мусульманском мире не несет в себе никакой антизападной разрушительной силы, а потому не должно пугать европейцев. Но вследствие старого традиционного негативного отношения Запада к Востоку эти события происходят «без ведома Европы», остаются внутренним делом мусульманского мира. Даже сейчас Запад не может отойти от этого старого взгляда. Подобное незнание и, главное, нежелание узнать Восток характерно и для России. Мусульманский

¹ Турецкий сборник. К событиям на Ближнем Востоке. СПб., 1909. 263 с.

² Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II. СПб., 1909. Стб. 2666–2670. Заседание № 31 от 12 декабря 1908 г.

Восток преобразился; и, согласно с этим, россияне должны переменить свое отношение к Востоку и переоценить свои политические ценности. И эта перемена продиктована стратегическими интересами самой России. По словам мусульманского депутата, в интересах России наладить дружеские отношения с соседним мусульманским Востоком: *«Мы мусульмане всегда желали и желаем, чтобы наша родина была в дружественном отношении с соседним мусульманским государством – Турцией, и это не только потому, что мы питаем симпатию к Турции, а особенно потому, что мы глубоко убеждены, что настоящий интерес России заключается на мировом поприще политико-экономической борьбы в дружбе с мусульманским Востоком»*¹. Практически такие же аргументы были приведены лидером мусульманской фракции в другом выступлении (весна 1910) при обсуждении сметы Министерства иностранных дел. Выступая как горячий сторонник русско-турецкого сближения, Садри Максуди говорил: *«Я мусульманин и, как таковой, безусловно, сочувствую возрождению мусульманского государства, но я, как русский гражданин, глубоко убежден в том, что наши реальные интересы повелительно требуют добрососедских отношений с Турцией»*².

Представители мусульманского населения в российском парламенте неизменно подчеркивали свою верность гражданскому долгу и преданность России. Эта идея была сформулирована в выступлениях Максуди от 17 ноября 1908 г. и Мамед-Юсуфа Джафарова от 12 мая 1914 г., а также в заявлении членов мусульманской группы об отношении к войне, зачитанном представителем фракции Кутлуг-Мухаммедом Тевкелевым 27 января 1915 г.³ Тем не менее, мусульманские политики не скрывали своего принципиального расхождения с ближневосточной политикой правительства. По мнению мусульманских депутатов, все попытки России расширить свою территорию до Босфора несколько не приблизили ее к заветной цели, а потому во имя стратегических интересов России необходимо перевести вопрос о проливах «в плоскость мирного ее разрешения», для чего «дружба России с Турцией является необходимым условием» (М.-Ю. Джафаров)⁴. С обострением Балканского кризиса и, особенно, с началом Первой мировой войны членам мусуль-

¹ Цит. по: Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II. СПб., 1909. Стб. 2669.

² Цит. по: Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия III. СПб., 1910. Ч. 2. Стб. 2831. Заседание № 60 от 2 марта 1910 г.

³ ГД. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия III. Пг., 1915. Стб. 34-35.

⁴ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия II. СПб., 1914. Ч. 4. Стб. 466-470.

манской фракции становится гораздо сложнее высказывать свои симпатии к Турции, принадлежавшей к иному военному лагерю. Говоря о своем отношении к турецким проблемам, мусульманские депутаты нередко должны были учитывать внутрirosсийскую ситуацию и сложные взаимоотношения двух конкурирующих держав¹.

Выступления кавказского депутата Мамед-Юсуфа Джафарова по смете МИДа (выступления от 22 марта 1913 г. и 12 мая 1914 г.)² были одними из немногих примеров обращения мусульманских ораторов к вопросам международной политики. Обсуждая смету Министерства иностранных дел, Джафаров заявил: члены мусульманской фракции по принципиальным соображениям не разделяют мнение ряда ораторов, что историческая миссия России на Ближнем Востоке заключается в расширении территории вплоть до Босфора. Более того, ход событий показал несбыточность этих планов. Поэтому в практических интересах России поддерживать с Турцией дружественные отношения и перевести вопрос о проливах в плоскость мирного разрешения проблемы³.

Однако преобладающие настроения в российском обществе были далеки от дружественных. В правительстве и националистических кругах симпатии российских мусульман к единоверцам в Османской империи вызвали опасения и предположения, что российские мусульмане имеют сепаратистские намерения, реализацию которых увязывают именно с Османской империей. Наиболее ярко подобные настроения высказывали правые депутаты во главе с Пуришкевичем. В частности, выступление уфимского депутата Калимуллы Хасанова (4 мая 1907 г.) при обсуждении вопроса о всеобщем начальном образовании и высказанная им критика обрусительных тенденций в сфере образования неоднократно прерывалось репликами справа: «Идите в Турцию». С другой стороны, правительство, опасаясь роста подобных протурецких сим-

¹ Подробнее см.: Усманова Д.М. Мусульманские депутаты Государственной Думы о российско-турецких взаимоотношениях накануне и в период первой мировой войны (1907-1916) // Исторические Записки. 8 (126). М., 2005. С. 253-266. Об отношении мусульманского населения к участию России в мировой войне см.: Исхаков С.М. Первая мировая война глазами российских мусульман // Россия и первая мировая война: материалы международного научного colloквиума. СПб., 1999. С. 419-431; Усманова Д.М. Мусульманское население Российской империи в условиях Первой мировой войны // Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х тт. СПб.: Лики России, 2014. Том 1. Политическая история С. 572-629.

² ГД. Стенографический отчет. Четвертый созыв. Сессия I. СПб., 1913. Часть. II. Стб. 18-19; Сессия II. СПб., 1914. Часть IV. Стб. 466-470.

³ ГД. Стенографический отчет. Четвертый созыв. Сессия II. СПб., 1914. Часть IV. Стб. 466-470.

пятий, развернуло в начале 1910-х гг. кампанию по борьбе с панислализмом и пантюркизмом.

Даже в либеральной прессе появлялось немало статей, обосновывавших агрессивные планы российских дипломатов на Ближнем Востоке и, особенно, в вопросе о проливах: *«Россия никогда не примирится с другим решением восточного вопроса, кроме решения, предоставляющего ей полное и безраздельное господство над Константинополем и проливами. Рано или поздно так и будет. Всякое другое решение будет полумерой и не даст прочного мира Европе. Русский народ ... ждет достойного воздаяния. Таким воздаянием будет получение им ключей от своего дома»* (из статьи князя Сергея Гагарина, опубликованной в журнале «Русская мысль»)¹. Даже российские либералы действовали под лозунгом: *«Босфор будет русским»*. Возможно именно такая позиция в «турецком вопросе» либеральной общественности России и, прежде всего, ее главнейшей парламентской группы – фракции кадетов – способствовала существенному охлаждению симпатий мусульманских думских представителей к кадетам, которые ранее были не только традиционными политическими союзниками мусульман, но и, в некоторой степени, идеалом партийного объединения, особенно в период создания «Мусульманского союза»².

Весьма тревожным сигналом для руководства кадетской партии должен был стать демонстративный бойкот, устроенный Милюкову, приехавшему в 1913 г. на Кавказ с лекциями по «Балканскому кризису», мусульманами г. Баку. Но этот инцидент был воспринят ими лишь как «печальное недоразумение»³. Руководство кадетской партии не осознавало всей глубины противоречий, того, что бойкот не был лишь единичным недоразумением. Об этом свидетельствовали последующие события, антикадетский тон мусульманской прессы и действия членов мусульманской фракции. Антитурецкая позиция большинства российских либералов в период Первой мировой войны способствовала еще большей политической радикализации мусульман и смене партийных партнеров, что в полной мере проявилось уже после Февральской революции.

¹ кн. С. Гагарин. Константинопольские проливы (историко-политический очерк) // Русская мысль. 1915. № 4, 5.

² Подробнее см.: Усманова Д.М. История несостоявшегося альянса: к вопросу о взаимоотношениях мусульман с российскими либералами в конституционный период // *Ab imperio*. 2000. № ¾. С. 127-158.

³ Четвертая Государственная Дума. Фракция народной свободы в период с 15 ноября 1912 по 25 июня 1913 г. СПб., 1913. Ч. 1. С. 45.

Заключение

Таким образом, накануне и особенно во время Первой мировой войны представители мусульманской политической элиты должны были выработать такую линию поведения, которая позволила бы им с минимальными потерями пройти между «Сциллой» преобладающих в мусульманском сообществе настроений и симпатий к единоверной Турции и «Харибдой» – необходимостью сохранять лояльность к отечеству и правящему режиму.

В период работы Думы 3-го и 4-го созывов мусульманских депутатов, как и всю мусульманскую общественность, волновали антитурецкие настроения, усилившиеся накануне войны, а с началом Первой мировой войны принимавшие порой крайние формы и антиисламский характер. Именно против такой тенденции – попыток рассматривать войну балканских народов с Турцией как крестовый поход славянства против ислама, как начало борьбы с исламом – выступала мусульманская пресса и представители мусульманской фракции в Думе. Подобная постановка вопроса была опасна тем, что противостояние могло распространиться и на взаимоотношения внутри страны¹. Одновременно «имперская» и «антитурецкая» позиция лидеров кадетской партии (в первую очередь, призывы лидера кадетов Милюкова решить вопрос о проливах) в период Балканского кризиса, накануне и в период Первой мировой войны, а также невнимание российских либералов к мусульманским проблемам привели к охлаждению отношения мусульманских депутатов к кадетам. При том, что в целом мусульманская фракция находилась в блоке оппозиционных думских партий и фракций, сложные взаимоотношения с ведущей либеральной фракцией актуализировали вопрос о политическом союзничестве, не решенный до конца вплоть до окончания имперского периода.

¹ Прошло немного времени и многочисленные анти-мусульманские выступления на Кавказе подтвердили эти опасения. См. содержание докладной записки Мамед-Юсуфа Джафарова о положении мусульман на Кавказском фронте, а также выступление Кутлуг-Мухаммеда Тевкелева от 11 февраля 1916 года. См.: Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1916. Часть 2. Стб. 1406–1410.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОСЕДИ: МЕЖПАРТИЙНОЕ И ПАРЛАМЕНТСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАДЕТОВ, ТРУДОВИКОВ И НАРОДНЫХ СОЦИАЛИСТОВ*

Начало XX в. ознаменовалось в России зарождением партийной системы, формированием начал гражданской культуры с приобщением широких слоев населения к участию в политическом процессе. Большую роль в развитии активизма среди ранее инертных, пассивных масс сыграли демократические партии – конституционно-демократическая (Партия народной свободы), социалистов-революционеров и народных социалистов. Первая выступала с позиций либеральной идеологии, две другие представляли народническое направление социализма.

С точки зрения тактики, в этой тройке эсеры стояли особняком, так как, в отличие от остальных двух организаций, официально провозглашали свою революционность, приверженность по мере необходимости (а необходимость, по их убеждению, в начале XX в. была самая насущная) радикальным мерам борьбы с самодержавием и социальной несправедливостью. В террористических актах, применяемых к наиболее одиозным представителям государственной системы, они видели не преступления, а вынужденные меры устрашающего воздействия на режим, для которого нет страха и авторитетов, нет сдерживающих нравственных рамок, которые могли бы ограничить самодержавный и полицейский произвол, производящий издевательства над личностью, «надругательства над честью» протестующих против него². Террор, объясняли они, – род самозащиты, оружие необходимой самообороны, без которой разгул правительственного самодурства становится нестерпимым³. Однако он оправдан лишь тогда, когда совершается не «энтузиастами»-одиночками, а является продуманной партийной линией, строго согласованной с руководством, и производится без перегибов и невинных жертв. Террор – не замена, а лишь дополнение и усиление классовой борьбы, применяемое в крайних случаях «боевым авангар-

¹ *Протасова Ольга Львовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Тамбовского государственного технического университета.*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.

² Чернов В.М. Террористический элемент в нашей программе // *Революционная Россия*. 1902. № 7. С. 2-6. С. 3.

³ Там же. С. 2.

дом» партии, уверяли руководители ПСР. Именно партийный контроль, по мнению эсеровских идеологов – гарантия непревращения террора из крайнего средства в цель политической борьбы, что привело бы к расхождению с общей направленностью партии на последовательное революционизирование масс¹ и поступательное движение к социализму.

И кадеты, и народные социалисты категорически отвергали подобную тактику экстраординарных мер, отдавая предпочтение выступлениям на открытой арене, парламентской борьбе, когда она стала возможной. Можно с уверенностью говорить о близком соседстве этих партий – либеральной и умеренно-народнической – в политическом спектре страны. Иногда народных социалистов именуют «либеральными народниками», что, пожалуй, не вполне корректно с позиции идеологического соответствия, зато довольно точно характеризует особенности их тактики (открытость партии, намеченный программой эволюционный путь преобразований страны). Роднит правых народников с либералами и особое внимание и тех, и других к личности, ее интересам и правам. Для любого либерала индивидуальность, отдельная личность с ее неотъемлемыми правами и свободами – отправная точка идеологической концепции, центральный предмет борьбы за демократический прогресс. Энесы, твердые последователи социалистической линии, а значит, «общественники», в обосновании своей программы также подчеркивали, что в их миропонимании центральное место занимает человек, личность². Главное требование, которое они намерены были предъявлять к личности – труд. Именно труд, по убеждению правых народников, и развивает человека, и делает его действительно суверенным субъектом в социальном пространстве, и позволяет примириться с обществом³, вне которого существование личности невозможно.

К моменту официального формирования ПНС и НСП у многих их представителей был довольно продуктивный опыт совместной деятельности в Союзе Освобождения (1903-1905). Среди активистов этой, по существу либеральной, организации были народники А.В. Пешехонов, Н.Ф. Анненский (социалист по взглядам, он, по словам П.Н. Милюкова, «своим благоразумием выделялся даже в среде либеральных «освобожденцев»⁴), В.В. Хижняков, В.В. Водовозов, В.И. Семевский и др. Идеиные установки Союза были ориентированы на решительные, но

¹ Там же. С. 5.

² Пешехонов А.В. Программные вопросы. В 2 вып. Вып. 1. Основные положения. Пг: Задруга, 1917. С. 10-11.

³ Там же. С. 26.

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 338.

вполне легальные меры по модернизации российских порядков и объединяли земцев-либералов и эволюционных социалистов. Хотя успешное сотрудничество во время банкетных кампаний сменилось расхождением позиций либералов и народников по отношению к Булыгинской думе и несогласием по поводу разработки аграрных реформ, что, в конечном итоге, завершилось распадом Союза, к тому времени уже были заложены прочные товарищеские отношения между представителями будущих разных партий. Это обстоятельство, несмотря на различное отношение к происходящему в государственной системе и жесткость взаимной критики в парламентский период 1907-1917 гг., делало их идейную конкуренцию цивилизованной, достойной уважения.

Во время предвыборной кампании в I Государственную Думу зимой 1906 г. большая часть оппозиции левее кадетов решила избрать тактику бойкота Думы. Народно-социалистическая партия еще не была окончательно организационно оформлена, но фактически уже существовала, базируясь в редакционном комитете журнала «Русское богатство». Правые народники вслед за эсерами почти единогласно выступили за бойкот Думы; исключение составили В.Г. Богораз-Тан и С.Я. Елпатьевский¹, которые рассчитывали, что крестьянам удастся провести в Думу сознательных представителей от своего сословия и демократизировать характер законодательного органа. В этом отношении Тан и Елпатьевский оказались прозорливее большинства неонароднических идеологов, обративших внимание на работу Думы, лишь когда стала очевидной оппозиционность большинства депутатов – членов конституционно-демократической партии и непартийных представителей крестьянства, выступающих за проведение аграрной реформы. Революционные и умеренные народники, небезосновательно (они лучше знали крестьянскую жизнь, психологию и нужды тружеников земли) считая себя большими, чем кадеты, специалистами в аграрном вопросе, активно взялись за воздействие на потенциальную целевую аудиторию – крестьянство, пропагандируя свои идеи земельного переустройства. Свою практику взаимодействия с новым, «сознательным» крестьянством народнические течения начали с совместной работы с крестьянскими депутатами Первой Государственной Думы и делегатами Всероссийского Крестьянского союза (ВКС). По части конструктивных коммуникаций у правых народников было преимущество не только перед кадетами, довольно

¹ Романов В.В. Государственная Дума 1906-1907 гг. как общественная и государственная система в оценке умеренного народника В.Г. Богораз-Тана [Электронный ресурс] // URL: <http://docplayer.ru/28393647-Gosudarstvennaya-duma-gg-kak-obshchestvennaya-i-gosudarstvennaya-sistema-v-ocenke-umerennogo-narodnika-v-g-bogoraza-tana-romanov-v-v.html> (дата обращения 24.07.2020)

поверхностно знакомыми с реалиями деревни и подготовившими программу, по оценке Богораза-Тана, страдавшую недоговоренностью именно в аграрном пункте¹, но и перед эсерами, чьи идеи аграрного переустройства могли показаться крестьянским избранникам чересчур радикальными и в то же время недостаточно внятными. Контакт будущих народных социалистов с депутатами-крестьянами, особенно с членами ВКС, упрощался тем, что аграрная программа этой организации была почти идентична народнической, к тому же Пешехонов, В.А. Мякотин, В.Г. Богораз-Тан, В.И. Чарнолуцкий входили в состав Северного бюро содействия Союзу². Еще в конце марта 1906 г. Богораз-Тан выразил мысль, что все прогрессивные крестьяне составят собственную группу на особой крестьянской платформе³. Он полагал неизбежным разделение думской оппозиции, поскольку трудовики представляли интересы угнетенных слоев населения, чьи нужды гораздо шире и острее, чем нужды зажиточных классов. Тем не менее, он ожидал возможности союза кадетских и крестьянских депутатов: и те, и другие являются представителями общественных слоев, стремящихся к реформам. Аграрная программа Трудовой группы нашла отражение в «Проекте основных положений земельного закона» (проект «104-х») и законопроекте о немедленном введении местных земельных комитетов (проекте «35-ти»), внесенных в Думу в мае-июне 1906 г.⁴ Одним из основных авторов аграрного раздела платформы трудовиков был правый народник Пешехонов. Хотя Трудовая группа состояла главным образом из зажиточных крестьян, отнюдь не склонных к радикализму, ее парламентский путь не был безоблачным. За оппозиционную деятельность трудовики подвергались полицейским преследованиям; так, летом 1906 г. не менее 15 депутатов Думы Первого созыва были арестованы. Намерение оформить Трудовую группу как открытый политический союз осталось неосуществленным.

После роспуска I Думы оппозиционные депутаты (главным образом кадеты) собрались в Выборге для составления протестного воззвания. Трудовики присоединились к подписанию этого документа с некоторыми

¹ Там же.

² Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М.: МГУ, 1979. С. 95.

³ Романов В.В. Государственная Дума 1906-1907 гг. как общественная и государственная система в оценке умеренного народника В.Г. Богораза-Тана [Электронный ресурс] // URL: <http://docplayer.ru/28393647-Gosudarstvennaya-duma-gg-kak-obshchestvennaya-i-gosudarstvennaya-sistema-v-ocenke-umerennogo-narodnika-v-g-bogoraza-tana-romanov-v-v.html> (дата обращения 24.07.2020).

⁴ Трудовая ГРУППА / Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс] // URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4205966 (дата обращения 25.07.2020).

оговорками: первоначально они предложили издать обращение не от имени отдельных лиц-выборщиков (180 чел.), а от имени всей Думы; кадеты отвергли этот проект. В результате появилось воззвание столь резкое, что было подобно, на взгляд народных социалистов, призывам конспиративных партий к вооруженному восстанию. Народники сочли этот документ, по меньшей мере, неосмотрительным и несвоевременным¹, а, по большому счету, даже опасным, ведь фактически революционные призывы, брошенные в неорганизованную толпу, были равносильны призывам «Руси к топору» и могли привести все общество к страшным разрушительным последствиям, кровопролитию, социальной аномии. Гипертрофированный радикализм своего выборгского «детища» признали и кадетские лидеры². «Кадеты... рассчитывали ... многое сделать помимо народа... В этом отношении нет даже сколько-нибудь существенной разницы между ними и правительством»³, – критиковал думских либералов народный социалист Пешехонов. По мнению умеренных народников, Дума так и не стала настоящим органом народной власти.

Заключив, что организация народных сил – первоочередная задача для демократической партии, лидеры народных социалистов, прежде всего Пешехонов и Мякотин, включились в избирательную кампанию по выборам во II Думу. П.Ф. Якубович в письме В.Г. Короленко с досадой писал: «Треклятая эта Дума отвлекла от "Русского богатства" всех его работников, ежедневные митинги и речи до полного охрипления»⁴. Предвыборные старания энесов были вознаграждены: от партии в парламент прошло 9 депутатов, а за время работы состав фракции народных социалистов вырос до 19 человек. Трудовая группа во II Думе выступала, как правило, вместе с эсерами и народными социалистами. Ее наиболее яркие представители пользовались популярностью в массах; среди них были и незаурядные ораторы: А.Ф. Аладьин, С.В. Аникин, С.И. Бондарев, Л.М. Брамсон, И.В. Жилкин, Т.В. Локоть и др. Трудовики гордились своим «групповым», внепартийным статусом, видели в нем залог своего успеха в деревне и подчеркивали свою противоположность партиям отсутствием как программы, так и желания выработать таковую. У группы имелась только платформа – формулировка требований, актуальных на ближайший политический момент. Зато коммуникационная деятельность группы, ее живое общение с крестьянским населением,

¹ Политическая история России в партиях и лицах. М.: Терра, 1994. С. 165.

² См.: Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905-1911. М.: РОССПЭН, 1994. С. 93, 95, 99, 109.

³ Там же. С. 175.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 135. Раздел 2. Картон 37. Д. 1. Л. 3671.

были активны: трудовики распространяли агитационно-просветительскую литературу, выступали на сельских сходах, вели переписку с избирателями, принимали ходоков, старались организовать отделения Трудовой группы на местах и пр.

Если говорить о твердости политического самоопределения в характеризующей нас среде, то большинство членов всех трех партий свои идейные предпочтения выразили раз и навсегда. Однако были и ротации, что чаще всего не следует ставить в упрек народническим и либеральным активистам: близость политических позиций этих организаций оправдывает отдельные переходы из одной в другую, сохраняя общую верность политической ориентации на демократию и свободу для России. Народники в качестве своей социальной платформы заявляли «трудовой народ», включавший рабочий класс, крестьянство и трудовую интеллигенцию. Кадеты позиционировали себя как внеклассовая партия широкой демократии, считавшая «единственным Хозяином русской земли весь русский народ вкупе, а не один какой-нибудь класс населения, не один город, не одно племя»¹. Трудовая группа заявляла о своей внепартийной, самостоятельной позиции и, хотя во многом ее платформа была сродни кадетской и правонароднической (народные социалисты изначально рассчитывали на вхождение трудовиков в их партию), она упорно сохраняла статус чисто парламентской фракции. Приведем ряд примеров перемещений, межорганизационных ротаций в либерально-правонароднической среде.

Из трудовиков и конституционно-демократическую партию вошли Е.М. Ворсобин и П.Н. Никитин. Напротив, из кадетов переместились в трудовики: С.И. Волков, Т.О. Волков, И.В. Галецкий, В.Ф. Лебедев, И.С. Томилов, И.О. Шилихин, С.К. Эльтеков. Из Партии народной свободы перешли в Трудовую народно-социалистическую (и именно от нее баллотировались в 1917 г. во Всероссийское Учредительное собрание) П.И. Куриленко, Л.Д. Брюхатов, В.Х. Даватц, А.Ф. Изюмов, Б.Л. Петерсон, В.Т. Окунев и яркий деятель демократического социализма, известный историк С.П. Мельгунов. Последний вступил в ряды народных социалистов в 1907 г. и одним из немногих продолжал не просто публицистическую, а именно организационно-партийную деятельность в межреволюционный период, в том числе во время I Мировой войны. Впоследствии, будучи, как и многие его соратники по партии, выслан из Советской России, Мельгунов стал одним из самых непримиримых и активных антибольшевиков, ратовал за создание единого антикоммунистического фронта всего политического спектра русской эмиграции. Самый же из-

¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-216. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

вестный пример «трансфера» из трудовиков в партию социалистов-революционеров – А.Ф. Керенский, имевший к весне 1917 г. громкую славу и как юрист, и как парламентарий. Старые эсеры, правда, не воспринимали Керенского и прочих, кто пополнил ряды партии одновременно с ним («мартовские эсеры») как истинных единомышленников, но переход столь крупной харизматичной фигуры в ПСР, как бы ни воспринимались его мотивы, объективно способствовал беспрецедентному росту партийной численности и усилению политических позиций. В то же время появление еще одного лидера в партии существенно подрывало ее единство, и без того весьма относительное.

Случались и обратные эволюции, пожалуй, более объяснимые с точки зрения психологии. Счел со временем более подходящей для себя кадетскую партию бывший ранее народным социалистом В.М. Сумароков. Бывало, что с возрастом человек, живший политическим «сердцем» (что выражалось в радикализме взглядов и поступков) приходил к выводу, что вернее жить политическим «умом», и переходил по мере такого «взросления» вправо – чаще всего к кадетам, чья позиция была и несомненно демократической, и в то же время умеренной. Казалось бы, неожиданный, но очень показательный пример – Н.А. Морозов, один из лидеров «Народной воли», просидевший 23 года в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, и – о чудо, сумевший в застенках, посредством воли и самоорганизации, побороть чахотку. Этот неординарный человек, в молодости ярый поборник политического террора, осенью 1917 г. выдвинулся в Учредительное собрание от кадетов. На вопрос, почему он вступил в кадетскую партию, Морозов ответил, что цели «Народной воли» ближе всего именно к Партии народной свободы¹.

В период 1907-1916 гг. у социалистических партий было крайне мало возможностей вести партийную деятельность открыто; либералы и трудовики продолжали думскую деятельность. Численность Трудовой группы в Думах разных созывов составляла: 1 созыв – 102 чел., 2 созыв – 104 чел. (был создан блок с депутатами от Всероссийского Крестьянского союза), 3 созыв – 14 и 4 созыв – 10 чел.² Печатные органы трудовиков – газеты «Крестьянский депутат», «Известия крестьянских депутатов», «Трудовая Россия», «Трудовой народ» – выходили в Санкт-Петербурге в 1906-1907 гг. В межреволюционный период деятельность Трудовой группы была малозаметна. Впрочем, и ее «наставник» –

¹ Народная свобода. Тифлис. 1917. 10 декабря.

² Трудовая группа / Большая советская энциклопедия / Электронная версия // URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4205966

народно-социалистическая партия, не имея возможности выступать легально, в 1908-1916 гг. представляла собой скорее разрозненные группы, чем единую организацию.

В разгар Великой Российской революции, 22 июня 1917 г., в народнической среде произошло долгожданное событие: после 11-летней подготовки народно-социалистическая партия наконец объединилась с Трудовой группой на социалистической платформе. Если ранее трудовики упрямо отстранялись от социалистической ориентации¹, то теперь политическая обстановка в стране сложилась так, что не объявить себя социалистом означало едва ли не признать свою реакционность. Идеино-тактическая ориентация трудовиков переменялась настолько резко и круто, что они желали, по оценке Мельгунова, «приблизиться к тактике левых групп революционной демократии»², о чем и заявили на первом объединенном съезде ТНСП. На этом форуме, желая заручиться поддержкой авторитетных политических сил, многие знесы высказывались за сотрудничество с кадетами, но трудовики были против, отчего объединение едва не сорвалось. Обсуждение потенциальных союзников, таким образом, конструктивных результатов не принесло. Инстинкт политического самосохранения (возможно, ошибочный) не позволил народникам преодолеть психологический барьер и оттолкнул их от плотного взаимодействия с несоциалистической партией.

Кадеты между тем стойко выдерживали характер, продолжая твердо следовать своим либеральным идеологическим установкам даже во второй половине 1917 г., когда общий политический курс страны настолько сместился влево, что в глазах масс они стали самыми «правыми» (и это, понятно, никак не могло в революционной обстановке дать политический бонус). 28 ноября кадеты были объявлены «врагами народа»³. За неявку на заседание Всероссийского Учредительного собрания кадеты (на выборах партия получила около 2200 тыс. голосов – 4,5% – и провела 14 депутатов по партийным плюс еще несколько человек по непартийным спискам⁴) подверглись критике со стороны народных социалистов. Правые народники полагали, что, «если от граждан можно требовать мужества, – то именно в такие моменты и на таких постах»⁵. Однако знесы отнюдь не возлагали на кадетов главную вину за

¹ Протасов Л.Г., Протасова О.Л. Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 78.

² Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Вып.2 (ч.3). М.: Индрик, 2003. С. 4-5.

³ Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. М., 2014. С. 192.

⁴ Там же.

⁵ Пешехонов А.В. Провалилось ли народовластие // Русское богатство. 1918. № 1-3. С. 318.

провал демократии в России, как не обвиняли их ранее и в подготовке корниловского мятежа.

В подведение итогов следует отметить, что Трудовая группа до своего слияния с народными социалистами в 1917 г. фактически уже была политической организацией, хотя и провозглашала свой внеклассовый и чисто фракционный характер. Единой и строго заданной самостоятельной линией ни в платформе, ни в тактике она, однако, не обладала. Под влиянием народнических идейных «покровителей» и в силу социальной принадлежности своего основного состава трудовики восприняли многие идеи народничества, однако тактически долгое время были близки и с кадетами, с которыми начинали свой парламентский путь. Постепенно из крестьянской Трудовая группа превратилась в интеллигентскую, и симбиоз с народными социалистами, «узаконенный» в 1917 г., уже выглядел вполне естественно, хотя абсолютного единения так и не произошло, и члены ТНСП все равно продолжали самоидентифицироваться как «энес» либо «трудолик». Что касается взаимоотношений либералов и умеренных («либеральных») народников, то, с гибелью Российской республики и приходом к власти большевиков, реальное политическое взаимодействие между ними стало фактически невозможным. Деловые же отношения и человеческие симпатии, сложившиеся ранее между представителями ПНС и ТНСП, не были утрачены и в дальнейшем, побуждая бывших кадетов, энесов и трудоликов к сотрудничеству и товарищеским контактам в период эмиграции.

**МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ТРУДАХ
И.В. МИХАЙЛОВСКОГО: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА**

Профессор Томского университета, крупный специалист в области теории и философии права Иосиф Викентьевич Михайловский (1867–1921) оставил яркий след в отечественной науке. Свое кредо ученого-правоведа он четко сформулировал в 1908 г. во вступительной лекции для студентов юридического факультета: «Политические страсти способны только извратить науку... Перед ... служителями права должна быть только одна политика: стремление к правде-истине и правде-справедливости»². Однако подчеркнуто дистанцируясь от политики, Михайловский в своих научных изысканиях постоянно обращался к проблеме гармонизации интересов личности, общества и государства, поиск путей решения которой определяет смысловое наполнение либерализма как направления общественно-политической мысли. На формирование его мировоззренческих позиций и становление как ученого существенное влияние оказал Б.Н. Чичерин – именно под его руководством мировой судья Михайловский в 1899 г. приступил к серьезным занятиям философией и общими вопросами права. Являясь продолжателем интеллектуальной традиции, у истоков которой стоял его учитель, Иосиф Викентьевич значительное внимание в своем научном творчестве уделил определению сущности, назначения и перспектив правового государства.

Излагая суть концепции Чичерина, Михайловский выражал полную солидарность с основными ее положениями: «Исходный пункт всего учения о праве и государстве есть личность. Личность есть движущая сила истории культуры и краеугольный камень всего общественного здания. Человек составляет цель, для которой существует общественный организм»³. Необходимость государства как формы, содержание которой дается обществом, определялась его миссией по внесению организованного единства во взаимодействие свободных единичных сил: «...Без государства борьба противоположных интересов, предоставлен-

¹ Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета.

² Михайловский И.В. Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре. Томск, 1910. С. 12.

³ Михайловский И.В. Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство. Б.м., б.г. С. 26.

ная самой себе, породила бы состояние вечной *bellum omnium contra omnes*¹. Только государство, по мнению Михайловского, было способно разрешить «великую проблему примирения свободы и самоцельности личности с необходимостью подчинения этой личности требованиям, вытекающим из существа общежития»². При этом в качестве основного инструмента реализации власти, позволяющего сдерживать антисоциальные наклонности человека, предстало право. Считая взаимодействие между личностью и обществом главным фактором культурного развития, ученый видел двуединую задачу права в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить личности свободу и возможность беспрепятственного развития, а с другой – гарантировать общежитие и прочный порядок совместной жизни³.

Либеральная квинтэссенция теоретических построений профессора нашла свое явное воплощение в определении синтеза личной свободы и общего блага как «основного требования абсолютной идеи права»⁴. Высоко оценивая заслуги Чичерина в трактовке значения государства как высшей формы общежития и в определении миссии права как инструмента согласования интересов личности и общества, Михайловский выступал в роли продолжателя традиций классического либерализма. Вместе с тем, он выражал серьезные сомнения по поводу справедливости целого ряда утверждений основоположников теории правового государства и, в частности, критично относился к тезису о недопустимости государственного вмешательства в социально-экономическую сферу.

Показателем высокой научной этики является тональность, в которой выдержаны суждения Михайловского о несостоятельности некоторых умозаключений своих предшественников. Анализируя взгляды Чичерина по вопросу о принципе свободной конкуренции, Михайловский основной акцент делает на выявлении причин резко отрицательного отношения к законодательным инициативам, направленным на облегчение участи рабочих. Истоки заблуждений своего учителя он связывает с преувеличением элемента «свободы» в соглашении между трудом и капиталом, а также с игнорированием специфики труда как товара, обладающего такими свойствами, которые исключают всякую возможность подчинения его купли-продажи условиям регулирования цен вещественных товаров. Михайловскому была понятна и близка логика рассуждений Бориса Николаевича, поддерживавшего идею ограничения роли гос-

¹ Михайловский И.В. Воззрения Б.Н. Чичерина ... С. 32.

² Там же. С. 37.

³ Михайловский И.В. Рецензия на учебник философии права Иосифа Колера (Берлин, 1909). Б.м., б.г. С. 369.

⁴ Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 217.

ударства охраной безопасности из опасения пагубных последствий безграничной государственной регламентации для свободы личности. Однако убежденность в приоритетной значимости духовных ценностей заставляла задуматься над вопросом: «Действительно ли экономическая область так тесно связана с принципом свободы личности, что расширение государственного вмешательства в сферу хозяйственных отношений неизбежно влечет за собою стеснение прав личности во всех других отношениях?»¹ Считая несомненным, что человек, прежде всего, должен быть обеспечен материально, что он сплошь и рядом готов пожертвовать свободой, чтобы иметь возможность быть уверенным в завтрашнем дне, Михайловский, тем не менее, воспринимал материальную обеспеченность не как конечную цель стремлений человека, а лишь как необходимую основу для жизни, единственно его достойной – высшей духовной жизни. Поскольку высшая духовная жизнь возможна только при условии свободы личности, постольку наука, искусство, религия должны представлять собой область свободы, действительно не допускающей принудительного вмешательства, внешней регламентации. В блестящем доказательстве этой истины томский правовед усматривал одну из важнейших заслуг Чичерина. С чем он не мог согласиться, так это с тем, что государство может сохранить абсолютный нейтралитет в социально-экономической сфере, оставаясь равнодушным к бедствиям, вызванным условиями свободной конкуренции. В отличие от Чичерина, Михайловский был убежден: «Выполняя свою культурную миссию, государство обязано обеспечить всем и каждому возможность человеческого существования, зная, что все свои силы оно получает только из соединения сил личностей, зная, что чем полнее и интенсивнее жизнь каждой отдельной личности, тем полнее и интенсивнее жизнь самого государства»².

По-видимому, на корректировку представлений о роли государства повлияли как объективные обстоятельства, связанные с обострением противоречий в социально-экономической сфере, так и усиление популярности социалистических теорий. Считая невозможным довольствоваться чисто формальным понятием равенства перед законом, допускающим самые возмутительные акты эксплуатации личности, Михайловский приветствовал появление в новой политической мысли понятия равенства в смысле «равенства исходного пункта». Это понятие предполагало обязанность государства создать для всех равные общественные условия, благоприятствующие всестороннему и гармоническому

¹ Михайловский И.В. Воззрения Б.Н. Чичерина ... С. 30, 31.

² Там же. С. 31.

развитию личности¹. Соответственно и перед правом ставилась задача со своей стороны воздействовать на экономическую сторону жизни человека, «чтобы парализовать вредные стороны естественного неравенства людей, чтобы дать возможность каждому истинно человеческого существования, чтобы очеловечить общежитие и не позволить из человека делать простое орудие экономических интересов»².

Полностью разделяя традиционное и принципиальное для либеральной теории представление о государстве как гаранте оптимальных условий развития и проявления своих сил и возможностей для каждого элемента общественной организации и, прежде всего, для личности, Иосиф Викентьевич обращал особое внимание на необходимость разграничения понятий «государственное содействие» и «государственное вмешательство»: «Не государственное вмешательство и опека, а государственное содействие – вот настоящее имя социальному законодательству. Но, призывая государство к такому содействию, ставя государству новые задачи, современная политическая мысль энергично подчеркивает, что это только содействие: главный творческий фактор есть личная энергия, личная свобода и инициатива»³. Продолжая традиции классического либерализма второй половины XIX в., Михайловский считал, что государство не должно браться за решение вопросов не своей компетенции, к числу которых относил излечение всех социальных недугов, уничтожение пауперизма, обеспечение счастья всем людям. «Государство должно только создать твердую, надежную почву для культуры, должно обеспечить возможность истинно человеческого существования, – писал он. – Но оно не может и не должно быть нянькой для взрослых людей, не может заменить личной инициативы. Государство есть форма; она наполняется содержанием, которое дается личной и общественной деятельностью граждан»⁴.

Вместе с тем сложность практической дифференциации понятий «государственное вмешательство» и «государственное содействие», прозрачность и расплывчатость границ между ними в реальной жизни обуславливали умеренность и связанную с ней некоторую противоречивость позиции Михайловского. В появлении новейших юридических норм, ограничивающих свободу договоров в интересах экономически слабейшего контрагента, он усматривал признаки того, что «право становится на скользкий путь», и призывал к чрезвычайной осторожности в

¹ Михайловский И.В. Культурная миссия юристов... С. 23.

² Он же. Очерки философии права ...С. 109.

³ Он же. Культурная миссия юристов ... С. 23.

⁴ Там же. С. 6, 7.

таких случаях, «оправдываемых лишь как исключения». Допуская возможность опеки государства над экономически слабыми при особых обстоятельствах и даже расширения ее размеров на низших ступенях культуры, Михайловский все же был убежден в том, что «на высокой ступени культуры общим правилом должно быть положение: взрослый человек – не ребенок и в опеке не нуждается»¹.

Однозначно негативное отношение к идее патерналистского государства было основано на осознании неизбежности культивирования им социального иждивенчества, несовместимого с либеральными представлениями о ценности творческой личности, способной к проявлению инициативы и самостоятельности. Михайловский подчеркивал развращающее действие системы безграничной опеки над гражданами, хотя бы и во имя нравственных начал: «В результате получается вялость, отсутствие энергии, привычка во всем полагаться на заботливую власть и ослабление чувства личного достоинства, а в конце концов – рабская психика»². Убедительным примером неприемлемости патернализма Михайловский считал теорию и практику так называемого «полицейского государства». Из обязанности государства заботиться о благосостоянии всех и каждого теоретики выводили право государственной власти регламентировать все без исключения стороны жизни граждан. Практика же полицейского государства дала в результате деспотизм власти как неизбежное следствие такого понимания задач государства³.

По мнению Михайловского, гораздо больше приблизились к истине в поисках оптимальной модели государственного устройства теоретики правового государства. Вместе с тем, и в их построениях он признавал наличие уязвимых для критики положений. Ограничивая задачи государства охраной безопасности и права и предоставляя все остальное личной и общественной инициативе, классическая теория правового государства предполагала полный отказ государства от вмешательства в сферу гражданского общества, пока никто не нарушает чужих прав и общей безопасности, хотя бы на его глазах люди и голодали, и умирали от болезней, и пребывали в невежестве и т.д. Михайловский воспринимал эти представления как крайность, но все же считал ее менее опасной, чем крайность полицейского государства: «...Здесь признается, что люди – не дети, которых надо опекать, признается принципиальная граница вмешательства власти в жизнь граждан (а, следовательно, признаются права личности), признается недопустимость принудительной

¹ Михайловский И.В. Очерки философии права ... С. 549, 550.

² Там же. С. 168.

³ Там же.

нравственности; между тем как в полицейском государстве личность превращается в бесправного раба»¹.

Тем не менее, профессор считал актуальным поиск путей преодоления «крайностей чистого правового государства». В качестве одного из ярких симптомов кризиса современного правосознания он рассматривал отказ от восприятия права как некоего всеисцеляющего средства. Политический оптимизм, которым были охвачены в этом отношении первые носители идей правового государства, воспринимался в новых условиях как иллюзия. В противовес ему Михайловский подчеркивал: «Нельзя всего достигнуть при помощи права и государства. При всей своей важности право нуждается в восполнении его другими началами»². Речь в данном случае шла о необходимости учета постоянного взаимодействия права с такими значимыми факторами общественного развития, как экономика, религия, политика, наука, искусство и т.д.³

Преодоление кризиса современного правосознания мыслитель связывал не с уничтожением идеи правового государства, а с ее расширением и углублением за счет использования общественных идеалов, предлагавшихся на смену правового государства: социализма, анархизма и теократии. Каждый из этих идеалов сам по себе представлялся ему односторонностью, не способной выдержать критики. Однако такое представление не исключало того, что каждый из них «войдет как необходимый элемент высшего синтеза предстоящей эволюции правового государства»⁴.

Считая социализм наименее совершенным идеалом, Михайловский полагал возможным позаимствовать у него много ценных идей в смысле расширения деятельности будущего государства в сфере регулирования экономики и осуществления идеи равенства. Анархизм, несмотря на всю утопичность, давал, по его мнению, еще более ценное «в смысле сведения к возможному минимуму темных сторон власти, развития источника всякого движения вперед – личности и осуществления идеи свободы». Наконец, третий из предлагавшихся социальных идеалов – теократия, являясь в чистом виде для Михайловского столь же неприемлемым, как и два остальные, призван был придать будущему государству огромную ценность в деле осуществления идеи братства. Профессор предрекал этой третьей составляющей освободительного лозунга французской революции все возрастающее влияние по мере уяснения ее сущности. В

¹ Михайловский И.В. Очерки философии права ...С. 168,169.

² Он же. Культурная миссия юристов... С. 22-23.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 23-24.

таким контексте перспективы прогрессивного развития напрямую связывались с усилением роли и значения церкви. Речь при этом шла не о той церкви, что зажигала костры инквизиции, благословляла насилие, принимала деятельное участие в партийной политической борьбе, а о церкви в идеальном значении, как организации, вызванной глубочайшей потребностью человеческого духа – религией, которая, по убеждению философа, «всегда была и будет абсолютной ценностью»¹.

Такое понимание сущности церкви в качестве носителя идеи братства наводит на мысль о стремлении Михайловского обеспечить преемственность этой социальной идеи с русскими православными традициями соборности, заключавшимися в гармонизации церковного и индивидуального начала, в обеспечении церковного единства и внутреннего единства людей не принуждением, а на основе свободы и любви. Вместе с тем обращение к теократическому идеалу в поисках оптимальной модели будущего государственного устройства в данном случае не должно восприниматься как проявление присущих славянофилам симпатий к христианскому государству, жизнедеятельность которого проникнута религиозными вечными истинами и полностью подчинена им. Рассуждения Михайловского о пользе элементов теократии в конструировании модели идеального государства скорее сродни логике мышления М.М. Сперанского, в последнем произведении которого «Руководство к познанию законов» (1838 г.) были объединены два момента: 1) идеальная цель православного государства – направлять к нравственно доброду; 2) основной принцип либерализма – поставить государство на защиту личной свободы и частной собственности². Убежденность в возможности согласования теократического и либерального идеалов, более того – в том, что развитие доброго в христианском смысле возможно в обществе только тогда и настолько, когда и насколько в государственной жизни соблюдаются принципы либерального правового порядка, стала объединяющим звеном между воззрениями либерально настроенных мыслителей двух эпох.

«Всеобщее братство на основе развития человечности, одухотворения всей жизни и развития культурных благ», – таким виделся Михайловскому социальный идеал³. Нравственным долгом интеллигенции считал он работу над приближением к этой «заветной цели» путем превращения в жизнь начал законности, правды, гуманности, справедливости, уважения к личности. С учетом таких перспектив высшей целью и

¹ Там же. С. 24.

² Леонтович В.В. История либерализма в России (1762 - 1914). М., 1995. С. 91-92.

³ Михайловский И.В. Культурная миссия... С. 25.

назначением государства, в свою очередь, провозглашалась «работа над воспитанием человечества для высшей морали»¹.

Последовательно проводя в своих трудах мысль о недопустимости ограничения функций государства охраной права и безопасности, Михайловский предлагает ввести в научный оборот новый концепт – «культурное государство». Расширение сферы компетенции за счет постановки задачи «всестороннего содействия развитию культуры и защиты против всего враждебного культуре» должно было стать принципиальным отличием культурного государства от «простого правового». При этом сама идея правового государства сохраняла свое значение, поскольку «культурное государство есть вместе с тем и правовое, охрана субъективных прав есть одна из существенных его задач»². Тем самым подчеркивалась преемственность в развитии теории правового государства с выходом на новый уровень в осмыслении этого феномена.

В целом, анализ модели правового государства, основные контуры которой отчетливо обозначены в интеллектуальном наследии профессора Томского университета, позволяет сделать следующие выводы. С одной стороны, размышления и умозаключения Михайловского отражали общие тенденции в эволюции российского либерализма в начале XX в. В его трудах звучали в целом те же неолиберальные мотивы, что и в трудах П.И. Новгородцева, И.А. Покровского, В.М. Гессена, Л.И. Петражицкого, Б.А. Кистяковского (равенство исходного пункта, право на достойное человеческое существование, положительные функции государства и т.п.)³. При этом совершенно очевидной была и преемственность в постулировании и обосновании базовых принципов либеральной теории государства. Вместе с тем, обращает на себя внимание оригинальность суждений, самостоятельность в развитии и углублении воззрений предшественников, творческий подход томского правоведа к конструированию идеальной модели государства, основанной на учете актуальных вызовов современности. В этом смысле обращение к исследованию творческого наследия Иосифа Викентьевича, как, впрочем, и любого другого яркого либерального мыслителя, представляется значимым для социально-антропологической реконструкции многоголосия этого интеллектуального сообщества при отчетливо различаемом и неизменном лейтмотиве – признании самоценности человеческой личности и приоритета индивидуальной свободы как основы общественного порядка.

¹ Там же. С. 27.

² Михайловский И.В. Рецензия на учебник философии права... С. 376.

³ Сиземская И.Н., Новикова Л.И. Новый либерализм в России // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 132-140.

ИНТЕРВЬЮ ГЕОРГИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ГИНСА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА²

Георгий Константинович Гинс (1887–1971) – известный российский ученый-юрист, специалист в области гражданского права, профессор, деятель русской эмиграции. Кроме научной и преподавательской деятельности Гинс отметился на поприще бюрократической карьеры: занимал высокие посты в министерской системе до Февральской революции, а также в учреждениях Временного правительства, в 1918-1919 г. служил в правительственных учреждениях Белого движения, член правительства А.В. Колчака³.

Гинс окончил Санкт-Петербургский университет в 1909 г. В 1910 г. он поступил на службу в Переселенческое управление Министерства внутренних дел. С 1913 г. служил чиновником особых поручений при Главноуправляющем землеустройством и земледелием (позднее – Министре земледелия). В 1916 г. стал приват-доцентом Петроградского университета, не оставляя службы в Министерстве земледелия.

После Февральской революции Гинс продолжил службу в учреждениях Министерства земледелия. В апреле 1917 г. он был назначен юрисконсультom только что образованного Министерства продовольствия. В этом качестве принимал участие в реализации ряда важных правительственных мероприятий. Наряду с другими воспоминаниями, события февраля-октября 1917 г. освещаются в интервью, которое Гинс дал Б. Рэймонду в 1966 г. Эта часть биографии Гинса рассматривается в настоящей статье.

В январе 1918 г. в связи с событиями, произошедшими после Октябрьского переворота, Гинс покинул Петроград и уехал в Омск, где в мае 1918 г. стал управляющим делами Временного Сибирского прави-

¹ *Неверов Евгений Дмитриевич – преподаватель департамента теории права и межатраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».*

² Подготовка данной публикации была осуществлена в рамках деятельности проектной группы «Интеллектуальная история права: от идей к институтам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020 г.

³ Биографические сведения приводятся по краткой биографии, помещенной перед текстом интервью: George C. Guins. Brief Biography // Professor and Government Official: Russia, China, and California / an Interview conducted by Boris Raymond in 1966. Berkeley, 1966 (i.e. 1968). P. VI-VIII.

тельства. В 1920 г. эмигрировал в Харбин. В 1941 г. переехал жить в США.

Интервью Гинса было подготовлено в рамках проекта, который стартовал в Калифорнийском университете в 1958-1959 гг. Идея проекта состояла в том, чтобы взять интервью у представителей русской эмиграции, живущих в США, чтобы зафиксировать воспоминания очевидцев о жизни дореволюционной России, событиях Великой русской революции, а также судьбах русской эмиграции¹. Интервью Гинса было сделано летом 1966 г. В качестве интервьюера выступил историк русского происхождения Борис Рэймонд (Романов), профессор Университета Манитобы.

В 1968 г. была подготовлена расшифровка интервью на английском языке. Расшифровка напечатана в виде книги, состоящей из листов с машинописным текстом². Она содержит полный текст интервью в виде вопросов Рэймонда и ответов Гинса на 364 листах, а также сопроводительные материалы: фотография Гинса студенческих лет, предисловие от имени Виллы Клюг Баум (Willa Klug Baum), главы отдела устной истории библиотеки Бэнкрофта, предисловие от интервьюера, краткая биография Гинса, а также оглавление текста интервью³. Оригинальная запись интервью хранится в библиотеке Бэнкрофта Калифорнийского университета в Беркли. Отсканированная копия расшифровки интервью в настоящее время находится в открытом доступе на сайте библиотеки⁴.

Текст интервью состоит из пяти частей: «Детство в Кишиневе», «Студент Санкт-Петербургского университета, 1904–1909», «Карьера чиновника», «Жизнь в Харбине, 1920-1941» и «Из Манчжурии в Соединенные Штаты, 1941». Таким образом, в интервью описывается период жизни Гинса с конца 1880-х до начала 1940-х г. В настоящей статье приводятся сведения, помещенные в третьей части интервью, описывающие события февраля – октября 1917 г., когда интервьюируемый рабо-

¹ George C. Guins. Professor and Government Official: Russia, China, and California / an Interview conducted by Boris Raymond in 1966. Berkeley, 1966 (i.e. 1968). P. I-II.

² На титульном листе книги указан год записи интервью – 1966 г. Однако предисловие от издателя и предисловие от интервьюера датированы 1968 г., что свидетельствует о том, что книга вышла в 1968 г.

³ Эти сопроводительные материалы имеют отдельную нумерацию страниц, основная пагинация приводится только в тексте интервью (листы 1-364).

⁴ George C. Guins. Professor and Government Official: Russia, China, and California / an Interview conducted by Boris Raymond in 1966. Berkeley, 1966 (i.e. 1968) // URL: <https://digitalassets.lib.berkeley.edu/rohoia/ucb/text/guinsconstprofes00guinrich.pdf> (дата обращения: 30.08.2020).

тал юрисконсульт в учреждениях правительства¹. Насколько нам известно, текст интервью Гинса не переводился на русский язык, поэтому по-прежнему этот важнейший источник по истории России начала XX в. обделен вниманием отечественных исследователей².

Первый фрагмент интервью Гинса, связанный с Февральской революцией, содержит описание показательного эпизода, произошедшего накануне революционных событий. По словам Гинса, в середине февраля 1917 г., «примерно за неделю до Февральской революции» министр Риттих привлек нескольких чиновников министерства и среди них самого Гинса в качестве юрисконсульта, чтобы подготовить новую меру в области регулирования цен. Прежде, чем распределять продовольственные карточки, правительство поставило перед собой задачу обеспечить бесперебойное снабжение. К тому времени, как указывает Гинс, в Петрограде уже были перебои с поставками муки, и булочные не всегда справлялись со спросом³. Чтобы обеспечить порядок в столице, необходимо было закупать больше зерна, и для этого министр Риттих решил дать право местным представителям Особого совещания по продовольствию устанавливать более высокие цены на хлеб, если, с их точки зрения, это позволило бы увеличить предложение со стороны крестьян и торговцев⁴. Задача Гинса состояла в том, чтобы сформулировать соответствующий указ. В ходе обсуждения указа Гинсу удалось возразить министру, что, если цены будут повышены только в некоторых регионах страны, продавцы в других регионах, узнав об этом, будут придерживать хлеб, ожидая повышения цены в будущем, и это приведет к обратному результату. Министр ответил, что «сейчас не время для обсуждения таких вопросов, что приказ должен быть сформулирован и выполнен»⁵.

На вопрос Рэймонда о том, как он воспринял Февральскую революцию, Гинс отвечает, что его главным впечатлением было то, что «революция – это катастрофа». По его словам, условия внутри страны и на фронте были очень тяжелые, но при этом поступала информация, что производство вооружений постепенно налаживается, если только какие-то новые трудности не усугубят ситуацию, положение на фронте может

¹ Этот период жизни также освещался Гинсом в статье, которую он опубликовал в 1967 г. в журнале «The Russian Review». См.: George C. Guins. The Fateful Days of 1917 // The Russian Review. Vol. 26. № 3. P. 286-295.

² В настоящей статье фрагменты интервью Гинса приводятся в нашем переводе.

³ George C. Guins. Op. cit. P. 137.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

выправиться в скором времени¹. По мнению Гинса, «революция, конечно, осложняла, а не улучшала ситуацию на фронте», поэтому развивающиеся события вызвали обеспокоенность даже у тех людей, которые революцию поддержали².

В интервью Гинс характеризует свое отношение к Временному правительству. Он отмечает, что в целом члены Временного правительства казались ему «надежными и компетентными людьми», что П.Н. Милюков вполне подходил на пост Министра иностранных дел, а ставший Министром земледелия А.И. Шингарев был «очень уважаемым депутатом Государственной Думы»³. Но в то же время Гинс отмечает, что одновременно со всеми бывшими царскими министрами ушли в отставку почти все товарищи министров и все директора департаментов. По его оценке, «правительственная машина разом потеряла своих наиболее опытных администраторов», ведь даже «идеальный депутат Государственной Думы не мог бы заменить профессионального управленца»⁴.

Гинс говорит, что за семь лет своей бюрократической службы он выработал в себе уважение к «административной машине». Это предопределило его в целом негативную оценку произошедших изменений: «То, что я понял очень быстро после Февральской революции – это неадекватность нового правительства для управления великой империей в условиях, которые требовали большой энергии, административного опыта, решительности и способности вдохновлять народные массы»⁵. По мнению Гинса, центральное правительство в дореволюционное время состояло «из менее способных», но более опытных людей, и это обеспечивало правительство необходимым аппаратом управления⁶.

После Февральской революции персональный состав учреждений правительства претерпел существенные изменения, и с этими изменениями в работу ведомства пришел новый стиль управления. Так, один из руководителей Гинса Н.А. Зноско-Боровский был заменен на человека, даже имя которого Гинс не запомнил, в интервью говорится: «Я не могу вспомнить даже его лицо». Новый сотрудник министерства почти не привлекал Гинса к работе, не вызывал его для совещаний⁷. Министр Шингарев после вступления в должность не организовал встречу с личным составом министерства, как это прежде было принято у недавно

¹ Ibid. P. 141.

² Ibid.

³ Ibid. P. 142.

⁴ George C. Guins. Op. cit. P. 142.

⁵ Ibid. P. 143.

⁶ Ibid. P. 144.

⁷ Ibid.

назначенных министров, о нем сотрудники узнавали в основном из газет и «не чувствовали его присутствия»¹. У Гинса сложилось впечатление, что между старым аппаратом управления и новыми руководителями правительства не было связи. Все директора департаментов Министерства земледелия были заменены новыми людьми.

По инициативе министра Шингарева изменения коснулись также и Особого совещания по продовольствию. В него был включен новый элемент: представители от кооперативных организаций, а также несколько экспертов-экономистов, статистиков, «ключей, близких к крестьянству и армии»². По словам Гинса, ему неизвестно, всех ли этих людей назначил лично министр или часть из них была делегирована Петроградским советом. Однако у него сложилось впечатление, что новые члены совещания были преимущественно членами левых политических партий и «их отношение к представителям старой администрации было недоброжелательным»³.

В скором времени после этого Особое совещание было выведено из состава Министерства земледелия, и было образовано новое ведомство – Министерство продовольствия. Гинс отмечает, что весь аппарат Особого совещания по продовольствию был переведен из Министерства земледелия в новое Министерство продовольствия, при этом Гинс был назначен старшим юрисконсультom этого министерства⁴.

Деятельность нового министерства разворачивалась очень быстро. Гинс обращает внимание, что прежде создание министерства потребовало бы долгой процедуры разработки и согласования законодательной базы, обсуждения этого вопроса в Думе и в Государственном совете, потребовалась бы воля императора. Нужно было бы составить специальную смету и штат, согласовав это с Министерством финансов и Государственным контролем и т.д. По словам Гинса, «после революции все упростилось»: Временное правительство, наделенное и законодательной, и исполнительной властью, быстро решало такие вопросы⁵.

В составе Министерства продовольствия было предусмотрено так много учреждений, включавших такое большое количество сотрудников, что для него было выделено здание Аничкова дворца на углу Невского проспекта и Фонтанки и при этом были заняты все помещения дворца⁶. «Роскошный зал приемов использовался для конференций и встреч», а

¹ Ibid.

² George C. Guins. Op. cit. P. 145.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 146.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

комнату вдовствующей императрицы Марии Федоровны занял министр А.В. Пешехонов¹. Помещение юрисконсультской части, которую возглавлял Гинс, находилось в той части дворца, которую прежде занимал один из высокопоставленных служащих двора вдовствующей императрицы, на втором этаже одного из крыльев дворца².

Описывая свою работу на новом месте, Гинс отмечает, что подчиненная ему юрисконсультская часть начала быстро расширяться, число сотрудников возрастало. В составе юрисконсультской части был учрежден «специальный отдел для рассмотрения исков, связанных с транспортом»³. В качестве помощника юрисконсульта Министерства продовольствия был приглашен Юлий Слуцкий⁴, одноклассник Гинса по кишиневской гимназии, выпускник Новороссийского университета в Одессе. Гинс отдельно останавливается на том, почему на пост помощника юрисконсульта был приглашен именно этот юрист. По его словам, юрисконсультской части требовался специалист, хорошо знакомый с судебными делами, связанными с перевозкой товаров по железным дорогам, эксперт в области «железнодорожного права», и Слуцкий имел опыт работы с такими делами, поскольку прежде сотрудничал с известным специалистом по этому вопросу, присяжным поверенным Рабиновичем⁵. Кроме этого, в состав юрисконсультской части вошел еще один помощник юрисконсульта, бывший присяжный поверенный, имя которого не называется, а также в качестве канцелярских служащих «две дамы и девушка», которую Гинс знал по работе в библиотеке Петербургского университета⁶.

В одном из вопросов интервьюер попросил Гинса рассказать о руководителях министерства. Гинс отмечает, что его должность старшего юрисконсульта министерства приравнивалась к посту директора отдельного подразделения министерства⁷. Поэтому он как старший юрисконсульт нес ответственность непосредственно перед министром и товарищами министра наравне с директорами департаментов⁸.

Министра Пешехонова Гинс видел только один раз и называет его «обыкновенным и неброским интеллектуалом». Товарища министра продовольствия А.Ф. Башкирова Гинс характеризует как «человека, ко-

¹ George C. Guins. Op. cit. P. 146.

² Ibid. P. 147.

³ Ibid.

⁴ Английская транскрипция: «Julii Slutskii». Ibid. P. 147.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. P. 147-148.

⁸ George C. Guins. Op. cit. P. 148.

торый был двигателем деловой активности: закупок, цен, распределения и т.д.». Башкиров был предпринимателем из Поволжья, состоятельным человеком, а в новом министерстве стал «активным работником», был близок к организационной работе и выработке политических решений¹.

В числе ведущих людей в министерстве Гинс называет товарища министра А.А. Титова. Его он характеризует как «вежливого и активного человека». По словам Гинса, Титов был одним из кооператоров и имел большой предпринимательский опыт, был одним из лидеров кооперативного движения, которое развернулось в России накануне и после революции. По мнению Гинса, кооператоры были самыми «деловыми» людьми в Министерстве продовольствия. Именно их работа, наряду с административным опытом прежних сотрудников Особого совещания по продовольствию, «обеспечила непрерывное функционирование очень ответственного учреждения, под управлением которого находилось снабжение армии и города»².

Гинс называет еще несколько имен сотрудников Министерства продовольствия, которые ему запомнились. Среди них чиновник по фамилии Гаврилов – бывший высокопоставленный сотрудник Переселенческого управления, в Министерстве продовольствия он занимался личным составом Особого совещания по продовольствию. Также Гинс упоминает Громана, «статистика социалиста-демократа», который тоже играл «ведущую роль в министерстве». Титова, Башкирова, Гаврилова и Громана Гинс называет «наиболее компетентными и активными работниками Министерства продовольствия»³.

Изменения в работе ведомства коснулись также и его территориальных подразделений. Гинс отмечает, что до Февральской революции и образования Министерства продовольствия продовольственные вопросы на местах решали либо отдельные «индивидуальные» представители по делам продовольствия в различных регионах, либо местные земства, которым делегировалось такое право. После революции были образованы специальные коллегиальные органы. С положением дел на местах Гинсу вскоре пришлось ознакомиться лично. В интервью он описывает поездку, состоявшуюся в сентябре, в рамках которой он посетил Одессу и Кишинев. Там он осмотрел несколько предприятий, у которых были контракты с Министерством продовольствия⁴.

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid. P. 149.

⁴ George C. Guins. Op. cit. P. 149-150.

В интервью Гинс описывает свои воспоминания о А.Ф. Керенском. Он говорит, что весной 1917 г., когда Керенский был Министром юстиции, у Гинса было «впечатление, как и у многих людей, что он правильный человек на правильном месте»¹. Вместе с другими членами правительства он появлялся «то тут, то там и пытался наладить контакт с различными группами населения»². Гинс вспоминает, что его можно было назвать «народным трибуном». Однако, когда Керенский стал главой правительства, переехал в Зимний дворец и стал верховным главнокомандующим, дела изменились. По мнению Гинса, его речи теперь скорее не вдохновляли, а разочаровывали, поскольку то ли его речам «не хватало точности», то ли «его отношению к большевикам не хватало решительности». Однако в заключение своих рассуждений о Керенском Гинс отмечает, что, по его мнению, «в то время вряд ли кто-нибудь другой мог бы справиться лучше, и это была не его вина, что не нашлось никого, кто мог бы его заменить»³.

Отвечая на вопрос, какие настроения царили в Петрограде осенью 1917 г., Гинс говорит, «что люди стали более пессимистичными» и вспоминает один эпизод, связанный с именем Льва Иосифовича Петражицкого, с которым Гинс был близок⁴. Незадолго до этого как один из лучших ученых-юристов в стране Петражицкий получил назначение в Сенат. Однако, по словам Гинса, вскоре друзья рассказали ему, что «Петражицкий отказывается работать, что он просто отклоняет все предложения о подготовке заключений по различным важным делам, ссылаясь на плохое настроение». Гинс посетил Петражицкого и поинтересовался, доволен ли тот новым назначением и как в целом идут дела в Сенате. Петражицкий ответил, что он совершенно не интересуется этой деятельностью и не считает, что «такая работа в текущих условиях может иметь какое-либо практическое значение». По словам Гинса, Петражицкий ему сказал, что «мы приближаемся к неизбежной катастрофе»⁵. По мнению Гинса, Петражицкий выразил в этих словах то настроение, которое господствовало в это время. Петражицкий раньше, чем «многие пришел к выводу, что лучшее, что можно было сделать в то время – это готовиться к отъезду из столицы»⁶.

Итак, рассмотренный фрагмент интервью Гинса содержит важные свидетельства о положении дел в стране и в министерской системе в

¹ Ibid. P. 152.

² Ibid. P. 153.

³ Ibid.

⁴ George C. Guins. Op. cit. P.153.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 154.

период Февральской революции и деятельности Временного правительства. Гинс характеризует свое отношение к Февральской революции и Временному правительству, описывает службу в Министерстве земледелия, а затем в юрисконсультской части Министерства продовольствия весной-осенью 1917 г. В интервью дается характеристика новой кадровой политики, а также произошедших в министерстве структурных изменений. Гинс вспоминает чиновников Министерства продовольствия, с которыми он работал в указанный период (Пешехонов, Башкиров, Титов и др.). Отдельно дается оценка личной роли Керенского в 1917 г. Наконец, Гинс характеризует общественные настроения в Петрограде накануне Октябрьского переворота.

Интервью Георгия Константиновича Гинса является важным источником по истории Временного правительства и Февральской революции, а также по истории России начала XX в. в целом. Ключевые события отечественной истории описываются в нем глазами профессионального чиновника и ученого-юриста.

ВЗГЛЯДЫ А.В. КАРТАШЕВА НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ 1917 г.²

Падение монархии в России в 1917 г. актуализировало проблему взаимоотношений церкви и государства. До Февральской революции эта проблема широко обсуждалась в общественных кругах, но на уровне либеральных партийных доктрин была представлена лишь в самом общем виде. Так, в программе конституционно-демократической партии после естественного декларирования свободы совести и вероисповедания говорилось: «Православная церковь и другие исповедания должны быть освобождены от государственной опеки»³. Очевидно, что после Февральской революции это общее положение должно было получить конкретное воплощение.

3 марта 1917 г. Временное правительство назначило новым обер-прокурором Святейшего Синода депутата Государственной Думы В.Н. Львова, начавшего свою деятельность с увольнения епископов, занявших свои кафедры при поддержке Г.Е. Распутина или считавшихся его друзьями. Кроме того, он стремился взять под свой контроль и полностью регулировать важнейшие церковные дела, что вызвало естественный конфликт с иерархами. Стремясь укрепить свое положение, Львов искал толковых помощников, имевших авторитет в церковных кругах и обладавших личными связями в правительстве. Он обратил внимание на известного богослова, историка церкви А.В. Карташева, председателя петербургского «Религиозно-философского общества» с 1909 г. До революции статьи Карташева по религиозным и церковным вопросам широко публиковались в столичных газетах и журналах, он являлся активным сторонником обновления церковной жизни, реформирования отношений между церковью и государством, сторонником свободы церкви в ее внутренних делах.

13 марта 1917 г. Карташев направил письмо Временному правительству с изложением концепции Совета общества по вопросу отношений

¹ Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета.

² Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00172 «В поисках святой Руси: биография А.В. Карташева (1875–1960)».

³ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995. С. 327.

государства к Православной российской церкви. В документе утверждалось, что новое правительство должно взять курс на отделение церкви от государства, так как это единственная гарантия «реальной свободы религиозной совести». При этом государство мыслилось как республика, так как «всякая монархия неизбежно влечет за собой смешение начал государственных и церковных, соблазнительное для церкви и пагубное для свободной демократии». Содержался призыв «устранить с ответственных постов всех иерархов, составлявших оплот самодержавия» и упразднить созданную Петром I коллегиально–бюрократическую форму управления церковью. В письме критиковалась непоследовательность обер-прокурора в деле отделения церкви от государства, которая заключалась в том, что, во-первых, «в новую присягу введен религиозный элемент», а, во-вторых, что подведомственный ему Синод принял Акт отречения Николая II по обычной канцелярской формуле – «к сведению и исполнению», вместо того, чтобы составить специальный акт, «упраздняющий силу таинства царского миропомазания»¹.

Основные идеи письма соответствовали взглядам членов Временного правительства, и 20 марта 1917 г. Карташев назначается товарищем обер-прокурора Святейшего Синода. Он видел задачу правительства в оказании помощи церкви в ее переходе «от подневольно-государственного положения к свободному выборному строю». Для этого нужно было упразднить обер-прокуратуру, образовав вместо нее Министерство исповеданий, которое временно сохранило бы у себя прежние обер-прокурорские полномочия для преодоления сопротивления консервативно настроенных епископов в большинстве «враждебных соборности и неспособных к ней». Как полагал Карташев, «только такой "хирургией" можно было ускорить ликвидацию тяжелого наследия старого строя». Затем министр исповеданий должен был «по телеграфу объявить, что созданное не церковью, а павшей государственной властью церковное правительство перестало существовать», и на его место Собор изберет новую церковную власть. Пока же для подготовки к Собору Карташев предложил создать «Временный священный Синод» (в параллель Временному правительству) путем телеграфного голосования православного епископата².

В.Н. Львов отнесся к предложениям Карташева без энтузиазма, порекомендовав ему убедить в необходимости изменения высшего цер-

¹ Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов / сост. М.А. Бабкин. М., 2018. С. 178.

² Карташев А.В. Временное правительство и русская церковь // Современные записки. Париж. 1933. № 52. С. 377.

ковного управления главу правительства и его помощников по МВД. Однако ни князь Г.Е. Львов, ни его товарищи Д.М. Щепкин и Г.А. Алексеев «не вняли» советам Карташева. Князь Львов откровенно признался, что «он боится в этой области всякого нового творчества, чтобы не увеличить и без того распускаемых врагами клевет, будто бы Временное правительство “насилует церковь”»¹. Наиболее радикальным шагом В.Н. Львова стал роспуск в апреле 1917 г. старого состава Синода и созыв нового, настроенного на реформирование государственно-церковных отношений.

По мнению Карташева, после падения монархии Православная церковь оказалось не связанной никакими «договорными связями о союзе» с новой властью и имела полное право заявить о «хирургическом отрыве» от государства. Однако она этого не сделала «в силу инерции связи с государством, имущественной и финансовой зависимости от него, неизвестности ближайшего будущего и свойственной всем Православным Церквам Востока лояльности в отношении ко всем политическим режимам»².

Действительно, весной 1917 г. на проходивших по всей стране епархиальных съездах большая часть духовенства совершенно четко сформулировала свою позицию по отношению к государству: «Русская православная церковь должна быть свободной в ее внутреннем устройстве и независимой ни от глав, ни от правительства государства, но, ввиду ее исторических заслуг в строительстве российского государства и преобладающего, свыше 70%, православного русского населения, она не может быть отделена от государства... Свободная русская православная церковь, не посягая на права других церквей и исповеданий, должна быть первой между равными, поэтому глава государства, кто бы он ни был, должен быть православным»³. Существенное значение в позиции церкви имел материальный вопрос: «Отделение церкви от государства нежелательно только в материальном отношении, особенно нежелательно такое отделение в настоящее время при неорганизованности материальных средств церкви; но и в дальнейшем получение церковью материальной помощи от государства не только возможно, но и необходимо... материальная помощь церкви со стороны государства должна быть понимаема как долг государства в виду ее духовно-

¹ Там же. С. 378.

² Карташев А.В. Революция и собор 1917–1918 гг. (Наброски для истории Русской Церкви наших дней) // Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской церкви 1917 – 1918 годов / Сост. Н.А. Кривошеева. М., 2009. С. 487.

³ Русская православная церковь и Февральская революция 1917 года. Публикация и вводная статья М.А. Бабкина // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 9.

просветительской работы»¹. В целом на епархиальных съездах подчеркивалась невозможность «отделения церкви от государства на началах готовых западных образцов»².

Поэтому политика Временного правительства, доктринально опиравшаяся на «западные образцы», не могла не вызвать тревоги в церковных кругах. Характерно, что первоначально в новом составе Синода церковные иерархи восприняли Карташева как сторонника отделения церкви от государства без всяких оговорок, как «крайне левого»³. Эти опасения отчасти объяснялись его выступлениями в прессе, в которых он высказывался за резкий слом прежних церковно-государственных отношений, критикуя Временное правительство за «осторожность и медлительность» в этом вопросе⁴. Но очень скоро церковные иерархи убедились в его способности идти на компромисс и учитывать мнение церкви. Как писал митрополит Евлогий (Георгиевский): «С А.В. Карташевым можно было договориться»⁵.

12 июня 1917 г. началась работа Предсоборного Совета, на котором выявились две противостоящие друг другу точки зрения на будущую форму церковного управления. Одна исходила из идеи полного отделения церкви от государства и принятия синодально-соборной структуры церковного управления. Представители другой точки зрения, которую разделял и Карташев, не подвергали сомнению самый принцип отделения церкви от государства, но одновременно стояли за то, чтобы за православием, как за церковью национальной, оставался особый статус – «первой среди равных». Церковь, по их мнению, столь органически срослась с народом, его культурой и государственностью, что ее уже невозможно оторвать от общественного организма – национального государства. Епископ Андрей (Ухтомский) в разговоре с А.Ф. Керенским так сформулировал эту мысль: «Отделить российское государство от церкви – значит отделить народ от его совести, лишить его нравственной опоры»⁶.

13 июля 1917 г. Предсоборный Совет принял «Положения о правовом положении Православной церкви в России» для внесения в Учреди-

¹ Там же. С. 15.

² Там же. С. 16.

³ Любимов Н., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917 – 1918 гг.) / Публикация М.И. Одинцова. М., 1995. С. 26.

⁴ Карташев А.В. Синод и Временное правительство // Русское слово. 1917. 20 апреля. № 87.

⁵ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 269.

⁶ Цит. по: Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 445.

тельное собрание после обсуждения на Поместном соборе. В документе говорилось, что Православная российская церковь «должна занимать первое среди других религиозных исповеданий, наиболее благоприятное в государстве, публично-правовое положение, приличествующее ей, как величайшей народной святыне, исключительной исторической и культурной ценности, а также религии большинства населения». Провозглашалась автономия церкви в ее внутренних делах, основные православные праздники должны были стать государственными («неприсутственные дни»), глава Русского государства и министр исповеданий должны быть православными, государство должно было оказывать церкви материальную помощь¹. Как отмечал подробно исследовавший данный сюжет А.В. Соколов, отношения церкви и государства предполагалось построить таким образом, чтобы «свести к минимуму прямую административную зависимость церкви от светских властей, сохранив одновременно все преимущества ее прежнего подведомственного состояния»².

Карташев принял самое активное участие в обсуждении и принятии данного документа, являвшегося, по сути, законопроектом о взаимоотношениях церкви и государства. Именно ему принадлежит окончательная редакция ряда ключевых пунктов документа³. Карташев видел в нем не систему отделения церкви от государства, а лишь такое «отдаление» их друг от друга, которое «давало бы и Церкви свободу, и государству позволяло быть светским, а не одностороннее конфессиональным». Понимая необходимость политического диалога церкви и государства, он подчеркивал, что этот проект «мог еще несколько "клерикализироваться" на Соборе и значительно "секуляризироваться" в Учредительном собрании». В итоге должна была возникнуть система «взаимной независимости соборной Церкви и правового государства при их моральном культурном сотрудничестве»⁴.

Совпадение взглядов Карташева с мнением значительной части церковных кругов нельзя объяснить только тактической позицией помощника обер-прокурора по отношению к требованиям Предсоборного

¹ Карташев А.В. Революция и собор 1917 – 1918 гг. (Наброски для истории Русской Церкви наших дней) // Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской церкви 1917 – 1918 годов / Сост. Н.А. Кривошеева. М., 2009. С. 497.

² Соколов А.В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг. Дис.... д.и.н. СПб., 2014. С. 431.

³ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов. Т. 1 (Кн. 2). М., 2012. С. 794-798.

⁴ Карташев А.В. Временное правительство и русская церковь // Современные записки. Париж. 1933. № 52. С. 382-383.

Совета. Еще в феврале 1916 г. на собрании религиозно-философского общества Карташев отвергал схемы отделения церкви от государства, защищаемые П.Н. Милюковым и М.Н. Туган-Барановским. Он полагал, что «полное, живое Православие в той же мере неистребимо теократично, в какой оно истинно церковно. Ибо теократия и Церковь – понятия неразлучные». Исходя из этого положения, Карташев делал и практические выводы: «Нужно уметь дорожить теократическим началом, не смущаясь несовершенством, даже уродливостью его воплощений»¹.

Подобные взгляды Карташева не соответствовали представлениям об отделении церкви от государства, сложившимся в либеральных и социалистических кругах. Однако, ни Временное правительство, ни кадетская партия, не относили проблемы церковно-государственных отношений к числу приоритетных, рассматривая их в контексте общих проблем демократического преобразования России и относя их окончательное решение к компетенции Учредительного собрания. Возможно, именно поэтому Карташев получил определенную свободу в проведении своей церковной политики. В то же время для него было очевидным – в условиях 1917 г. любой политик серьезного уровня должен был заручиться поддержкой той или иной партии. Карташев не являлся социалистом, наиболее близкой для него была кадетская партия, в рядах которой имелись сторонники его взглядов на церковно-государственные отношения – С.А. Котляревский, П.И. Новгородцев и др. Именно они, по всей видимости, и повлияли на его выбор. В июне 1917 г. Карташев вступил в кадетскую партию по, как он сам подчеркивал, «настойчивой просьбе» ее членов «ради выборов в Учредительное собрание, как специалист по церковным вопросам»².

В июле 1917 г. Котляревский, Карташев и Новгородцев подготовили предложения по изменению кадетской программы по церковному вопросу, опиравшиеся на позицию Предсоборного Совета. 26 июля Новгородцев озвучил эти предложения на IX съезде ПНС, подчеркнув, что они основываются, «с одной стороны, на суждениях, высказанных на московских совещаниях духовенства, а с другой – на совещаниях партии народной свободы». По мнению докладчика, государственной власти необходимо придерживаться основного принципа «свободного самоуправления Церкви на начале соборности и независимости от государственной опеки». Новгородцев предложил включить в программу партии следующие положения: отношение государства к Православной церкви и к другим вероисповеданиям «должно определяться последовательно

¹ Карташев А.В. Реформа, реформация и исполнение церкви. Пг., 1916. С. 15-16.

² Карташев А.В. Временное правительство и русская церковь. С. 384.

проведенным началом свободы вероисповедания и культа»; Православие, как исповедание большинства населения, должно занять в России первенствующее положение; Православная церковь признается институтом публично-правового характера, которому «государство оказывает покровительство и материальную поддержку»; Православная церковь пользуется правом «самоустройства согласно учению самой Церкви и по постановлению Всероссийского Поместного Собора»; все узаконения, ставящие высшее церковное управление в положение подчиненного органа государственного управления и придающие ему характер ведомства, отменяются; надзор государственной власти ограничивается лишь наблюдением за законностью актов церкви; для этого, а также для осуществления государственной поддержки и покровительства религиозным организациям учреждается должность министра исповеданий; с духовенства снимаются «обязанности по ведению всяких актов гражданского состояния»¹. Существенная разница между докладом Новгородцева и позицией Предсоборного Совета заключалась в отсутствии в докладе положения о необходимости главы Русского государства и министра исповеданий принадлежать к Православию.

Доклад Новгородцева вызвал на съезде оживленный обмен мнениями. Некоторые члены партии увидели в нем шаг назад по отношению к тем принципам, которые «были провозглашены партией 11 лет назад», и полагали недопустимым отказываться от принципа отделения церкви от государства². Однако большинство поддержало доклад, основные положения которого вошли в новую кадетскую программу. Современные исследователи объясняют это тактическими задачами кадетской партии. Не отказываясь от модели создания внеконфессионального государства, ПНС стремилась пойти на внешний союз с православием, исходя из текущей политической ситуации: «Новая церковная программа партии призвана была стать выполнимой в ближайшее время»³. Так, Котляревский говорил на съезде, что озвученные Новгородцевым тезисы соответствовали постановлениям Предсоборного Совета и Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве, что «дает основания полагать, что, в общем, они будут приняты и на грядущем Соборе»⁴.

Буквально накануне доклада Новгородцева на кадетском съезде, 25 июля 1917 г. министр-председатель Временного правительства Ке-

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917. М., 2000. С. 705.

² Там же. С. 706.

³ Соколов А.В. Указ. соч. С. 439.

⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917. С. 706.

ренский назначил Карташева вместо В.Н. Львова новым обер-прокурором Святейшего Синода. В связи с этим решения IX съезда ПНС пришлось как нельзя кстати – они позволили Карташеву в своей церковной политике опираться на официально провозглашенные установки партии народной свободы. Важнейшим шагом Карташева на новом посту стало упразднение 5 августа 1917 г. должности обер-прокурора Святейшего Синода и создание Министерства исповеданий. Обсуждение на Юридическом совещании постановления Временного правительства об учреждении данного министерства показывает столкновение различных позиций, закончившееся компромиссным вариантом. С одной стороны, подчеркивалась недопустимость признания «одного какого-либо вероисповедания господствующим», с другой – министр исповеданий и его товарищи назначались из лиц, «принадлежащих к православному исповеданию». С одной стороны, государство должно было «отказаться от опеки над Православною и прочими Церквами и вероисповеданиями и предоставить им самим определять внутреннее свое устройство без какого-либо утверждения со стороны государственной власти», с другой – министру исповеданий «присваиваются права и обязанности, ныне принадлежащие обер-прокурору Святейшего Правительствующего Синода и министру внутренних дел, по принадлежности». Компромиссный характер постановления подчеркивался его временным характером – до решений Всероссийского Поместного Собора и Учредительного собрания¹.

6 сентября 1917 г. Карташев представил записку Временному правительству по проекту штатов министерства исповеданий, в которой уточнил свое видение церковно-государственных отношений. Он предлагал, предоставив всем религиозным обществам автономию внутреннего управления, сохранить за государством «известную долю участия в делах церковных, поскольку участие это требуется принципом государственного суверенитета над всеми союзами и обществами, находящимися на территории государства». Степень этого «участия» понималась Карташевым довольно широко. Так, в министерстве планировалось создать инспекторский отдел, в который должны были поступать дела, «касающиеся как личного состава самого департамента, так и лиц, занимающих официальное положение в русской и грузинской церквях». При этом «служащие в православной церкви лица будут нуждаться в утверждении их в должности или в согласии на их назначение и увольнение со стороны государственной власти». Планировалось создать

¹ Архив новейшей истории России. Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март – октябрь 1917 года: В 2 т. / Отв. ред. Б.Ф. Додонов. Т. 2. М., 2019. С. 126, 134.

финансовый отдел, на котором «будет лежать предварительное обсуждение норм государственного воспособления православным церквям русской и грузинской, предоставление сметы такового воспособления и вообще все церковные хозяйственные дела, поскольку они подлежат компетенции государственной власти». Карташев подчеркивал, что «автономия церковная не освобождает, однако, власть гражданскую от обязанностей наблюдения за закономерностью действий церковных властей, а в некоторых случаях и вмешательства в действия этих властей»¹. Очевидно, что контролируя важнейшие церковные кадровые вопросы и выдавая государственные ассигнования, государство сохраняло за собой серьезные механизмы воздействия на церковь.

В период короткого существования министерства исповеданий Карташев стремился ослабить церковное администрирование со стороны государства, всячески защищал на правительственном уровне интересы духовного ведомства, поддерживал ряд предложений Поместного собора. Так, он добился от правительства выделения на нужды собора дополнительно к 1 млн. еще 2 млн. руб., поддержал сохранение обязательного преподавания Закона Божия в школах и т.д.². Эта позиция нашла признание среди членов Поместного Собора – 8 декабря 1917 г. Карташев был избран в состав Высшего Церковного Совета от мирян, заняв по итогам голосования второе место после С.Н. Булгакова³. При этом он был единственным претендентом в Совет, за которого голосовали заочно – в это время Карташев находился в заключении как член Временного правительства.

После освобождения из «Крестов» в 1918 г. Карташев вновь вернулся к разработке церковных вопросов в рамках своей деятельности в нелегальном Всероссийском Национальном центре. Он подготовил «Положение о Православной церкви», в котором получили дальнейшее развитие идеи Предсоборного Совета и церковной программы ПНС. В первом пункте документа подчеркивалось «первенствующее» среди других вероисповеданий положение в государстве Православной церкви. Подробно прописывалась материальная поддержка церкви со стороны государства, лишь декларируемая в программе ПНС. Появился новый пункт об обеспечении во всех низших и средних школах за счет государства преподавания Закона Божия для православных учащихся (вопрос об

¹ По проекту штатов министерства исповеданий // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 14. Д. 640. Л. 6-14.

² Конфессиональная политика Временного правительства России: сб. документов / сост. М.А. Бабкин. М., 2018. С. 228-232.

³ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 6. / Отв. ред. священник Алексей Колчурин, А.И. Мраморнов. М., 2016. С. 864.

обязательном преподавании данной дисциплины был деликатно обойден). Поскольку Карташев готовил свой проект уже после восстановления патриаршества, он прописал в нем ряд положений о роли патриарха в государственно-церковных взаимоотношениях. Также появился новый раздел о правах старообрядческой церкви, аналогичных правам официальной Православной церкви¹. Понятно, что ни о каком отделении церкви от государства даже в качестве отдаленной перспективы речь уже не шла. Оценивая в эмиграции этот проект, Карташев писал, что «он был продиктован эволюционными взглядами на положение вещей. Мыслилась наличность исторической инерции, непоколебимость основ старого строя государства и церкви»².

В 1920 г. на следствии в ВЧК Котляревский рассказал о ходе обсуждения «Положения о Православной церкви» на собрании Национального центра: «Карташев заявил себя противником отделения церкви от государства в России, по крайней мере в настоящее время, но считал необходимым всяческую охрану свободы совести... Более всего собрание интересовалось вопросом, нужно ли отстоять все же отделение церкви от государства, хотя бы проведенное иначе, чем по декрету (имелся в виду декрет Советской власти об отделении церкви от государства от 20 января (2 февраля) 1918 г. – А.Е.), и как будто склонилось скорее в пользу отделения»³. Последняя фраза явно говорила о неоднозначном восприятии идей Карташева в либеральной среде. Однако в условиях Гражданской войны кадетам было явно не до дискуссий по проблемам церковно-государственных отношений.

Таким образом, взгляды Карташева на взаимоотношения государства и Православной российской церкви в 1917 г. получили признание в рядах кадетской партии и во Временном правительстве, но только в виде тактической программы действий, рассчитанной на текущий политический момент – до созыва Учредительного собрания. Взятие власти большевиками похоронило его идеи «не отделения, а сотрудничества церкви и государства»⁴, но очевидно, что в случае иного развития событий, эти идеи могли бы прийти в столкновение с доктринальными установками социалистов и многих либеральных политиков по созданию светского внеконфессионального государства.

¹ Всероссийский Национальный Центр. М., 2001. С. 410-412.

² Карташев А.В. Временное правительство и русская церковь. С. 388.

³ Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1990. С. 147.

⁴ Карташев А.В. Временное правительство и русская церковь. С. 384.

О ЦЕНТРИСТСКОЙ ПОЗИЦИИ А.В. КАРТАШЕВА В НАЧАЛЕ 1920-х гг.²

В очерках жизни известного российского историка церкви, богослова, политического и государственного деятеля Антона Владимировича Карташева (1875–1960 гг.) обычно отмечается общая эволюция его мировоззрения, вызванная революцией³. В статьях Н.В. Самовер и А.Н. Егорова сделана попытка более детального рассмотрения влияния революционных потрясений в России на изменение его политической позиции. Самовер, проанализировав раннюю эмигрантскую публицистику Карташева, показала оформление в ней «галлиполийского мифа», который стал основой для его политической программы, приобретшей черты «религиозной веры в чудо национального возрождения»⁴. Егоров выделил и охарактеризовал два наиболее значимых принципа этой программы – «непримиренчество» и «непредрешенство»⁵. При этом из виду им был упущен третий, не менее важный для Антона Владимировича принцип – центризм, который стал основополагающим для его деятельности в начальный период эмиграции. Именно этот принцип находится в центре внимания в данном сообщении. Основой для реконструкции его обоснования послужили статьи Карташева в разных эмигрантских изданиях и, прежде всего, в «Вестнике Русского национального комитета», редактором которого он являлся, материалы подготовки Российского зарубежного съезда, состоявшегося в апреле 1926 г., а также материалы Русского национального комитета (далее – РНК), хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ).

¹ Антощенко Александр Васильевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук (ИИПСН) Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ).

² Публикация подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РФФИ, проект № 18-09-00172 «В поисках святой Руси: биография А.В. Карташева (1875–1960)».

³ См. подробно: Антощенко А.В. Историографический обзор исследований жизни и творчества А.В. Карташева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 4 (181). С. 26–33.

⁴ Самовер Н.В. Галлиполийская мистика А.В. Карташева // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 год. М.: ОГИ, 1998. С. 334–368.

⁵ Егоров А.Н. Антон Владимирович Карташев: «Мы были слишком Гамлетами и не могли унаться за катастрофическим ходом событий...» // Российский либерализм: идеи и люди. М.: Новое издательство, 2007. С. 831–843.

На проходившем в Париже 5–12 июня 1921 г. съезде Русского национального объединения Карташев выступил с докладом о его задачах, характере и программе, в котором определил цели и направленность деятельности этой организации¹. Как историк он показал предпосылки складывания надпартийного объединения всех антибольшевистских сил, проявившиеся еще в ходе Гражданской войны. Неприязненное отношение к этой идее сторонников реставрации и постепенное разложение левого фланга определили центристский характер такого объединения, насущность создания которого подтверждалась в докладе рядом примеров. При этом подчеркивалось, что это должно быть заново создаваемое политическое объединение, а не коалиция. Оно должно дать удовлетворение общенациональным нуждам зарубежной России, стать авторитетным политическим центром для объединения борьбы антибольшевистских сил и обеспечения защиты прав беженцев и внешнеполитических интересов России. Особо докладчик отметил, что, вырастая из реальных нужд зарубежной России, такое объединение будет призвано прийти и возглавить возрождение страны после падения большевиков, не навязывая ее гражданам политического устройства, что соответствовало принципу «непредрешенства».

Партийному делению и представительству интересов различных социальных групп и классов, возможному только внутри России, Карташев противопоставлял идею нации, понимаемой не этнически, а как государственно оформленное политическое единство. Реставраторскому лозунгу крайне правых «За веру, царя и Отечество» он противопоставлял лозунг «За Родину, за Отечество, за Россию!»².

«Сердцевиной» нации и основой для возрождения государственности докладчик провозглашал остатки белых армий и Добровольческой армии в частности. Им противопоставлялась нерациональная сила Красной армии, коренящаяся в крестьянстве, которому он, в отличие от эсеров, не отводил тем самым никакой самостоятельной роли. Этим определялось еще одно важное для Карташева положение – амнистия крестьянства за участие в Гражданской войне в составе красноармейских отрядов и за захват помещичьих земель. Тем самым он еще раз подчеркивал, что союз с Белой армией не означал реставраторства дореволюционных порядков. При этом отмечался моральный и юридический аспекты этого союза. Верность белых армий рассматривалась как

¹ Карташев А.В. Задачи, характер и программа русского национального объединения. Доклад, прочитанный на съезде «Русского национального объединения» в Париже 5–12 июня 1921 г. Париж: Б.и., 1921.

² Там же. С. 15.

нравственная основа возрождения. Правовым последствием верности армии признавалось возрождение былого престижа России как участницы Первой мировой войны¹.

Определяя отношение к последствиям революции, Карташев рассматривал ее как обусловленную дефектами прошлого строя и наличием в стране революционной традиции нарастающую «социально-государственную смуту», последовательно проявлявшуюся сначала в военно-политическом «бунте», затем социальном бунте рабочих, а потом и социальном бунте крестьян, что привело к господству «хаоса анархии». Результатом такой «стихийной революции» являлось то, что «старая ткань политического и социального строя разрушена до основания» и его реставрация невозможна.

В качестве важнейших программных предпосылок объединения национальных сил для пореволюционного возрождения России Карташев провозглашал следующие. Во-первых, непримиримость по отношению к большевикам и отмежевание от любого типа соглашательства (наподобие веры в эволюцию большевизма). Во-вторых, признание в качестве первичной и основной задачи объединения свержения власти III Интернационала, т.е. коммунистов. При этом вопрос о способах решения этой задачи рассматривался как «второстепенный», что предполагало приемлемость «всякого метода» избавлении России от большевизма, хотя бы связанного «с большими жертвами». В-третьих, *отказ от безжизненных стремлений восстановить безвозвратно рухнувший старый социально-политический строй России*. В-четвертых, отказ от всяких попыток слева и справа навязать народу общественно-политический строй, т.е. *«демократическое начало народовластия»*, при котором «народная воля сама должна признать для России законным тот или иной строй на национальном Учредительном собрании, свободно избранном правильным всеобщим голосованием»². Этот коренящийся в кадетском прошлом Карташева тезис подкрепляла близкая «партии народной свободы» социально-политическая программа объединения, заключавшая его доклад.

Вторая половина 1921 и начало 1922 гг. прошли для Карташева в разъездах, связанных с организацией местных отделов РНК, появившихся в Англии, Бельгии, Болгарии, Греции, Турции, Чехословакии, Югославии и на Дальнем Востоке³.

¹ Там же. С. 23.

² Там же. С. 28.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-6096. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

Наметившееся после поездки в Болгарию его сближение с евразийцами, громко заявившими о себе сборником «Исход к Востоку»¹, оказалось кратковременным и непрочным. Надежда лидеров этого зарождающегося идейного течения привлечь в свои ряды известного церковного историка не увенчалась успехом. Он опубликовал в их изданиях лишь две статьи, которые никак не сказались на формировании евразийской идеологии. Немаловажную роль в их размежевании сыграло подозрительное отношение С.Н. Трубецкого к деятельности РНК, возглавляемого Карташевым, и признание последним отсутствия творческого потенциала у евразийцев в вопросе духовного преодоления революции².

Важнее для Карташева было сотрудничество с П.Б. Струве, в редактируемом которым журнале «Русская мысль» Антон Владимирович опубликовал в 1922 г. свой отклик на Русское заграничное церковное собрание, состоявшееся в конце 1921 г.³ В статье ему пришлось согласовывать принцип аполитизма церкви с принципами непримиримости, непредрешенства и центризма, что он и сделал, опираясь на оценки изменений, вызванных революцией. После нее старые подходы стали недействительны, утверждал он, т.к. обе противоположные идеологии-демагогии, подпитывавшие Гражданскую войну, потерпели крах. За этим скрывалась имплицитная мысль, что только центризм позволит прекратить ее. Открыто же провозглашалась необходимость следования абсолютному принципу теократизма, о котором Карташев говорил еще до революции⁴, а в 1917 г., во Временном правительстве, содействовал установлению «взаимной независимости» церкви и государства «при их моральном культурном сотрудничестве»⁵. В новых условиях, когда полностью исчерпались возможности установить «симфонию церкви и царства»⁶, он выдвигал иной критерий оценки их взаимоотношений: значимо отношение государства к церкви, а не его политическое устройство. Поэтому для Карташева было не важно – республика или монархия установятся в освобожденной от большевиков России (как выражение

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.

² См. подробно: Антощенко А.В. А.В. Карташев и евразийцы // Диалог со временем. М., 2020. Вып. 70. С. 112–123.

³ Карташев А.В. Политика и Церковь // Русская мысль. 1922. Кн. 1–2. С. 286–296.

⁴ Карташев А.В. Реформа, реформация и исполнение Церкви. СПб., 1916. С. 15 и сл.

⁵ Карташев А.В. Временное правительство и русская церковь // Современные записки. Париж, 1933. Кн. 52. С. 382–383.

⁶ См. об этом подробнее: Антощенко А.В. Об эволюции теократического идеала А.В. Карташева // Вече. СПб., 1997. Вып. 9. С. 71–86; Сомин Н.В. А.В. Карташев о взаимоотношении церкви и государств // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ. М., 1998. С. 159–162.

непредрешенства), а было значимо – каким станет отношение государства в любой форме к церкви. Сам он в это время, как и до революции, считал, что «фактически монархия лучше для Церкви»¹, и допускал, что за монархическое правление выскажется народ в свободной России. Это косвенное обоснование монархизма не в политических, а в религиозных понятиях оставляло место для диалога с умеренными приверженцами этого принципа. Сам же Карташев позиционировал себя как «тихоновец» и с этой позиции заявлял, что те участники собрания, которые поддерживали идею реставрации династии Романовых, совершили «грех».

Весной 1923 г. Карташев участвовал во встречах с умеренными монархистами. В это же время у РНК появилась возможность издавать свой ежемесячный «Вестник», редактором которого стал Антон Владимирович. В редакторской статье первого выпуска он кратко напомнил основные положения, выработанные при создании РНК². Отмечая, что члены комитета не монархисты и не республиканцы, т.к. готовы стать выше программных разногласий ради общей борьбы с большевиками и «общего государственно-национального делания», он определял РНК как «сжатый парламент нации»³, символ единства, необходимый для объединения как сил эмиграции, так и разрозненных сил внутри России. Однако в интерпретации этих центристских по своему виду положений намечался некоторый дрейф вправо, что стало заметно в определении «Нашей ставки» во втором выпуске «Вестника»⁴. Выступая против «революционизма» социалистических партий, которые близки большевикам в признании необходимости рабоче-крестьянской власти, но с умеренными социалистами во главе, он в то же время отмежевывался от республиканско-демократической группировки П.Н. Милюкова, заботящейся «о сохранении завоеваний революции». Но, с другой стороны, он критиковал идею реставраторства, делающего ставку на «"святорусскую" народную массу, преданную православию, самодержавию и народности», которой уже нет. В настоящий политический момент, когда народная «стихия бушует на левом, революционном, самоотрицающем и кощунственном фланге», он видел «напряжение сдавленной и имеющей взорваться национально-консервативной реакции»⁵. Именно на нее он призывал сделать ставку.

¹ Ср.: Карташев А.В. Реформа... С. 16.

² Карташев А.В. Наше лицо // Вестник РНК. 1923. № 1. С. 3–6.

³ Там же. С. 6.

⁴ Карташев А.В. Наша ставка // Вестник РНК. 1923. № 2. С. 9–12.

⁵ Там же. С. 12.

Анализ тенденций революционного разрушения в России привел его к выводу о том, что оно захватило и церковь. Этот вывод стал основанием для резкой критики обновленчества и для территориального ограничения действенности принципа аполитизма, выдвинутого патриархом Тихоном. Вынужденное следование ему в Советской России не могло быть распространено на эмиграцию, церковные деятели которой должны были искать и благословлять пути активной борьбы с антихристовой властью на Родине. При этом важным становился «выход русской церкви на вселенское поприще и во вселенскую свободу»¹ – так Карташев обозначал свое окончательное расхождение с национально-православным консерватизмом евразийцев и формулировал идею общехристианского фронта против коммунистической идеологии.

«Планы объединения» сил для освобождения России предполагали союз организаций и группировок политических, а не профессиональных, которые боятся «оскверниться о политику». Задачами такого союза должны были стать борьба с большевиками и агитация «за русское дело на поприще международном»². Не оставляя надежды на иностранную интервенцию, Карташев все же основной упор делал на внутренние силы в России, недовольные советской властью, что требовало, по его мнению, «вызвать там веру в наши силы, в нашу помощь»³. Подчеркивая свою принадлежность к сторонникам активизма, он признавал допустимыми все возможные методы борьбы с большевиками⁴.

С конца сентября 1923 г. «как частное лицо», а не председатель РНК, Антон Владимирович активно включился в совещания с членами Совета торгово-промышленного союза и Банковского комитета, монархистами-конституционалистами и лидерами двух более крайних правых групп⁵. При этом на страницах ноябрьского выпуска «Вестника РНК» он вновь позиционировал себя как центриста⁶. С одной стороны, для него была неприемлема «соглашательская», по его мнению, политика «относительного антибольшевизма», лидеры которого видят главную опасность в реакции. С другой, – он критиковал группу русских монархистов, выпускавших «Вестник русского легитимизма» и поддерживавших притязания на престол великого князя Кирилла Владимировича. Правда,

¹ Карташев А.В. Завоевания революции в русской церкви // Вестник РНК. 1923. № 3. С. 6.

² Карташев А.В. Планы объединения // Вестник РНК. 1923. № 4. С. 3–4.

³ Карташев А.В. Активная разгадка // Вестник РНК. 1923. № 5. С. 3–5.

⁴ См.: Карташев А.В. Тиранубийство // Вестник РНК. 1923. № 7. С. 5–7.

⁵ Российский Зарубежный Съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. М.: Русский путь, 2006. С. 36, 40–41 и сл.

⁶ Карташев А.В. Национальное объединение // Вестник РНК. 1923. № 6. С. 3–6.

критика эта по форме напоминала скорее выпады против левых, т.к. неприятие «кирилловцами» иностранной интервенции и ожидание ими «окончательного прояснения сознания русского народа» клеймились Карташевым как «пацифизм, непротивленчество и преклонение перед большевистствующей волей народа»¹.

Участие в совещаниях «патриотов-государственников» потребовало от Карташева дальнейшего движения вправо, т.к. «лидером эмиграции» большинство их участников безусловно признавало великого князя Николая Николаевича. Первоначально Антон Владимирович был очень осторожен в этом вопросе, выступая за конспиративный характер встреч и, особенно, против «выявления» связи с великим князем. Это было предметом критики со стороны монархистов и недоумения со стороны последнего, когда Карташев был избран в постоянный президиум собраний и как его член в конце ноября 1923 г. встретился с великим князем². В результате, он был вынужден дезавуировать свое мнение о конспирации. 21 декабря на заседании РНК Карташев заявил о проходивших совещаниях, что вызвало противоречивые оценки этих действий со стороны его соратников по комитету. Карташев полагал, что это не помешает постепенному преодолению разногласий для проведения совместной «монархической работы», но делать это нужно постепенно.

Сам же он в конце декабря 1923 г. – начале января 1924 г. активно поддерживал идеи создания организационного бюро, выработки общей платформы для проведения съезда представителей национально-патриотических организаций и сбора средств для этого. Используя перешедшее к нему по порядку председательство на совещаниях, Карташев провел постатейное обсуждение программы, основой которой послужили сформулированные весной прошлого года предложения князя Г.Н. Трубецкого. Особо он настаивал на ряде наиболее важных для него пунктов: об амнистии и сохранении за крестьянами захваченной и обрабатываемой ими земли, о Белой армии как незапятнанном символе чести, об этической силе церкви в изгнании и даже о «моральной силе, воплощенной в представителях династии»³. Все эти силы он назвал «величайшей ценностью», опубликовав в феврале 1924 г. подробное обоснование такой оценки⁴. При этом им осуждались распри в стане белогвардейцев (прежде всего, нападки на А.И. Деникина и П.Н. Врангеля), попытки представить большевиков как бессознательных выразителей

¹ Там же. С. 6.

² Российский Зарубежный Съезд. С. 107–108.

³ См.: там же. С. 153, 154–155, 162–163.

⁴ Карташев А.В. Неперекаемая ценность // Вестник РНК. 1924. № 8. С. 3–7.

национальных интересов, а Красную армию как национальную силу, способную «сбросить большевиков» (поэтому, якобы, белогвардейцы в свободной России смогут «слиться» с красноармейцами, как полагал великий князь Николай Николаевич). Возникшая в марте по этому поводу дискуссия в отделениях РНК позволила лидеру монархистов А.Ф. Трепову заявить, что комитет не признает великого князя Николая Николаевича национальным лидером. После этого участие Карташева в совещаниях оказалось невозможным, несмотря на то, что в июньском номере «Вестника РНК» он поместил интервью великого князя журналисту американского агентства «Ассошиэтед Пресс» и свой, в общем-то, благоприятный комментарий высказанных в интервью идей Николая Николаевича, ряд которых он все же считал нужным скорректировать. Наиболее важными для такой корректировки были идея правового государства и учет общественного мнения, как обязательные условия восстановления российской государственности после освобождения страны от ига большевиков¹. Правда, так выраженное стремление уравновесить уступки монархистам порождало довольно сомнительный тезис о «правовой диктатуре», которая будет неизбежной после падения коммунистов.

Так закончился дрейф вправо Карташева, надеявшегося таким образом добиться объединения РНК с теми монархистами, которые были бы способны отказаться от своих реставрационных планов. В результате он оказался на самом правом фланге центристской позиции, от которой с другой стороны откололись сторонники республиканского устройства освобожденной России. Его участие в Заграничном съезде было более чем скромным, а оценка результатов – весьма негативной, как события, показавшего «дно пропасти», в которую может свалиться белое движение, если не откажется от реставраторских лозунгов².

¹ Карташев А.В. О беседе Великого Князя // Вестник РНК. 1924. № 9. С. 11.

² Карташев А.В. Кризис белого движения // Вестник РНК. 1926. № 11. С. 10.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ В НАСЛЕДИИ С.И. ГЕССЕНА²

Современные подходы к пониманию либерализма и как мировоззрения, и как политического течения, и как направления общественно-политической мысли, и как идеологии и прочее, прочее, прочее, так или иначе основываются на сформировавшемся понимании либерального «символа веры» как некой совокупности базовых постулатов, в качестве каковых, как правило, позиционируется главенство прав и свобод человека и неприкосновенность частной собственности. Естественно, что в данном случае, как и с любым «символом веры», речь идет о сущностях идеальных, неких максимах, которые в силу своей природы не могут полностью воплотиться в некой общественно-политической данности. В своем конкретном воплощении базовые постулаты либерализма испытывают влияние совокупности самых разнообразных факторов, формирующих специфику социально-политической, социально-экономической ситуации в конкретном историческом периоде. Объем реализуемых прав и свобод человека, вмешательство государства для обеспечения возможности использования совокупности этих прав и свобод, согласование (выявление) т.н. общей воли, отчуждение собственности за справедливое вознаграждение в случае необходимости удовлетворения общего интереса – это лишь самые общие трансформации идеального варианта либерализма, которые произошли с ним в XIX в. и продолжают все последующее время.

Однако, если мы говорим о подверженности либерального «символа веры» влиянию внешних факторов, трансформирующих его сущностные компоненты, то вполне логично предположить, что аналогичное влияние испытывают и иные, аналогичные либерализму, сущности социального характера. С.И. Гессен, чьему наследию в основе своей и предполагается посвятить настоящий материал, вполне справедливо отмечал, что «...либерализм в своем чистом и безусловном виде никогда и не защищался. Жизнь давно уже отвергла догмат о невмешательстве государства в свободу собственности, труда и союзов ... Под влиянием социалистических партий, на путь ограничения произвола в праве

¹ *Аронов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева*

² *Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ № 20-09-22003*

собственности вступили ныне широкие общественные слои, объединенные в так называемые радикальные партии социальных реформ»¹. По его мнению, «развитие от либерализма к социализму обнаруживается, таким образом, как постепенный и неуклонный рост личности»². По сути, речь здесь идет о конвергенции идеологических постулатов, причем не в форме рецепции, иначе говоря, сколь-нибудь прямого заимствования, сколько об аккультурации, т.е. приспособлении, адаптации некоего идеологического постулата с целью модернизации собственной идеологии, повышения степени ее конкретности.

Соответственно, подобно тому как либерализм, выступая в качестве политического течения, брал на вооружение постулаты, ранее считавшиеся монопольно принадлежащими различным оттенкам социалистической идеологии, так и в рамках происходившей идеологической конвергенции шел процесс восприятия либеральных ценностей как левыми, так и правыми радикалами. Можно и должно говорить о том, насколько данный процесс соответствовал действительному изменению системы взглядов, ценностей носителей определенной идеологии. Следует отличать некие тактические заимствования лозунгов, слоганов, иных элементов партийной программтики, от использования идеологических конструкций конкурентных политических образований для оформления происходящих сущностных трансформаций. Типичным примером данного процесса может служить институт прав и свобод человека, лежащий в основе либерализма во всех его ипостасях и в той или иной мере воспринятый иными течениями к началу XX в. Строго говоря, даже в программатике крайне правых партий Российской империи с их лозунгами «Бей (соответствующий моменту объект воздействия вставить) – спасай Россию» и то содержатся вариации на тему, что «ежели Государь Император решит наделить подданных правами. То вот тогда им у них и быть». Что уж говорить о партиях и течениях с гораздо более изощренной идеологией, к тому же, по мере втягивания в борьбу за власть проявляющих все больше и больше черт сугубого прагматизма. Наиболее известным примером здесь выступает программа-минимум РСДРП³.

Соответственно, в условиях такого транзита идеологических постулатов, реальной и мнимой конвергенции элементов партийной программтики встает вполне резонный вопрос о выборе критерия, который поз-

¹ Гессен С.И. Политическая свобода и социализм // Гессен С.И. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 555.

² Там же. С. 556.

³ Документы и материалы II съезда РСДРП. 17 июля - 10 августа (30 июля - 23 августа) 1903 г. Программа Российской социал-демократической рабочей партии // Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 418-424.

воляет отделить зерна от плевел и агнцев от козлиц, добрых католиков от злых еретиков, а носителей либеральной идеологии от мимикрирующих под ее популярные лозунги радикалов всех, но, особенно левых, мастей.

В ряде предшествующих работ нами была предложена исследовательская гипотеза, предполагающая, что требованиям к подобному критерию различения либералов и радикалов вполне удовлетворяет такой неотъемлемый элемент партийной программтики, как избранный партией метод общественных преобразований или модель социального конструирования. Вторым ее компонентом выступает предположение о том, что носителям либерального мировоззрения, находящего адекватное выражение в соответствующей идеологии и партийной программтике, имманентно присущ отказ от силовых сценариев социального проектирования, а, соответственно, и от методов социального конструирования.

Данное предположение, высказанное в ряде публичных дискуссий, вызвало ряд возражений, большинство которых было связано, по сути, с подменой ключевого тезиса выдвинутой гипотезы, а именно – имманентно присущего либерализму неприятия силовых методов общественных преобразований. Вместо обсуждения этого предположения выдвигались вполне справедливые аргументы о том, что либералы, как патриоты своей страны, готовы к применению силы в отношении угрозы внешней и в случаях необходимости пресечения противоправных действий внутри государства. Однако, с данным посылом никто и не спорил, и сущность гипотезы не сводилась к абсурдной мысли поставить знак равенства между либерализмом и возведенным в Абсолют абстрактным пацифизмом. Весьма продуктивным при обсуждении идеи о приверженности либерализма ненасильственному социальному проектированию, как третьему компоненту либерального «символа веры», был аргумент, высказанный в ходе одной из секционных дискуссий на Таврических чтениях 2019 г. Сущность его сводилась к тому, что и в XVIII в. либералы поддерживали право народа на восстание, и в России начала XX в. левое крыло кадетов – ряд его представителей, рассчитывали использовать революционную активность масс для достижения своих политических целей. Действительно, эти явления, несомненно, имели место, и их бытие, как объективной исторической реальности, вряд ли может быть подвергнуто аргументированному отрицанию. Что же касается надежд на использование революционной стихии для решения конкретных политических задач, то здесь, конечно, следует говорить о каждом конкретном случае. Если же пытаться как-то все-таки типологизировать

данный аспект проблемы, то несколько афористично можно сформулировать следующее определение: «Отдельные либералы допускали ошибки, либерализм в целом оказался прав».

Обоснованность данного тезиса можно подтвердить анализом партийной программтики, которая не содержит признаков присутствия в ней контента, свидетельствующего о наличии социального конструирования, предполагающего признание допустимости насильственного социального конструирования. Не говоря уже о либеральном правом фланге и центре, даже вытесненные, в силу специфики российского политического ландшафта начала XX в., на левый фланг либерального сектора кадеты оставались, так или иначе, в рамках либерального «символа веры».

Еще одним источником, который, как нам представляется, еще требует достаточно масштабного изучения с позиций заявленного нами подхода, выступает то богатейшее теоретическое наследие либеральной общественно-политической мысли, которое сегодня имеется в распоряжении современного исследователя благодаря двум масштабным публикациям последних лет¹.

Собственно, известные рамки пределам методологии общественно-го конструирования поставил уже основоположник классического направления в российском либерализме Б.Н. Чичерин, который в своей классической работе сформулировал такой вид либерализма, как «охранительный либерализм». Фактически до предела довел ограничения на приемлемые для либерализма средства социальных преобразований С.А. Муромцев, полагавший неприемлемой не только революцию, но и даже сколь-нибудь масштабную социальную реформу. По его мнению, даже кардинальная, избыточно масштабная реформа социального устройства может иметь для общества негативные последствия, способные в своих крайних вариантах перекрыть результаты усовершенствования системы управления социумом. «Резкие перевороты и крупные перевороты, – писал он, – оживляют, но также и потрясают общественный организм. От государственной власти зависит доверить суду постоянное и постепенное проведение в жизнь справедливости»².

Некие следы присутствия в российской общественно-политической, прежде всего, кадетской, мысли неправовых способов социального конструирования найти, конечно, несложно. Прежде всего, это будут эпизо-

¹ Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX века. РОССПЭН, 2010; Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

² Милюков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1911. С. 10.

ды, связанные с обсуждением идеи Учредительного собрания, его места и роли в реализации либеральной модели реформирования социально-политического строя России. Не входя в подробности, не являющиеся предметом рассмотрения настоящей работы, отметим, что идея Учредительного собрания была в России весьма популярной у самых разных политических течений, зачастую выступавших носителями противоположных ценностей. Применительно к либеральному течению в российском политическом классе, можно говорить о приверженности идее Учредительного собрания как средстве введения в стране конституционного строя, демократических свобод, однако не как о результате революции. Строго говоря, как отмечают отечественные исследователи, в своих ранних работах В.И. Ульянов-Ленин допускает реализацию в России политических свобод как результата решений Земского собора, созванного царским правительством¹. Соответственно, некая степень отказа от абсолютизации легитимных, отметим, именно легитимных, а не насильственных методов социального конструирования, применительно к либералам будет лежать в поиске ответа на вопрос о типе (способе) легитимации Учредительного собрания. Идеальным вариантом, с точки зрения, как классической либеральной теории, так и с позиции, так сказать, чистоты рук, тут будет созыв Учредительного собрания действующей властью. Есть, конечно, ряд нюансов, связанных с распространением избирательных прав при выборах депутатов на различные категории населения, но это, все-таки достаточно частный вопрос. Другим же вариантом, выступающим уже в качестве не столь идиллического варианта перехода к политическим свободам, является решение избранного органа законодательной власти объявить себя Конституантой, фактически присвоив себе полномочия Учредительного собрания. Здесь, опять же, встает вопрос о степени легитимности как этого акта, так и степени представленности в Парламенте – Конституанте – населения государства. Однако с формальной точки зрения, этот путь уже далеко не легитимен даже при достаточно демократических принципах процедуры выборов.

Подобный вариант развития событий обсуждался и в либеральной партийной публицистике, и на первых съездах конституционно-демократической партии, но по ряду оснований лозунг Учредительного

¹ Попова О.Г. Идея Учредительного собрания в российской истории и его роль в попытке создания правового государства в 1917 - начале 1918 г. // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 1998. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV-XX вв. С. 151 // URL: <http://hdl.handle.net/10995/2744>; Протасов Л.Г., Миллер Г.И. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива: Два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 5. С. 3.

собрания в партийную программу не вошел. Соответственно, можно говорить о степени признания возможности нелегитимного Парламента – Конституанты – как некоего индикатора степени отклонения либералов от ориентации исключительно на правовые, вновь подчеркнем, но не перехода на насильственные, методы социального конструирования. Определенные индикаторы отклонения в сторону признания насилия как допустимого средства в реализации модели преобразования страны можно, конечно, искать и еще в нескольких областях. Это и отношение к политическому террору радикалов, и амнистии к лицам, совершившим политические преступления, и степени готовности поддержать власть исполнительную в борьбе с революцией и прочее, и прочее. Однако здесь речь уже никоим образом не идет о нашем базовом тезисе, который, напомним, состоит в том, что мы говорим о таких макро категориях как либеральный «символ веры» и сценарии социального проектирования / конструирования. Не распространяя результатов частной выборки политической практики либералов на генеральную совокупность либеральной идеологии и результатов поисков общественно-политической мысли, обратимся к интересующим нас моментам в творчестве конкретных носителей либеральной идеологии.

Вполне логично ожидать, что у представителей российского либерализма, относившихся к «правой части его левого фланга», вряд ли стоит искать свидетельств о приверженности конституционных демократов к генерации социальных проектов, предполагающих насилие как «повивальную бабку»¹ либеральных преобразований. Поэтому представляется вполне логичным обратиться к тем носителям либеральной идеологии, кто причислен к левому флангу либералов, что, в частности, находило свое выражение не только в теоретических выкладках и построениях, но и во вполне конкретном организационном взаимодействии. Как представляется, к числу таких общественных деятелей России начала XX в. с полным правом мы можем отнести С.И. Гессена, тесно связанного с группой Г.В. Плеханова.

Не входя в подробности биографии Гессена, имеющей весьма солидную историографию, остановимся на ряде мест из его произведений, где он, как мы полагаем, ведет речь именно о методологии как социального проектирования, так и социального конструирования. Особенно интересны те его работы, где он проводит анализ сближения различных идеологических течений, а именно: либерализма и социализма. Так, применительно к выявленной им эволюции свободы личности от фено-

¹ «Насилие — повивальная бабка каждого старого общества, беременного новым» (Маркс К. Капитал. Соч. Т. 1. Гл. 31).

мена, обеспеченного произволом государства, к явлению, основанному на идеях равенства и братства и обретающего «правовой облик», он прямо указывает и на возможность учета этой тенденции в деятельности государственного механизма. При этом, весьма и символично, и симптоматично то обстоятельство, что начинает он с задач законодательного органа власти, именно того органа, в борьбе за который и видели либералы многих стран и поколений свою главную задачу. «Соответственно с этим, – пишет он, – перед законодательной властью государства встают все более и более широкие задачи. Сначала они исчерпываются организацией правого суда, имеющего целью охранять и проводить в жизнь законы; законодательная власть обеспечивает этим свое собственное функционирование. Затем, по мере того, как начало произвола постепенно изгоняется из отдельных свобод и свобода личности осуществляется в жизни в своем все более и более чистом виде, законодательная власть ставит себе задачи просветительского общественно-хозяйственного рода»¹.

В этой достаточно длинной цитате, которую мы себе позволили ввиду комплексности и целостности заложенной в нее и интересующей нас идеи, если реконструировать в формализованном виде стадийность преобразований, мы видим, по сути один из вариантов реализации либеральной модели реформирования социально-политического строя страны посредством широкомасштабной правовой реформы. Собственно с этим российский либерализм и шел в Первую Государственную Думу, имея на руках достаточно проработанный пакет законопроектов, призванных обеспечить реализацию в России института основных прав и свобод человека². Правды ради, следует отметить, что реформа суда и судебной системы не была для либеральных сил приоритетной, причины этого были подробно рассмотрены в материалах «Муромцевских чтений»³.

Первый шаг – получение контроля над законодательной властью. Второй шаг – масштабная правовая реформа, обеспечивающая правовые начала свободы личности. Третий шаг – просвещение общества. Здесь речь идет о том, что на практике социального управления либерализм столкнулся с тем, что идея общей воли, по сути, потерпела крах

¹ Гессен С.И. Указ. соч. С. 556-557.

² Более подробно см.: Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе. 1906-1917 гг. М.: Юрист, 2005.

³ Аронов Д.В. Имперский концепт в либеральных проектах Основного закона России начала XX в. // «Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии». Муромцевские чтения Сборник научных статей. Орел: ИД Орлик, 2014. С. 122-130.

ввиду трудности ее определения, а также склонности широких масс поддаваться влиянию различных деструктивных в отношении свободы личности влияний.

Еще одной работой, в которой Гессен, по сути, поставил, а как мы полагаем, и во многом ответил на вопрос об имманентной приверженности либерализма к ненасильственным методам социального конструирования, выступает, на наш взгляд, «Обоснование правового социализма» (Глава VI Раздел первый)¹, где он задается вопросом «...разрешает ли новый либерализм выдвигаемую современным строем проблему, и, следовательно, *может ли эта последняя быть разрешена правовыми средствами в пределах реформированного правового государства* (курсив наш – Д.А.)»². Далее он отмечает, что «...вопрос этот в сущности не подвергался обстоятельному и вдумчивому исследованию»³.

Гессен поставил, по сути, проблему, которая, если сформулировать ее с использованием терминологии теории управления, будет звучать так: возможно ли преобразование современного государственного строя посредством широкомасштабной правовой реформы, т.е. посредством изначально ненасильственных (правовых) методов социального конструирования. Иначе говоря, возможна ли с их помощью реализация либеральной модели реформирования социально-политической системы страны, как результат либерального социального проектирования.

Отвечая критикам нового либерализма, Гессен возражает на ставшее уже тогда стандартным и успешно дожившее до наших дней обвинение либерализма как политического течения, чьи усилия направлены к «попытке укрепить современный общественный строй частичными, у социализма заимствованными уступками»⁴. По его мнению, «он (новый либерализм – Д.А.), несомненно не укрепляет, а существенно изменяет существующий порядок», сохраняя при этом сущность либерального «символа веры», который у Гессена обозначен термином «правовый либерализм». Впрочем, по его мнению, это лишь первый шаг на пути к эволюции содержания социалистического учения. Соответственно, здесь мы видим вполне четкое определение способности либерализма к трансформации в соответствии с меняющимися условиями, а также признание за этими трансформациями способности качественно изменять сущность социально-политической системы страны. Данное положение

¹ См.: Гессен С.И. Обоснование правового социализма // Гессен С.И. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 43-394.

² См.: Там же. С. 94.

³ См.: Там же.

⁴ Там же.

вполне подпадает под понятие социального проектирования, создание образа будущего в его либеральном понимании.

Соответственно, как мы полагаем, есть основания говорить о том, что в трудах С.И. Гессена рассматривались, хотя и не как основной предмет научного поиска, присущие либеральной идеологии и политико-правовой практике методы социального проектирования и социального конструирования. В частности, это было сделано при рассмотрении столь значимой как для политической практики либерализма начала XX в., так и его теоретического поиска проблемы его конвергенции с иными политико-правовыми учениями и политическими практиками. Полагаем, что последующее обращение к наследию представителей общественно-политической либеральной мысли покажет все многообразие сгенерированных ими сценариев, показывающих такое свойство либеральной идеологии и политико-правовой практики как приверженность ненасильственным способам преобразования социальной действительности.

**АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РИТОРИКЕ
ЛИДЕРОВ РОССИЙСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ
В 1905–1910 гг.**

Аграрный вопрос занимал исключительное место в общественной жизни России начала XX столетия. Естественно поэтому, что на протяжении деятельности Первой, Второй и Третьей Государственной Думы – вплоть до принятия в 1910 г. закона, подтверждавшего и развивавшего основные положения столыпинской реформы, позиция всех представленных в Думе политических сил по аграрному вопросу являлась ключевым элементом их программных установок и тактики, причем тот или иной сценарий решения аграрного вопроса очевидным образом увязывался с определенным видением политического развития страны. В докладе будет охарактеризована риторика по аграрному вопросу ряда видных деятелей российского либерализма, прежде всего, лидеров ведущей силы думской либеральной оппозиции – конституционно-демократической партии.

Характеристику эту следует начать с позиции местных комитетов конституционно-демократической партии, которая представляется весьма показательной. Делая обзор их предложений, Л.К. Брейер отмечал, что «основания аграрной реформы на местах разработаны очень недостаточно»; однако одно положение выдвигается на первое место всеми – необходимость принудительного отчуждения частновладельческих земель с целью удовлетворения в том или ином размере земельной нужды крестьян. Только при этом условии, по мнению местных комитетов, возможно успокоение крестьян, развитие их благосостояния и проведение всех других мероприятий, необходимых для оздоровления ситуации в аграрном секторе российской экономики².

В такой ситуации и лидеры партии народной свободы не могли не поставить требование принудительного отчуждения частновладельческих земель в центр своей аграрной программы; впрочем, большинство из них совершенно искренне разделяло эту идею. Так, по мнению М.Я. Герценштейна, не может быть никаких сомнений в том, что площадь крестьянских земель должна быть увеличена, «притом преимуще-

¹ Беспалов Сергей Валериевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС (Москва).

² Брейер Л.К. Мнения местных к.-д. комитетов и местных деятелей об основах аграрной реформы // Аграрный вопрос. Сб. ст. Т. II. М., 1907. С. 241.

ственно за счет частновладельческих земель»¹. Правда, реформа эта должна быть проведена «не путем конфискации, а путем экспроприации, при которой вознаграждение владельцев земли является неизбежным», хотя и не по рыночной цене, а исходя из «справедливой оценки». Отметим, что, обосновывая данное положение кадетской программы, Герценштейн заявил в Государственной Думе, что вопрос разрешился бы без всяких затруднений в случае «одновременной замен[ы] частной собственности на землю и капитал государственною», то есть перехода к социалистическому строю; однако, поскольку «объективных данных» для такого перехода в России пока явно не достаточно и «экономическая структура не подготовлена еще настолько, чтобы частная инициатива могла быть заменена государственною или общественною», постольку за экспроприируемую землю лучше все-таки заплатить². Показательно, что именно человек со столь радикальными взглядами являлся в первой Думе основным оратором кадетской партии по аграрному вопросу.

Основным препятствием для развития сельского хозяйства России являются, согласно Герценштейну, отнюдь не уравнилельные общинные порядки, а, напротив, «неравномерное увеличение богатых», которое «приняло такие размеры, при которых всей нашей культуре грозит опасность»³. На обвинение профессора Л.И. Петражицкого, кстати, тоже члена партии народной свободы, обратившего внимание на сходство позиции Герценштейна с взглядами реакционного немецкого историка Гирке – приверженца идей средневекового германского права, характерной особенностью которого является «порабощенность индивида разными коллективными союзами: семейно-родовыми, общиною и т.д.», причем это отсутствие какой-либо личной и имущественной свободы выставлялось, по словам Петражицкого, как «истинно-социальное право»⁴, Герценштейн без колебаний отвечает, что Гирке «гораздо ближе к истине, чем те юристы, которые под покровом либерализма и демократизма стремятся создать в деревне дифференциацию»⁵. Партия народной свободы, от имени большинства членов (и депутатов) которой выступал Герценштейн, не может, по его словам, согласиться с тем, что «никогда не достигнуть культуры, пока не выделится зажиточный элемент крестьян», поскольку наряду с этим неизбежен рост сельского про-

¹ Герценштейн М.Я. Конфискация или выкуп? (К аграрному вопросу). М., 1906. С. 2.

² Думский сборник. Вып. I. Государственная дума первого созыва (27 апреля - 8 июля 1906 г.). СПб., 1906. С. 16-17.

³ Там же. С. 183.

⁴ Там же. С. 172.

⁵ Там же. С. 182.

летариата – его Герценштейн именует батрачеством; «не крестьянин должен опуститься до батрака, а батрак должен подняться до крестьянина»¹.

Наконец, даже неизбежность существенного снижения товарности сельскохозяйственного производства, сужения рынка и – вследствие этого – тяжелого промышленного кризиса не кажется Герценштейну серьезным аргументом против предлагаемой его партией программы, поскольку, хотя «против роста промышленности возражать не приходится, но искусственно создавать ее мы не можем»². Отметим, что в данном случае Герценштейн и его единомышленники высказывали взгляды, весьма близкие к воззрениям их «злейших врагов» – помещного дворянства, также активно протестовавших против насаждения индустрии в ущерб интересам аграриев.

Другой видный деятель кадетской партии – Г.Ф. Шершеневич, также считал несостоятельными доводы тех, кто выступает за неприкосновенность частной собственности на землю. «Свято то право, которое охраняет справедливость», – утверждал он в рассчитанной на массового читателя брошюре, разъясняющей основные положения партийной программы; а «где же правда в том праве, которое позволяет богатым помещикам, не обрабатывающим землю, брать с земледельцев плату в свою пользу?»

Кроме того, по утверждению Шершеневича, многочисленные случаи отчуждения частных земель, необходимых при строительстве железных дорог, военных объектов и т.д., вполне могут служить прецедентом для дела безусловно «общепользовного» – обеспечения землей остро нуждающихся в ней крестьян. Кроме того, раз «у крестьян давно сидит мысль, что земля Божья и что она должна быть в руках тех, кто сам на ней работает», то с мнением народа нельзя не считаться³.

Земли, выкупленные у владельцев государством «по справедливой оценке», вместе со всеми существующими категориями государственных земель должны составить единый государственный земельный фонд. Более того, в дальнейшем за государством должно быть признано преимущественное право приобретения всех выставляемых на продажу частных земель. В результате, по словам Шершеневича, «шаг за шагом будем подвигаться к тому, чтобы вся земля стала народным достоянием. Это то, что называется национализацией земли», – такова должна

¹ Там же. С. 182-183.

² Там же. С. 182.

³ Шершеневич Г.Ф. Программа партии народной свободы (Конституционно-Демократической). М., 1906. С. 35.

быть конечная цель аграрной реформы. Из государственного фонда земельные участки должны передаваться нуждающимся крестьянам в пользование, а не в собственность, во-первых, потому, что, раз земля выкуплена на государственные средства, то она должна и оставаться собственностью государства, а, во-вторых, «крестьянину нужна земля для добывания хлеба, а не все ли ему равно, чья она, государства, или общины, или его лично?» Кроме того, не исключено, что со временем ввиду изменения обстоятельств по решению народного собрания [?!] «надо будет иначе воспользоваться землею, с большею для всех пользою»¹.

Впрочем, принципиальные решения по аграрному вопросу, полагал Шершеневич, вправе принимать лишь Государственная Дума, и, если крестьяне «потребуют непременно передачи им во владение – придется голосу их уступить»; однако подобный вариант развития событий он справедливо считал маловероятным².

С несколько иных позиций подвергал критике аграрную политику правительства другой видный деятель кадетской партии – Шингарев. По его мнению, если какая-либо собственность и должна считаться неприкосновенной, то, прежде всего, общинная. Будет ли она превращаться в частную собственность или нет, решать должны сами крестьяне; в любом случае «вглубь народной хозяйственной жизни, в его земельные отношения не вправе вмешиваться законодатель, ... дело пользования землею, ее разверстка – дело самого народа, народного общества, а не организующих его»³. По мнению Шингарева, правительство, ничего не делавшее на протяжении десятилетий для поднятия земледелия, повышения культурного уровня народа, тормозившее развитие просвещения, сваливает на общину собственные грехи. Разрушение общины недопустимо, поскольку «худая ли она, хороша ли она, она жила без вас [правительства] и выполнила великую историческую миссию в русской жизни», и если в отдельных регионах страны ей и суждено погибнуть, то процесс этот должен быть естественным⁴.

Во многом сходной с взглядами Шингарева была и позиция П.Н. Милюкова. Не желая выглядеть убежденным сторонником русской общины, Милюков утверждал в то же время, что «идеал мелкой земельной собственности – это не русский идеал и тем более не русская действительность»⁵. Масштабный социально-экономический переворот,

¹ Там же. С. 38-39.

² Там же. С. 39-40.

³ Государственная Дума. Второй созыв. СПб., б/г. Стб. 1356.

⁴ Там же. Стб. 1356-1357.

⁵ Государственная Дума. Третий созыв. Сессия I. Ч. I. СПб., б/г. Стб. 361.

происходивший на Западе на протяжении нескольких веков, не может быть совершен по воле правительства в считанные годы. Поэтому правительственный проект аграрной реформы, «гораздо меньше имеющий связи с русским прошлым и гораздо более утопичный», нежели кадетская программа, основанная на принудительном отчуждении, обречен на провал, – правда, опять же «если его иметь в виду, как проект, подлежащий немедленному осуществлению». Кроме того, столыпинская программа, по мнению Милюкова, предусматривала, по сути, принудительное отчуждение надельных земель, притом по оценке явно не справедливой «и в интересах не государственных, а частных», – то есть в интересах небольшого слоя многоземельных крестьян, а также заинтересованных в успокоении деревни помещиков. Исходя из этого, Милюков утверждал, что правительственная политика более революционна, чем то, что предлагалось кадетами¹. (И в известном смысле он, несомненно, был прав).

Лидер партии народной свободы настаивал на том, что ввиду исключительной важности вопроса и в отсутствие согласия в обществе по поводу путей его решения, никакие меры не должны предприниматься без учета позиции народных представителей; «едва ли представитель высшей государственной власти может решать его в одном смысле и тем более считать это решение единственно спасительным для государства, таким, какое можно положить в основу угла всех будущих реформ»². Наконец, совершенно несостоятельной представляется Милюкову идея П.А. Столыпина о том, что только возникновение слоя мелких земельных собственников может создать предпосылки для успешного завершения политических реформ, создания эффективного местного самоуправления и т.д.: поскольку быстрых результатов от аграрной реформы ожидать не приходится, не следует «на ней основывать и ею даже обуславливать возможность всякого рода других преобразований»³; политические и экономические реформы должны осуществляться параллельно и потому еще, что в любой стране форма землепользования, по словам Милюкова, неразрывно связана со всем общественным строем и, следовательно, «может эволюционировать лишь на почве эволюции всего этого строя»⁴.

Милюков полагал, что два основных соображения явились для правительства решающими аргументами против сохранения общины: «со-

¹ Там же. Стб. 361-362.

² Там же. Стб. 363-364.

³ Там же. Стб. 362.

⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб., 1909. С. 285.

ображение фискально-экономическое и соображение политическо-классовое». В то время как «большинство образованного общества» считало основной причиной бедственного положения российской деревни тяжелое социальное положение крестьян и, главным образом, их малоземелье, и «по этому прогрессивному взгляду исход намечался в новой широкой земельной реформе, в дополнительном наделении», правящие круги предпочли объявить источником всех бед техническую отсталость русского земледелия, которую, в свою очередь, объяснили «устарелой формой русского землепользования, то есть существованием русской поземельной общины»; естественно, такое толкование оказалось менее радикальным и куда более приемлемым для властей и помещного дворянства¹.

Кроме того, после начала массовых крестьянских выступлений и обнаружившегося стремления крестьянства забрать себе всю землю «связь русского примитивного коллективизма с "социализмом" стала аксиомой для правительственных деятелей. Как необходимое противоядие против него, был усвоен и много раз торжественно провозглашен принцип "неприкосновенности частной собственности"». Таким образом, действительной причиной насильственного разрушения общины и насаждения мелкой земельной собственности, по убеждению Милюкова, стала не забота о благе крестьянина, а стремление сохранить в неприкосновенности дворянские владения.

В итоге, полагал лидер кадетов, из чисто политических соображений, без серьезного предварительного изучения, спешно и насильственно совершался один из грандиознейших социальных переворотов, какие когда-либо переживала Россия².

С аналогичных позиций подвергали критике столыпинскую реформу и другие деятели либерального движения. Так, известный публицист Л. Слонимский на страницах «Вестника Европы» заявлял, что ставить аграрную проблему впереди конституционной бесполезно – не изменив государственного строя, не имея за собой реальной власти, либералы не смогут оказывать сколь-нибудь действенного влияния на аграрную политику. «К чему приведут самые справедливые и старательно разрабатываемые аграрные проекты, если их может во всякое время беспрепятственно опрокинуть и упразднить ничтожнейшее министерство, расплагающее всеми силами государства?» Поэтому необходимо, прежде всего, ставить вопрос о преобразовании системы государственного управления, изменении состава и способов действия администрации,

¹ Там же. С. 282-283.

² Там же. С. 284-285.

обеспечении правильного функционирования народного представительства и лишь затем приступать к переустройству социально-экономических отношений, опираясь при этом на поддержку большинства избирателей. «Политические реформы должны предшествовать социальным, и... прочное разрешение таких вопросов, как поземельный, возможно только при соответственных условиях политической жизни»¹.

Тот же журнал «Вестник Европы», «примыкая, в существенном и главном», по его собственной оценке, к кадетскому аграрному законопроекту, пытался найти аргументы в пользу широкомасштабного принудительного отчуждения даже в выступлениях самого Председателя Совета Министров. Напоминая слова Столыпина о том, что обязательное отчуждение (в виде исключения, а не общего правила) может применяться в тех случаях, когда оно необходимо для организации земельного устройства и улучшения землепользования крестьян – для ликвидации чересполосицы, организации выгонов, сооружения дорог и т.п. – то есть в тех случаях, когда это отчуждение «не количественного характера, а только качественного», «Вестник Европы» утверждал, что тем самым глава правительства дал широкое толкование закона (ст. 77 Основных законов), признав допустимым принудительное отчуждение не только в пользу государства или какого-либо учреждения, но и в пользу отдельных лиц, что значительно сужает понятие о неприкосновенности собственности. А поскольку, по мнению авторов редакционной статьи, «правомерность принудительного отчуждения не зависит от его размеров», то юридически распространение его на миллионы десятин в целях обеспечения земель миллионов крестьян столь же допустимо, сколь и применение его к нескольким десятинам, которые предназначены для улучшения хозяйства одной крестьянской общины или даже отдельного двора. Следовательно, раз сам Столыпин «бесспорно сошел с той позиции, на которой можно *принципиально* отвергать принудительное отчуждение», то возможна лишь дискуссия об осуществимости, целесообразности и государственной необходимости такой меры, но никак не о ее юридической корректности. «С юридической почвы вопрос должен быть всецело перенесен на почву политическую и экономическую»; в наличии же аргументов подобного рода «Вестник Европы» не сомневается. Наконец, авторы стремятся представить принудительное отчуждение частновладельческих земель логическим продолжением реформы 1861 г.: поскольку тогда была осуществлена передача помещичьих земель крестьянам в размерах, явно превосходящих обычное (с точки зрения гражданского права) отчуждение в целях общественной пользы и

¹ Слонимский Л. Накануне новой Думы // Вестник Европы. 1907. № I. С. 337.

на принципиально иных основаниях, то «в таких же – или еще больших – размерах, на таких же основаниях и с таким же правом оно [отчуждение] может быть повторено и в настоящее время»¹. Как видим, к ссылкам на опыт реформы 1861 г. для «освящения» своей позиции прибегали не только идеологи и сторонники правительственной программы аграрных преобразований, но и их оппоненты.

«Русская мысль» в одной из своих редакционных статей обвиняет правительство Столыпина в том, что Указ 9 ноября 1906 г., положивший начало аграрной реформе, является самым вопиющим нарушением «священного и неприкосновенного права собственности, против которого так восставало министерство ... в Думе», – уничтожается собственность не только общины, но и крестьянской семьи, превращаемая в личное имущество домохозяина. Причем, если отчуждение частновладельческих земель соответствовало бы интересам крестьян и было бы продиктовано стремлением «прийти на помощь самим крестьянам в их земельной тесноте», то отчуждение общинной и семейной собственности продиктовано исключительно своекорыстными политическими расчетами, «желанием создать консервативные кадры домохозяев, которые могли бы сыграть желательную для правительства роль на будущих выборах». Неизбежным результатом такой политики станет обезземеление огромного количества крестьян, выбрасывание на рынок массы надельной земли и усиление мобилизации крестьянской собственности, рассматриваемое авторами как явление сугубо негативное².

Итак, левые либералы – кадеты – ведущую роль в разработке основных положений аграрной реформы отводили исключительно народному представительству; видимо, в значительной степени именно этим было обусловлено их резко негативное отношение к столыпинской реформе, которая начала проводиться в обход Государственной Думы. В основу своей программы либеральная оппозиция положила принцип незамедлительного удовлетворения «земельной нужды» преобладающей части российского крестьянства путем дополнительного наделения крестьян землей в пользование, в том числе и за счет принудительного отчуждения определенной доли частных владений. Выдвигая данное требование, либералы надеялись обеспечить поддержку своей позиции со стороны большинства избирателей, возглавить объединенную оппозицию (особенно активными были их попытки заключить союз с леворадикальными партиями в период работы первой и второй Государственных Дум) и, наконец, нанести удар по основному оплоту «отживающего

¹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1907. № 6. С. 754-755.

² Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1906. № 12. С. 128.

режима» – большей части поместного дворянства. Однако эти же причины привели к явной недооценке опасности создания прецедента нарушения принципа неприкосновенности собственности, а также к фактическому отрицанию в программе радикал-либеральной оппозиции роли частной собственности, попыткам защитить от «посягательств» правительства явные пережитки феодализма – общину и семейную крестьянскую собственность, стремлению не допустить дифференциации в деревне и, будь эта программа реализована, неизбежному усилению зависимости крестьян от государства в случае сосредоточения в его руках образуемого из отчуждаемых частных владений государственного земельного фонда. Реализация данной программы означала бы, на наш взгляд, отказ от ускоренной модернизации аграрных отношений и явилась бы попыткой продолжить развитие сельского хозяйства страны по преимущественно экстенсивному пути. К тому же, едва ли оправданными являлись надежды на то, что крестьяне удовлетворятся лишь частичным отчуждением помещичьих земель, и подобной мерой можно будет добиться «успокоения» деревни. Наконец, вряд ли сама постановка вопроса об абсолютном малоземелье как основной проблеме крестьянского хозяйства была обоснованной в условиях, когда нерешенной оставалась проблема малоземелья относительного, порожденного раздробленностью владений крестьян.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В ГОДЫ ГОРБАЧЕВСКОЙ «ПЕРЕСТРОЙКИ» КАК ОПЫТ АДАПТАЦИИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА К ЛИБЕРАЛЬНЫМ ЦЕННОСТЯМ²

Дискуссии о том, есть ли в России социальная среда для идей либерализма, продолжают. Однако любой вывод по этой дискуссии не исключает возможности распространения таких идей в российском обществе и приверженность им какой-то части населения. Вынесенная в заголовок статьи проблема имеет явно выраженную практическую направленность. Эффективность проводимых и в наши дни реформ во многом связана с тем, сумеет ли бывший советский человек адаптироваться к либеральным ценностям.

В плане «прорастания» либеральных идей в нашем обществе особое значение имеет период реформ, начавшихся с горбачевской «перестройки». В конце 1980-х – 1990-е гг. (как в рамках позднего СССР, так и после его распада) была предпринята одна из самых серьезных в отечественной истории попыток укоренения либеральных ценностей в нашем обществе. Разговор о сущности либерализма и связанных с этим теоретических вопросах уведет нас далеко от заявленной темы. Покажем вкратце, как менялось отношение к либерализму в позднесоветском обществе. Понятно, что до горбачевской «перестройки» либерализм в официальной советской идеологии рассматривался как буржуазная идеология, враждебная интересам трудящихся.

Новые подходы в осмыслении либерализма наметились в конце 1980-х гг., когда вдруг выяснилось, что советский социализм и особенно практика его построения далеки от привычных идеалов. Событием интеллектуальной истории стало совместное советско-французское издание 1989 г., в котором нашлось место и переосмыслению сущности либерализма. Теперь уже советские обществоведы признали, что, оказывается, и К. Маркс определял либерализм «без уничижительных эпитетов». И с этой опорой на Маркса (пока еще признаваемого авторитетом) в те годы предпринимаются попытки «вписать экономический и социальный либерализм в социализм». Автор материала (с советской сторо-

¹ *Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета.*

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: Проект «От советского человека к россиянину: реформы и социальная эволюция индивида (сер. 1980-х – 1990-е гг.)», № 18-09-00063а.

ны) В. Чаликова приходит к выводу, что в современных условиях «притяжение социализма к либерализму и наоборот неодолимо и необходимо»¹. Вывод даже по тем временам вполне новаторский. Хотя и над ним явно довлеет представление о том, что социализм не должен быть отброшен, надо синтезировать лучшее в нем с преимуществами либерализма. Конечно, по мере обострения кризиса в СССР и углубления реформ столь осторожные и небезупречные формулы перестали удовлетворять интеллектуальное сообщество, все больше склонявшееся к тому, чтобы из указанной «формулы счастья» вычлест социалистическую составляющую, заменив ее «чистым либерализмом».

Но что происходило в период «перестройки» в головах тех, для кого рефлексия на тему идеологий не являлась приоритетным занятием, т.е. у подавляющего большинства советских граждан? Понятно, что адаптация к новым ценностям – процесс длительный. В рамках данного материала представляется возможным обозначить пределы его изучения предметно (сконцентрировавшись только на социально-экономической составляющей) и хронологически (возьмем за точку отсчета начальный этап «перестройки», в основном 1986-1987 гг., когда элементы новизны становились уже заметными, но с еще весьма неопределенными перспективами). Такое ограничение не выведет, естественно, на чересчур широкие обобщения, но позволит привлечь более объемный эмпирический материал, необходимый для изучения процесса освоения советским человеком либеральных ценностей на последующих этапах. Под либеральными ценностями применительно к сознанию среднестатистического советского человека на том этапе будем считать стремление к большей свободе в рамках существующей экономической модели, ориентированное на активизацию частного интереса и усиление материального стимулирования. В то же время далее будет показано, что и на начальном этапе горбачевских перемен весьма незначительной части советских граждан не были чужды представления классического либерализма с акцентом на рынок и частную собственность.

Источниковой основой данного материала стали в основном документы личного происхождения, датированные второй половиной 1980-х гг., в первую очередь, письма советских граждан в различные инстанции, изученные автором в Российском государственном архиве новейшей истории (далее РГАНИ), фонд 100 (документы о работе подотдела писем Общего отдела ЦК КПСС). Приоритет этих документов обусловлен тем, что они отражают реальные представления наших граждан того времени

¹ 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 278-279.

и в отличие от воспоминаний не несут на себе печати последующих социальных и личных переживаний. Конечно, и от воспоминаний автор не отказывался; в данном материале использованы некоторые из них. Анализ познавательной ценности этих и других групп источников, используемых в разработке данной проблематики, дан автором в одной из статей¹.

Одним из первых бастионов на пути утверждения либерализма в сознании советских людей была прочно укорененная идея социальной справедливости. Рассмотрим, как этот барьер сопротивлялся проникновению либеральных идей в такой непростой для советского человека сфере, как обеспеченность жильем.

По данным подотдела писем Общего отдела ЦК КПСС, в 1985 г. 56,5 % обращений касалось этой темы. В письмах об этом находим не только жалобы на длительное стояние в очередях на улучшение жилищных условий или сведения о нарушении правил предоставления квартир, но и рекомендации для властей о путях решения проблемы. Эти рекомендации дают важные сведения об ожиданиях граждан в социальной сфере. Так, И.И. Юртаев (Омск) предлагает решать проблему нехватки жилья для молодых семей повышением платы для тех, кто живет по 1-2 человека в 2-3-х комнатных квартирах, имея тем самым, в представлении советского человека, излишки жилья². Н.Ф. Строганов, конкретизируя данное предложение, призывает взимать плату за излишки жилья почему-то в тройном размере³. Аналогичные письма поступали в ЦК КПСС также из Горловки, Калужской области и других регионов. В этом предложении показательно то, что решение проблемы усматривается гражданами не на экономических рельсах, а в рамках привычного административно-распределительного механизма. Логика проста: «отнять» у тех, у кого больше, не получится, но можно заставить их больше платить. Но как эта мера повлияет на решение жилищной проблемы? Эту тему инициаторы таких предложений не развивают, видимо, считая, что в этом случае владельцы «дорогих метров» начнут массово переселяться в более дешевое жилье. Примечательно, что эта аргументация в точности повторяет доводы либералов в жилищном вопросе в 1990-е гг.

Но и тогда были те, кто считал такое повышение платы несправедливым. Аноним из Красноярска посчитал, что «эта мера ударит по чест-

¹ Маслов Д.В. Человек и реформы в современной отечественной истории (к проблеме репрезентативности источников личного происхождения) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 73–85.

² РГАНИ. Ф. 100. Оп.1. Д. 112. Л. 12-13, 30, 31.

³ РГАНИ. Ф. 100. Оп.1. Д. 210. Л. 70.

ным труженикам, которые многолетним самоотверженным трудом заработали себе право на хорошие квартиры»¹. Примечательно, что вполне либеральное предложение внесено человеком, явно побоявшимся раскрыть свое имя, что свидетельствует о нераспространенности подобных идей в то время. В целом можно сказать, что социальная справедливость на начальном этапе «перестройки» явно в приоритете по отношению к свободному самоопределению.

Говоря же о низких темпах ввода нового жилья, авторы писем, как правило, не усматривают в этом экономических причин и все сводят к бесхозяйственности и должностным правонарушениям (припискам)². Называются и факторы, связанные с социальным неравенством. В одном из писем приведен такой факт: на ЗИЛе в январе 1987 г. из 96 квартир 46 распределены по льготным группам, а 56 (! – Д.М.) выделено для руководства. «Где же социальная справедливость?» – риторически вопрошает автор письма³. И здесь либеральные ценности явно не в приоритете.

Подобные подходы к решению социально-экономических проблем с упором на более качественное администрирование характеризуют обращения граждан в руководящие инстанции и по другим вопросам. Так, немало обращений москвичей было посвящено неудовлетворительной ситуации со снабжением плодоовощной продукцией. Понять недовольство жителей столицы можно. Но и здесь показательна их реакция на происходящее. Она проявлялась в двух направлениях. Часть гнева москвичей выплескивалась на «частников», торгующих этой продукцией на колхозных рынках по завышенной, как кажется авторам писем, цене. При этом сами авторы замечают, что качество продукции у «частников» заметно выше, но не выводят из этого факта обоснованность более высокой цены на качественный товар. На наш взгляд, это наглядное подтверждение факта того, что сознание советского человека плохо воспринимало экономические категории и в этом аспекте было не очень предрасположено к рынку. Описавший тогда же подобное явление и сам оказавшийся в подобной истории публицист Л. Жуховицкий (считавшийся в те годы вполне «прогрессивным») передал свои ощущения в отношении торгующего красивыми и дорогими помидорами «частника» очень показательно для советского человека: «Хорошо помню ощущение бессилиия и ярости [спрашивается, а что, собственно, трагического произошло? – Д.М.]. Как же хотелось, чтобы вдруг вошли дружинники, ... взяли

¹ РГАНИ. Ф. 100. Оп.1. Д. 210. Л. 71.

² РГАНИ. Ф. 100. Оп.1. Д. 136. Л. 9.

³ РГАНИ. Ф. 100. Оп.1. Д. 210. Л. 90-91.

нашего супротивника [знакомы несколько минут, но он уже противник, по сути, враг – Д.М.] под белые руки». Но как же быть с покупкой помидоров? Ведь Жуховицкий пришел на рынок именно за ними. Или у него еще имелись и цели установления некоей социальной справедливости? А вот и его ответ: «А помидоры – черт с ними, с помидорами! Проживем. Пусть нам будет хуже – лишь бы и ему стало хуже!». Удивительная, но весьма распространенная тогда логика! Правда, чуть позже к публицисту возвращается трезвый рассудок и даже способность к заслуживающему внимания обобщению: «Все попытки установить некую "справедливую" цену в обход базарной стихии до сих пор терпели провал, и, боюсь, та же судьба их ждет и в дальнейшем»¹. Совершенно очевидно, однако, что именно первая реакция Жуховицкого на ситуацию является типичной, а его последующее обобщение сопровождается характерным словом «боюсь» – боится он именно того, что некие объективные экономические законы победят социальную справедливость и в будущем. А ведь эти мысли принадлежат человеку, относившемуся к интеллектуальной элите общества. Представления рядовых граждан в этом вопросе были еще прямолинейнее, явно без «обобщений».

Даже те из них, кто выступал за частную инициативу в сельскохозяйственной сфере, приводили факты гонений на местном уровне. Так, жители Майкопского района жаловались (февраль 1986 г.) на то, что поселковый Совет запрещает выращивать цветы в теплице. В этом случае показательна реакция Краснодарского крайкома КПСС, парировавшего жалобу тем, что разрешения (разрешения!) были выданы на 146 теплиц размером до 20 кв.м. для выращивания ранних овощей. Но их использовали в основном для выращивания тюльпанов «в целях личной наживы, что ведет к снижению трудовой активности в общественном производстве, развитию частнопредпринимательской деятельности». Меры были «приняты», только не те, на которые, видимо, рассчитывали жалобщики: теплицы разобраны, размер приусадебных участков, используемых «нецелевым» образом, уменьшен (февраль 1987 г.)². В аргументации Краснодарского крайкома (а работали там обычные советские люди) отметим весь набор «антирыночных» аргументов. При этом непонятно, почему выращивание ранних овощей является трудовым доходом, а выращивание тюльпанов нет. Почему выращивание овощей не ведет к «личной наживе» и «частнопредпринимательской деятельности», а выращивание тюльпанов ведет. В крайкоме таких вопросов и близко не возникало. Примечательна и безапелляционность решения крайкома:

¹ Зависит от нас. Перестройка в зеркале прессы. М.: Кн. палата, 1988. С. 105.

² РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 208. Л. 70-71.

урезать, изъять; решение преподнесено как само собой разумеющееся, его авторы явно уверены в своей правоте.

Второй же рецепт борьбы за качество плодоовощной продукции, по мнению москвичей, состоит в том, чтобы решительнее бороться с «бесхозяйственностью» («необходимо конкретно разобраться с директорами магазинов», «когда же будет наведен порядок?», «это или саботаж, или головотяпство заготовительных и торгующих организаций», «это выглядит как вредительство, экономический саботаж» – типичные выдержки из писем). В этих предложениях характерно не только смещение акцента на администрирование. Примечательно то, что и в поиске причин плохого снабжения сельхозпродукцией москвичи (а в равной степени это, без сомнения, характерно и для жителей других городов) не называют причины экономического характера. Если где-то проблемы, виноваты конкретные лица, с них и спрос – таков лейтмотив рассуждений большинства наших граждан на похожие темы. В письмах практически не возникает и мысли о том, почему в сфере продовольственного снабжения работают сплошь корыстные или некомпетентные (с точки зрения граждан) работники (особенно, начальники). Зато обнаружить криминальный след в такой ситуации со снабжением граждане не против: «Почему продукты не сразу везут в магазин, а складывают на плодоовощных базах?» – задается вопросом Н.И. Кузьмин, и, казалось бы, далее последует какая-то рефлексия на этот счет. Однако, вывод автора письма банален: «Видно, это кому-то выгодно, кто-то на этом наживается»¹. Впрочем, в последней фразе можно при желании обнаружить и зачатки экономического мышления, ведь речь все-таки идет о материальном интересе.

Еще один связанный с торговлей «рецепт» решения проблем представлен в одном из писем так. Автор письма жалуется на то, что «туристы» из Тулы, Иванова, Владимира, Смоленска по рабочим дням выгребают из столичных продуктовых магазинов «все, что видят глаза». Но что же делать? Оказывается, по мнению жалующегося, нужно всего лишь обязать власти указанных регионов обеспечить свое население продовольственными товарами². У пишущего даже не возникает вопроса, почему такой простой способ никто не опробовал раньше. С другой же стороны, и это письмо примечательно тем, что многие советские люди были убеждены, что социально-экономические проблемы порождены, прежде всего, плохим управлением, негодными начальниками. Стоит лишь их заменить (или заставить работать, что, правда, сложнее), и де-

¹ РГАНИ. Ф. 100. Оп.1. Д. 136. Л. 3-5 (Отклики на статью в «Московской правде» от 30.08.1985 «И стоят корабли у причала...»).

² РГАНИ. Ф. 100. Оп.1. Д. 136. Л.49.

ло наладится. Во многом поэтому граждане с удовлетворением воспринимали активные кадровые перестановки на всех уровнях власти в первые годы «перестройки». Объединяет эти письма и год их написания – 1987 – хотя такие тексты могли быть написаны и до «перестройки». И снова в качестве рецептов исправления ситуации предлагается усилить борьбу со спекуляцией¹, которая (борьба) вполне укладывалась в кампанию борьбы с другим «злом» – нетрудовыми доходами.

Документы свидетельствуют также, что граждане удивлялись тому, что, наряду с сохранением дефицита, наблюдался рост розничных цен. Каждую из этих проблем они еще смогли бы «переваривать» по отдельности, но все вместе это вызывало у них протест, порой весьма эмоциональный. Тема цен была и остается одной из главных фобий советского человека (а теперь и россиянина). В том же 1987 г. граждане с тревогой и возмущением писали о росте цен. И в этом случае обратим внимание на особенности экономического мышления советского человека в процессе реформ, связанные с ценовым сюжетом. Прежде всего наметившийся рост цен характеризуется с точки зрения неблагоприятных социальных перспектив автора письма, что вполне естественно. Но больший интерес представляют попытки пишущих найти причины такой ситуации. В.А. Никитин из Москвы объяснение находит в «упорном» проведении Госкомцен политики повышения розничных цен². Однако, о том, кто и почему мог подсказать данной структуре идею повышения цен, москвич умалчивает.

Но рабочий из Москвы К. Степанов называет конкретного, по его мнению, виновника роста цен: «Министерства пытаются решить свои проблемы за счет увеличения цен на различные товары и услуги. Делается это втихомолку. Возьмем мою семью. На троих доход составляет 300 рублей, из них 200 уходит на питание. На одежду, обувь, удовлетворение духовных запросов денег остается немного. Как жить дальше?»³. Жаль, что рабочий не «расшифровал» номенклатуру своих расходов на питание, т.к. 200 рублей даже для Москвы того времени на троих, на наш взгляд, было не так уж мало. Но для понимания сознания граждан здесь важно следующее. Виновата не столько партия, руководящая всем, а, прежде всего, министерства – такой собирательный образ бюрократии в сознании советского человека. Любопытно, что Степанов задет не только повышением цен, но и тем, что это было сделано «втихомолку» (об этом писали многие). Получается, что нашим гражданам бы-

¹ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 210. Л. 77.

² Там же. Л. 79.

³ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 210. Л. 115-116.

ло бы легче в моральном плане, если бы их к такой мере подготовили заранее? Маловероятно.

Тем более, что некто Серегин, москвич, информирован о повышении цен из типично советского источника – «ходят разговоры» – но ему, как выясняется из письма, от этой информированности никак не легче. Он даже склонен к политическим обобщениям риторического характера: «Какая же это перестройка, если простому человеку от нее становится хуже... разве можно бесхозяйственность покрывать повышением цен?»¹. Здесь в явном виде проводится связь между повышением цен и проводимыми реформами. Постепенно люди прекращают списывать трудности на «наследие застоя», а это уже угрожает кризисом доверия реформаторам. Тем более, что цены, как считает Серегин, приходится повышать только вследствие бесхозяйственности, экономических причин он так же не находит.

Но, может быть, рост цен привел к повышению качества товаров и услуг? Нет, граждане этого не замечают. Ф.Ф. Гукалов из Новосибирска задается также риторическим вопросом: «Разве повышение цен на билеты в кино, книги, почтовые и телеграфные услуги повысило их качество?» Он считает, что с повышением цен не надо спешить².

А вот в Саратове «поспешили», и в студенческой столовой после ремонта открыли кооперативное кафе. Цены в нем, со слов местной жительницы Н.Е. Щегловой, «просто удручают» (она не поленилась и выписала их, подразним и мы свой желудок перечнем блюд для молодежи: салат из свежих помидоров – 41 коп., бульон с фрикадельками – 1 р. 04 коп., говядина тушеная – 2 руб. 84 коп. и т.д.)³. К сожалению, автор письма ничего не говорит о качестве и ассортименте блюд, но и это примечательно тем, что наши граждане нередко выступали против повышения цен независимо от того, принесет ли это качественные изменения. Так, в письме без подписи из Москвы его автор, сокрушаясь по поводу высоких цен на промтовары, высказывает пожелание: «Хочется, чтобы промышленность выпускала пусть не слишком модные, но добротные и недорогие обувь, одежду, товары бытового назначения»⁴.

Л.И. Никурашина из Москвы представила в своем письме ситуацию с ростом цен как своеобразный заговор государства против многолетних семей и низкооплачиваемых категорий граждан. Еще одна возможная причина, как отмечено в письме, – «провокационные действия работни-

¹ Там же. Л. 117.

² Там же. Л. 117.

³ Там же. Л. 119.

⁴ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 210. Л. 116.

ков торговли»¹. И если первая причина явно навеяна эмоциями, то вторая весьма показательна для экономического сознания советских людей периода реформ. Здесь и традиционное недоверие к работникам торговли (в общественном сознании торговец почти приравнивался к вору), и вера во всевозможные заговоры со стороны кого угодно. С последней причиной нам еще не раз придется столкнуться при рассмотрении и других тревожащих граждан сюжетов.

Впрочем, некоторые граждане, не стесняясь в выражениях и, очевидно, полагаясь на объявленную гласность, обвиняли в происходящем само государство. Москвичка Светлова даже отчеканила это обвинение в формуле, похожей на научный закон: «Чем богаче становится государство, тем дороже стоимость продуктов питания»². Правда, в отличие от научного закона, автор письма не снабдила свое обобщение изложением технологии его получения, чем лишила историков возможности понять логику ее мышления. Но и в этом есть определенная, если не закономерность, то, как минимум, устойчивая черта сознания советского человека, склонного переходить к конечному выводу своих рассуждений, игнорируя промежуточные стадии.

Обобщил отношение граждан к повышению цен учитель из Краснодарского края Н.С. Калиновский, представивший свое мнение как концентрированное выражение изменения общественной позиции в процессе реформ: «Нам, учителям, приходится часто беседовать с родителями учащихся, рабочими, колхозниками, служащими по разным житейским вопросам. В последнее время люди все чаще и чаще высказывают недовольство ростом цен»³. Возникающее недовольство люди все чаще связывают с проводимыми в стране реформами. Так, в одном из магазинов г. Каменск-Уральский Свердловской области автор одного из писем услышал такую показательную фразу: «Перестроились, нечего сказать, зубы почистить стало нечем»⁴.

Однако в отношении ценовой политики государства были и принципиально иные предложения наших граждан. Наиболее экономически подготовленные из них понимали, что реальная хозяйственная реформа немыслима без изменения механизма ценообразования, т.к. действующие цены не отражают затрат на производство продукции и не являются стимулом для предприятий. Прямо об этом писал А.Г. Тулупов из Москвы. Приведем его рассуждения полностью: «Перестройка – это переход

¹ Там же. Л. 99.

² Там же.

³ Там же. Л. 115.

⁴ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 210. Л. 107.

к экономическим методам управления: хозрасчету и самофинансированию. Поэтому нужна качественно новая система цен. Цена должна быть зеркалом, в котором отражается действительная стоимость товаров и услуг. Цены, устанавливаемые в волевом порядке, – это, образно говоря, кривые зеркала, которые дают искаженное представление о действительности... перекосы порождают иждивенческие настроения, "перекошенные" представления о действительной стоимости жилища, продуктов питания. Как это ни трудно, но, по моему мнению, нужно пойти на повышение цен на мясо и мясные продукты, хлебобулочные изделия, платы за жилище, проезд в общественном транспорте»¹. Таким образом, автор письма не согласен с ценами, устанавливаемыми «в волевом порядке». Но это значит, что, по сути, Тулупов, не называя вещи своими именами, выступает за рыночное ценообразование, потому что ничего другого человечество не придумало: или государство, или рынок. Примечательно и то, что в перечне товаров, цены на которые следует повысить, представлена фактически вся потребительская корзина советского человека.

Очевидно, опасаясь повышать цены на все и сразу, авторы некоторых писем называют отдельные продукты, с которых следует начать эту практику. Так, А.К. Белобородов (Ленинград), отмечая дешевизну хлеба, предлагает установить «более справедливые» цены на него. Г.И. Богин из Калинина, оппонировав экономистам Р. Гринбергу и А. Рубинштейну, предлагает повышать цены на мясо (мясо вообще выступает своеобразным индикатором ситуации на рынке для советских граждан, как и колбаса). Член КПСС И.В. Пантюхин (Петрозаводск), опираясь на мнение «многих советских людей», считает назревшей необходимостью изменения в системе оплаты жилья, «тесно увязав ее с качеством и размерами всей занимаемой площади»².

Что же в итоге? Горбачевское руководство так и не решилось на реформу ценообразования³, что считается одним из факторов усугубления ситуации в экономике. Не последнюю роль в этом сыграла боязнь реформаторов в руководстве лишиться общественной поддержки на ответственном этапе преобразований. Были ли основания для подобных опасений?

¹ Там же. Л. 113.

² Там же. Л. 113-115.

³ См., напр., материалы острой, но безрезультатной дискуссии по этому вопросу на Политбюро ЦК КПСС 4 декабря 1986 г.: В Политбюро ЦК КПСС ... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). Сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев. М.: Горбачев-Фонд, 2008. С. 112-113.

Письма в ЦК, докладываемые руководству, такие основания давали. Даже упоминавшиеся выше сторонники повышения цен из числа рядовых граждан предлагали свои рецепты смягчения социальных последствий повышения цен. Так, А.Г. Тулупов во избежание ухудшения жизненного уровня трудящихся предлагает компенсировать удорожание населению, не уточняя при этом механизмы и – самое главное – источники такого компенсирования. С.В. Волгин (Казань) предложил повышение цен на продовольствие компенсировать снижением цен на товары народного потребления¹. Предложенное Пантюхиным повышение стоимости жилья он обосновывает восстановлением социальной справедливости в этом вопросе. Г.И. Богин понимает, что повышение цен «не вызывает энтузиазма», но настаивает на том, что «потому она и необходимость, что ее нельзя обойти». Но как быть с недовольством граждан? Богин понимает, что «сложно объяснить правду». Но если «обратиться к разуму и патриотизму советских людей, то они правильно поймут такую меру». Еще проще проблема успокоения общественного мнения решается ленинградцем Белобородовым: «Поддержит ли народ такую меру? Безусловно!».

Понятно, почему такие «романтические» рекомендации по формированию правильного общественного мнения не могли быть всерьез восприняты советскими руководителями (да и не отражали мнения большинства советских людей) – в массовый энтузиазм населения лидеры горбачевского призыва уже не очень-то верили. Тем более, что в тех же письмах были сомнения относительно действенности компенсационного механизма. Н.П. Кубарева из Москвы высказалась по поводу возможного повышения цен так: «Это малопонятно. Зачем государству брать деньги у населения, чтобы потом снова их отдавать ему?»² Д.А. Кузьмин (г. Черновцы) высказал пожелание, чтобы при «обсуждении реформы ценообразования учитывать не только мнение ученых, но и простых людей»³.

Мнение «простых людей» у Кузьмина сомнений, судя по всему, не вызывало. Примечательно здесь противопоставление позиции науки и, так сказать, жизни (тех самых «простых людей»). В этом случае мы можем наблюдать характерную для сознания советского человека черту – если наука (теория) расходится с «жизнью», мнением людей, тем хуже для науки.

¹ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 210. Л. 113-114.

² Там же. Л. 118.

³ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 210. Л. 121.

Таким образом, почта ЦК КПСС не давала абсолютно однозначной картины общественного мнения по поводу повышения цен. Но было очевидно, что даже у сторонников такой меры из числа рядовых граждан нет убедительных аргументов в ее пользу. Ясно, что для советского человека и в годы «перестройки» вопрос цен был одним из самых болезненных, и угодить общественному мнению в этом вопросе было едва ли возможно. Решимости же горбачевскому руководству не хватало и в менее болезненных вопросах.

Проникновению либеральных веяний в сознание советского человека в большей степени, чем все остальное, способствовали новые формы организации хозяйственной жизни, инициированные с началом горбачевских реформ. Здесь идеи либерализма граждане осваивали, что называется, на собственной шкуре. Как выяснилось, критический настрой в отношении таких новых форм в советском обществе весьма ощутим. Обнаружить это можно, в частности, в анализе документов, посвященных подрядным формам организации труда.

Так, Е.Ф. Жосан (Кишинев), в целом одобряя идею как «средство повышения эффективности работы», пишет, что его «смущает одно. Члены подряда взваливают на свои плечи столько, что им приходится работать от зари до зари, без выходных, по сути без отдыха. У них нет времени почитать книгу, заняться спортом, сходить в кино. Нам нужны не просто работяги, а всесторонне, гармонично развитые люди. Не подстегнет ли погоня за большими деньгами рвачество и стяжательство у наших тружеников и особенно у их детей? Азарт накопительства, приобретательства не имеет предела... меня беспокоит, как бы мы не ударились в крайность, акцентируя внимание только на экономических, материальных стимулах труда»¹. Автор письма беспокоится о моральном облике советского человека (и такие письма тогда не были единичными), но уже совсем скоро стало ясно, что «азарт накопительства» прочно укоренился в психологии советского человека. Но Жосан оказался прав в том, что работа ради денег лишит людей свободного времени и возможности культурного развития. Однако ностальгия по досугу, еще встречающаяся в начале 1990-х гг., станет все менее характерной позднее в условиях роста угрозы безработицы. Не случайно, что в 2000-е гг. большинство работников больше беспокоились о зарплатке, чем о возможности «культурного» (а порой и вообще хотя бы какого-нибудь) отдыха.

Что касается поворота к экономическим стимулам, то и здесь проблемой в области массовой психологии хватало. Уже в начале «пере-

¹ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 218. Л. 68.

стройки» власть попыталась пробудить частную инициативу и личный интерес, не без оснований полагая, что время призывов к коммунистической сознательности граждан проходит (впрочем, таких призывов тоже еще хватало). Идеи, связанные с оживлением индивидуальной трудовой деятельности, снятием ограничений с личных подсобных хозяйств и т.п. вызвали в обществе живой отклик и широкую общественную дискуссию (наступившая гласность позволяла высказываться открыто). Что же показала дискуссия по этим сюжетам?

Прежде всего, она выявила довольно четкое разделение заинтересованных темой граждан (были, конечно, и равнодушные) на две категории: горячо одобрявших новые инициативы руководства и нередко сожалевших о том, что предложенное не реализовали раньше, и тех, кто столь же напористо (а иногда и непримиримо) указывал на опасность подобных мер. Первые приходили к такой идее нередко на основе собственного печального опыта. Так, В.А. Жуков после описаний своих мытарств с посещением врача резюмировал: «Если платных поликлиник не хватает, то, может быть, нужно всячески поощрять частную практику врачей?»¹ Справедливости ради надо сказать, что апелляции к невосребованным ресурсам частного сектора возникли отнюдь не в 1985 г. и не в связи с горбачевскими новациями. Уже при всенародном обсуждении проекта Конституции СССР 1977 г. подобные инициативы граждан не были редкостью².

Оппонентам таких идей, конечно, не хотелось выступать под флагом противников реформ, поэтому дискутировали они не с высшим руководством страны, а с проводниками его идей – журналистами и учеными. Аргументы обеих сторон заслуживают внимания, т.к. характеризуют состояние экономического сознания граждан на тот момент в целом.

Выступавшие за оживление частной инициативы апеллировали, в частности, к тому, что это кратчайший путь к насыщению рынка товарами и преодолению дефицита. Также отмечается, что растущие таким образом доходы части граждан носят трудовой характер и потому никак не противоречат сути социализма. Люди зарабатывают копейку своим, порой тяжким, трудом, и потому должны быть в почете. Такой труд способствует и преодолению социальных «болячек» («с коровой пьянствовать некогда»). Н.Ф. Малышкина (Донецкая обл.) привела расчеты, что ей остается в качестве доходов от содержания коровы – 150 руб. в год –

¹ РГАНИ. Ф. 100. Оп.1. Д. 136. Л. 52.

² См.: Маслов Д.В. Конституция СССР 1977 г. – итог эволюции советской общественно-политической системы // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 4: 1917-1991 г. / отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2016. С. 583-584, 590.

и категорически не согласилась с предложением уплачивать с такой занятости налог. Сам по себе этот отказ любопытен тем, что налог в представлении, по крайней мере, части наших тогдашних (да и сегодняшних тоже) граждан – не обязательный платеж с любого дохода, а некое социальное обложение, которое должно подчиняться не столько экономическим и юридическим законам, сколько представлениям самих граждан о справедливости. Налог надо платить, как вытекает из таких представлений, не вообще, а в зависимости от ситуации и даже от личности налогоплательщика. Как представляется, в этом одна из причин того, что вплоть до сегодняшнего дня отношение к налогам в России, мягко говоря, специфическое, а стремление уйти от них едва ли не считается нормой.

Сторонники пробуждения частной инициативы пытались даже доказать свое значительное численное превосходство над ретроградами. В. Терентьев (г. Владимир), заявив, что к осознанию необходимости новых форм хозяйствования пришел еще 40 лет назад, так объяснял преобладание своих сторонников: людям труда писать в газеты некогда, а вот бездельники, с которыми раньше надо было делиться, имеют много свободного времени. Если бы все работяги стали писать, тогда бы «редакционная почта лопнула от изобилия писем, одобряющих ваши статьи»¹.

Оппоненты такой точки зрения прибегали в основном к аргументам идеологического и нравственного порядка. «Личная собственность, личное хозяйство и его укрепление – не тот путь, по которому нам надо идти. Личная собственность "засасывает" тело и душу,... закабалает и поглощает человека» (А. Табунов, ветеран войны, Москва). Индивидуалы «сшибают» с людей огромную «деньгу», «это же нэпманы!»; неизбежно расслоение общества. Сначала семейное поле, семейное кафе, «а потом, смотришь, и фабрика... Все дальше от социализма», – прозорливо заглядывает вперед П.С. Осипов (Волгоград). Примечательно, что противники новых форм хозяйствования были порой весьма проникательны и в других своих прогнозах. Тот же Осипов разъясняет в своем письме, что «частник» будет думать не о выполнении Продовольственной программы, а о наполнении личного кармана. Следующие аргументы в контексте нашей темы заслуживают того, чтобы их воспроизвести полностью: «Зачем комсомол сыну хозяина семейного ресторана, зачем им солидарность с какими-то пролетариями? Даже семейный подряд, несмотря на всю его экономическую прогрессивность, уведет людей от понятия "наше" к понятию "мое". А как же тогда вся теория социализма?...

¹ Зависит от нас. С. 81.

Ведь уже сейчас многие по своим убеждениям дальше от социализма, чем были люди в 20-, 30-, 40-, 50-, 60-х годах... Вот результат работы на семейном поле за 3-4 года: три свадьбы (азербайджанских!!!), "Волга", "Жигули", новый дом и даже корова за 1,5 тысячи. Остаются только вертолет, самолет, пароход¹. И этому прогнозу не откажешь в дальновидности.

В другом письме, из Казахстана, автор указал на факты нарушения норм содержания личного скота, добросовестно подсчитав, что у К. Байсенбековой имеется 251 овца, 2 коровы и 2 лошади; у А. Касымова – 115 овец, 4 головы крупного рогатого скота, 1 лошадь². При отсутствии даты можно было отнести это письмо к временам раскулачивания.

Приведенный выше «крик души» Осипова заслуживает того, чтобы на нем остановиться. Прежде всего, автор письма не отрицает экономической эффективности критикуемых им форм. Дискуссия, таким образом, выходит за рамки экономических материй и окончательно перемещается в, видимо, более близкую Осипову плоскость идеологии. При этом у автора письма даже не возникает вопроса о том, нужно ли цепляться за те формы хозяйственной деятельности, которые не дают эффективности (хотя и доказали свою социалистичность).

Далее. Автор, безусловно, проявил дар предвидения в том, что комсомол сыну фактически бизнесмена нужен не будет. В этом мы наблюдаем характерное для раннего этапа «перестройки» представление о том, что устоявшиеся общественные институты должны сохраниться. Но в этом и явное противоречие с новыми формами организации труда, которое разрешится несколько позже, когда с развитием гласности пройдет мощная волна дискредитации самих общественных институтов и структур (в т.ч. и комсомола). Из подобных дискуссий реформаторы не могли не извлечь очевидный урок: чтобы двинуть реформы дальше, нужно расширять пространство социальной критики.

Примечательно в письме Осипова и то, что, выступая с охранительных позиций, он вынужден признать падение коммунистической сознательности советских граждан. В чем должна состоять эта сознательность, он не уточнил. Но очевидно, в том, чтобы противодействовать подобным новациям в экономике.

Отметим в письме и своего рода «национальный комплекс» – разбогатели не русские (славяне), а азербайджанцы, что автор письма выделяет сразу тремя восклицательными знаками. Очевидно, этот факт его

¹ Там же. С. 79-81.

² РГАНИ. Ф. 100. Оп.1. Д. 208. Л. 22.

особенно впечатлил и огорчил. Не за горами уже были те времена, когда многие трудности будут списываться на то, что «они понаехали тут».

Но и сторонники частной инициативы находились в положении оправдывающихся. Это хорошо чувствуется в заметках публициста Л. Жуховицкого. Пространно высказавшись в поддержку новых веяний, он, чтобы избежать подозрений со стороны консерваторов, задается риторическим вопросом: «Так что же, я – за частника? Ну, конечно, нет. Я за государственную фирму, работающую на уровне века»¹. В похожей ситуации оказался известный в скором будущем сторонник рынка экономист О. Лацис, который, однако, в 1987 г. дал отповедь Л. Пияшевой (Попковой), недвусмысленно к этому рынку призвавшей². Эти истории свидетельствуют о том, что даже на уровне передовых интеллектуалов эпохи ранней «перестройки» еще не было открытого признания слишком радикальных предложений. Прямолинейность выводов Пияшевой напугала тогда даже склонявшихся уже к рынку экономистов типа Е. Гайдара, т.к. они опасались, что столь откровенные предложения могут напугать ревнителей идеологической чистоты и парализовать реализацию прогрессивных идей, что называется, на корню.

Впрочем, иногда граждане шли дальше власти в своих инициативах. Так, в первой половине 1987 г. в ЦК партии поступил ряд писем из разных регионов (Нечерноземье, Сибирь, Урал, Поволжье, Белоруссия) с предложением о продаже (что примечательно, даже не бесплатной раздаче) или сдаче в аренду горожанам пустующих домов с земельными участками в сельской местности. Для пущей убедительности своих инициатив граждане апеллировали к соответствующему опыту «братских» Болгарии и Чехословакии. Предположение работника Минчермета СССР О.Д. Калина, что власти не пойдут на это, опасаясь все того же извлечения «нетрудовых доходов», вскоре подтвердилось ответом Отдела ЦК. В справке Отдела отмечалось, что такая мера потребует дополнительных ресурсов на строительство дорог, организацию торговли, медицинское, культурное, бытовое обслуживание, отрицательно может сказаться на трудовой дисциплине в колхозах и совхозах³. Удивительна логика руководящей инстанции – пусть земля зарастает бурьяном (а по одной только Белоруссии насчитали десятки тысяч пустующих домов), лишь бы не допустить падения дисциплины в колхозах! А заодно и не

¹ Жуховицкий Л. Анатомия перегиба // Литературная газета. 1986. 15 октября.

² Попкова Л. Где пышнее пироги // Новый мир. 1987. № 5; Лацис О. Зачем же под руку толкать? // Новый мир. 1987. № 7.

³ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 210. Л. 13-20.

надо изыскивать вечно недостающие ресурсы на соцкультбыт в деревне.

Член КПСС Н.Ф. Зимин из Рязани нашел, как ему казалось, быстрый рецепт исправления положения в экономике: «Положение сразу изменится, если предприятиям будет оплачиваться только товар, проданный покупателю. При таком порядке ни один завод, ни одна фабрика не решатся выпускать изделия, в продаже которых не уверены. Это заставит их учитывать потребительский спрос». Пока же, как отмечает Зимин, «дело с мертвой точки не сдвинулось»¹. Таких, как автор этого письма, в СССР было немало. Они уже тогда фактически выражались рыночными категориями, чаще всего не произнося это вслух, а нередко даже и не осознавая. Но важно и другое: как правило, никто из авторов таких инициатив не шел дальше и не ставил вопрос, почему это не сделано до сих пор и что будет, если все-таки двинуться по этому пути. Однако в подтексте таких предложений все же прочитывается, что все предприятия сохранятся, так же как и рабочие места на них, просто они будут производить нужную для рынка продукцию, что позволит ликвидировать дефицит. О том, что рынок не может явиться обществу только своими позитивными сторонами, оставив где-то в стороне социальные издержки, подавляющее большинство рядовых граждан не задумывалось не только в 1987 г., но и позже. Многие этого не поняли и до сих пор.

У тех, кто переходил на хозрасчет, нередко возникали проблемы с зарплатой. Так, в мае 1989 г. Оборонный отдел ЦК КПСС вынужден был вмешаться в ситуацию на объединении «Промэлектромонтаж» Минсредмаша СССР, на котором имела место задержка выплаты части зарплат и премий работникам (500 чел.). Вопрос подняли сами работники, указав в коллективном письме на источник проблемы – «нарушение соотношения между ростом производительности труда и заработной платой». Подписанты возмущены: «Почему должен страдать рабочий человек?» Они даже слегка грозят руководству страны: «Бездумное манипулирование непродуманными решениями на фоне возрастающих доходов кооперативов и ущемление интересов рабочих ведет к подрыву идей перестройки [подч. авторами], вызывает недоверие людей, неуверенность в завтрашнем дне и может привести к непредсказуемым последствиям»². Примечательно в этом письме то, что рабочие по-прежнему не готовы увязывать свою зарплату с производительностью труда, ведь «рабочий человек», по их мнению, «страдать» из-за каких-то показателей не должен. На наш взгляд, это явное свидетельство него-

¹ Там же. Л. 104.

² РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 930. Л. 23, 27-28.

товности советского человека к работе в условиях рынка на важнейшем направлении. Полезно обратить в письме внимание и на перечень приводимых авторами негативных последствий несогласия с ними – этот перечень и сейчас входит в арсенал наиболее опасных для россиян фобий.

О необходимости блюсти интересы трудящихся независимо от экономических показателей на производстве фактически заявили и те, кто по положению должен был понимать опасность такого шага для экономики. Так, 26 августа 1989 г. группа секретарей парткомов предприятий Омска обратилась с открытым (!) письмом в Верховный Совет СССР и в «Правду» с такими словами: «Мы серьезно обеспокоены тем, что принимаемые центральными органами меры по сокращению эмиссионных процессов ожидаемого результата не приносят, а фактически бьют по интересам трудящихся, настраивают народ против перестройки. Мы считаем, что люди, честно сделавшие свою работу, не должны оставаться без заработной платы и в любом случае [подч. мной – Д.М.] получать то, что заработали»¹. Простым рабочим простительно не знать экономических материй. Но странно выглядит, когда такое незнание проявляют те, кто призван быть в курсе таких вопросов, не говоря уже о необходимости проведения воли партии в обществе. В приведенном же случае партсекретари выступили, скорее, как профсоюзные деятели. Но этот факт лишь подтверждает, что в советском обществе конца 1980-х гг. слой тех, кто понимал, как должны соотноситься зарплаты и рост производства, был очень узок.

В чем советские граждане усматривали тогда пути разрешения указанных противоречий? Сторонники рынка были в СССР и до «перестройки». В 1986-1987 гг. они получили возможность обратиться с этими идеями к обществу (правда, поначалу не называя вещи своими именами). Так, уже в 1986 г. академик Т. Заславская в журнале «Коммунист» открыто писала об избыточной рабочей силе в советской экономике. Даже большая часть уволившихся с прежнего места работы не торопится найти новую работу, используя освободившееся время в личных целях. Найти работу можно всегда, и поэтому в полную силу, по исследованиям Заславской, трудится не более третьей части всех работников. Руководители предприятий в ответ на гипотетическое предложение взять в свои руки вопросы регулирования труда у себя на производстве прямо заявили, что в таком случае 15-20% работников оказались бы лишними. Готовность перейти на нижестоящие должности изъявило в несколько раз больше руководителей среднего и низшего звеньев в го-

¹ Там же. Л. 125.

роде и деревне, чем оказалось желающих подняться по карьерной лестнице. Причина – низкая общественная оценка управленческого труда, не отвечающая его фактической сложности.

Предложения Заславской вполне предвосхищают некоторые параметры будущих рыночных отношений (но терминология рынка пока не озвучивается): «планомерная социальная дифференциация роста благосостояния групп населения, существенно различающихся своей ролью в социально-экономическом развитии общества»; необходимо прогнозировать высвобождение различных категорий работников «в региональном и отраслевом разрезе» (термин «безработица» также еще не звучит); повышение мобильности и психологическая перестройка кадров, исторически привыкших к стабильности. Автор инициатив осознает, что эти предложения вызовут проблемы с трудоустройством у целого ряда граждан, что предполагается преодолеть системой неких мер материальной и социальной помощи. При этом Заславская в чем-то выступает и с привычных позиций, предлагая осуществлять контроль над доходами, превышающими некий порог, и вводить прогрессивное налогообложение¹.

В современной литературе встречается объяснение подобных инициатив как манипуляции сознанием советских людей со стороны либеральной интеллигенции, пытавшейся, согласно этой версии, таким образом незаметно протолкнуть смену общественного строя². Полагаем, что бессмысленно отрицать элементы манипуляции сознанием больших масс людей во времена крупных социальных перемен. Но надо учитывать и то, что сами «манипуляторы» еще далеко не полностью освободились от тех идеологических установок, с которыми же собирались бороться.

На затронутую Заславской уже тогда, в 1986 г., тему реформы ценообразования читатели «Коммуниста» откликнулись активно. Вообще, документы того периода убедительно свидетельствуют, насколько чувствительной эта тема являлась для советского обывателя. Последующее резкое повышение цен в период гайдаровской реформы сделало эту тему еще более болезненной. Однако, в начале «перестройки» мнения граждан в этом вопросе еще не были столь однозначны, как несколькими годами спустя. Так, преподаватель из Тулы П. Кириллов поддержал идею приведения в соответствие розничных цен на потребительские товары с их общественной стоимостью и отказа от государ-

¹ Зависит от нас. С. 120-128.

² Развернутое обоснование этой объяснительной модели см.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.

ственных дотаций на мясные и молочные продукты, что предполагало повышение цен на указанные товары. При этом автор предложения полагал, что такая экономически назревшая мера приведет не к снижению реальных доходов населения, а нанесет удар по «нетрудовым» доходам и в целом по дельцам теневой экономики, избавит общество от дефицита¹. Примечательно, что вплоть до экономического кризиса начала 1990-х гг. периодически выступали с таким предложением граждане, которые отстаивали общегосударственный интерес (так, как они его понимали). Уже через несколько лет нашим гражданам останется лишь мечтать даже не о снижении, а хотя бы о стабилизации цен на текущем уровне.

Впрочем, и в раннеперестроечные годы звучали возражения против изменения ценовой политики. Кандидат исторических наук из Ярославля С. Гуцин опасался, что приведение цен на товары в соответствие с их общественной стоимостью приведет в условиях товарного дефицита лишь к росту этих цен и снижению уровня жизни людей, но не окажет благотворного влияния на экономику². Любопытно, что гораздо позже ярые критики гайдаровской реформы в качестве одного из своих аргументов выдвигали опасность освобождения цен в монополизированной экономике.

Но к работе в условиях рынка подавляющее большинство граждан, в т.ч. и молодежи, не были готовы. М. Буравлева, поступавшая в экономический вуз в 1989 г. «по зову сердца», отмечает ажиотажный конкурс на коммерческий факультет при полном отсутствии спроса на банковское дело³. Пройдет не так много времени, и спрос на специалистов банковской сферы станет высоким.

Были в Советском Союзе, Впрочем, и те граждане, которые пытались найти некий «третий путь» к экономическому благополучию. Так, в январе 1989 г. напомнили в ЦК о себе участники хозяйственного эксперимента по известному методу И.Н. Худенко из Алма-Аты В. Филатов, В. Хван, В. Васильев. В своем весьма пространном обращении сразу по нескольким адресам (ЦК, М.С. Горбачев, Пленум ЦК по аграрному вопросу, редакции газет «Правда» и «Сельская жизнь») они, заявив, что «перестройка в опасности... надвигается экономический кризис...», указали средство спасения: «Прежде всего надо поднять аграрный сектор и решить жилищный вопрос...». Причины топтания они усмотрели в том, что «интеллектуальные силы страны растрачиваются в борьбе консер-

¹ Зависит от нас. С. 136.

² Там же.

³ Воспоминания М. Буравлевой [Электронный ресурс] // URL: https://httpwww.indem.ruRe90Vo50MOI_1990.pdf (дата обращения: 03.08.2020).

ваторов и реформаторов. Первые желают отстоять административную Систему в ее чистом виде, вторые – уповают на рынок, конкуренцию и безработицу – т.е. на чисто капиталистические способы организации экономики». Авторы же письма пришли к выводу, что «не годится и то и другое». При этом менее всего годится «половинчатость принимаемых решений», ярко проявившаяся в законах о кооперации и о госпредприятии (особенно в последнем). Авторы не обольщаются перспективами, связываемыми с арендой, т.к. в условиях господства в СССР государственной собственности она означает «закрепление за чиновниками узурпированного ими права владеть государством». «Ждать от аренды спасения, это уповать на несбыточное». Но что же делать дальше в условиях, когда старые механизмы пробуксовывают, а предлагаемые властью авторами критикуются? По их мнению, выход в следующем: «сдвинуть с места решение продовольственной и жилищной проблемы», для чего «надо вытянуть деньги и энергию у населения... в пригородах крупных городов надо продавать земельные участки всем желающим построить собственный дом и обзавестись хозяйством: садом, огородом, птицей, скотиной, сараями, погребами... все средства и ресурсы надо направить непосредственно на строительство малоэтажного, индивидуального жилья». Увы, последующая практика показала, что по мере появления свободных средств граждане начали покупать участки под ИЖС, но лишь в очень редких случаях в целях сельскохозяйственного производства. Решение жилищной проблемы, как выяснилось, вовсе не предполагало параллельное решение проблемы продовольственной. В массовом порядке у наших граждан никак не наблюдалось активного стремления трудиться на земле. Писательница С. Алексиевич в ответ на вопрос к сельской жительнице со Смоленщины о том, получили ли они землю (1990-е гг.), получила вполне определенный ответ: «Кто на ней будет корячиться? Хочешь – бери. У нас один Васька Крутой взял. Младшему пацану восемь лет, а он рядом с отцом за плугом идет. У него, если наймешься на работу, – не украдешь, не поспишь. Фашист!»¹. Не очень-то здесь прослеживается стремление к работе на земле.

«Худенковцы» сочли также необходимым прекратить ненужные стройки. И, наконец, было бы странным, если бы в перечне их инициатив отсутствовало предложение внедрять метод Худенко в отраслях АПК, которые должны остаться, по их мнению, монополией государства.

¹ Алексиевич С. Время секунд хэнд. [Электронный ресурс] // URL: https://file:///C:/Users/User/Desktop/%D0%9B%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%B4%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B5/Aleksievich_Golosa-Utopii_5_Vremya-sekond-hend.9FJziw.426019.fb2 (дата обращения: 03.08.2020).

Видимо, не надеясь на инициативу самих граждан, внедрять данный метод авторы письма предлагают «сверху». Заметим, что само письмо носит претенциозное название «О безубыточном производстве сельскохозяйственной продукции в СССР»¹.

Несбыточность ожиданий, подобных приведенным, иностранный исследователь отмечал сразу по «горячим следам» «перестройки». Н. Верт писал, что введение арендных отношений не вызвало энтузиазма у крестьян, т.к. самые деятельные к тому времени уже сбежали из деревни, крестьяне были лишены сельхозтехники, отставала инфраструктура. К лету 1991 г. в аренду взято лишь 2% возделываемых земель и 3% поголовья скота. Местные власти не переставали подавлять крестьянскую инициативу, о чем свидетельствовала широко освещавшаяся в конце 1988 г. история «архангельского мужика». Отмечалась враждебность сельского населения к возможности появления новых «кулаков». Одна из причин неудачи экономической реформы, по Верту, в том, что ее радикализм вызывал одновременно сопротивление населения, ощущавшего ухудшение условий жизни, и противодействие на всех уровнях бюрократии². И с этим трудно не согласиться.

Подведем некоторые итоги. Экономическое сознание советского человека в динамике первых перестроечных преобразований нельзя назвать единым и однородным. Ни по одному из приведенных выше вопросов мы не наблюдаем единства даже в принципиальных моментах. Это лишний раз доказывает, что и к началу «перестройки» советское общество уже было далеко не тем монолитом, о котором вещала советская пропаганда. И в 1985 г. и позже можно наблюдать широкую гамму настроений – от явно прокоммунистических до вполне рыночных, либеральных. При этом и те, и другие пока еще полагали (или по крайней мере прикрывались этим), что действуют во благо социализма.

В сознании советского человека присутствует ожидание каких-то экономических новшеств, но он эти новшества одновременно и приветствует, и опасается их. И основная часть опасений связана со страхом потерять для многих не выдающийся, но привычный и по-своему приемлемый уровень жизни. Ни о какой массовой готовности вступить в полосу серьезных экономических преобразований, да еще и связанных с реальным рынком на данном этапе у подавляющего большинства советских людей не наблюдается. Те же немногие, кто уже тогда не опасался рынка, либо очень слабо и предельно идеализированно представляли его реалии, либо полагали, что сумеют сохранить уже завоеванную в

¹ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 930. Л. 2-5.

² Верт Н. История советского государства. М., 1992. С. 454.

советском обществе привилегированную позицию. Однако на рубеже 1980-90-х гг., с развалом советской плановой экономики, эти ожидания стали стремительно рушиться и вытесняться новыми.

Приведенные выше материалы, конечно, не в состоянии охватить все многообразие оттенков общественных настроений в перестроечном СССР. Но и эти документы, полагаю, опровергают широко бытующее в современной России (в т.ч. в среде интеллектуалов) представление о якобы чуждости либерализма сознанию советского человека (россиянина). Реальная картина общественного сознания сложнее и интереснее. Если говорить кратко, эту картину можно представить так: советские люди стремились сохранить социальные завоевания (нередко даже рассматривая их как полученные «навечно»), но не возражали против некоторых экономических экспериментов, вполне либеральных по направленности (не важно при этом, что само слово «либерализм» пока еще оставалось объектом критики или не упоминалось вовсе). Реальность 1990-х гг. нанесла мощный удар по этим ожиданиям, породив у многих россиян представление о грандиозном обмане, «афере века». Почему так получилось, является темой отдельного разговора.

АКСИОЛОГИЯ РАННЕГО РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В ОФИЦИАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ²

В отечественной и зарубежной историографии существуют несколько вариантов ответов на вопрос о времени формирования русского либерализма. Их можно систематизировать в границах двух основных подходов – философского и политического³. Первый сосредоточен на истории восприятия в России европейского интеллектуального наследия эпохи Просвещения, а второй – на появлении первоначальной либеральной политической программы. В зависимости от принадлежности к той или иной точке зрения в «метриках» раннего русского либерализма указывают разные даты – начиная со второй половины XVIII в. вплоть до начала XX столетия.

Ранний русский либерализм в исторической ретроспективе формировался на протяжении длительного периода, достигнув, вероятно, своего «совершеннолетия» в середине XIX в. Во второй половине 1850-х – 1860-е гг. этот интеллектуальный феномен обрел, наконец, программный вид благодаря работам К.Д. Кавелина и, особенно, Б.Н. Чичерина, автора концепции «охранительного либерализма», положенной в основу первоначальной отечественной либеральной конструкции. Активное участие в репрезентации российской версии европейской аксиологии свободы принимали представители так называемого «второго эшелона» раннего либерализма – столичные литературные критики, академические ученые, публицисты, издатели П.В. Анненков, И.К. Бабст, В.П. Боткин, А.В. Дружинин и Е.Ф. Корш.

Метафорический взгляд историка «из настоящего» создает основу для перманентного переосмысления любых, даже «хорошо» известных событий и культурных феноменов, что активно эксплуатируется в настоящее время. В частности, некоторые ценностные доминанты раннего русского либерализма неоднократно обсуждались (осознанно

¹ Шнейдер Константин Ильич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

² Впервые статья опубликована в журнале «Диалог со временем» (Диалог со временем. 2019. № 67. С. 195-211)

³ Poole R.A. Nineteenth-Century Russian Liberalism: Ideals and Realities // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. 16, 1. P. 157–181.

или нет?) в современной политической риторике первых лиц российского государства. Закономерно возникает исследовательский интерес к изучению процесса актуализации и реинтерпретации некоторых положений раннелиберальной концепции середины XIX в. в текстах президентских посланий Федеральному Собранию в период 2000–2015 гг.¹

Сразу же появляются сомнения по поводу корректности сопоставления концептуальных рецептов родоначальников отечественного либерализма с программными заявлениями первых лиц государства в настоящее время. Среди аргументов в пользу релевантности данной процедуры можно выделить, во-первых, близость исторического контекста этих двух переходных этапов, когда в обоих случаях появилась необходимость в проведении системных преобразований в обществе, ставших следствием кризиса жесткой мобилизационной модели развития, во-вторых, рецепция альтернативных (либеральных) методов управления социумом и их последующая интеграция в традиционный этатистский дискурс пореформенной и современной России. В-третьих, конструирование до некоторой степени схожей либерально-консервативной программы регулирования с акцентом на постепенные изменения «сверху» под непосредственным присмотром власти.

В 2000 г. в своем первом послании Федеральному собранию в должности президента страны В.В. Путин много говорил о преимуществах сильного государственного начала для гарантированной реализации прав и свобод граждан России. Важнейшей задачей он считал «научиться использовать инструменты государства для обеспечения свободы: свободы личности, свободы предпринимательства, свободы развития институтов гражданского общества», что естественным образом актуализировало давно известную тему конвергенции власти и свободы, о которой так много размышляли отечественные либералы середины XIX в.

Президент Путин сам признавал, что спор «о соотношении силы и свободы очень стар, как сам мир. Он и по сей день порождает спекуляции на темы диктатуры и авторитаризма. Но наша позиция предельно ясна: только сильное, эффективное (если кому-то не нравится слово «сильное», скажем – эффективное) государство и

¹ Анализ президентских посланий см.: Малинова О.Ю. Историческая политика в XXI веке // Сб. статей / Науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 368–395; Она же. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия. 2015. 207 с.

демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины»¹.

С одной стороны, значительная часть этих высказываний вполне согласуется с основным содержанием концепции «охранительного либерализма» Чичерина, абсолютно уверенного в креативных способностях сильного просвещенного государства гарантировать прогрессивное и постепенное развитие социума. Главное – это примирить свободу с властью и законом. Известный лозунг Чичерина – «либеральные меры и сильная власть» предполагал «либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и свободу совести, дающие возможность высказываться всем законным желанием, – сильная власть, блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона, пресекающая всякое его нарушение, внушающая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердая рука, на которую можно надеяться, и разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий»².

С другой стороны, в современной риторике о сильном государстве обязательно присутствует идея демократического устройства российской политической системы, чего нельзя обнаружить в рассуждениях отечественных либералов середины XIX столетия. Для них демократия – это кратчайший путь к анархии и диктатуре непросвещенного большинства и, в конечном счете, к революционным потрясениям. Это можно объяснить полуторавековой разницей во времени между анализируемыми периодами, в течение которого демократическая идея превратилась в очевидного мотиватора глобальных общественных преобразований. Да и сами ранние русские либералы (например, Чичерин или Кавелин) не отрицали грядущего наступления демократической эпохи, но сомневались в готовности к рецепции ее ценностей в так называемых «незрелых» обществах.

Первое, а, значит, программное послание президента Путина содержало в себе многие базовые либеральные принципы, среди

¹ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml> (дата обращения 10.12.2015).

² Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов М.: В типографии Грачева и комп. 1862. С. 199–200.

которых выделялась декларация незыблемости экономической свободы и собственности, неоднократно повторявшаяся и в последующих его обращениях. Опираясь на отечественный исторический опыт, он резюмировал: «...ключевая роль государства в экономике – это, без всяких сомнений, защита экономической свободы. Наша стратегическая линия такова: меньше администрирования, больше предпринимательской свободы – свободы производить, торговать, инвестировать». Государственное присутствие в экономической сфере должно состоять «не в увлечении административными рычагами, не в экспансии государства в отдельные отрасли (это мы уже проходили, это было неэффективно) и не в поддержке избранных предприятий и участников рынка, а в защите частных инициатив и всех форм собственности»¹.

Лишь некоторые ранние русские либералы (Бабст, Чичерин) являлись последовательными приверженцами экономической свободы, минимизации государственного участия и, одновременно, все либеральное сообщество радело за безусловное право владения и распоряжения частной собственностью. Например в 1856 г. в своей речи, ставшей впоследствии широко известной в образованных столичных кругах, признанный специалист в экономических вопросах профессор политэкономии и статистики Бабст заявил о том, что «предоставляя каждому человеку, каждому промышленному обществу свободное поле деятельности, не приучая народ к мысли, что и в его хозяйственных делах нужна ему постоянная нянька, ограничиваясь только надзором или хорошими строгими законами против всякого покушения на чужую собственность и преимущественно в отношении к должникам, к банкротствам, и тогда частный интерес, личная выгода приведет и каждого отдельного промышленника, и народную промышленность вообще к желанной цели»². В обеих декларациях звучит призыв к институционализации экономической свободы посредством проведения выверенной законотворческой деятельности верховной властью.

В речи российского президента присутствует лозунг «диктатуры закона» в контексте рассуждений о границах государственного вмешательства, что однозначно коррелирует с позицией Чичерина, автора концепции «охранительного либерализма». Он обращал

¹ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml> (дата обращения 10.12.2015).

² Бабст И.К. Избранные труды. М.: Наука. 1999. С. 123.

внимание своих союзников и оппонентов на необходимость пропагандировать и развивать традицию подчинения не только так называемым «хорошим» законам, имеющим очевидную социальную поддержку, но и «плохим», которые несмотря ни на что сохраняют статус обязательного для исполнения законодательного акта.

Вместе с тем, можно провести и другую параллель – между теоретическими интенциями Чичерина к централизации управления, что означало «подчинение местных властей центральному правительству, восхождение дел из отдельных областей в верховные учреждения, установленные для всего государства»¹ и предложением президента России по вопросу об укреплении федерализма, выразившееся в создании федеральных округов и назначении в них президентских представителей. Суть этого решения, по словам Путина, «не в укрупнении регионов, как это иногда воспринимается или преподносится, а в укрупнении структур президентской вертикали в территориях. Не в перестройке административно-территориальных границ, а в повышении эффективности власти. Не в ослаблении региональной власти, а в создании условий для упрочения федерализма»².

В своем втором послании в 2001 г. президент Путин обратил внимание на губительные для России революционные/контрреволюционные циклы развития, выбивавшие страну из естественного (нормального) исторического движения. В качестве альтернативы он предложил оставить в прошлом попытки радикально изменить статус-кво и сосредоточиться на укреплении стабильности в обществе, постепенном решении трудных проблем за счет ежедневного квалифицированного труда всех участников преобразовательного процесса.

Похоже рассуждали и ранние русские либералы, полагавшие, что в первую очередь следует «переварить» и «освоить» содержательный контекст Великих реформ 1860-х – 1870-х гг., решительно отвергнув революционные перспективы. Общее неприятие любого образа русской революции ясно прозвучало еще в известном «Письме к издателю» Кавелина и Чичерина, адресованное А.И. Герцену. После этого появилось письмо Чичерина к Герцену, ставшее результатом их личной встречи в 1858 г. во время заграничной поездки Бориса Николаевича, в

¹ Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. М.: В типографии Эрнста Барфкнехта и комп. 1858. С. 204.

² Путин В.В. Послание Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml> (дата обращения 10.12.2015).

котором он резко и по содержанию, и по тональности критиковал теоретические соблазны политического радикализма.

Уже в период Великих реформ Чичерин настаивал на том, что в России «дело первостепенной важности – возникновение в обществе независимых сил, которые бы поставили себе задачей охранение порядка и противодействие безрассудным требованиям и анархическому брожению умов. Только энергия разумного и либерального консерватизма может спасти русское общество от бесконечного шатания»¹.

В течение первого президентского срока Путин в посланиях неоднократно возвращался к идее сильного государства как безальтернативному историческому выбору России. Акцентируя географические особенности расположения страны и очевидные трудности сохранения ее целостности как в прошлом, так и в настоящем он часто прибегал к мобилизационной риторике полагая, что «такая страна, как Россия, может жить и развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой. Во все периоды ослабления страны – политического или экономического – перед Россией всегда и неотвратно вставала угроза распада»².

Еще одной «общей» темой интеллектуальной рефлексии ранних русских либералов и политических заявлений второго президента России в начале 2000-х гг. стал европейский выбор исторического пути развития страны. Для отечественных либералов середины XIX столетия внутреннее обустройство государства и общества по западноевропейским «лекалам» не вызывало какого-либо сопротивления и вполне соответствовало базовым положениям политики «просвещенного самодержавия». Они, в основном, относили Россию к числу европейских стран, обреченных на общую историческую судьбу и схожую стратегию развития в настоящем и будущем.

Многие либералы не разделяли мнения своих оппонентов об унижительности копирования западного опыта, искренне удивляясь их стремлению к культивированию национальной обособленности. В частности, Бабст обоснованно задавался вопросом: «Неужели обидно для нас, когда мы должны прийти к убеждению, что, оставаясь вполне самостоятельными, мы все-таки проходим и проходили те же эпохи исторического развития, как и остальные народы Европы. Не будь этого,

¹ Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. С. 162.

² Путин В.В. Послание Федеральному Собранию РФ 16 мая 2003 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> (дата обращения 12.12.2015).

мы были бы какими-то вырожденками человечества, и потому-то, вместо того, чтобы считать ту или другую форму нашей общественной жизни исключительно русской, не вернее ли, не основательнее ли справиться с историей»¹.

В свою очередь, в обращении президента России к Федеральному Собранию в 2003 г. сближение и даже интеграция с Европой названо важным элементом внешней политики государства. Здесь же присутствуют рассуждения об интересах «большой Европы», требующих новых качественных шагов навстречу друг другу для обеспечения свободы передвижения граждан и формирования единого экономического пространства.

В 2005 г. уже во время второго президентского цикла Путин в своем послании в очередной раз остановился на стратегических принципах государственной политики. Среди главных приоритетов – сохранение преемственности в таких вопросах как дальнейшая евроинтеграция России, безусловное доминирование права и неприкосновенность частной собственности. Глава государства определил цивилизационную роль социокультурных идеалов Европы для исторического развития российского общества, движение которого в продолжение трех последних столетий осуществлялось в тесном идейно-политическом взаимодействии с европейскими народами. В частности, Путин заявил, что вместе мы «прошли через реформы Просвещения, трудности становления парламентаризма, муниципальной и судебной власти, формирование схожих правовых систем. Шаг за шагом вместе продвигались к признанию и расширению прав человека, к равному и всеобщему избирательному праву, к пониманию необходимости заботы о малоимущих и слабых, к эмансипации женщин, к другим социальным завоеваниям»².

Интеллектуальный феномен раннего русского либерализма неотделим от европоцентристских интенций. Либералы середины XIX в. всемерно приветствовали распространение в России достижений и ценностей западной цивилизации, а также саму возможность превратиться в прилежных учеников ведущей держав. Не отрицая своеобразие и вариативности социального развития, наличия в нем разнообразных маршрутов, они последовательно защищали идею общности исторических судеб народов в преодолении сугубо

¹ Бабст И.К. Три месяца за границей. Письмо пятое // Атеней. 1859. № 4. С. 474.

² Путин В.В. Послание Федеральному Собранию РФ 25 апреля 2005 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml> (дата обращения 16.12.2015).

национального прошлого посредством интеграционных процессов. Родоначальники отечественной либеральной традиции полагали, что создание империи Петром I явилось отправной точкой в истории европеизации России, после чего она из периферии и географической провинции превратилась в составную часть цивилизованного мира.

Европейские устремления России президент Путин связывал с демократическими ценностями, которые, по его мнению, обладают не меньшей значимостью, чем экономический успех или социальное благополучие людей. Одновременно, он в очередной раз настаивал на исключительно правовых способах развития демократических принципов мироустройства, предупреждая, что «всякого рода внеправовые методы борьбы за национальные, религиозные, иные интересы противоречат самим принципам демократии. Государство будет на них законным, но жестким образом реагировать»¹.

Известное уже ситуационное неприятие демократии ранними русскими либералами середины XIX столетия, вызванное политической незрелостью отечественного социума, тем не менее, не снимало с «раннелиберальной повестки» тезис о необходимости длительной подготовительной работы по просвещению и распространению правовых знаний и политической культуры в обществе. Либералы сакрализировали правовой порядок как неперемное условие любых демократических нововведений. Кавелин утверждал: «Преобразования, вводящие прочный, разумный и законный порядок в стране взамен произвола и хаоса, по самому существу дела должны предшествовать политическим гарантиям, ибо готовят и воспитывают народ к политическому представительству»².

Родоначальники отечественного либерализма конструировали рационально-утопическую модель «прорыва» общества к демократическому будущему, серьезно опасаясь его социально-политических девиаций. Обращает на себя внимание идея «правового центризма» как предварительного и обязательного условия преобразований, призванная защитить государство от возможных опасных потрясений и гарантировать эволюционный характер изменений.

Вместе с тем, в современной риторике высшей политической элиты России постоянно звучит озабоченность по поводу правового нигилизма уже в принципиально иных исторических условиях существования, что актуализирует давнюю концепцию раннего русского

¹ Там же.

² Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1898. Т. 2. С. 137.

либерализма о соотношении власти и свободы и неременном, активном участии государства в национальном политическом процессе. Фактически верховная власть (скорее неосознанно) «обратилась» к центральному положению чичеринской модели «охранительного либерализма» – «либеральные меры и сильная власть», пытаясь в первую очередь обуздать государственно-правовым способом демократические интенции 1990-х гг.

К числу безусловных доминант в первых президентских посланиях относится идея максимальной защиты права частной собственности от внутренних социально-экономических и политических вызовов. В 2005 г. Путин заявил: «Незыблемость права частной собственности – это основа основ ведения всякого бизнеса. Правила, которых придерживается в этой области государство, должны быть ясны для всех и, что немаловажно, быть стабильны. Это позволяет нормально планировать и ведение бизнеса, и жизнь каждого, кто развивает свое дело. Это позволяет гражданам спокойно, без опасений заключать соглашения по таким жизненно важным вопросам как, например, приобретение жилья или его приватизация, которая в основном уже прошла в нашей стране. Это в целом мотивирует к приобретению имущества и к расширению производства»¹.

Следует обратить внимание не столько на сугубо экономическую составляющую программного заявления первого лица государства, сколько на его социальный мотивационный посыл. Путин призвал к проведению упрощенной процедуры легализации недвижимости рядовых граждан, имеющих у них денежных накоплений и т.д. Незыблемость права частной собственности, в данном случае, служит очевидным амортизатором социального недовольства в неравных условиях рыночного развития экономики. Это непосредственно коррелирует с содержанием принципиальных споров в среде ранних русских либералов по поводу тотального доминирования личной (частной) собственности в российском обществе середины XIX столетия.

Например, Кавелин, в отличие от Бабста и Чичерина, последовательно возражал против чрезмерного и неподконтрольного распространения личной (частной) собственности. Он предупреждал, что там, где «только личная собственность господствует исключительно, там, рано или поздно, непременно наступает полная социальная анархия и бедствие народных масс, страшные общественные недуги,

¹ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию РФ 25 апреля 2005 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml> (дата обращения 16.12.2015).

против которых доселе оставались бессильными все средства, – недуги, которые развиваются неудержимо, питаясь и поддерживаясь сами собой»¹. Обращает на себя внимание одинаковая озабоченность исторических акторов социальными последствиями перехода к всеобъемлющей и законодательно гарантированной системе частной собственности, которая в том и в другом случае вызывала и продолжает вызывать сомнения при принятии окончательных решений.

В своем первом программном послании в 2008 г. новый российский президент Д.А. Медведев счел необходимым остановиться на хорошо известной проблеме соотношения власти и свободы. Глава государства вновь обозначил один из главных приоритетов общественного развития страны – построение справедливого общества свободных людей. Восприятие свободы трактовалось, в основном, в традиционном либерально-просвещенческом духе с акцентом на индивидуальную свободу, свободу слова, вероисповедания, мобильности, предпринимательства.

Одновременно президент подчеркнул позитивную роль государства на современном этапе развития российского социума. Наряду с идеями децентрализации и гуманизации социального устройства и политической системы России, разграничения полномочий центра и регионов, укрепления демократических институтов, прозвучала мысль о сильном государстве как инструменте развития гражданского общества и укоренения демократических учреждений в новейшей истории страны. Медведев в своем первом послании выступил с инициативой увеличения сроков конституционных полномочий президента и Государственной думы.

В чем-то схожие представления о прогрессивной миссии сильного государства можно встретить в рассуждениях Чичерина, автора концепции «охранительного либерализма», отводившего центральной власти роль «просвещенного сторожа» в сложный переходный период существования. Несмотря на кардинальные различия между двумя историческими эпохами прослеживается общий функциональный подход к определению места государства в преобразовательном процессе.

Интересным в обсуждаемом контексте является высказывание президента Медведева по поводу традиционных для России отношений государства и личности. Он заявил, что в России «на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными

¹ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1898. Т. 2. С. 177–178.

интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного могущества. Повторю, так было на протяжении веков». В подтверждении своих слов Медведев процитировал слова известного государственного деятеля России начала XX в. П.А. Столыпина: «Прежде всего надлежит создать гражданина, и, когда задача эта будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот»¹.

В свою очередь, отцы-основатели раннего русского либерализма многократно рассуждали о противоположности отечественного и европейского исторического опыта, контроверзы коллективного/государственного и индивидуального начала, способности к самоорганизации в развитых западных обществах и склонности к безусловному подчинению, социальной пассивности соотечественников. Более того, в их работах можно обнаружить призыв к актуализации доминирующей роли гражданских интересов по отношению к государственным. В частности, Кавелин достаточно определенно высказывался о том, что гражданские интересы «прежде заслоненные государственными, или рассматриваемые сквозь их призму теперь по преимуществу занимают умы; настает их черед, как прежде был черед государственных и политических. Примирение и соглашение частных интересов и потребностей приведения их к единству, словом их организация составляет такую же важную задачу нашего времени и ближайшего будущего, как прежде организация общественных элементов, осуществленная государством...»². Однако, мнение Кавелина не полностью разделял Чичерин, ратовавший за разделение гражданского и политического общества и демонстрировавший большой этатизм в вопросах иерархии и централизации.

В данном случае близость раннелиберального дискурса и современной политической риторики верховной власти наблюдается не столько в конкретных фразах, сколько в утопической идеализации креативных способностей государства, которое может сконструировать рациональную модель движения к заданной цели – акцентированное развитие личностного начала и активное социальное проектирование. В обоих случаях, судя по всему, главные надежды связаны с правовой деятельностью власти, обеспечивающей законодательные гарантии для

¹ Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию РФ 5 ноября 2008 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> (дата обращения 17.12.2015).

² ОР РГБ. Ф. 548. Кавелин. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 16.

каждого конкретного индивида. Тогда вполне естественно обращение Медведева к словам Чичерина о том, что в праве следует видеть не только продукт практической пользы, но и «условие истинно человеческого существования»¹.

В своих посланиях Федеральному Собранию новый президент, сохраняя преемственность с риторикой своего предшественника, неоднократно возвращался к идее полноценного развития демократии в России в строгих рамках правового поля в сочетании с жестким противодействием любым незаконным попыткам радикального нарушения статус-кво. Активизация политической жизни в стране в конце 2011 г. реанимировала тревогу властей перед непредсказуемыми социальными последствиями и перспективой погружения общества в состояние неопределенности.

Слова Медведева, сказанные им в президентском послании 2011 г., о потребности общества в зрелой демократии, не допускающей никакого хаоса, в очередной раз (как и в период президентства Путина) перекликаются с известным программным положением раннего русского либерализма об опасности революционных потрясений при переходе к демократии в «незрелых» социумах. Чичерин, акцентировавший идею институционального и содержательного несовершенства любого демократического устройства с доминированием большинства над меньшинством, бедных над богатыми, предупреждал, что политическая свобода «требует общественных условий, которые вырабатываются медленно, трудным жизненным путем, и без которых введение представительного устройства может породить только смуту»².

В том и в другом историческом контексте обращает на себя внимание не столько неприятие каких-либо радикальных политических событий, сколько одинаковая репрезентация идеальной (зрелой) модели демократии, которой не было и все еще нет в России, но процесс формирования которой в национальных условиях постоянно вербализируется и ассоциируется с серьезными социальными девиациями, ставящими под сомнение саму возможность достижения желанной цели в данной территории. До конца остаются непонятными конкретные «технические задания» для реализации самого проекта созидания российской «зрелой демократии», что традиционно сохраняет

¹ Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию РФ 5 ноября 2008 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> (дата обращения 17.12.2015).

² Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина. 1899. С. 563.

за этой проблемой декларативный теоретико-политический статус и препятствует ее переходу в пространство прикладного «инжиниринга».

В президентском послании 2012 г., озвученном уже Путиным, достаточно четко обозначен «национально-патриотический поворот» в риторике верховной власти. В тексте данного программного документа традиционно затронута проблема соотношения демократии и государственного начала. На фоне уже привычного обращения к идее сильного государства как исторически детерминированной российской политической константе, впервые так ясно прозвучала мысль о суверенизации демократических ценностей. В частности, президент заявил: «Для России нет и не может быть другого политического выбора, кроме демократии. При этом хочу сказать и даже подчеркнуть: мы разделяем именно универсальные демократические принципы, принятые во всем мире. Однако российская демократия – это власть именно российского народа с его собственными традициями народного самоуправления, а вовсе не реализация стандартов, навязанных нам извне»¹.

Во-первых, следует обратить внимание на противоречие в президентском послании между декларацией приоритета универсальных международных демократических норм, с одной стороны, и их прикладной незначимостью в конкретных национальных условиях, с другой. Во-вторых, здесь же, в одном и том же тексте присутствуют отсылки к принципиально разным российским историческим традициям – в первом случае (в приведенной выше цитате) к народному самоуправлению, а чуть позже – к характерной для России традиции сильного государства². Вообще в истории российского государства очень сложно обнаружить периоды институционального расцвета народного самоуправления.

Этот «поворот» в политической риторике верховной власти серьезно корректирует дальнейший поиск достаточных оснований для содержательных корреляций между аксиологией раннего русского либерализма середины XIX в. и ценностными ориентирами президентских посланий XXI в. Основатели отечественного либерализма являлись западниками, разделяясь, по большей части, на англофилов и франкофилов. Стремление некоторых из них сохранить традиционные социальные и политические институты в России

¹ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2012 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения 26.12.2015).

² Там же.

детерминировалось, прежде всего, темпоральными сомнениями в адекватной готовности и способности российского социума к восприятию западной модели демократии, а не концептуальной и логической опасностью импорта европейских либеральных стандартов.

Ранние русские либералы много писали о принципиально разных исторических судьбах России и Европы, нередко сожалея об этом, но постоянно настаивая на наличии многочисленных несовпадений и, следовательно, национальных особенностей отечественного опыта развития. Однако, они не видели иной альтернативы кроме тщательного выбора наиболее удачной для России стратегии рецепции разнообразных европейских норм и правил социального проживания.

Более того, либералы середины XIX в., будучи европоцентристами, часто акцентировали идею общеевропейского единства, в орбиту которого, начиная с Петровских времен, попала и Россия. Еще в середине 1840-х гг. Кавелин утверждал, что «безусловное заимствование европейской цивилизации и ученическое отношение к западному миру, характеризующие эпоху русской истории от Петра до первой четверти XIX века, было, конечно, не случайное, а необходимое, когда они так долго поглощали наши силы без всякой внешней необходимости. Россия вошла в число европейских государств, тесно соединила с ними свою судьбу и, кажется, ей нечего стыдиться этого нового братства»¹.

Несмотря на то, что в следующем президентском послании 2013 г. вновь озвучивалось программное положение раннего русского либерализма о соединении свободы и сильного государства, содержательный контекст политической риторики верховной власти изменился под влиянием «национально-патриотического поворота». С одной стороны, Путин (так же как в свое время отечественные либералы середины XIX в.) говорил о важности реформирования судебной системы и совершенствования основ местного самоуправления для достижения заявленных стратегических целей. С другой стороны, в послании он вновь актуализировал тему метафизической роли традиционной аксиологии по отношению к универсальным (западным) ценностям.

Рассуждая о современной ситуации, президент заявил: «Сегодня во многих странах пересматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции и различия наций и культур. От общества теперь требуют не только здравого признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и

¹ Кавелин К.Д. Сочинения. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин. 1859. Ч. 2. С. 52.

обязательного признания равноценности, как это не покажется странным, добра и зла, противоположных по смыслу понятий. Подобное разрушение традиционных ценностей «сверху» не только ведет за собой негативные последствия для обществ, но и в корне антидемократично, поскольку проводится в жизнь исходя из абстрактных, отвлеченных идей, вопреки воле народного большинства, которое не принимает происходящей перемены и предлагаемой ревизии»¹.

В этой связи уместно вспомнить так называемую дискуссию о «народности» второй половины 1850-х гг., которую ранние русские либералы вели со своими оппонентами «справа». Консервативные критики опирались на идею витальности и непогрешимости «народного воззрения» для отечественной истории, противопоставляя исконную русскую традиционность чуждому западному опыту. Они являлись последовательными противниками вполне естественных интеграционных процессов (например, европеизации России), полагая их вредным рукотворным итогом сознательных действий либералов и их союзников.

В свою очередь, ранние русские либералы, не отвергая в принципе национального своеобразия любого народа и признавая самоценность традиции как таковой, не пытались одновременно провести жесткую границу между самобытностью и европейским цивилизационным мейнстримом, отстаивая и защищая содержательные концепты эпохи Просвещения. Они считали, что с образованием, «с развитием, с цивилизацией сглаживаются народные отличия. И не слагая с себя своего типа, не отрешаясь от народности, каждый народ, принимающий плоды цивилизации, работает сам усердно над сглаживанием и уравниванием всех резких и угловатых особенностей своего быта, дабы вступить в общую семью европейскую и стать в ряды носителей цивилизации»².

В 2014 г. ранее избранный тренд президентских посланий на разграничение и противопоставление национальной и европейской аксиологии существенно усилился. Это безусловно связано с известными украинскими событиями, присоединением Крыма к России и санкционным ответом западных держав. Путин жестко заявил: «Если для ряда европейских стран национальная гордость – давно забытое понятие, а суверенитет – слишком большая роскошь, то для России

¹ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения 26.12.2015).

² Бабст И.К. Три месяца за границей. Письмо шестое // Атеней. 1859. № 8. С. 569.

реальный государственный суверенитет – абсолютно необходимое условие ее существования»¹. Таким образом, «патриотический поворот» стал долгосрочной стратегией исторического развития страны.

Исследование современного российского политического дискурса на примере президентских посланий 2000–2015 гг. позволяет выявить некоторые его характерные особенности и содержательные параллели с предшествующей интеллектуальной традицией. На протяжении большей части этого периода в официальной риторике высших должностных лиц государства постоянно обсуждалась онтологическая проблема – соединение и совмещение либеральной идеи свободы и сильной власти, что несомненно актуализирует уже в новых временных условиях концепцию раннего русского либерализма, сложившуюся в середине XIX столетия.

В 2000–2011 гг. в президентских обращениях нередко использовалась (скорее неосознанно) раннелиберальная аксиологическая матрица – «либеральные меры и сильное государство», централизация власти (президентская власть), неприятие любых революционных практик, правовой центризм (диктатура закона), европеизм (евроинтеграция), постепенные реформы «сверху» с максимальной адаптацией традиционных форм существования к нововведениям, индивидуализм и свобода личности (демократические ценности), неприкосновенность частной собственности и свободное развитие экономики, формирование общественного мнения (гражданское общество) и т.д.

Вместе с тем, было бы наивно полагать, что речь идет о прямой интеллектуальной рецепции либеральной аксиологии середины XIX в. в актуализированном российском политическом пространстве. Допуская вероятность распространения некоторого знания истории отечественного либерализма в среде сегодняшней властной элиты России, следует скорее всего обратить внимание на особенности национальной модернистской парадигмы. На новом переходном этапе в ее границах возросла конфликтность между традиционалистскими ценностями (социокультурная чересполосица больших территорий, правовой нигилизм, патернализм в социальных коммуникациях и т.д.) и телеологией модернистского прорыва в число ведущих мировых держав.

Возможно, что интуитивное обращение президента Путина к программным положениям раннелиберальной концепции

¹ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 4 декабря 2014 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения 27.12.2015).

мотивировалось, в конечном счете, исключительно внешнеполитическими амбициями, допускающими использование элементов исторической политики в виде риторических формулировок о сильном государстве, централизации власти, евроинтеграции и демократических свободах. В свою очередь, для либералов середины XIX в. великодержавные интенции вообще не входили в перечень их концептуальных деклараций.

Однако более интересной могла бы стать версия о содержательной близости аксиологии раннего русского либерализма и современного политического дискурса российской элиты в период 2000-2004 гг., когда геополитические успехи мыслились как результат, прежде всего, плодотворного внутреннего реформирования общества. И только впоследствии в силу нарастающих сложностей и противоречий в проведении системных реформ в стране и неудачи во внешней интеграционной политике обозначилось стремление к разрыву с прежним курсом и репрезентации имперской модели развития.

В 2012 г. завершился «национально-патриотический поворот» в политической риторике (и не только) высшей российской государственной элиты. По разным причинам (внутренним и внешним) в очередной раз (как в конце XIX в. в период контрреформ) преобразовательный вектор движения сменился на политику культивирования традиционных ценностей в качестве опоры стратегического национального «инжиниринга» в разрыве с современным западным опытом. С этого периода концептуальные параллели с программой раннего русского либерализма середины XIX столетия окончательно потеряли свою актуальность. Возможно по прошествии некоторого времени Россия снова окажется перед необходимостью решать вопросы исторического транзита, совершая при этом привычную ревизию собственной интеллектуальной истории.

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПАРТИЙ К ПРОТЕСТАМ В БЕЛОРУССИИ В АВГУСТЕ-НАЧАЛЕ СЕНТЯБРЯ 2020 г.

9 августа 2020 г. в Белоруссии прошли президентские выборы. Они стали самыми нестандартными, т.к., во-первых, протесты несогласных затянулись, а во-вторых, эти протесты стали очень массовыми, чего не было ранее. Это не первые президентские выборы в Белоруссии, породившие протесты. В 2006 г. на Октябрьской площади протестующими даже были установлены палатки, но продержался палаточный городок недолго. В 2010 г. несогласные предприняли неудачный штурм здания, в котором располагалась Центральная избирательная комиссия. Но и в том, и в другом случае активность проявляла именно белорусская оппозиция, которая была немногочисленной и мало поддерживалась массой народа. В 2020 г. после окончания голосования на улицы вышла не только оппозиция, но и множество простых людей. Реакция на выборы и последовавшие за ними события проявилась у многих политических сил в разных странах. Россия, с которой Белоруссия находится в формально союзных отношениях, также не осталась в стороне. Реакция российских политиков на белорусские события разнообразна. Это зависит от многих факторов: глубины понимания ситуации внутри Белоруссии, личного отношения к А. Лукашенко, идеологической индоктринации и т.д. Не остались в стороне и либеральные политические силы России. Ряд партий сделал заявления или разместил у себя на партийных ресурсах комментарии к белорусским событиям. Надо отметить, что заявления начались еще накануне выборов.

Так Партия народной свободы «ПАРНАС» 29 июля обратилась к белорусам по поводу предстоящих выборов. В обращении российский президент В. Путин и белорусский Лукашенко были уравнены в их стремлении погреть «все конституционные ограничения, поставленные на пути тирании». Призвав белорусов голосовать за оппозицию, партия заявила, что «остановить тиранов может только страх народного гнева». Заканчивалось обращение не слишком логичным, но пафосным заявлением: «Государственная независимость вашей страны, ваша свобода священны для нас!»² Нелогичность данного заявления в том, что именно Лука-

¹ Гронский Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

² Обращение ПАРНАС к гражданам Белоруссии // Партия народной свободы «ПАРНАС» // URL: <https://parnasparty.ru/news/567> (дата обращения: 26.08.2020).

шенко сделал очень многое для государственной независимости Белоруссии, правда, путем доведения страны до экономического кризиса. Российские либералы почему-то отрицают, что белорусский президент уже два десятка лет является противником интеграции внутри Союзного государства. В частности, в 2019 г. Лукашенко заявил: «Ни один документ мною не будет утвержден и подписан, если он будет противоречить конституции и фундаментальным принципам жизни нашего общества. А самые главные принципы – это суверенитет, независимость нашего государства»¹.

Несмотря на интеграционную риторику, Лукашенко всячески тормозит интеграцию, требуя от России ресурсов на поддержку стабильного существования республики, но не желая передавать хотя бы малую часть полномочий в гипотетические союзные органы. В результате, со стороны Белоруссии сложилась оригинальная политика в отношении России. Минск требует от России энергоносителей по внутрироссийским ценам, но настаивает на том, чтобы Россия не мешала проводить политику, направленную на отрыв от России и разворот на Запад. В итоге получается, что белорусская власть стремится оторваться от России за российский счет. Эта политика не белорусской оппозиции, а власти. Поэтому говорить о святости белорусской государственной независимости, значит подчеркивать, что огромная заслуга в том, что интеграция не состоялась, принадлежит персонально белорусскому президенту.

30 июля 2020 г. член политсовета ПАРНАС Д. Кочановский призвал белорусов голосовать за оппозиционного кандидата С. Тихановскую. При этом он заявил, что после победы оппозиции в Белоруссии люди будут жить достойно, приведя в пример ряд стран, в том числе и Украину², которая в реальности не отличается ни европейским уровнем жизни, ни стабильностью. Такие заявления говорят о понимании достойного уровня жизни как всего лишь декларативного элемента пропаганды, который не соответствует действительности и может быть использован в контрпропаганде.

Эти партийные выступления могут рассматриваться как попытка повлиять на исход выборов из-за границы. Но на практике обращения ПАРНАС не были замечены в Белоруссии.

4 августа свое видение белорусской ситуации озвучил Г. Явлинский. Он предположил, что «объективно полезный вариант взаимодействия

¹ Лукашенко отказался от союза с Россией по «новым условиям» // Лента.ру [// URL: <https://lenta.ru/news/2019/11/17/soyuz/> (дата обращения: 26.08.2020).

² О предстоящих 09.08.20 президентских выборах в Беларуси // YouTube [// URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=rxAy_r73a0s&feature=emb_logo (дата обращения: 26.08.2020).

для России и Республики Беларусь – это экономический союз, когда каждая страна является независимой и сохраняет в полном объеме свой суверенитет»¹. Резко критикующий белорусского лидера Явлинский даже не понял, что он пересказал требование Лукашенко и его команды пропагандистов к России, также настаивавших лишь на экономическом союзе на белорусских условиях (т.е. решение экономических проблем Белоруссии за счет России) и сохранении белорусского суверенитета в полном объеме.

После окончания голосования в Минске и некоторых других городах Белоруссии начались столкновения протестующих с силовиками. В некоторых случаях столкновения переросли в жесткие задержания с применением спецсредств. Несколько дней ситуация была крайне напряженной, но потом произошла некоторая стабилизация.

На всплеск насилия в Белоруссии сразу после выборов отреагировал ряд либеральных политических сил России. Активное комментирование происходящих в Белоруссии процессов продолжалось примерно полторы недели, после чего интерес к событиям пошел на спад и возобновился в начале сентября.

На следующий день после выборов партия ПАРНАС сделала заявление, в котором было обращено внимание на жестокие действия силовиков в отношении протестующих. Партия понимает, что единственной реальной опорой Белоруссии является Россия, поэтому сделала вполне логичный вывод: «Ослабленный своей нелегитимностью Лукашенко вернется в объятия Путина и станет еще более зависимым от него». Победа Лукашенко на выборах была названа «кремлевской целью», потому что Лукашенко оказался ослабленным президентом. При этом партия утверждает, что «кремлевская цель» достигнута «за счет свободы и благополучия граждан». Непонятным остается, почему Белоруссия «вернется в объятия Путина», но одновременно, по мнению партии, «нити зависимости переходят в руки Китая»².

В первые дни протестов было задержано несколько граждан России. ПАРНАС выделил несколько категорий задержанных: журналисты, блогеры, случайные участники стихийных протестов. При этом партией было проигнорировано то, что до выборов были арестованы

¹ Явлинский Г. Союз несменяемых // Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» // URL: <https://www.yabloko.ru/publikatsii/2020/08/04-0> (дата обращения: 27.08.2020).

² Заявление ПАРНАС о выборах в Белоруссии и насилии в отношении мирных граждан // Партия народной свободы «ПАРНАС» [Электронный ресурс] // URL: <https://parnasparty.ru/news/568> (дата обращения: 26.08.2020).

33 «вагнеровца»¹. Этот арест российских граждан для партии прошел незамеченным, видимо потому, что «вагнеровцы» не представляли собой сторонников либеральных взглядов. Требуя освободить задержанных на протестах, партия апеллировала в том числе и к принципам Союзного государства², от реального создания которого пытался уйти Лукашенко последние несколько лет. Также только после арестов, в том числе, и либеральных журналистов председатель партии «Яблоко» Н. Рыбаков направил обращение министру иностранных дел России С. Лаврову с просьбой защитить российских граждан, задержанных в Белоруссии³.

Председатель партии ПАРНАС М. Касьянов лично порассуждал о легитимности белорусских выборов и легитимности основного конкурента действующего президента С. Тихановской. Касьянов, по сути, повторил западную риторику о том, что в сложившихся условиях чью-то победу не подтвердить, ни опровергнуть нельзя⁴.

5 депутатов региональных законодательных собраний от партии «Яблоко» объявили, что признание Лукашенко победителем выборов противоречит государственным интересам России⁵. Однако все кандидаты на белорусских выборах так или иначе оказались бы неудобными для интересов России, поскольку ни одного претендента на президентскую должность, стремящегося к продуктивным отношениям с Россией, выдвинуто не было. Депутаты от «Яблока» определяли сложившийся

¹ 29 июля белорусский КГБ задержал 33 гражданина России, которые транзитом направлялись в третью страну для выполнения функций сотрудников частных охранных агентств. Председатель белорусского КГБ поспешил заявить, что эти люди являлись членами так называемого ЧВК «Вагнер» и прибыли в Белоруссию специально для подготовки протестов против Лукашенко после его победы на выборах. Была угроза передачи «вагнеровцев» Украине, т.к. несколько из них участвовали в боевых действиях на Донбассе. После того, как Лукашенко снова решил опереться на Россию, «вагнеровцы» были отпущены. Официальных извинений им принесено не было, а глава белорусского КГБ получил повышение, став председателем Совета безопасности.

² В ПАРНАС требуют от МИД принять исчерпывающие меры для освобождения россиян в Белоруссии // Партия народной свободы «ПАРНАС» // URL: <https://parnasparty.ru/news/569> (дата обращения: 26.08.2020).

³ Рыбаков обратился к Лаврову с просьбой защитить россиян в Беларуси // Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» // URL: <https://www.yabloko.ru/taxonomy/term/2942/2020/08/14> (дата обращения: 27.08.2020).

⁴ Касьянов М. Как защитить победу белорусского народа от тирании // Партия народной свободы «ПАРНАС» // URL: <https://parnasparty.ru/opinion/511> (дата обращения: 26.08.2020).

⁵ Признание Лукашенко законно избранным президентом Республики Беларусь противоречит государственным интересам России // Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» // URL: <https://www.yabloko.ru/news/2020/08/12> (дата обращения: 27.08.2020).

после выборов в Белоруссии политический строй как фашистскую диктатуру и утверждали, что «поддержка этой диктатуры в любой форме аморальна и безнравственна»¹. Каковы признаки фашистской диктатуры, наблюдаемой в Белоруссии, «яблочники» не указали, однако намекнули, что подобное существует и в России: «Мы видим очевидную политическую преемственность политики Александра Лукашенко в Беларуси и Владимира Путина в России»². Помимо того, они заявили, что видят «прямую политическую проекцию варварских событий в Беларуси в 2020 году на предстоящие в России в 2021 году парламентские и в 2024 году президентские выборы»³.

Намеки на историю фашистской Германии продолжают и в аналогии желаемого суда над белорусскими силовиками с Нюрнбергским трибуналом. Члены «Яблока» уверены, что во время этого суда «каратели будут ссылаться на полученные приказы», и что «в Нюрнберге их предшественники тоже на них ссылались – и, как известно, безрезультатно»⁴. Надо отметить, что наименование противников словами с негативными коннотациями – широко распространенная практика. В Белоруссии фашистами именуют своих противников обе стороны. Так же можно встретить взаимное наименование «полицаями», силовиков часто называют карателями.

Пытаясь выяснить, почему стали возможны жесткие задержания протестующих, Явлинский указывает, что «Путин всегда поддерживал и продолжает поддерживать Лукашенко. Без этой поддержки белорусский лжец и демагог никогда бы не решился на такие зверства. Никогда бы не посмел избивать и похищать российских граждан, российских журналистов в Беларуси»⁵. Логика данного рассуждения говорит о шаблонности мышления Явлинского и крайне упрощенном понимании сложившейся в Белоруссии ситуации. В самом деле, Путин часто поддерживал Лукашенко и даже спасал экономическую ситуацию в Белоруссии. Но на те зверства, о которых говорит Явлинский, белорусская власть решилась не потому, что ее поддерживал Путин. Явлинский попросту проигнорировал риторику Лукашенко накануне выборов. Эта риторика была антироссийской. Россия заранее была обвинена в подготовке протестов по-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Вишневский Б.: Преступления карателей в Беларуси не имеют срока давности // Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.yabloko.ru/blog/2020/08/13> (дата обращения: 27.08.2020).

⁵ Явлинский Г. От «Курска» до Минска // Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» // URL: <https://www.yabloko.ru/publikatsii/2020/08/12> (дата обращения: 27.08.2020).

сле выборов. 29 июля произошла провокация с задержанием граждан России, летевших через Белоруссию транзитом. Этим гражданам заранее обвинили в подготовке антилукашенковских протестов после выборов. Первые несколько дней протестов белорусское государственное телевидение утверждало, что раскачивание ситуации идет из России. Были показаны кадры с обнаружением недалеко от места активного противостояния с силовиками микроавтобуса с московскими номерами, в котором нашли арматуру, якобы предназначенную для сопротивления силам правопорядка и т.д. Лукашенко ожидал поддержки Запада, а не России, поэтому протесты изначально были объявлены как инспирированные из России. Только после того, как Запад не стал одобрять жестокий разгон «пророссийских» протестов, риторика государственных СМИ изменилась на противоположную. В протестах был обвинен Запад. Так что заявление Явлинского базируется на крайне упрощенном представлении о политических процессах в Белоруссии. Кстати, несмотря на агрессивную антироссийскую риторику белорусских властей в последние несколько лет, Путин поздравил Лукашенко с победой одним из первых. Это поздравление произошло на фоне скандала с задержанными «вагнеровцами», открытой антироссийской риторикой белорусской пропаганды и игнорирования интеграционной повестки со стороны Минска.

Достаточно активно российские либералы обсуждают влияние белорусских событий на ситуацию в России. Л. Шлосберг уверен, что отказ Лукашенко добровольно покинуть пост президента «ужесточит ситуацию в Беларуси и будет очень сильно влиять на ситуацию в России»¹. Партия Роста также считает, что «происходящее в Беларуси имеет для россиян не меньшее значение, чем для самих белорусов. Если последние все-таки снесут Лукашенко, Путин вынужден будет всерьез задуматься о собственных перспективах». Партия рассуждает, что предложение Путиным «вменяемого преемника» будет положительно воспринято большинством россиян, которые все же не желают доводить ситуацию до белорусского варианта². Более радикально настроена партия «Яблоко», которая заявила: «Учитывая опыт обоюдного заимствования Александром Лукашенко и Владимиром Путиным авторитарных практик правле-

¹ Шлосберг Л.: Людей может спасти от расправы только широкая, гласная международная солидарность // Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» // URL: <https://www.yabloko.ru/regnews/Pskov/2020/08/13> (дата обращения: 27.08.2020).

² Происходящее в Беларуси имеет для россиян не меньшее значение, чем для самих белорусов // Коммуникационная платформа «Люди Роста» // URL: https://ludirosta.ru/post/proiskhodyashchee-v-belarusi-imeet-dlya-rossiyan-ne-menshee-znachenie-chem-dlya-samikh-belorusov_6531 (дата обращения: 27.08.2020).

ния и технологий удержания власти, жесткие разгоны несогласных могут быть использованы в аналогичной ситуации в нашей стране»¹. При этом партия абсолютно не учитывает, что жесткие разгоны демонстрантов практикуются по всему миру, в том числе и в западных демократиях.

Еще один представитель «Яблока» Б. Вишневецкий пытается собственные рассуждения выдать за мнение всех россиян, рассказывая, о чем они думают, глядя на белорусские протесты. Оказывается, россияне рассматривают Белоруссию как экспериментальную площадку². Часть россиян, естественно, рассматривает Белоруссию именно так, но не стоит это частное мнение выдавать за общее.

Схожесть ситуации в России и Белоруссии видится и в том, что «диктаторы подавляют оппозицию, в тюрьмах сидят политзаключенные, из которых выбивают показания под пытками». На этом основании делается вывод, что Путин когда-то проиграет и так же, как Лукашенко не захочет это признать. «Яблочник» Н. Кавказский уверен, что для сильного и последовательного антипутинского протеста нужны «многочисленные и живые политические и профсоюзные организации». В противном случае протесты «будут иметь низкий КПД»³. Если говорить о Белоруссии, то сильных политических и профсоюзных организаций не существует. Власть сделала все, чтобы политически большинство общества не было представлено. Есть организации массовые (это прогосударственные организации), но их члены крайне пассивны. Оппозиционные организации более активны, но они малочисленны и невлиятельны. В период протестов у них появился шанс усилиться, получив внезапную поддержку протестующих, но в первый месяц протестов оппозиция смогла лишь массово распространить свою символику (бело-красно-белый флаг и лозунг «Жыве Беларусь!»). Ряды оппозиционных организаций заметно не расширились. Массу протестующих не стоит воспринимать как сторонников оппозиции. В подавляющем большинстве протестующие – противники Лукашенко. А ими могут быть как сторонники включения Белоруссии в состав России, так и сторонники присоединения к Польше. Естественно, ни те, ни другие не поддерживают белорусский национализм. Поэтому

¹ Жестокое подавление протестов в Беларуси не должно остаться безнаказанным // Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» // URL: <https://www.yabloko.ru/taxonomy/term/2942/2020/08/13> (дата обращения: 27.08.2020).

² Вишневецкий Б.: Уроки белорусского. О чем думают россияне, глядя на события в Минске // Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» // URL: <https://www.yabloko.ru/publikatsii/2020/08/17> (дата обращения: 27.08.2020).

³ Отстаивая свободу. Николай Кавказский – о России и Беларуси // Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» // URL: <https://www.yabloko.ru/blog/2020/08/18> (дата обращения: 27.08.2020).

нельзя ставить знак равенства между массой протестующих и оппозиционными организациями.

Во второй половине августа Явлинский заявил, что не хочет повторения белорусских событий в России, потому что считает, что изменения в России должны происходить не таким способом¹

Российские либералы пытаются понять причины произошедшего в Белоруссии, предполагая, что конфликт произошел из-за проводимой Лукашенко «нереалистичной политики – в первую очередь экономической», в результате которой белорусская экономика может существовать лишь при российских дотациях. Выход из этого положения партии Роста видится либо в ручном управлении экономикой и усилении интеграции с Россией, либо в рыночном развитии и попытках найти свое место в мировом рынке. Но Лукашенко выбрал промежуточный путь, поэтому Белоруссию ждут проблемы².

Явлинский потребовал от России не вмешиваться в белорусский конфликт и не использовать силу³, но у России и Белоруссии есть межгосударственные соглашения об использовании в определенных случаях военной силы, поэтому неиспользование вооруженных сил в складывающихся конкретных обстоятельствах было бы нарушением межгосударственных договоренностей. Однако таких случаев не наступило, поэтому российские силовики не были введены в Белоруссию.

15 августа в Элисте прошел одиночный пикет в поддержку белорусских протестующих, который в целом был встречен положительно, но далеко не всеми. Его участник Б. Боромангнаев заявил, что ему «близко то, что сотни тысяч и уже миллионы жителей Беларуси не приняли и не смирились с масштабными фальсификациями и смело вышли и продолжают выходить, несмотря на жестокие действия милиции и спецподразделений, выражают свою гражданскую волю к переменам, к смене власти в Беларуси»⁴. Однако проблема в том, что в Белоруссии в протесте

¹ «Не хотим как в Белоруссии»: интервью с председателем «Яблока» // Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» // URL: <https://www.yabloko.ru/publikatsii/2020/08/18> (дата обращения: 27.08.2020).

² То, что сейчас происходит в Белоруссии, можно сравнить со вскрывшимся гнойником // Коммуникационная платформа «Люди Роста» есурс] // URL: https://ludirosta.ru/post/to-chto-seychas-proiskhodit-v-belorussii-mozhno-sravnit-so-vskryvshimsya-gnoynikom_6526 (дата обращения: 27.08.2020).

³ Явлинский Г.: Руки прочь от Беларуси! // Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» // URL: <https://www.yabloko.ru/publikatsii/2020/08/16> (дата обращения: 27.08.2020).

⁴ Председатель Калмыцкого «Яблока» вышел на пикет солидарности с народом Беларуси // Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» // URL: <https://www.yabloko.ru/regnews/kalmykiya/2020/08/17> (дата обращения: 27.08.2020).

стах не участвуют миллионы, как указал Боромангнаев. В самом массовом мероприятии в Минске приняло участие, по самым радужным подсчетам оппозиции, около 250 тысяч. В целом по стране одновременно на улицы никогда не выходили миллионы жителей¹.

В конце августа интерес к белорусским протестам пошел на убыль, но в начале сентября возродился вновь. Говоря о белорусских протестах, Явлинский отметил, что «Путин хотел поглотить Беларусь, и не только Путин, вот эта вся часть российского истеблишмента, сориентированная на восстановление, насколько это возможно, советского пространства, которая действует исходя из стратегии, или концепции, или доктрины ограниченного суверенитета, она всегда была настроена на то, чтобы так или иначе, таким или иным способом поглотить Беларусь. Ну вот он именно этим и занимается»². Явлинский снова повторил риторику Лукашенко и его пропагандистов, утверждающих, что Россия хочет уничтожить суверенитет и независимость Белоруссии. Разница между утверждениями Явлинского и Лукашенко заключается лишь в том, что тех, кого первый называет «российским истеблишментом», второй именует «российскими олигархами». И упор в официальной белорусской пропаганде делается не на восстановление советского пространства, а на подчинение территории российскому олигархату.

Так же Явлинский считает, что белорусов как братский народ надо не поглощать, а «поддерживать, надо ему открыть дорогу, надо ему подставить плечо, а не откручивать башку»³. И снова Явлинский повторяет риторику Лукашенко. Россия до последнего времени именно так и действовала, вливая в Белоруссию огромную финансовую помощь, которая позволяла белорусским властям заниматься политикой дерусификации, уголовно преследовать тех, кто пытался говорить о реальном состоянии российско-белорусских отношений, поддерживать противников России на международной арене. Т.е. Россия, говоря словами Явлинского, как раз «подставляла плечо» антироссийской политике Лукашенко.

¹ Подсчеты числа протестующих затруднены. Оппозиция и ее сторонники завышают цифры протестующих, власти – занижают. Разница в цифрах, озвученных сторонами, иногда различается в 10 раз. Сторонние наблюдатели, ведущие подсчеты с помощью дронов, уверены, что самые массовые мероприятия собирали одновременно около 50 тыс. человек. Проблема подсчетов касается и провластных митингов, численность которых оппозицией занижается, а властями – резко завышается.

² «Путин хотел поглотить Беларусь – сейчас он этим занимается». Явлинский о протестах в Минске и Хабаровске, отравлении Навального и новой России // Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» // URL: <https://www.yabloko.ru/publikatsii/2020/09/07> (дата обращения: 10.09.2020).

³ Там же.

Странно выглядит опубликованное 8 сентября заявление Социал-демократической фракции партии «Яблоко» о поддержке требований белорусских забастовщиков. Несмотря на очень корректные формулировки, которые лишены эмоциональной окраски, вызывает удивление время создания заявления. Пик забастовочного движения в Белоруссии пришелся на 17–20 августа, к 8 сентября на предприятиях действовали несколько стачкомов, но они абсолютно не влияли на ситуацию¹. Промышленность продолжала работать.

Месяц, прошедший от начала белорусского протеста, показал, что российские либеральные партии, как и практически все российское общество, слабо представляют ситуацию в Белоруссии, не понимают причин произошедшего, мыслят стереотипами, навязанными политическим мировоззрением. Попытка примерить белорусские протесты на российские реалии также говорит о достаточно упрощенном представлении о белорусской ситуации. Россия, как минимум, имеет иную экономическую и политическую структуру, поэтому похожие изначально тенденции будут развиваться по другим сценариям.

¹ Мы поддерживаем кампанию солидарности с работниками Республики Беларусь // Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.yabloko.ru/news/2020/09/08> (дата обращения: 10.09.2020).

Gaziński B.

*Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
Warmia and Mazury University in Olsztyn*

**GRASSROOT LIBERAL ATTITUDES UNDER THE AUTHOCRATIC
PRESSURE. KALININGRAD OBLAST SEEN FROM A BROAD
HISTORICAL PERSPECTIVE: MILITARY BASTION OR PLACE OF
BALTIC REGION COOPERATION?**

Abstract: Relations of the Kaliningrad Oblast and Warmia and Mazury are examined in this Chapter in a broad historical and political perspective. The author argue that the lost civilization of native Prussians and hundreds years of German rule had an impact on the identity of today's citizens.

Then, complexities of internal and international relations of the Kaliningrad Region are reviewed to conclude that the opportunities for grass-roots cooperation will depend on political relations at national levels.

Keywords: Eastern Prussian history, Kaliningrad Oblast, Warmia and Mazury, interregional cooperation.

An insight into the common beginnings connects the closest neighbours - this is the starting point for the considerations undertaken in this work. As far as it can be accepted that the EU issues are quite well known to this Chapter's author, because he has been involved with them for more than twenty years but he has not yet dealt with neither the political problems of Russia nor the Kaliningrad Region itself. However, he is familiar to the realities of contemporary Russia, as he has participated several times in international conferences at different Russian Universities, as well as travelled around Russia, including the Altai Krai in Siberia and visited Kaliningrad several times. He conducted a number of interviews with professionals being engaged in problems of Kaliningrad District.

Following a Latin proverb: "historia magistra vitae est" a question is put how the complexities of the region of concern can be explained by the past. Consequently, three different periods are considered:

- Prussian times (pre-Teutonic);
- The Teutonic-Prussian-German one;
- post- Second World War period.

In this perspective, the author verifies the hypothesis that the historical past of these lands has a significant impact on both external and external relations of the Kaliningrad District either with the central authorities in Moscow and with the EU partners.

It should be emphasized that for the views of the author and his opinions the editors of the volume or its publisher assume no responsibilities. They provide an incentive to make a deep insight into the present day and the future of the Kaliningrad Region-Russian Federation-EU relationship, a reflection in which there is a room for the encounter of various opinions, including virulent ones.

Native Prussians - extinct "Atlantis of the North"

The Baltic Sea area entered European history due to amber - both in ancient times and nowadays it occurs only in the Southern part of the coast. People living there, distant from the ancient civilizations of Greece and Rome, however remained in contact with them. Both the Vikings and their sea expeditions, as well as the Goths, lastingly entered the history of Europe [Klinge, 1995, 7-11].

The turbulent and at the same time tragic history of Prussians [note. 1], crushed in the clash with the expansive Christian culture, is lost in the depths of history as they did not leave a written legacy. Therefore, quite scarce the "second-hand" accounts impress not necessarily with impartiality. The mosaic of surviving relics of their heritage, neatly put together by specialists and enthusiasts, is still little known to the general public - including contemporary inhabitants of these lands.

The first known records about the Balts, described them as hardworking and peace-loving peoples, is after "Germanica" by Tacitus. There is another mention by Adam of Bremen, few centuries later (11th century), depicting them as a "human tribe" ("homines humanissimi"), rescuing sailors from wrecked ships or from pirates. The origin of the name "Prussia" is not clear - the 9th century text includes the words "Brus", Borussi, "Brutheni" the source of today's "Borussia".

The Prussians did not establish state structures - a tribal rally was their the highest authority. They lived in relative isolation until the 13th century, outside the mainstream of European events of those years. They constituted a Western group of various Baltic tribes. Their language, similar to Lithuanian and Latvian, belongs to the group of Indo-European ones.

The data on their material culture are very scarce. They knew metallurgy as evidenced by fragments of a metallurgical furnace of the 6th-7th century, discovered in Wyszembork near Mrągowo. They were also capable to create artificial cold by mixing salt and ice [Niekrasz, 2013, 44-55].

The collapse of the Prussian civilization began with the state formation in Poland, German Westward expansion, the creation of a Danish fortress in today's Tallinn and the establishment of their headquarters in Riga by the Order of the Sword Knights.

The martyrdom of Saint Adalbert occupies a significant place in the Christian tradition. It is worth to note that he was initially received as a guest. Death was caused by a lack of respect and violation of the religious traditions of his hosts. Not surprising in a cultural context of those years - remind about severe punishments in Medieval period for breaking the fasting rules. This event contributed to the creation and consolidation of the "black legend" about the barbarism of Prussians, useful to excuse and justify ruthless fight against them, until their extermination [Morys-Twardowski, 2018].

The beginning of the end of Prussia was the bringing of the Teutonic Knights in 1225 by Prince Konrad Mazowiecki to support him against the

continuous invasions of the Prussians on his lands border. Then began a period of prolonged struggles as Teutonic Knights consistently built the foundations of their state on conquered lands with resultant transfer of their capital from Venice to Malbork. Refugees from Prussia found shelter in neighbouring Poland, with contemporary traces in some family names "Prus" and derivatives. Prussian language extinct in the 17th century [note. 2]. However, many of its traces preserved in geographical names, including Warmia and Mazury [Srokowski, 1945, 285]. An example of one of the few relics of material culture is the stone "baba", a sculpture in the courtyard of the Olsztyn Castle. The word "Borussia" is an excellent example that modicums of Prussian tradition connect Poles and Germans together - the name of the Association of Cultural Community in Olsztyn and a well-known football club from far away Dortmund [Note. 3].

The defeat at the Battle of Grunwald, one of the largest in the Middle Ages, pushed the Teutonic Knights into the defensive, despite the fact that King Jagiełło's allied troops did not conquer Malbork. This clash can also be seen "as a confrontation between two opposing branches of Christianity. The Teutonic Order inscribed itself in the brutal crusade tradition of Western Europe, fulfilled with a sense of superiority, based on the assumption that the pagan and 'infidels' should be eliminated. In contrast, the Jagiellons, in whose kingdoms a wide variety of religions were professed, condemned both the traditions of the Crusades and the theory of papal sovereignty to justify the greed of the Order. ... On the battlefield, Poles were supported by the ranks of the Orthodox Ruthenians and Muslim Tatar cavalry" [Davies, 2010, 634-635].

The image of Poles propagated by the Teutonic Knights as allies of heretics and pagans was effectively opposed by Paweł Włodkowic, the Rector of the Cracow Academy and a member of the delegation to the Council of Constance. In "Tractatus de potestate papae et imperatoris respectu infidelium" ("Treaty on the authority of the Pope and emperor towards infidels") he emphasized the supernatural source of dignity and the natural equality and freedom of all people, regardless of religion or nationality. He underlined the inalienable right of everyone to life, personal freedom, freedom of conscience, respect for property and the right to defend these values. He extended this catalogue to states and nations, emphasizing that they also belong to pagan people - these inalienable rights cannot therefore be cancelled by any authority, both secular or clerical [*Encyklopedia ...*, 2014, 806].

The Prussians history can serve as an excellent indication of the importance of integration to combat external threats. Keeping aside turned out to be fatal in a collision with a better organized and technologically dominating civilization. However other Balts avoided this fate. The brave and long-term resistance of Prussians [note. 4] gave them the necessary time for the emergence of the later the Grand Duchy of Lithuania, which - as a result

of Christianization and a political union - became part of the Polish-Lithuanian Commonwealth. This is the lasting impact of that lost civilization on the history of today's Europe.

The Teutonic-Prussian-German domination

A number of cities and castles were founded by the Teutonic Knights: Chełmno, Toruń, Braniewo, Lidzbark Warmiński, Frombork, Działdowo and Olsztyn (today's Poland), Klaipėda (Lithuania) and Königsberg. The development of the Teutonic state led to the transfer of the capital from Malbork to Königsberg in 1457.

The history of this town dates back to 1255, building a small castle there. The city name, Königsberg, does not come, as could be supposed, from German colonizers, but it was probably named in honour of the Czech King Otokar II [Jasiński, 1994, 12]. The great increase of the city and of its importance began in 1525, when the Grand Master Albrecht Hohenzollern, the last ruler of the Teutonic state, also became the first prince of the secular Ducal Prussia.

The Polish-Prussian relations were regulated by the treaty of 8th April 1525 and in force until 1657. According to its provisions, in the event of extinction of the Hohenzollerns, Prussia was to fall to the Polish Crown. Only a few weeks later, this treaty notes were violated by the transition to Lutheranism. The definite break of bonds of dependence on Poland was the result of the Welawa-Bydgoszcz treaties (1657), recognizing the Prussian Duchy sovereignty. Albrecht's tribute on the Cracow market on 10 April 1525, vivid in the Polish historical tradition, is commemorated in the image of Jan Matejko "Prussian homage".

Only less than two months later, the Prince imposed to hang posters on doors of churches ordering to preach the "pure words of God", Lutheran ones. So, Ducal Prussia became the first Lutheran state in Europe, and its capital - a shelter for religious refugees. The university in Königsberg, founded in 1544, was an event in all-European scale. Named "Albertina", it was the second oldest university in Polish territories after the Jagiellonian University of Cracow. The university became an outstanding centre of Lutheran thought. The name of its the most prominent professor Immanuel Kant, was given to University in Kaliningrad [Małłek, 2009, 59-60, 231-234].

Since the 14th century, Königsberg had become a significant centre of the Polish population. The Polish parish of St. Nicolaus was created a few years after the transition to a new religion and the Polish seminar at the Faculty of Theology of the University was established. Königsberg became also an importance for publishing in Polish language [Jasiński, 1994, 56-80]. The climate of Königsberg, then multicultural and multinational, favoured the cultivation of liberal values. An excellent example of this is Ferdinand Gregorovius, at that time a historian of world renown (the author of "The history of Rome" in eight volumes), linked for most of his life with Nidzica (now Warmia and Mazury). In political journalism, he was on the side of

freedom based on extensive constitutional foundations - in his ideas, this was how turned out to be united Germany. He expressed his great pro-Polish sympathies in an essay "The essence of Polishness " [note. 5].

The solemn coronation of Frederick I as the King of Prussia opened a new chapter in the history. One of its successors, Frederick the Great, laid the foundations for a military, highly centralized state, which could be described as enlightened absolutism. The importance of Prussia was strengthened by social reforms: the introduction of public education principles, the abolition of peasant serfdom and stress on the development of science and culture. Its strength was demonstrated by a strong, well-trained army (a "Prussian drill"). Hence, important role was performed by Prussia in the unification of Germany. After the victory in the Franco-Prussian war, the German Empire was proclaimed in 1871. King of Prussia, then Wilhelm I, became also the Emperor of Germany and Berlin suited as a capital. Referring to 20th century changes, it is worth to note that in 1900 the three largest cities of the Empire were: Berlin, Wrocław and Cologne. The seventh place was occupied by Königsberg, the 16th - by Gdańsk, and the 19th - by Poznań.

The German Empire collapsed in the autumn of 1918 and, in February 1919, the the Weimar Republic was proclaimed. Despite the loss of significant parts of the territory for Poland and Lithuania, Prussia maintained a wide range of internal independence, with its own government, and upheld a dominant position in the Reich. Konrad Adenauer, then the mayor of Cologne felt it as a threat. As the President of the Prussian State Council (Preußischer Staatsrat), he had two chances, in 1920 and 1926, to become German chancellor but he was not too interested in it [Gaziński 2018, 50].

The issue of East Prussia was put on the agenda of the Paris peace conference. Representing Poland's interests, Roman Dmowski opted for Warmia and Mazury to fall to Poland [Gaziński 2019, 301-313]. However, the provisions of the Versailles Treaty were different and later became one of the reasons for the outbreak of another world war.

Poland was granted the district of Działdowo, and in Warmia, Mazury and Powiśle (July 1920) a plebiscite took place (a choice: "Poland" or "Prussia") with resultant several communes admitted to Poland. Controlled by the League of Nations, the Klaipeda District, as a effect of an uprising, joined Lithuania in 1923.

After Hitler took power, Prussia lost its previous status and became one of the provinces (Land) of the Third Reich. Full power in East Prussia was exercised by Gauleiter Erich Koch (after the war sentenced to death, died in Barczewo prison in 1986). Already in December 1933 the construction of the highway between Königsberg and Elbląg was inaugurated - the first of its kind undertaking in the Third Reich, in one of the poorest provinces in Germany. Undertaken activities, called the "Koch Plan" reduced unemployment and led to an improvement in living conditions.

After the outbreak of the war, the Ciechanów District and the Suwałki region were incorporated to East Prussia and later the Białystok region were subjected to the supervision. The rank of the province strengthened the fact that Gauleiter Koch held office the Plenipotentiary of the Third Reich for Belarus. Labour shortages, due to military conscripts, were alleviated by the work of approximately 240,000 forced labourers [Sakson, 2011 42-65].

Further development of East Prussia is impossible to foresee the 2-nd World War put the end to their existence.

New reality - the Soviet Kaliningrad District

At the beginning of the talks of the "great Three" of the coalition, the post-war division of Prussia favourable to Poland was considered but under Stalin's pressure the agreed arrangements were less beneficial. Territorial division between Poland and the USSR took place as a result of the handover protocol, which, however, did not specify exactly the boundary line. This circumstance undoubtedly facilitated the Soviet side arbitrary violations of the border. Polish postulates were ostentatiously ignored. The final agreement on the border was concluded only in 1958 [Wojnowski, 2006, 7-14].¹

Also in dramatic circumstances, the Eastern borders of Prussia were shaped: "either the Klaipėda Land, by agreement, will be voluntarily joined to Germany or the development of the situation will lead to armed action against Lithuania" - warned in an ultimatum issued by Germans to Lithuania. Lithuanian soldiers were withdrawn on 22 March 1939. One day later German troops marched in to Klaipėda and Adolf Hitler sailed from Königsberg. Formally guaranteeing the "status quo", Western powers did not react.

In January 1945, the operation of Third Front of the Belarusian Red Army began. On 6 April, after a few days of fierce siege Königsberg was captured.

The German defeat began a completely new chapter in the history of the city. At first, its future seemed to be unclear. The issue of the post-war future of East Prussia was repeatedly raised by the Polish Government in Exile, consistently opting for their inclusion into Poland, together with Königsberg, which would mean the final liquidation of the "corridor" separating the two parts of Prussia and causing sparkling conflicts [Wrzesiński 1994, 338-372].

The Klaipėda Region - enlarged as compared to that before the war - returned to Lithuania. In March 1946, the Soviet authorities offered to hand over the Königsberg area to Soviet Lithuania, but in Vilnius this opportunity was not taken [Sakson, 2011, 762-763].

Breaking the borders of East Prussia, Soviet troops entered the Third Reich territory - these lands were therefore treated as a war loot

¹ The author's viewpoint on the territorial changes in Europe after the World War II is set forth, namely the Poland territorial acquisitions. In the historiography of this issue there are opposite points of view, coming from the opinion that Poland received a significant part of East Prussia thanks to the USSR – Editor's note.

(трофейные) and a place of retaliation for war crimes committed by Germans. The first weeks were a period of particularly acute rapes and robberies. The local population of East Prussia shared the fate of the lost homeland. The approaching front caused organized departures and spontaneous escapes to the West, with many thousands of victims, drowning in the breaking ice of the Vistula Spit and the depths of Baltic - in ships with refugees sent to the bottom by submarines [Note. 6].

The first settlers of the Kaliningrad Region (the city and region names were changed into Russian in 1946) were the military, both of the land army and navy as the first administration was constituted by the organs of martial and military authority. The demilitarized soldiers also settled there because the authorities gave a number of privileges to encourage them. Another quite extensive category of new inhabitants, of many nationalities, were former prisoners of Nazi camps, the POWs [prisoners of war] and forced labourers, often with nowhere to return.

The Kaliningrad Region was a convenient area for a social engineering project aimed at creating a new type of the "Soviet man":

- negation of the existing heritage and its destruction ("clearing the foreground");
- weakened former social bonds due to an exchange of population (but not - from the state apparatus control);
- a large share of the younger generation, more fragile to ideological "brainwashing";
- low level of education of newcomers, often coming from rural areas.

The state was an exclusive donor of material goods, hence the inhabitants were more dependent on it than anywhere else. Confirmation of that can be found even in the press at that time: "From the very beginning, Soviet people in the Kaliningrad Oblast were free from the bonds of private property and means of production" [according to the German-language "Neue Zeit" from 1948, number 29, cited after Sakson 2011, 293]. It is not surprising that ratio of the membership of the Communist Party in the District belonged to the highest in the entire SU. The policy of total atheisation in the region was conducted with aggressiveness not seen even for Soviet realities - it was one of the few regions in which no Orthodox church was active.

New settlers encountered a level of material culture that they had often never met before [Note. 7]. Its isolation from other parts of the country had also unfavourable impact.

The geographical location of the Kaliningrad Oblast in particular predestined it to perform a key strategic defence functions and as a tool for achieving geo-political objectives. Its population was surrounded by other nations. As early as July 1946, the region was closed - entry (and exit) was allowed with special passes. Until 1955, there was no border crossing point to enter Poland [Serguin, 2018, 47-58].

New perspectives: a part of the Russian Federation

The borders of the Kaliningrad Region were shaped by the historical events. The encompassed land is exceptionally supplied by nature, rich with natural resources. In an area amounting to only 62% of that of the Warmia and Mazury Voivodeship, about 90% of the world's amber resources are hidden. Crude oil, rock salt, peat, brown coal and mineral waters are also of economic importance. Other development advantages include vicinity of Western and Eastern European markets, favourable climatic conditions, valuable natural areas and proximity to the European communication routes [Dudo, 1995, 66-82].

Despite these predispositions, the region gives way to the level of development of the Russian average. This gap is even larger as compared to its neighbours, taking even no account of the more prosperous other countries of the Baltic Sea. This is a factor - more or less intensely, depending on other changing conditions - influencing its relationships with the decision-making centres in Moscow and European relations.

The bold reforms undertaken by Gorbachev and largely continued by Yeltsin did not bring, however, expected results. Frustrations, caused by worsening living conditions, put forward Putin to power. The idea of a "shared European home" was not initially alien to him. It would remain a matter of an open question, whether it was only a skilful game of appearances or his effort was misapprehended [Note. 7].

The course of events frightened Western leaders. Lack of trust, after decades of hostility, appeared on both sides. In 1991, the European Council turned to the Commission to prepare a framework of a draft agreement with Russia and countries emerging from the collapse of the SU. The negotiations lasted for 1.5 years. In June 1994, the Partnership and Cooperation Agreement was signed - for 10 years, with a option of extension. The provisions of this agreement cover four areas: political dialogue, trade and economic cooperation, cooperation in science and technology (including environment protection and energy) and justice and home affairs. An important consequence of the PCA was the development of an institutional framework for cooperation. It became effective only 3.5 years later, due to the first irritations in mutual relations aroused, caused by the war in Chechnya [Płaczek, 2003, 71-73].

As a result of the concluded agreements, Russia was at first covered by the General System of Preferences (GSP) trade facilitation and then by the TACIS (Technical Assistance for the Community of Independent States) programme. In such a cooperation, regional initiatives became very important [Bodio, 2005, 30-37, 116-133].

Local authorities, both in Kaliningrad and the Baltic region, have been striving to explore the existing room of freedom to develop grassroot cooperation. The first enlargement of the Union of 1995 became such an impulse - a resultant border of Russia with Finland had emerged, extending

over a distance of 1300 km. Therefore, it is not by case that an initiative of the "Northern Dimension" was launched by Finland. This initiative must be seen in the broader context of the concept of the Baltic Europe, covering regions outside the European Union. A number of institutions are involved in the integration processes, the most important of which are: the Council of the Baltic Sea States (CBSS), the Organization of Baltic Ports (BPO), the Baltic Association of Regional Development Institutions (BARDI), the Conference on Baltic Sea States Sub-regional Cooperation (BSSC) and the "Visions and Strategies around the Baltic Sea" Programme (VASAB). The Kaliningrad Region has been increasingly involved in these projects [Palmowski, 2013, 24-263]. On the initiative of Poland the Union of Baltic Cities (UBC) was established in 1991, a voluntary organisation associating over 100 local authorities of towns of the region [Sójka, 2006, 148-156],

The following enlargement of 2004 occurred in a more complicated international situation and the Kaliningrad Region has become an enclave surrounded by the EU territory. For this reason, difficult issues such as visas and transit arose making a "diplomatic game" more complex [Kaczmarek, 2009].

Comparing the skills and efficiency of the diplomatic, "the first award" should be given to Russia. There are well-established traditions of effective diplomacy dating back to Tsarist times and the existence of a centralized point to run the policy - Moscow. In this context, the Union is a bundle of loosely connected states.

So far, the Union has not worked out mechanisms to reach a unified stand on international issues as too many differences of positions and interests are maintained between Member States - skilfully scored by the Kremlin. The Russian authorities tactical approach, quite often bringing the assumed results, is to work out arrangements outside the EU structures (e. i. negotiating with major states such like Germany).

The great prerogatives of the office of the President of Russia and a drift to centralization during the Putin era are also to be underlined. As compared, the EU still suffers from a lack of institutional tools for an efficient and quick response to the ongoing events, both in the world and in Russia.

The EU behaves with the great restraint in the separate treatment of the Kaliningrad Region, running bilateral relations through the Kremlin, an attitude welcomed by the Russian side.

One of the difficulties to run the EU policy is to distinguish which Moscow's declarations are true and which are a mere game of appearances. Furthermore, Moscow has the ability of cunning play of the "American card". In spite of that, one can observe that the local authorities in Kaliningrad strive for closer integration, which raises resistance and abstinence in the Kremlin [Żurawski, 2008, 55-100].

Local neighbourhood outlook from Warmia and Mazury Region

Kaliningrad District belongs to the smallest administration units of the Russian Federation. It is modest even with while compared to the Warmia and Mazury voivodship (Table. 1).

Table 1.
Comparison of the Kaliningrad Region and Warmia and Mazury (selected indicators)

	Kaliningrad Region	Warmia and Mazury
Population	1 0002 187	1 428 983
Share in total country population (%)	0.68 (c)	3.7
Life expectancy i) men (years)	67.9	72.5
Life expectancy ii) women (years)	77.5	81.6
Birthrate (population balance)	- 1879	- 1286
Total area (thousand km ²)	151.3	241.7
Share in total country area (%)	0.088 (b)	7.7 (a)
Selected indicators of development:		
a) GDP (EUR/caput in 2016)	5302	8098
b) Number of beds (hotels and others)	16340	40813
c) Water pipes (km/100 km ²)	19.3	68.0
d) Water from pipes usage (m ² /caput)	52.2	32.1
e) Flat or home area (m ² /caput)	28.2	25.0

Source: Morze and Plukhin, eds. 2019. (a) *Rocznik Statystyczny ... 2019*, 26. (b) Palmowski 2013, 28. (c) *Russian Statistical ... 2018*, 52.

A cooperation within international and EU framework is of interest of Polish regions, in particular of Warmia and Mazury, the only one bordering the Kaliningrad Region and having historically shaped ties, dating back to the distant past.

Both the Polish and local authorities in Olsztyn have made efforts to establish and maintain good neighbour's ties with the Kaliningrad Region. This attitude has continued despite these or other changes of governments, both in Warsaw and Olsztyn. The deteriorating political climate, a symptom of which was the conflict in Georgia in 2008, did not prevent the agreement on local border traffic signed a few years later.

Poles, due to the neighbourhood, similarity of languages and (sometimes imposed upon) historical ties, encompass better the peculiarities of Russian reality than EU citizens from more far away countries [note. 9]. Shaping the sense of identity of the contemporary inhabitants is fostered by the knowledge of the complexity of the lands they inhabit [Żukowski, 2016].

Tensions of recent years between the EU and Russia caused, among others, by the ever-burning spark of clash in Ukraine are an reason of difficulties in forecasting further relations. Good cooperation is also not conducive to marginal but echoing in "big politics" voices of extremists on both sides [note. 10]. A threat to good cooperation is also the clear centralization trend in Poland during the PiS rule, i.e. from autumn 2015, as well as significant cases of violations of the rule of law by the rulers. All of this

is often accompanied by anti-Russian rhetoric in the absence of constructive dialogue [note. 11].

However, there is still a room for hope that, as soon as political conflicts begin to subside, the local authorities and communities on both sides of the EU border will use the opportunities to intensify the cooperation. Past experience and bottom-up confidence are of intrinsic value not to be wasted.

Concluding reflections

The historical insight outlined in this work allows us to notice that what we call liberalism of today - striving for development with respect for freedom, are an intrinsic feature of societies and individuals, including those living in distant epochs from our one. They serve as a platform for shaping friendly relations with the closer and more distant surroundings, including those ones crossing the borders of states and political systems. The threats to the development understood in this way are autocratic tendencies, excessive centralism, populism and demagoguery, which have different faces, depending on their historical context. It happened several times in the history of the lands of interest in this work. It was primarily the period of the Teutonic conquests, Nazi National Socialism in Germany and real socialism in the Soviet Union and in countries under its influence.

The political breakthrough of the 1990s gave new opportunities for cooperation between Kaliningrad Oblast and the Baltic Region, including its immediate neighbour - Warmia and Masuria.

However, there are difficulties and threats, the extreme form of which would be a shift to the function of a military bastion. The main reason for this is centralist drift both in the Russian Federation and - starting with the change of the government in 2015 - in Poland. Albeit, this black scenario does not have to come true - the great role of local societies is to prevent it, their openness to the values of broadly understood freedom, and a grassroots collaboration - that is all these that is rooted with the best traditions of liberal thought.

History is not an already written card - it is also recorded by the total attitudes of individuals

Список цитируемой литературы

References

1. Bodio Marcin. (2005). *Stosunki między Unią Europejską a Federacją Rosyjską (stan i perspektywy rozwoju)*. Warszawa: Dom Wydawniczy „Elipsa”.
2. Brakoniecki, Kazimierz, Lipscher Winfried (1999). *Borussia. Ziemia i ludzie. Antologia literacka. Olsztyn: Wydawnictwo „Borussia”.*
3. Davies Norman (2010)., *Zaginione królestwa*. Kraków: Wydawnictwo „Znak”.
4. *Encyklopedia Katolicka* vol XX (2014). Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL.
5. Gaziński, Benon (2019). *Koncepcja wozroźdeniã Pol'skogo gosudarstva Roman Dmowskogo v kontekste otnoženij Rossii i Pol'si v mežvoennyj period* [in:] *Ros-sijskij Liberalizm i Gosudarstvennaã. 1906-1917*. Ed. Dmitriy V. Aronov. Orel: Izdatel'skij Dom "ORLIK", 301-313.

6. Gaziński, Benon (2018). *Konrad Adenauer jako mąż stanu oraz współtwórca powojennego ładu w Europie*, "Confrontation and Cooperation". 1000 Years of Polish-German-Russian Cooperation", I (IV), 46-59.
7. Grass, Günter (2002). *Idąc rakiem. Nowela*. Gdańsk: Polnord Wydawnictwo „Oskar”.
8. Gregorovius, Ferdynand (1991). *Idea polskości. Dwie księgi martrologii polskiej. Olsztyn: Wspólnota Kulturowa „Borussia”*. (German language edition: Gregorovius, Ferdynand *Die Idee des Polentum's. Zwie Bücher Polnisches Leidensgeschichte*. Königsberg.
9. Jasiński, Janusz (1994). *Historia Królewca. Szkice z XII-XX stulecia*. Olsztyn: „Książnica Polska”.
10. Kaczmarek, Marcin (2009). *The Russian Factor in the Policy of the European Union Towards International Crises*. Warszawa: Centrum Europejskie Natolin.
11. Klinge Matti (1994). *The Baltic World*. Helsinki: Otava Publishing Company.
12. Kossert, Andreas (2017). *Prusy Wschodnie. Historia i mit*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe „Scholar” (German language edition: Kossert Andreas (2005). *Ostpreussen. Geschichte und Mythos*. München: Siedler Verlag).
13. *Ludność w województwie warmińsko-mazurskim. Stan i struktura demograficzno-społeczna. Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań (2013)*. Olsztyn: Urząd Statystyczny.
14. Małek, Janusz (2009). *Moje Prusy, moja Warmia*. Dąbrówno: Oficyna „Retman”.
15. Morze, Marek and Mikhail Plukhin, eds. (2019). *Obwód kaliningradzki i województwo warmińsko-mazurskie w liczbach*. Olsztyn: Urząd Statystyczny.
16. Morys-Twarowski, Michael (2018). *Czy pogańscy Prusowie naprawdę byli barbarzyńcami i prymitywami?* Artykuł. <<https://ciekawostkihistoryczne.pl/2018/02/18/>> (April 24, 2020).
17. Murawska, Halina (2000). *Wysiedleni z polskich Kresów Wschodnich na Warmii i Mazurach* [in:] *Polskość i symbioza kultur w integrującej się Europie*. Ed. Jerzy Jamrosz. Ciechanów: Krajowy Ośrodek Dokumentacji Regionalnych Towarzystw Kultury, 65-78.
18. Niekrasz, Lech. Z. (2013). *Gdzie jesteście, Prūsai?* Rudzienice: Związek Prusów w Polsce.
19. Palmowski, Tadeusz (2013). *Kaliningrad – szansa, czy zagrożenie dla Europy Bałtyckiej? Monografia społeczno-gospodarcza*. Gdańsk-Pelplin: Wydawnictwo „Bernardinum”.
20. Placzek, Joanna (2003). *Kwestia Kaliningradu w stosunkach Federacji Rosyjskiej z Unią Europejską*. [in:] *Przyszłość Obwodu Kaliningradzkiego*. Ed (Programme Coordinator) Monika Zamarlik. Kraków: Instytut Studiów Strategicznych, 71-84..
21. *Pruthenia, Baltic Odyssey*. <<https://pruthenia.blogspot.com/>> (24 April 2019).
22. *Rocznik Statystyczny Województwa Warmińsko-Mazurskiego*. (2019). Olsztyn: Urząd Statystyczny.
23. *Russian Statistical Yearbook (2018)*. Moscow: Federal State Statistical Service.
24. Sakson, Andrzej (2011). *Od Kłajpedy do Olsztyna. Współcześni mieszkańcy byłych Prus wschodnich: Kraj Kłajpedzki, Obwód Kaliningradzki, Warmia i Mazury*. Poznań: Instytut Zachodni.
25. Serguin, Alexander (2019). *Kaliningrad. From One Puzzle to Another?* [in:] *Market-place or military bastion? Kaliningrad between Brussels and Moscow*. Ed. Ingmar Oldberg. Stockholm: the Swedish Institute of International Affairs.
26. Srokowski, Stanisław (1945). *Prusy Wschodnie: Studium geograficzne, gospodarcze i społeczne*. Warszawa: Ministerstwo Administracji Publicznej.

27. Sójka, Zygmunt (2006). *Cultural cooperation of Baltic countries* [in:] *Coastal Regions 11. Baltic Europe. From idea to reality*. Ed. Tadeusz Palmowski. Gdynia-Pelplin: Wydawnictwo „Bernardinum”.
28. Stężala, Tomasz (2018). *Wojna bogów*. Warszawa: Wydawnictwo „Bellona”.
29. Walicki, Andrzej (2019). *O Rosji inaczej*. Warszawa: Fundacja "Oratio Recta”.
30. Wojnowski, Edmund (2006). *Obwód Kaliningradzki Federacji Rosyjskiej – od obszaru zamkniętego ku regionowi współpracy (1946-2006)*. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego.
31. Wrzesiński, Wojciech (1994). *Prusy Wschodnie w polskiej myśli politycznej 1864-1945*. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego.
32. Żukowski, Arkadiusz (2016). *A case of regional identity of inhabitants of the Polish-Russian borderline* [in:] *Kaliningrad: its internal and external issues*. Eds. Arkadiusz Żukowski and Wojciech T. Modzelewski. Olsztyn: Institute of Political Science, University of Warmia and Mazury in Olsztyn, 43-62.
33. Żurawski, Przemysław vel Grajewski (2008). *Polityka Unii Europejskiej wobec Rosji a interesy Polski 1991-2004*. Kraków-Warszawa: Centrum Europejskie Natolin.

Notes

1. In Polish, there is a clear distinction between native inhabitants of these lands ("Prusowie") and newcomers who settled after them ("Prusacy"). There is no such distinction in English (only one word is used: "Prussians"). Some authors use the name "Prusai" - original name, in Prussish language, used by themselves.
2. The University of Königsberg contributed to the preservation of traces of the lost language. Religious tolerance in this Prussian state was limited to the followers of Luther's teachings - Catholics were discriminated. The "Catechism" in Prussian had already appeared in 1545, shortly after the founding of the University. It can also be mentioned that in Königsberg, the first Polish catechisms and an evangelical canticle were published. Similarly, Prussia was the precursor of Lithuanian printing - the first Lithuanian "Catechism" was also published in Königsberg, as well as (in 1653) "Grammatica Lithuania" - the first grammar of the Lithuanian language [Kossert, 2017, 53-59].
3. Another example, is active in Olsztyn, Scientific Association "Pruthenia", issuing scientific journal under the same title. One of the Society's recent initiatives is the project (covering the period: 2019-2021) "Baltic Odyssey - Creating a common historical and cultural area". Its organizers are focused on reaching "the oldest sources of cultural identity of the areas currently located in North-Eastern Poland (Warmian-Masurian Voivodeship) and Russia (Kaliningrad Oblast)" and it is performed in close cooperation with Russian partners from Zelenogradsk and Kaliningrad [Pruthenia].
4. The literary approach to this brutal clash of two cultures can be found in the novel by Stężala „Wojna bogów”.
5. "The life and work of Ferdinand Gregorovius - one can read in the 'Foreword' - proved that being a German patriot, one can also be an active friend of Poland" [Gregorovius, 1991, XXX].
6. The best known is the sinking of the ship "Wilhelm Gustloff" - 9343 victims, the highest number in the history of world navigation. As many as 10,274 people travelled on their last journey on board two other units, "Goya" and "Steuben" (Sasin 2011, 111-112). In the novel of the Nobel Prize Winner from Gdańsk (Danzig), one can find a literary picture of the "Wilhelm Gustloff" tragedy [Grass 2002].

7. Diversity in terms of wealth, education and civilization level also concerned newcomers to Warmia and Mazury, as written in a testimony of one the displaced persons from the Polish Eastern Borderland: "People, who came here because of the war and its disaster, were still riding on wooden axles and were also plowing with a wooden plow. They saw brick houses, tiled stoves inside, in their apartments, and in Belarus, in 90%, they did not have wooden floors in their huts. And also 90% of Belarusian peasants went to Poland for the first time by train here" [Murawska 2000, 67].

8. In the book under the eloquent title "About Russia in different way", its author explicitly states: "Western politicians and analysts could not believe in the extent of their success, that behind the fall of the USSR at the end of 1991 there is no other bottom ... that the Soviet Union hid something, pretends something, and is in fact preparing for retaliation". And he concludes: "The USSR was not defeated, but withdrew from the war in the name of 'new political thinking', which was to open the era of constructive international cooperation ... the great mistake of American policy was to treat this vision as naive or deliberately fraudulent". It is worth to add that the same accusation of misunderstanding of Russia at the time and distrust of it is put by this author to Polish authorities [Walicki 2019, 34, 42, 26].

9. What binds the societies of the former East Prussia is their difficult history after World War II. Both the Pole Brakoniecki and the German Lipschner were born in the same city - their birthdays are separated by hardships of wartime. The "Anthology" quotes the memories of representatives of three nationalities, whose fates are connected with this land: Poles, Germans and Russians [Brakoniecki, Lipschner, 1999].

10. The voices of extremists are not conducive to good-neighbourly cooperation - even if they are marginal, they find their negative influence in overall politics: those in the Kaliningrad Oblast who succumb to fantasies about separating from the Russian Federation or in Poland, fueling the threat from its Eastern neighbor and feeding on illusions about the possibility of border changes as a result of conflict. "Jedna bomba atomowa – i wrócimy już do Lwowa!" "One the atomic bomb blast – and Lvov ours – as in the past!

11. Former Polish Minister for Foreign Affairs, Professor Adam Rotfeld, asked during one of his lectures if Poland conduct a foreign policy towards Russian Federation, after a moment of dubiety, explained: "if it does exist, it is so ulterior that I know nothing about it".

ЛИБЕРАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ ПОД АВТОКРАТИЧЕСКИМ ДАВЛЕНИЕМ. КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ В ШИРОКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ВОЕННЫЙ БАСТИОН ИЛИ МЕСТО СОТРУДНИЧЕСТВА БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА?

Аннотация: Отношения Калининградской области с Варминско-Мазурским воеводством рассматриваются в данной статье в широком историческом и политическом ракурсе. Автор утверждает, что утраченная цивилизация коренных пруссов и сотни лет немецкого владычества оказали влияние на идентичность современных граждан. Также анализируются сложные вопросы внутренних и международных отношений Калининградской области и делается вывод о том, что возможности сотрудничества между народами будут зависеть от политических отношений на национальном уровне.

Ключевые слова: Восточно-Прусская история, Калининградская область, Вармия и Мазуры, межрегиональное сотрудничество.

Общие истоки связывают ближайших соседей. Именно это является отправной точкой для исследований, предпринятых в данной работе. Что касается проблем Евросоюза, то они достаточно хорошо известны автору настоящей статьи, поскольку он занимается этими вопросами уже более двадцати лет, но до сего момента не изучал политические проблемы ни России в целом, ни Калининградской области в отдельности. Однако он хорошо знаком с реалиями современной России, так как неоднократно принимал участие в международных конференциях, проходивших в различных российских университетах, а также путешествовал по России, в том числе по Алтайскому краю в Сибири, и несколько раз посещал Калининград. Он также взял интервью у профессионалов, занимающихся проблемами Калининградской области.

Следуя латинской поговорке: «История есть учитель жизни», автор задается вопросом о том, каким образом сложность рассматриваемого региона можно объяснить его прошлым. Следовательно, рассматриваются три различных периода:

- Прусский период (до Тевтонского периода);
- Тевтонско-пруско-немецкий период;
- Период после Второй мировой войны.

В этом ракурсе автор проверяет гипотезу о том, что историческое прошлое этих земель оказывает существенное влияние как на внешние, так и на внутренние связи Калининградской области, а именно: на взаимоотношения с федеральными органами государственной власти Российской Федерации, а также на взаимоотношения с партнерами по Европейскому Союзу.

¹ *Газински Бенон – доктор экономических наук, профессор, профессор Варминско-Мазурского университета, г. Ольштын (Польша). Uniwersytet Warmiński-Mazurski w Olsztynie Warmia and Mazury University in Olsztyn*

Следует подчеркнуть, что за взгляды автора и его мнение редакция или его издатель не несут никакой ответственности. Они служат стимулом для глубокого понимания настоящих и будущих отношений Калининградской области с федеральными органами Российской Федерации, с одной стороны, и с Евросоюзом, с другой. Данная работа представляет собой место для столкновения различных мнений, в том числе и вирулентных.

Коренные пруссы – вымершая «Атлантида Севера»

Территория Балтийского моря вошла в европейскую историю благодаря янтарю – как в древности, так и в наши дни он встречается только в южной части побережья. Люди, жившие там, вдали от древних цивилизаций Греции и Рима, тем не менее находились в постоянном контакте с ними. Викинги с их морскими экспедициями, а также племена готов прочно вошли в европейскую историю [Klinge, 1995, 7-11].

Бурная трагичными событиями история Пруссии [прим. 1], раздавленная в столкновении с христианской культурой, теряется в глубинах истории, так как не оставила после себя письменного наследия. Поэтому довольно скудные данные, полученные из «вторых рук» не особенно впечатляют своей беспристрастностью. Мозаика сохранившихся реликвий прусского наследия, аккуратно составленная специалистами и энтузиастами, до сих пор мало известна широкой публике, в том числе и народам, живущим на этой территории в наше время.

Первое сохранившееся в письменном виде упоминание о балтах, характеризующие их как трудолюбивый и миролюбивый народ, встречается в «Германии» Тацита. Есть еще одно упоминание Адама Бременского, несколько столетий спустя (XI в.), изображающее их как «человеческое племя» («*homines humanissimi*»), спасавшее моряков с потерпевших крушение кораблей или от пиратов. Происхождение названия «Пруссия» неясно – текст IX в. включает в себя слова «*Brus*», «*Borussi*», «*Brutheni*» начало сегодняшней «Боруссии».

Пруссы не создавали государственного устройства – собрание племени было их высшей властью. Они жили в относительной изоляции вплоть до XIII в., вне основных европейских событий тех лет. Они составляли Западную группу различных балтийских племен. Язык пруссов, подобно литовскому и латышскому, принадлежит к группе индоевропейских языков.

Сведения об их материальной культуре весьма скудны. Они занимались литьем, о чем свидетельствуют фрагменты металлургической печи VI-VII вв., обнаруженные в Вышемборке близ Мронгово. Они также умели создавать искусственный холод, смешивая соль и лед [Niekrasz, 2013, 44-55].

Крах Прусской цивилизации начался с образования государства в Польше, экспансии Германии на Запад, создания датской крепости в сегодняшнем Таллине и образования в Риге Ордена меченосцев.

В 1225 г. польский князь Конрад Мазовецкий привел тевтонских рыцарей с целью защиты своих земель от непрерывных вторжений пруссов. Это стало началом конца Пруссии. Затем последовал период длительной борьбы, когда тевтонские рыцари последовательно строили основы своего государства на завоеванных землях с последующим переносом своей столицы из Венеции в Мариенбург (Мальборк). Беженцы из Пруссии нашли приют в соседней Польше, о чем свидетельствует наличие прусских следов в некоторых польских фамилиях. Прусский язык вымер в XVII в. [Прим. 2]. Однако многие его следы сохранились в географических названиях, в том числе Вармия и Мазуры [Srokowski, 1945, 285]. Примером одной из немногих реликвий материальной культуры является каменная «баба», скульптура во дворе Ольштынского замка. Слово «Боруссия» является прекрасным примером того, что модикумы Прусской традиции связывают поляков и немцев вместе – название культурного фонда в Ольштыне и известного футбольного клуба из далекого Дортмунда [Прим. 3].

Поражение в Грюнвальдской битве, одной из крупнейших в Средние века, заставило тевтонских рыцарей перейти к обороне, несмотря на то, что союзные войска короля Ягайло не завоевали Мальборк. Это столкновение можно также рассматривать «как противостояние двух ветвей христианства». Тевтонский орден начал жестокие крестовые походы, преисполненный чувства превосходства, основанного на предположении, что язычники и «неверные» должны быть уничтожены. Напротив, Ягеллоны, в королевствах которых исповедовались разные религии, осуждали и традиции Крестовых походов, и теорию папского суверенитета, целью которых было оправдание жадности ордена. «...На поле боя вместе с поляками сражались православные Русины и мусульманская татарская конница» [Davies, 2010, 634-635].

Образ поляков, пропагандируемый тевтонскими рыцарями как союзников еретиков и язычников, был решительно отвергнут Павлом Влодковицем, ректором Краковской Академии и членом делегации в Совете Констанс. В «Tractatus depotestate papae et imperatoris respectu infidelium» («договор о власти папы и императора над неверными») он придает особое значение вопросам достоинства человека, равенства всех людей, независимо от религии и национальности. Он подчеркивал неотъемлемое право каждого человека на жизнь, личную свободу, свободу совести, уважение собственности и право на защиту этих ценностей. Этот договор он распространил среди государств и народов, подчеркнув, что они также относятся к язычникам и эти неотъемлемые права не могут быть отменены никакими властями, ни светскими, ни церковными [Энциклопедия ..., 2014, 806].

История пруссов может служить прекрасным свидетельством важности интеграции для борьбы с внешними угрозами. Позиция отказа от сотрудничества и ухода в сторону оказалась фатальной в столкновении

с более организованной и технологически доминирующей цивилизацией. Однако другие балты избежали этой участи. Храброе и продолжительное сопротивление пруссов [Прим. 4] дало им необходимое время для образования Великого Княжества Литовского, которое – в результате христианизации и политического союза – вошло в состав Речи Посполитой. Таково влияние этой утраченной цивилизации на историю современной Европы.

Тевтонско-пруско-германское господство

Ряд городов и замков были основаны тевтонскими рыцарями: Хелмно, Торунь, Бранево, Лидзбарк-Варминьский, Фромборк, Дзялдово и Ольштын (нынешняя Польша), Клайпеда (Литва) и Кенигсберг. Развитие Тевтонского государства привело к переносу столицы из Мальборка в Кенигсберг в 1457 г.

История этого города восходит к 1255 г., когда здесь был построен небольшой замок. Название города, Кенигсберг, не происходит, как можно было бы предположить, от немецких колонизаторов, он, вероятно, был назван в честь чешского короля Отакара II [Jasiński, 1994, 12]. Разрастание города и его значения началось в 1525 г., когда Великий Гроссмейстер Альбрехт Гогенцоллерн, последний правитель государства Тевтонского ордена, стал первым принцем светской Пруссии.

Польско-пруссские отношения были урегулированы договором от 8 апреля 1525 г. и действовали до 1657 г. Согласно его положениям, в случае прекращения рода Гогенцоллернов Пруссия должна была войти в состав земель Польской короны. Спустя всего несколько недель этот договор был нарушен переходом в лютеранство. Окончательный разрыв связей с Польшей произошел в результате заключения Велявско-Быдгощского договора (1657 г.), признававшего суверенитет Прусского герцогства. Момент, когда герцог Альбрехт Гогенцоллерн приносит присягу польскому королю на краковском рынке, увековечен на картине Яна Матейко «Прусская дань».

Не прошло и двух месяцев, как князь повелел развесить на дверях церкви плакаты, предписывающие проповедовать «чистые слова Божии», лютеранские. Так, Герцогство Пруссия стала первым лютеранским государством в Европе, а ее столица – убежищем для религиозных беженцев. Основание университета в Кенигсберге в 1544 г. было событием общеевропейского масштаба. Названный «Альбертина», он стал одним из старейших университетов на польских территориях после Ягеллонского университета в Кракове. Университет стал выдающимся центром Лютеранской мысли. Именем его самого знаменитого профессора Иммануила Канта назван университет в Калининграде [Mañek, 2009, 59-60, 231-234].

С XIV в. Кенигсберг стал центром польского населения. Польский Приход Святого Николая был создан спустя несколько лет после принятия новой религии и учреждения польского семинара на Богословском

факультете университета. Кенигсберг стал также важным местом для публикаций на польском языке [Jasiński, 1994, 56-80]. Климат Кенигсберга, тогда многокультурного и многонационального, благоприятствовал культивированию либеральных ценностей. Прекрасный пример тому – Фердинанд Грегоровиус, в то время всемирно известный историк (автор «Истории Рима» в восьми томах), большую часть своей жизни связал с Нидзицей (ныне Вармия и Мазуры). В политической журналистике он был на стороне свободы, которая должна базироваться на конституционных основах – по его мнению, именно так и была создана единая Германия. Свои пропольские симпатии он выразил в эссе «Сущность принадлежности к польской нации» [Прим. 5].

Торжественная коронация Фридриха I в качестве короля Пруссии открыла новую главу в истории. Один из его преемников, Фридрих Великий, заложил основы военного, высоко централизованного государства, которое можно было назвать просвещенным абсолютизмом. Значение Пруссии было усилено социальными реформами: введением народного образования, отменой крепостного права и развитием науки и культуры. Ее сила была продемонстрирована сильной, хорошо обученной армией («Прусская муштра»). Следовательно, Пруссия сыграла важную роль в объединении Германии. После победы во франко-прусской войне в 1871 г. была провозглашена Германская империя. Король Пруссии, Вильгельм I, стал также императором Германии, а Берлин стал столицей империи. Говоря об начале XX в., стоит отметить, что в 1900 г. тремя крупнейшими городами империи были: Берлин, Вроцлав и Кельн. Седьмое место занимал Кенигсберг, 16-е – Гданьск, а 19-е – Познань.

Осенью 1918 г. Германская империя распалась, а в феврале 1919 г. была провозглашена Веймарская республика. Несмотря на потерю значительной части территории в Польше и Литве, Пруссия сохранила внутреннюю независимость, со своим собственным правительством, и сохранила доминирующее положение в Рейхе. Конрад Аденауэр, тогдашний мэр Кельна, воспринял это как угрозу. В качестве председателя государственного совета Пруссии (Preußischer Staatsrat), у него была возможность стать канцлером Германии два раза в 1920 и 1926 гг., но он не был особо заинтересован в этом [Gaziński 2018, 50].

Вопрос о Восточной Пруссии был включен в повестку дня Парижской мирной конференции. Представляя интересы Польши, Роман Дмовский сделал выбор в пользу того, чтобы Вармия и Мазуры отошли к Польше [Gaziński 2019, 301-313]. Однако положения Версальского договора были иными и впоследствии стали одной из причин начала очередной мировой войны.

Польша получила округ Дзялдово, а в Вармии, Мазуре и Повисле (июль 1920 г.) состоялся референдум (выбор: «Польша» или «Пруссия»), в результате которого несколько коммун были приняты в состав

Польши. Контролируемый Лигой наций Клайпедский район в результате восстания присоединился к Литве в 1923 г.

После прихода Гитлера к власти Пруссия утратила свой прежний статус и стала одной из провинций (земель) Третьего Рейха. Всю полноту власти в Восточной Пруссии осуществлял гаулейтер Эрих Кох – после войны приговоренный к смертной казни, умер в тюрьме Барчево в 1986 году. Уже в декабре 1933 года было начато строительство шоссе между Кенигсбергом и Эльблонгом – первое в своем роде предприятие в Третьем Рейхе, в одной из самых бедных провинций Германии. Проведенные мероприятия, получившие название «План Коха», сократили число безработных и привели к улучшению условий жизни.

После начала войны Цехановский и Сувальский районы были включены в состав Восточной Пруссии, а позже стал контролироваться и Белостокский район. Положение губернии укреплялось тем, что гаулейтер Кох занимал должность полномочного представителя Третьего Рейха в Белоруссии. Проблема нехватки рабочей силы, вызванная призывом в армию, была частично решена привлечением примерно 240 000 принудительных рабочих [Саксон, 2011, 42-65].

Дальнейшее развитие Восточной Пруссии невозможно предвидеть, Вторая Мировая война положила конец ее существованию.

Новая реальность – Советская Калининградская область

В начале переговоров «Большой тройки» рассматривался выгодный для Польши послевоенный раздел Пруссии, но под давлением Сталина согласованные договоренности оказались менее благоприятными. Территориальный раздел между Польшей и СССР произошел в результате подписания протокола, который, однако, не уточнял точно линию границы. Это обстоятельство, несомненно, содействовало произвольным нарушениям границы с Советской стороны. Окончательное соглашение о границе было заключено только в 1958 г. [Wojnowski, 2006, 7-14].¹

Также в драматичных обстоятельствах были сформированы восточные границы Пруссии: «либо Клайпедская Земля, по соглашению, будет добровольно присоединена к Германии, либо развитие ситуации приведет к вооруженным действиям против Литвы», – предупреждалось в ультиматуме, предъявленном немцами Литве. Литовские солдаты были выведены 22 марта 1939 г. Через день немецкие войска вошли в Клайпеду, и Адольф Гитлер прибыл из Кенигсберга. Формально гарантируя «статус-кво», западные державы никак не отреагировали.

¹ В данном случае изложена сугубо авторская позиция относительно оценки справедливости территориальных изменений в Европе после окончания Второй мировой войны, а именно территориальных приобретений Польши. В историографии проблемы присутствуют и противоположные точки зрения, исходящие из того, что Польша получила значительную часть территории Восточной Пруссии именно благодаря СССР – прим. ред.

В январе 1945 г. началась операция Третьего Белорусского фронта. 6 апреля, после нескольких дней ожесточенной осады, Кенигсберг был взят.

Поражение немцев положило начало совершенно новой главе в истории города. Поначалу его будущее казалось неясным. Вопрос о послевоенном будущем Восточной Пруссии неоднократно поднимался польским правительством в изгнании, последовательно выступавшим за их включение в состав Польши вместе с Кенигсбергом, что означало бы окончательную ликвидацию «коридора», разделявшего две части Пруссии и вызывавшего острые конфликты [Wrzesiński 1994, 338-372].

Клайпедский край, разросшийся по сравнению с довоенным, вернулся в состав Литвы. В марте 1946 года советские власти предложили передать район Кенигсберга Советской Литве, но в Вильнюсе этой возможностью не воспользовались [Sakson, 2011, 762-763].

Нарушив границы Восточной Пруссии, советские войска вошли на территорию Третьего рейха – эти земли стали считаться военным трофеем и местом возмездия за военные преступления, совершенные немцами. В первые недели совершались многочисленные изнасилования и грабежи. Местное население Восточной Пруссии разделило судьбу потерянной родины. Приближавшаяся линия фронта стала причиной организованных отступлений и стихийного бегства на Запад, с большим количеством жертв, люди проваливались под лед на Висле и тонули в глубинах Балтики – на судах с беженцами, отправленными на дно подводными лодками [Прим. 6].

Первыми поселенцами Калининградской области (названия города и области были изменены на русские в 1946 г.) были военные, как сухопутной армии, так и военно-морского флота, так как первая администрация была образована органами военной власти. Демилитаризованные солдаты также селились там, потому что власти в целях заселения района предоставляли им ряд привилегий. Другой довольно обширной категорией новых жителей, различных национальностей, были бывшие узники нацистских лагерей, военнопленные и подневольные рабочие, которым часто некуда было возвращаться.

Калининградская область была удобной площадкой для реализации социально-инженерного проекта, направленного на создание нового типа «советского человека»:

- отрицание культурного наследия и его уничтожение («расчистка переднего плана»);
- ослабление прежних социальных связей за счет обмена населения (а не за счет контроля со стороны государственного аппарата);
- большая доля молодого поколения, более уязвимого к идеологическому «промыванию мозгов»;
- низкий уровень образования приезжих, зачастую прибывавших из сельской местности.

Государство было единственным источником материальных благ, поэтому жители были более зависимы от него, чем где-либо еще. Подтверждение этому можно найти даже в средствах массовой информации того времени: «с самого начала советские люди в Калининградской области не были связаны узами частной собственности и не имели средств производства» [по данным немецкоязычной газеты «Новое время» за 1948 г. № 29, цитируется по Саксону 2011, 293]. Неудивительно, что в округе было самое большое количество членов партии по сравнению с другими районами Советского Союза. Политика абсолютного атеизма в регионе проводилась с агрессивностью, невиданной даже в советских реалиях. Это был один из немногих регионов, в котором в тот период времени не было ни одной действующей православной церкви.

Новые поселенцы столкнулись с уровнем материальной культуры, который они никогда не встречали раньше [Прим. 7]. Изоляция региона от других частей страны также имела неблагоприятные последствия.

Географическое положение Калининградской области, в частности, предопределило выполнение ею ключевых стратегических оборонных функций и использование данного района в качестве инструмента достижения геополитических целей. Население области было окружено другими народами. Уже в июле 1946 г. область была закрыта – въезд (и выезд) разрешался по специальным пропускам. До 1955 г. не существовало пограничного пункта для въезда в Польшу [Serguin, 2018, 47-58].

Новые перспективы: часть Российской Федерации

Границы Калининградской области определялись историческими событиями. Эта земля исключительно богата природными ресурсами. На территории, составляющей лишь 62% территории Варминско-Мазурского воеводства, скрыто около 90% мировых запасов янтаря. Сырая нефть, каменная соль, торф, бурый уголь и минеральные воды также имеют экономическое значение. Другие преимущества развития региона включают близость рынков Западной и Восточной Европы, благоприятные климатические условия, заповедные зоны и близость к европейским коммуникационным маршрутам [Dudo, 1995, 66-82].

Несмотря на эти условия, регион уступает по уровню развития среднероссийскому. Этот разрыв еще более заметен по сравнению с его соседями, даже не принимая во внимание более благополучные страны Балтийского моря. Это фактор – в большей или меньшей степени, в зависимости от других изменяющихся условий – влияет на его взаимоотношения с Москвой и с европейскими партнерами.

Смелые реформы, начатые Горбачевым и во многом продолженные Ельциным, не принесли, однако, ожидаемых результатов. Разочарования, вызванные ухудшением условий жизни, привели к выдвижению кандидатуры Путина на пост президента. Изначально идея «общего европейского дома» не была ему чужда. Остается открытым вопрос, была

ли это всего лишь искусная игра или его действия были неверно истолкованы [Прим. 7].

Ход событий пугал лидеров западных стран. Отсутствие доверия, сложившееся за десятилетия враждебности, проявилось с обеих сторон. В 1991 г. Европейский совет обратился к Еврокомиссии с просьбой подготовить рамочный проект соглашения с Россией и странами бывшего СССР. Переговоры длились 1,5 года. В июне 1994 г. было подписано соглашение о партнерстве и сотрудничестве – сроком на 10 лет с возможностью его продления. Положения этого соглашения охватывают четыре области: политический диалог, торгово-экономическое сотрудничество, сотрудничество в области науки и техники (включая охрану окружающей среды и энергетику), а также правосудие и внутренние дела. Важным последствием соглашения о партнерстве и сотрудничестве стало создание организационных основ для сотрудничества. Действовать данное соглашение начало лишь спустя 3,5 года, в связи с первыми разногласиями, связанными с началом войны в Чечне [Płaczek, 2003, 71-73].

В результате заключенных соглашений Россия была охвачена сначала общей системой преференций (GSP) по упрощению процедур торговли, а затем программой TACIS (Программа технической помощи Содружеству Независимых Государств). В таком сотрудничестве региональные инициативы приобрели большое значение [Bodio, 2005, 30-37, 116-133].

Местные власти, как в Калининграде, так и в Балтийском регионе, стремятся развивать сотрудничество. Таким импульсом стало первое расширение Европейского Союза в 1995 г. – в результате возникла граница России с Финляндией, протянувшаяся на расстояние 1300 км. Поэтому не случайно инициатива «Северного измерения Европейского союза» была выдвинута Финляндией. Эту инициативу следует рассматривать в более широком контексте концепции Балтийской Европы, охватывающей регионы за пределами Европейского союза. В интеграционных процессах участвует целый ряд институтов, наиболее важными из которых являются: Совет Государств Балтийского моря (СГБМ), организация балтийских портов (BPO), Балтийская ассоциация агентств регионального развития (BARDI), конференция по Субрегиональному сотрудничеству государств Балтийского моря (БССМ) и программа «Видение и стратегии вокруг (региона) Балтийского моря» (BACAБ). Калининградская область все активнее участвует в этих проектах [Palmowski, 2013, 24-263]. По инициативе Польши в 1991 г. был создан Союз балтийских городов – добровольная организация, объединяющая более 100 местных органов власти городов региона [Sójka, 2006, 148-156].

Последующее расширение Европейского Союза 2004 года произошло в более сложной международной обстановке, и Калининградская область превратилась в анклав, окруженный странами ЕС. По этой причине возникли сложные вопросы, такие как визы и транзит, что усложнило «дипломатическую игру» [Качмарский, 2009].

Если сравнивать дипломатическое искусство и профессионализм, то, «первую премию» следует присудить России, по ряду причин. Во-первых, устоявшиеся традиции дипломатии, восходят в этой стране еще к царским временам; во-вторых, в РФ есть единый централизованный политический центр – Москва. В этом контексте Европейский Союз представляет собой пучок слабо объединенных государств.

До сих пор в Союзе не выработаны механизмы достижения единой позиции по международным вопросам, поскольку между государствами - участницами сохраняется слишком много расхождений позиций и интересов, благодаря умелым действиям Кремля. Тактический подход российских властей, довольно часто приносящий предполагаемые результаты, заключается в выработке договоренностей вне структур ЕС (например, переговоры с крупными государствами, такими как Германия).

Следует также отметить привилегии управления президента России и тенденции к централизации в эпоху Путина. В отличие от этого, ЕС по-прежнему страдает от отсутствия основных инструментов для эффективного и быстрого реагирования на происходящие события, как в мире, так и в России.

ЕС ведет себя достаточно сдержанно в отношении Калининградской области, поддерживая двусторонние отношения через Кремль, что приветствуется российской стороной.

Сложность в осуществлении Европейским Союзом своей политики состоит в том, чтобы понять, какие заявления Москвы являются правдой, а какие-то всего лишь политической игрой. Кроме того, Москва умеет хитро разыгрывать «американскую карту». Несмотря на это, можно заметить, что местные власти в Калининграде стремятся к более тесной интеграции, что вызывает сопротивление и сдержанность в Кремле [Żurawski, 2008, 55-100].

Калининградская область глазами жителей Варминско - Мазурского региона

Калининградская область относится к самым малочисленным административно-территориальным единицам Российской Федерации. Она невелика даже по сравнению с Варминско-Мазурским воеводством (табл. 1).

Таблица 1.
Сравнение Калининградской области и Варминско-Мазурского региона (отдельные показатели)

	Калининградская область	Варминско-Мазурское воеводство
Население	1 0002 187	1 428 983
Доля в общей численности населения страны (%)	0.68 (с)	3.7
Продолжительность жизни i) мужчины (годы)	67.9	72.5
Продолжительность жизни	77.5	81.6

ii) женщины (годы)		
Рождаемость (баланс населения)	- 1879	- 1286
Общая площадь (тыс. км ²)	151.3	241.7
Доля в общей площади страны (%)	0.088 (b)	7.7 (a)
Отдельные показатели развития:		
d) а) ВВП (евро/на душу населения в 2016 г.)	5302	8098
e) б) количество коек (гостиниц и др.)	16340	40813
f) в) водопроводные трубы (км/100 км ²)	19.3	68.0
г) использование воды из труб (м ² / на душу населения)	52.2	32.1
д) площадь квартиры или дома (м ² / на душу населения)	28.2	25.0

Источник: Морзе и Плюхин, ред. 2019. (a) Rocznik Statystyczny ... 2019, 26. (b) Palmowski 2013, 28. (c) российская статистика ... 2018, 52.

Сотрудничество в международных и европейских рамках представляет интерес для польских регионов, в частности Вармии и Мазуры, единственных, граничащих с Калининградской областью и имеющих исторически сложившиеся связи, уходящие корнями в прошлое.

Как польские, так и местные власти Ольштына прилагают усилия для установления и поддержания добрососедских связей с Калининградской областью. Эти отношения продолжают развиваться, несмотря на смены правительств, как в Варшаве, так и в Ольштыне. Ухудшение политической обстановки, признаком которой стал конфликт в Грузии в 2008 г., не помешало подписать несколько лет спустя соглашение о местном пограничном сообщении.

Поляки, благодаря соседству, сходству языков и (иногда навязанным) историческим связям, лучше воспринимают особенности российской действительности, чем граждане ЕС из более отдаленных стран [Прим. 9]. Формированию чувства идентичности современных жителей способствует знание истории земель, которые они населяют [Жуковский, 2016]. Напряженные отношения последних лет между ЕС и Россией, вызванные, в том числе, постоянно разгорающимся конфликтом на Украине, не дают возможности спрогнозировать дальнейшие отношения. Сотрудничеству также не способствуют маргинальные, но эхом отдающиеся в «большой политике» голоса экстремистов с обеих сторон [Прим. 10]. Угрозой сотрудничеству и взаимодействию между народами является также явная тенденция централизации власти в Польше во время правления партии «Право и справедливость», то есть с осени 2015 г., а также случаи нарушения законности правителями. Все это нередко сопровождается антироссийской риторикой при отсутствии конструктивного диалога [Прим. 11].

Однако все еще есть надежда, что, как только политические конфликты начнут утихать, местные власти и общины по обе стороны границы ЕС воспользуются возможностями для активизации сотрудничества. Прошлый опыт и восходящая уверенность сами по себе имеют ценность, которую нельзя растрчивать впустую.

Заключительные размышления

Исторический экскурс, изложенный в этой работе, позволяет нам заметить, что то, что мы сегодня называем либерализмом – стремление развиваться, наряду с уважением свободы – является неотъемлемой чертой целых обществ и конкретных людей, в том числе живших в далеком прошлом. Они служат платформой для формирования дружественных отношений с ближайшими и отдаленными соседями, в том числе с теми, которые пересекают границы государств и политических систем. Угрозы развитию, понимаемые в этом контексте – это автократия, чрезмерный централизм, популизм и демагогия, которые имеют разные грани в зависимости от своего исторического контекста. Такое случилось несколько раз в истории интересующих нас земель. Это был прежде всего период тевтонских завоеваний, нацистского национал-социализма в Германии и социализма в Советском Союзе и в странах, находящихся под его влиянием.

Политический прорыв 1990-х гг. открыл новые возможности для сотрудничества Калининградской области с Балтийским регионом, в том числе с его ближайшим соседом – Вармией и Мазурией. Однако существуют трудности и опасности, крайней формой которых может быть переход к функции военного бастиона. Главная причина этого – тенденция к централизму как в Российской Федерации, так и, начиная со смены правительства в 2015 г., в Польше. Мы надеемся, что не увидим на практике этот худший сценарий развития отношений; важной задачей местных обществ является предотвратить это. Их открытость ценностям широко понимаемой свободы и сотрудничество – это все то, что укоренено в лучших традициях либеральной мысли.

История – это не уже написанная книга, она пишется каждым отдельным человеком.

Примечание

1. В польском языке существует четкое различие между коренными жителями этих земель («Prusowie») и народами, поселившимися после («Prusacy»). В английском языке такого различия нет (используется только одно слово: «прусссы»). Некоторые авторы используют название «Prusai» – оригинальное название, на прусском языке, используемое ими самими.

2. Кенигсбергский университет способствовал сохранению утраченного языка. Религиозная терпимость в этом прусском государстве была только по отношению к последователям учения Лютера, католики же подвергались гонениям. «Катехизис» на прусском языке появился уже в 1545 г., вскоре после основания университета. Можно также упомянуть, что в Кенигсберге были изданы первые польские катехизисы и евангельская Песнь. Точно так же Пруссия была предшественницей литовского книгопечатания - первый литовский «Катехизис» был также издан в Кенигсберге, а также (в 1653 г.) «Grammatica Lithuania» – первая грамматика литовского языка [Kossert, 2017, 53-59].

3. Другой пример – активное в Ольштыне научное объединение «Pruthenia», выпускавшее научный журнал под тем же названием. Одной из последних инициатив общества является проект (охватывающий период 2019-2021 гг.) «Балтийская Одиссея – создание единого историко-культурного пространства». Его организаторы ориентированы на достижение «древнейших источников культурной самобытности территорий, расположенных в настоящее время в Северо-Восточной Польше (Варминско-Мазурское воеводство) и России (Калининградская область)», и он осуществляется в тесном сотрудничестве с российскими партнерами из Зеленоградска и Калининграда [Прутения].

4. Литературное отображение этого жестокого столкновения двух культур можно найти в романе Stężala „Wojna bogów”.

5. «Жизнь и деятельность Фердинанда Грегоровиуса, можно прочесть в «предисловии», доказали, что, будучи немецким патриотом, можно быть и активным другом Польши» [Gregorovius, 1991, XXX].

6. Наиболее известным является потопление корабля «Вильгельм Густлофф». 9343 жертвы, самое большое число за всю историю мирового судоходства. В свое последнее путешествие 10 274 человека отправились на двух других кораблях – «Гойя» и «Штойбен» (Sasin 2011, 111-112). В романе Нобелевского лауреата из Гданьска (Данциг) можно найти литературную картину трагедии «Вильгельм Густлофф» [Grass 2002].

7. Разнообразие с точки зрения богатства, образования и уровня цивилизации также касалось переселенцев в Вармию и Мазуры, как написано в свидетельстве одного переселенца из польской восточной пограничной области: «люди, которые пришли сюда из-за войны и ее бедствий, все еще ездили на деревянных осях и пахали деревянным

плугом. Они видели кирпичные дома, изразцовые печи внутри, в своих квартирах, а в Беларуси в 90% случаев у них не было деревянных полов в избах. А также 90% белорусских крестьян, отправившихся в Польшу, впервые ехали на поезде» [Murawska 2000, 67].

8. В книге под красноречивым названием «О России по-другому» ее автор прямо заявляет: «западные политики и аналитики не могли поверить в свой успех, что за падением СССР в конце 1991 г. нет другого дна ... что Советский Союз что-то скрывает, делает вид, а на самом деле готовится к возмездию». И заключает: «СССР не потерпел поражения, а вышел из войны с «новым политическим мышлением», которое должно было открыть эру конструктивного международного сотрудничества ... большая ошибка американской политики состояла в том, что она считала это новое мышление наивным». Стоит добавить, что такое же обвинение в непонимании России в недоверия к ней автор предъявляет и польским властям [Walicki 2019, 34, 42, 26]).

9. Что связывает общества бывшей Восточной Пруссии – это их трудная история после Второй мировой войны: и поляк Браконекский, и немец Липшнер родились в одном городе – их дни рождения разделены тяготами военного времени. В «антологии» приводятся воспоминания представителей трех национальностей, судьбы которых связаны с этой землей: поляков, немцев и русских [Brakoniecki, Lipschner, 1999].

10. Голоса экстремистов не способствуют добрососедскому сотрудничеству, даже если они маргинальны, они оказывают свое негативное влияние на общую политику: те в Калининградской области, кто поддается фантазиям об отделении от Российской Федерации, или же поляки в Польше, подпитывая настроения об угрозе со стороны своего восточного соседа и питаясь иллюзиями о возможности изменения границ в результате конфликта. «Jedna bomba atomowa – i wróćimy już do Lwowa!» «Один взрыв атомной бомбы – и Львов наш – как в прошлом!»

11. Бывший министр иностранных дел Польши профессор Адам Ротфельд на вопрос во время одной из своих лекций, проводит ли Польша внешнюю политику по отношению к Российской Федерации, после минутного колебания пояснил: «если она и существует, то настолько скрытая, что я о ней ничего не знаю».

Научное издание

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ РОССИЙСКОГО
ЛИБЕРАЛИЗМА СЕРЕДИНЫ XVIII –
НАЧАЛА XX вв.**

«XII МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Материалы
Международной научной конференции
9-10 октября 2020 г., г. Орёл

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора Д.В. Аронова

Печатается в авторской редакции

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»
302026, г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95,
oreluniver.ru.

Подписано к печати 11.11.2020. Формат 60 x 84 1/16.
Усл. печ. л Тираж 100 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
ООО «Типография «Вариант»,
г. Орёл, ул. 3-я Курская, 20 [www. variant-orel.ru](http://www.variant-orel.ru)